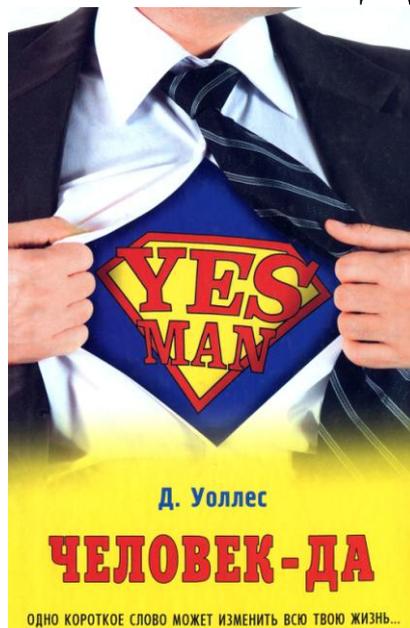

Д. Уоллес ЧЕЛОВЕК-ДА

Дэнни Уоллес на все отвечал отказом. Отказывал друзьям и коллегам, отказывался вечерами выходить из дому, говорил «нет» самому себе. И жизнь его была скучна. Брошенный своей возлюбленной, он стоял на дороге, которая вела в никуда. И только когда некий загадочный человек, с которым он как-то вечером ехал в автобусе, произнес три магических слова, его жизнь начала меняться...

... «ЧАЩЕ ГОВОРИ «ДА».

Дэнни так и поступил. Он стал отвечать согласием друзьям и незнакомым людям, соглашался на все, что предлагала реклама. Он стал отвечать согласием на все!

Эта книга — история о том, как одно короткое слово способно изменить твою жизнь...

Посвящение

Маме, папе и Сэмми

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, КОГДА ТЫ РЕШАЕШЬ СКАЗАТЬ... «ДА»

Мудрец способен в одной песчинке
разглядеть целую вселенную.
Глупец просто ляжет на водоросли
и начнет кататься,
пока полностью ими не обмотается.
Потом встанет и скажет:
«Эй, смотрите: я — человек-лиана».
Джек Хенди

Пролог В котором мы обрисовываем ситуацию

Через двадцать минут наступит полночь. Я стою под дождем у дома богатого банкира в Лас-Вегасе. Проверяю карманы. В них все, что мне нужно. Фотографии. Ключи от машины. Серебряные карманные часы. И, самое главное, — оружие. Потому что меня попросили убить человека. И я согласился.

Гм.

На самом деле я там не стою. И никогда не стоял.

Имел я в виду следующее: когда вас в последний раз просили убить человека? Со мной такое случается крайне редко. И, говоря по чести, я даже не уверен, что смог бы это сделать. Если б сегодня вы попросили меня убить неугодного вам человека, я бы наверняка отказался — категорически. И даже если бы стал интересоваться подробностями, мой ответ все равно, вероятно, был бы отрицательным.

«Нет, — сказал бы я. — Разве нельзя уладить разногласия с этим человеком каким-то другим способом?»

И вы поняли бы, к чему я клоню, и сказали бы:

«Конечно, можно. Пожалуй, лучше обыграй-ка его в шахматы». — И вы, пристыженный, пошли бы прочь, поражаясь моей мудрости.

Нет. Я могу смело признать, что никогда не убивал человека. Во всяком случае, умышленно. И вынудил вас представить, как я готовлюсь совершить грязное убийство в Лас-Вегасе, с одной-единственной целью: чтобы дать понять, как могла бы сложиться моя судьба. Как могла бы начаться эта история. Я стою под дождем, с оружием в руке, готовый выполнить ужасную и зловещую миссию. А я ненавижу дождь. И с оружием в руках выгляжу круглым идиотом. И ни за что не рискнул бы выйти на улицу в Лас-Вегасе после полуночи. И к убийству как методу решения проблем отношусь неодобрительно. Да и вообще не знаю, откуда взялись серебряные карманные часы.

Так что, слава Богу, история, которую я хочу вам рассказать, начинается иначе. Однако в этой истории мне пришлось посетить весьма необычные места, встретиться с необычными людьми и совершить необычные поступки. События этой моей истории происходили не так давно. Развивались на протяжении нескольких месяцев. На протяжении нескольких месяцев, которые изменили не только мою жизнь, но и весь мой образ жизни, мое отношение к жизни.

Мне остается только выразить благодарность всем тем людям, которым я посвятил следующие несколько сот страниц. Их имена подлинны. Исключение составляют лишь те случаи, когда я изменял имя или деталь, дабы избавить кого-то от смущения, или — как в случае с одним из центральных персонажей — потому, что меня о том попросили, считая, что это круто. Также, боюсь, порой мне приходилось сдвигать какое-то событие в несколько иное время или место... но это ради вашего же блага. Я не хочу, чтобы вы заснули за чтением моей книги. Ибо мне нужно донести до вас нечто очень важное.

В основе книги материалы дневника. Некоторые из них я использовал в более полном объеме, чем другие, некоторые вообще не включил в повествование, а некоторые переписал слово в слово. Я всем рекомендую вести дневник. Дневник — это здорово.

И последнее: сделайте мне одолжение. Читая эту книгу — даже если это займет много времени и где бы вы ее ни читали, — помечайте, сколько раз вы ответили согласием на то или иное предложение. И подумайте о том, к чему могли бы привести эти ваши «да». Возможно, однажды вам это пригодится.

Кстати, сегодня вы выглядите замечательно.

Дэнни Уоллес

*Санкт-Петербург,
июнь 2005 г.*

12 января

Я начал вести дневник, дабы зафиксировать все, что происходит в моей жизни. И когда-нибудь я буду рад, что записал все это для потомков. Если вы историк из будущего, не тратьте время на выражения благодарности. Лучше посвятите его чтению моих мыслей и философских воззрений.

Итак, с ручкой в руке, я говорю: Жизнь, я готов к испытаниям, которые ты ниспослешь мне!

19 января

Пока ничего.

ГЛАВА 1

С которой начинается повествование

Трудно поверить, что автобус — обычный красный лондонский автобус — может изменить твою жизнь. И тем не менее.

Конечно, есть и другие причины того, что в итоге произошло. Я не утверждаю, что виной всему автобус. Но автобус сыграл немаловажную роль. Вернее, если быть точным, человек, сидевший в автобусе рядом со мной. Вот он, рядом — листает «Ивнинг стандарт»¹, то и дело поглядывая на свои дешевые черные часы, и даже не догадывается, сколь неожиданное воздействие оказала на меня фраза, которую он произнес буквально считанные секунды назад.

Знаете, так бывает в мультиках, когда показывают, как на дурака внезапно нисходит озарение: он купается в золотистом сиянии, льющемся с небес, на его лице умиротворение, а вокруг поют ангелы.

Жизнь, разумеется, не мультик. Начнем с того, что я сижу в переполненном автобусе, едушем по улицам лон-

донского Ист-Энда, и соответственно омывает меня не золотистое сияние, а смрад из пота и кашля.

И все же это прозрение. И я улыбаюсь — от того, что услышал, от того, что узнал. Интересно, кто-нибудь еще в автобусе чувствует то же самое? Я украдкой огляделся вокруг. А вдруг и на моих попутчиков произвела впечатление простая фраза этого человека — фраза, преисполненная надежды, и оптимизма, и всего того, что я доселе, оказывается, не принимал во внимание?

Увы, нет. Похоже, кроме меня, ни на кого. Впрочем, это не беда. Время у них есть.

А вот для меня этот человек, что сидит рядом... он изменил все.

— Возможно, это был Христос, — предположил Иан, ставя на стол кружку с пивом. Мы с ним сидели в пабе «Йоркшир грей», и он уже был под хмельком. — Или Будда! Черт, я был бы не прочь познакомиться с Буддой. Вид у него на редкость забавный. А тот мужик как выглядел? Если с бородой, то наверняка Христос; если с пузом, вероятно, Будда.

— Борода у него была, но не как у Христа.

— А пузо? — спросил Иан, глядя на меня с надеждой в глазах. — У него было пузо, как у Будды?

— Уверяю тебя, это был не Будда, а обычный индус. Звали его Махди, как-то так.

— «Махди» звучит почти как «Христос».

— Вовсе нет. И это был не Христос. И зачем Христос вдруг оказался бы в Бетнал-Грин?

— В Бетнал-Грин есть хорошие магазины уцененных товаров.

— Христос — сын Господа, Иан. Ему не нужны магазины уцененных товаров.

— Черт, ты только представь, сколько б бабок водилось у тебя в карманах, будь ты сын Господа.

— Иан... Я пытаюсь рассказать тебе про поворотный момент в моей жизни, а ты талдычишь про Христа в дешевом магазине.

— Извини, продолжай. Значит, на прошлой неделе ты встретил в автобусе мужика, который не был ни Божеством, ни сыном Господа, и еще у тебя был твой дневник, так?

Да. И еще мой дневник. Одна из главных причин того, что произошло, — почти столь же важная, как и автобус. Дневник, который тогда я только-только начал вести, — дабы не забыть все то замечательное, что делал. Не забыть то восхитительное, безумное, неопределенное время. Очень важное для меня время, беззаботное время, время, которое я, оглядываясь назад, называю лучшей порой моей жизни.

Правда, листая дневник, я понимаю, что забывать-то нечего. Вернее, нечего помнить.

В прошлом году все было по-другому. Прошлый год был годом приключений. Годом веселья. Годом друзей. Но я также постепенно начал сознавать, по прошествии полугода, что все мои рассказы — о событиях прошлого года. И воспоминания тоже. Я путешествовал по великолепию прошлого, упиваясь блаженством лучших времен. Нет, пожалуй, это не совсем верно. Точнее, совсем неверно. Я блаженствовал, не выходя из дома.

Несколько месяцев я томился под гнетом впечатления, будто все в моей жизни замечательно. Я холост, мне двадцать пять лет, живу в одном из самых волнующих городов мира. А оказалось, я, холостяк, сижу в трусах в своей квартире.

Кризис двадцатипятилетнего возраста — весьма странное чувство. Однажды я его уже испытал, но тогда жизнь моя не имела определенной направленности. В те же дни я знал, куда двигаюсь. Точно знал. По наклонной, вниз.

В своем воображении я представлял себя молодым лондонцем, пробивным горожанином. В своем воображении я все время куда-то бежал, действовал, всегда был в гуще событий. Мне казалось, я сошел прямо с рекламного плаката. Возможно, я даже думал, что у меня есть мопед.

Как же глубоко я заблуждался. Особенно относительно мопеда.

И именно это я наконец-то пойму, когда приду домой после разговора с тем человеком в автобусе.

Разговорились мы случайно.

До того момента это был обычный будний день. Я работал в Уэст-Энде. После работы, как всегда, помчался в метро, надеясь добраться домой до часа пик. Очень уж не хотелось трястись в переполненном вагоне, утыкаясь лицом в чью-нибудь грудь, и резаться о бумагу каждый раз, когда кто-то стоящий рядом переворачивал книжную страницу.

Мы — я и этот человек — стояли на платформе Центральной линии², ожидая поезда, который должен был доставить нас из Холборна в Ист-Энд. Вдруг динамик захрипел, и трескучий голос сообщил, что объявлена тревога. Нас попросили покинуть метро. Наше путешествие домой затягивалось на час. Нам предлагалось выйти на улицу, втиснуться в автобусы, которые бы очень медленно поползли по запруженным дорогам под проливным дождем, везя нас домой.

Мы с тем мужчиной, вскинув брови, переглянулись и улыгнулись, будто говоря: «Да-а, к чему катится мир», но друг другу не сказали ни слова. Просто стали подниматься к выходу, как добропорядочные, законопослушные британцы, каковыми мы и были на самом деле.

— И погодка в самый раз! — заметил мой попутчик, когда мы вышли на улицу и под косым дождем затрусили к автобусу. Я рассмеялся — пожалуй, слишком громко. Мы показали свои проездные водителю и влезли в автобус, набитый возмущенными пассажирами.

Через десять минут и три остановки мы нашли для себя по сидячему месту и еще через десять минут разговорились.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал я.

— В Олдгейт, — ответил мой попутчик.

Как оказалось, он был учителем.

И я вдруг неожиданно стал его учеником.

— Так чему он тебя научил? — спросил Иан.

— Скажу через минуту.

— Нет, скажи прямо сейчас. Мне не терпится узнать; какую мудрость он тебе передал, так что ты в срочном порядке пригласил меня сюда.

— Я тебя сюда не «приглашал».

— Ты по электронке сообщил мне, что твоя жизнь полностью изменилась, и сказал, что хочешь встречаться чаще.

— Это вряд ли можно назвать приглашением. Скорее, я имел в виду: «Не желаешь ли выпить пивка?»

— Прекрасно. Желаю. Спасибо.

Я вздохнул, поднялся и пошел за пивом.

Теперь, по зрелом размышлении, я понимаю, что мое падение по спирали началось после того, как меня в конце осени бросила моя подруга. Для меня это был шок, сокрушительный удар, перетряхнувший мои взгляды на жизнь.

Только не думайте, будто я помешан на своей бывшей подруге. Это не история об одержимости, сожалении и попытке вернуть утраченную любовь. Хорошего охотника из меня никогда не получилось бы, поскольку по натуре я человек не очень энергичный, да и бинокля приличного у меня нет.

Просто когда тебя неожиданно бросают, начинаешь задумываться о будущем. Я не говорю, что три года, проведенные с Ханной, были пустой тратой времени. Вовсе нет. То была замечательная пора теплых нежных отношений. Я только хочу сказать, что после разрыва с близким человеком начинаешь анализировать события минувших лет и задаешься вопросом: «И что теперь?»

Так что за две недели мне пришлось повзрослеть на три года. Я вновь стал свободным художником — устроился внештатным продюсером радиопрограмм на Би-би-си. Оформил ипотечный кредит. Оформил пенсию. Начал ходить по магазинам «Хабитат»3 и «ИКЕА». Стал экспериментировать с макаронными изделиями — готовил новые потрясающие блюда. Купил дуршлаг, освежитель воздуха, авторучку. Научился гладить. Даже приобрел комнатное растение.

В общем-то, все это были незначительные перемены. Но вскоре, сам того не сознавая, я развил в себе склонность к домоседству. Стал заниматься ерундой, халтурно выполнял свою работу. Ходил сутулясь. Если не ходил, то дремал или торчал перед телевизором, переключая каналы. Ко всему остальному у меня пропал интерес. Я превратился в человека, который способен увильнуть от выполнения прежде данного обещания. Который заранее чувствует, что его хотят куда-то пригласить, и ловко уклоняется от приглашения. В человека, который с радостью готов променять вечер в пабе на серию телефильма «Жители Ист-Энда»3. Который вместо того, чтобы пойти на день рождения, отправляет поздравление по электронной почте. Который посылает SMS-сообщения вместо того, чтобы позвонить, и звонит вместо того, чтобы нанести визит. Я превратился в человека, который постоянно прибегает к невинной лжи. В человека, у которого всегда есть отговорка. В человека, который всегда отвечает отказом.

И я был абсолютно счастлив. Счастлив тем, что я — это я, собственной персоной, сам глажу свои вещи. Счастлив до того вечера, когда оказался в автобусе рядом с тем человеком.

— Ну хорошо, — сказал Иан. — Значит, там был тот человек. И ты сидел рядом с ним. То есть это все-таки, что называется, не классический анекдот.

— Важно то, что он сказал мне, Иан.

— Да, это я уже слышал. Но что конкретно он тебе сказал? Что такого он сказал, что изменило твою жизнь? На данный момент мне известно одно: тот человек тебе что-то сказал.

— Наберись терпения.

— Он тебе сказал: «Наберись терпения»?

— Нет, это я тебе говорю. А он сказал нечто более важное.

— И что же?

Первыми на мои странности обратили внимание друзья. Они заметили, что я изменился, реже общаюсь с ними, гораздо чаще говорю «нет».

Конечно, от случая к случаю я все же проводил вечер в пабе и всегда соглашался, что нам нужно чаще встречаться, но мне все как-то было недосуг. То я слишком устал, то собирался что-то посмотреть по телевизору или просто хотел побыть один. Я и сам толком не понимал, что со мной. Но меня — вот что удивительно — это нисколько не удручало. Во всяком случае, пока это со мной происходило. Грустно мне стало только тогда, когда я наконец-то осознал, что мое поведение не лучшим образом отражается на моих

отношениях с друзьями, которых я постоянно подводил или раздражал, или разочаровывал, или даже терял. Но в то время я ничего не замечал. Печально было то, что отвечать отказом вошло у меня в привычку.

— Ага! Я так и знал! — воскликнул Иан, тыча мне пальцем чуть ли не в лицо. — Я знал, что ты просто отделиваешься отговорками!

— Ты прав. Извини.

— В тот вечер, когда ты сказал, что не можешь прийти, потому что победил в конкурсе за право познакомиться с Лайонелом Ричи4, это была отговорка?

— Да.

— А когда отказался прийти, сославшись на то, что якобы случайно вывихнул все суставы на ногах?

— Это была явная ложь. Мне очень жаль. Но больше отговорок не будет. Честное слово, Иан. Я теперь другой человек.

— Господи, Дэн... в тот вечер, когда я прислал к тебе Ханну и она лишь предположила, что ты выдумываешь отговорки, ты ведь оскорбился до глубины души!

Иана беспокоило, что я стал редко появляться на людях, и он решил взять инициативу в свои руки. Буквально через день он придумывал какую-то новую идею, дабы выманить меня из дома. Он засыпал меня посланиями по электронной почте или по мобильнику или оставлял ворчливое сообщение на моем автоответчике.

«Дэнни, — говорилось в них, — я знаю, что ты дома. Спросишь, откуда я это знаю? Да потому что ты всегда дома. Ты не берешь трубку, так как боишься, что я приглашу тебя на вечеринку. Я тебя приглашаю. Мы будем в пабе с восьми. Жду не дожусь твоего стандартного текстового сообщения, в котором ты извиняешься за то, что не можешь прийти, и желаешь нам хорошо провести время. Пока».

Я, естественно, начинал злиться и писал в ответ: «**ВООБЩЕ-ТО Я НЕ ДОМА. ДОМА МЕНЯ НЕТ. НО ПРИЙТИ Я НЕ МОГУ. ИЗВИНИ. РАЗВЛЕКАЙТЕСЬ**». И только потом до меня доходило, что он оставил сообщение на домашнем автоответчике, и, раз я его прослушал, значит, я дома. Я краснел, а Иан присылал мне ответное сообщение, в котором обзывал меня кретинком.

Но однажды вечером он наткнулся на Ханну и поделился с ней своими тревогами. В ту пятницу, вечером, часов в девять или в десять, она неожиданно появилась на пороге моего дома с бутылкой вина.

— Итак, в чем дело? — спросила Ханна. Ладонью она смахнула с дивана засохшие рисинки и села.

— Это ты о чем?

— О тебе. Что с тобой случилось?

Пока я обдумывал ее вопрос, Ханна наполнила бокалы. Мне было невдомек, что она имеет в виду. Я глянул на себя в зеркало, ища перемены в своей внешности. Может, кто-то нарисовал тигра на моем лице или привязал к моим ушам воздушные шары?

— Ничего со мной не случилось, Ханна.

— Да, пожалуй.

— Я тебя не понимаю.

— А что тут понимать? С тобой, Дэн, ничего не случилось. Судя по всему, теперь с тобой вообще ничего не случается. Твои друзья волнуются. Где ты был последние полгода?

— Здесь, — недоуменно произнес я. — Я был прямо вот здесь!

— Вот именно. Ты был здесь. Где ты был в день рождения Стива?

— Я был... занят! — солгал я, судорожно вспоминая, какую отговорку я придумал в тот раз. — Ходил на выставку «Женщины и война».

Я никогда не утверждал, что отказывался от встреч по уважительным причинам.

— Ладно. А где ты был, когда все остальные веселились на мальчишнике, который устроил Том накануне своей свадьбы?

— У меня и тогда были дела. Я очень занятой человек, Ханна. Посмотри на меня.

Не знаю, зачем я попросил Ханну посмотреть на меня. Я не был похож на очень уж занятого человека. Выглядел я так, будто только что встал с постели.

— Ты занят не больше, чем твои друзья. Все мы работаем, Дэн, но при этом каждый из нас находит время на другие дела. Ты обособился, и мы все тревожимся за тебя. Ты перестал веселиться.

— Неправда! У меня масса развлечений! И масса новых занятных хобби!

— Каких, например?

Я судорожно искал ответ. Разумеется, у меня есть увлечения! Как же без них? Просто с ходу я не могу привести пример. Ханна застала меня врасплох, только и всего. Но ведь должно же быть что-то, что мне нравится делать.

— Я... люблю тосты, — ответил я.

— Значит, ты любишь тосты, — повторила Ханна. Ей, как норвежке, был свойственен педантизм.

— Да, но не только, — оправдывающимся тоном произнес я. — Я еще много чего люблю.

— Например?

Я быстро соображал. Что еще забавно?

— Тематические парки.

— Ясно, — сказала Ханна. — Значит, ты ел тосты и посещал тематические парки, так?

— Да.
— На протяжении полугода.
— Время от времени.
— Вообще-то, ты терпеть не можешь тематические парки, — заметила она. — И что это за тематические парки?

— Что?
— Какие тематические парки ты посещал?

Думаю, она меня раскусила. Я обвел взглядом комнату, ища подсказку среди предметов обстановки.

— «Путешествие... по полкам».

— Что-что?

Я прокашлялся.

— «Путешествие по полкам».

— «Путешествие по полкам»?

— Угу.

Ханна пригубила бокал с вином. Я тоже. Свой бокал — не ее. Если б я глотнул вина из ее бокала, это Бог знает к чему могло бы привести.

— А еще какие? — наконец спросила она. Я видел, что ей очень хочется загнать меня в угол. — Или ты ходил только в один тематический парк — «Путешествие по полкам»?

— Значит, про «Путешествие по полкам» ты тоже выдумал! Я так и знал! — воскликнул Иан.

— Конечно, выдумал! Как можно путешествовать по полкам?

— То-то я ни слова про этот парк не мог найти в Интернете. А ведь Ханна тоже поняла, что ты сочиняешь, знаешь, да?

— Догадался, — ответил я.

— А что произошло потом?

— Это все из-за нас, да, Дэн? — спросила Ханна, складывая в коридоре свои вещи. — Потому что мы расстались?

Я не знал, что ответить, и потому промолчал.

— Такое впечатление, что теперь ты делаешь все то, о чем я раньше тебя тщетно просила... Устроился на работу, взял ипотечный кредит, больше бываешь дома... Ты ведь делаешь это... не ради меня, нет?

Я едва заметно улыбнулся.

— Нет, Ханна. Не волнуйся.

— Потому что, знаешь, теперь, после того, как мы расстались, ты можешь делать все то, что меня обычно раздражало. Можешь приходить домой пьяным когда угодно, можешь сколько угодно воплощать в жизнь свои глупые мальчишеские проекты.

— Ханна, с нами это никак не связано...

— Ты же понимаешь, только оттого что ты изменился, вместе мы все равно быть не можем.

— Понимаю.

— Хотя ты все-таки и купил жидкое мыло в ванную.

— Знаю, — сказал я.

— С помощью чеснокодавki любовь не вернешь.

— Это что — норвежская поговорка?

— Нет. Просто я увидела у тебя на кухне чеснокодавку.

— Надо же, а я и не знал, что это чеснокодавка. Нет, конечно, с помощью чеснокодавki любовь не вернешь. Правда, я даже не знаю, как ею давить чеснок.

— Что ж, ладно. — Ханна открыла дверь, собираясь уходить. — И все же послушай моего совета. Будь познергичней. Хватит сидеть дома. Хватит придумывать отговорки и говорить «нет» всем и каждому. Потому что ты говоришь «нет» не только своим друзьям — ты говоришь «нет» самому себе.

Я на секунду задумался, вспоминая, из какого произведения эта цитата.

— Это из «Досонз-Крик»⁵, что ли?

— Точно, — подтвердила Ханна.

— Что ж, бывай.

— Пока.

— Слушай, Дэн, — рассердился Иан, — объяснишь ты наконец, что сказал тебе тот чертов мужик в автобусе, или мне следует договориться с тобой о новой встрече?

— Ладно, так и быть.

Я поставил пиво на стол и посмотрел Иану в глаза.

— Он сказал: «Чаще говори "да"».

Я вновь взял бокал с пивом и отпил глоток. Вскинул брови, давая понять Иану, что ему следует выразить восхищение, но тот почему-то ждал продолжения. Что тут скажешь? Это проблема всех представителей поколения, воспитанного на MTV. Чувство удовлетворенности им не знакомо.

— И это все? — недоуменно спросил он. — «Чаще говори "да"»?

— Угу. — Я улыбнулся. — Это все.

Эта фраза с легкостью слетела с языка моего попутчика в автобусе, будто он всю жизнь только ее и произносил.

— Чаще говори «да», — сказал он.

— Чаще говори «да», — повторил я. Три коротких слова, а сколько в них мощи!

— Апатичные люди всегда говорят «нет», — произнес он минутой раньше, и я, потрясенный, повернулся к нему, весь обратившись в слух. — Но самые счастливые те, кто понимает, что хорошее происходит с ними тогда, когда они позволяют этому случиться.

Вот так.

Эти его слова перевернули мою жизнь. Несколько тонких замечаний из уст совершенно незнакомого мне человека. Попутчика в автобусе. Да еще с бородой. Это шло вразрез со всеми моими принципами. Если в детстве в меня что-то и удалось вдолбить, так это, пожалуй, только одно: никогда не слушай бородатых незнакомцев.

Признаюсь честно: в то мгновение у меня возникло весьма странное ощущение. Мне казалось, будто я мальчик-каратист из известного фильма, сижу рядом со своим учителем, мистером Мияге. Еще несколько минут назад мы празднично болтали о том о сем, рассказывали друг другу, как проводим время, а потом вдруг этот худосочный бородатый мужчина сразил меня наповал философской истиной.

Совпадение? Трудно сказать. Неужели его слова и впрямь предназначались именно мне, проистекли из нашего разговора, или он сболтнул их просто так, для поддержания беседы. Будь я в другом настроении, возможно, я со смехом отмахнулся бы от его слов или уткнулся бы в газету, а то и вовсе притворился бы, будто ничего не слышал. Но в свете того, что произошло, вернее, того, что не произошло, и посему взволновало моих друзей, эти слова оказали на меня необычное воздействие, затронули важные струны в моей душе.

Чаще говори «да».

Вот тогда-то на меня и снизошло озарение.

— В жизни не слышал такой чертовской глупости, — как всегда, «дипломатично» заявил Иан. — Какой-то алкаш в автобусе сболтнул непонятную чушь, и ты теперь утверждаешь, что его слова изменили твою жизнь? Почему ты не слушаешь меня, когда я пьян?

— Потому что ты, когда пьян, обычно твердишь про то, что нужно купить жилой автоприцеп и двинуть в Дорсет.

— А что, отличная идея. Ты только подумай...

— К тому же он не был пьян. Мы рассказывали друг другу про то, чем занимались на той неделе. И, по моему, он слушал меня с большим интересом.

— И что же ты ему рассказал?

— Что я почти не выхожу из дома. Почти ничего не делаю. Рано ложусь спать.

— И все?

— В общем-то, да.

По сути, так оно и было. Дело в том, что мой попутчик, вероятно, даже не догадывался, какой эффект возымели его слова. Просто я сам хотел принять решение, сам в глубине души жаждал перемен. И его слова лишь послужили катализатором, который заставил меня действовать. Я был бы рад утверждать, что он был шаман, духовный наставник, ниспосланный мне судьбой, чтобы сдвинуть меня с мертвой точки. Мне не хотелось в это верить, но, скорей всего, он был самый обычный человек. Случайный попутчик, с которым мне довелось ехать в автобусе. Просто разговорчивый. И мудрый.

— По мне, так он совсем не похож на Христа, — сказал Иан. — Разве что бородой.

— А я и не говорил, что это был Христос!

— И на Буму тоже не похож, если уж на то пошло. Будда, наверное, просто улыбался бы. Или повел бы тебя в хороший ресторан. Будда умеет радоваться жизни.

— Иан, послушай. Это был не Христос. И не Будда. Это был обычный человек, с которым мне случилось ехать в автобусе.

— Тогда почему ты так серьезно воспринял его слова?

— Потому что он был прав. И ты был прав. И Ханна была права. Просто ни один из вас не понимает, насколько вы были правы.

— И что ты этим хочешь сказать? Что теперь начнешь чаще говорить «да»? Так, что ли?

— Да, я на все буду говорить «да».

— На все? Как это «на все»?

— А вот так. Отныне я на все буду отвечать согласием.

Иан изумленно смотрел на меня.

— И когда начнешь?

— Вопрос в самую точку, — сказал я, допивая пиво и глядя ему прямо в лицо. — Я уже начал.

ГЛАВА 2

В которой Дэниел приходит

в крайнее возбуждение

Вот оно.

Вот оно, черт побери.

Я еще не мог подобрать определения этому «оно», но понимал, что нащупал нечто важное, и, ей-Богу, уже одного этого было достаточно.

Прошло всего десять минут с того момента, как мой случайный попутчик в автобусе произнес свою мудрую фразу, которая меня взволновала. И вдохновила. У меня участилось дыхание, потому что, когда я взволнован и вдохновлен, я обычно пытаюсь скакать по лестницам, хотя, казалось бы, должен понимать, что живу на четвертом этаже и не следовало бы мне так перенапрягаться.

Но сейчас мне было наплевать на то, что от натуги у меня покраснело лицо и на лбу проступила испарина. То, что мужчина в автобусе сказал мне, задело меня за живое. Да не просто задело. Заставило задуматься. Знаю, это прозвучит странно и, возможно, покажется вам бессмысленным, но те три слова... сотворили что-то.

Положили начало чему-то. Имели особый смысл. Такое впечатление, будто мой попутчик знал обо мне нечто такое, что мне самому было неизвестно. В общем-то, это малоприятная ситуация, если только не выясняется, что постороннему человеку известно о тебе нечто чудесное. Например, что ты матадор или что когда-то ты освободил

рабов. В этом случае ты испытываешь благодарность к незнакомцу, указавшему тебе на твои достоинства.

Но то, на что указал мне мой попутчик, достоинством никак не назовешь. Он обратил мое внимание на тревожную тенденцию. На нечто такое, что нужно изменить. И, к счастью, подсказал, как это сделать. Он даровал мне мгновение полной, счастливой ясности.

Я теперь улыбался. Скалился во весь рот, входя в квартиру, включая чайник, беря кружку. Будь я более женоподобный мужчина, пожалуй, я, наверное, еще и пританцовывал бы, хотя, подозреваю, из меня вышел бы вполне рассудительный женоподобный мужчина, и я не стал бы пританцовывать вокруг кипящей воды и, вне сомнения, прежде поставил бы на стол кружку.

Я мерил шагами кухню, размышляя, вновь и вновь прокручивая в голове события этого вечера, и буквально перед тем, как щелкнул чайник, осознал кое-что.

Прозрел.

Увидел не только то, что меня окружает.

Понял, что я делал неправильно.

Четко представил, какой должна быть моя жизнь.

Я стоял на пороге открытия. Но порой, дабы увидеть, что ждет тебя впереди, нужно посмотреть назад. Поэтому я пошел и взял свой дневник. И, хоть я и догадывался, что мне предстоит увидеть, все равно был шокирован увиденным.

Потому что я не увидел ничего.

По сути, ничего.

Ничего, кроме упущенных возможностей. И пустых мест. И небрежных записей о том, как я куда-то не пошел или не смог пойти. Уйма пустот. Пропасть невинной лжи.

Я пропустил дни рождения. Пропустил пикники. Пропустил много разных вечеринок. Пропустил ужины с друзьями. Пропустил вечера в пабе. Боже, я пропустил устроенный Томом мальчишник. Держу пари, это было незабываемое мероприятие. Наверное, они все собрались, выкрасили его гениталии в синий цвет и пристегнули его наручниками в вагоне-ресторане. Внезапно и мне захотелось принять в этом участие. Я хотел раскрашивать мужские гениталии в синий цвет и пристегивать своих друзей наручниками в вагоне-ресторане.

И не только это... Я хотел делать все, что по своей же вине не сделал. Хотел повернуть время вспять и кричать «Да! Да!» в ответ на все предложения, которые я отверг. Причем не только на те, в которых речь шла о больших вечеринках, крупных мероприятиях и шумных торжествах... но и на те, что касались пустячных, простых, обыденных вещей, которые порой имеют гораздо большее значение.

Я читал и перечитывал свой дневник. Ханна была права. Иан был прав. Все были правы. Кроме меня. Просматривая записи, сделанные за последние месяцы, я с ужасом осознал, что, пожалуй, самым волнующим днем за этот период оказался для меня день 18 апреля, когда я ходил покупать картридж для принтера в магазине «Мир компьютеров». А на самом деле, что в нем было волнующего? Конечно, если очень захотеть, я, наверное, смог бы выцедить из событий того дня короткий анекдот... И все же это не те события, о которых стоит рассказывать внукам.

Стоп. Какие внуки? Мне уже двадцать пять лет, а внуков у меня нет даже и в проекте! Кому я стану рассказывать свои истории, когда состарюсь? Кого я стану развлекать рассказами о своих коротких скучных визитах в магазин компьютерной техники, где меня однажды заставили поволноваться, когда выяснилось, что нужного мне картриджа нет в продаже, но в итоге все кончилось хорошо: картридж нашли?

И кто подарит мне внуков? По идее, мой ребенок. Но кто родит мне ребенка? А вдруг я уже упустил женщину своей мечты! Может, она была где-то рядом, все ждала и ждала меня, а потом устала ждать и уехала. Может, она работала в вагоне-ресторане как раз в тот вечер, когда Тому красили в синий цвет его гениталии! Во всяком случае, в магазине компьютерной техники ее уж точно не было!

Мой душевный подъем обернулся паникой. Кто знает, что уже я пропустил в этой жизни? Я никогда не узнаю, что могло бы произойти, кого я мог бы встретить, что мог бы сделать, где мог бы оказаться, как могла

бы повернуться моя жизнь. А мои друзья... скольких я уже потерял? Сколько человек уже привыкли к тому, что я не общаюсь с ними, и забыли про меня?

Я ужасно злился на себя. Ведь я впустию прожил целых полгода. Целых полгода выброшены на ветер. В мусорную корзину. Целых полгода растрочены на тосты и сидение перед телевизором вечерами. Все это записано — вернее, не записано — здесь — черным по белому, а также синим и красным. Каждый пробел был мне словно пощечина.

Я должен вырваться из этой пустоты. Должен отказаться от бесцельного существования и начать жить в полную силу.

Теперь это было очевидно.

Чаще говори «да».

Я стану чаще говорить «да». Это вытащит меня из болота рутины. Вернет мне вкус к жизни. Я обрету свое прежнее «я». Мое «я», которое впало в летаргический сон в тот день, когда меня бросили. Мне просто нужен маленький толчок. Маленькое забавное приключение. Можно расценивать это как эксперимент. Исследование собственного поведения — на позитивность, возможности и перспективы.

Да, серьезная заявка. Нечто более значительное, чем то, что Ханна назвала бы «глупым мальчишеским проектом», потому что теперь... теперь я намерен целиком изменить свой образ жизни.

Я судорожно соображал. А что? Может, и получится. Только вот с чего начать? Как я стану чаще говорить «да»?

Нужно действовать незамедлительно, решил я. Если сумею хотя бы день прожить в таком ключе, проблема исчезнет сама собой. Буду ходить всюду, куда бы меня ни приглашали; буду встречаться со всеми, кто захочет со мной пообщаться, — в общем, положусь на волю судьбы. Сугки буду плыть по течению, на все отвечая согласием. Глядишь, Его Величество Случай и выведет меня из кризиса двадцатипятилетнего возраста.

Всего один день. Да. Один день. День непрерывного позитивизма. Вряд ли мне это повредит. Целый день буду говорить «да». На все соглашаться. Абсолютно на все.

На один день я стану человеком, который на все отвечает согласием.

Да.

— Здравствуйте. Можно поговорить с мистером Уоллесом?

— Да!

— Здравствуйте, мистер Уоллес. Вас беспокоят из лондонской фирмы «Марк 1», занимающейся остеклением. Вы не уделите мне минуту вашего времени, сэр, чтобы поговорить об установке стеклопакетов?

— Да!

— Вы вообще когда-нибудь думали о том, чтобы установить на окнах в своем доме или в квартире стеклопакеты?

— Да!

— И вас, очевидно, отпугивали высокие цены?

— Да, отпугивали. Да.

— Позвольте спросить, мистер Уоллес, не заинтересованы ли вы в том, чтобы мы бесплатно произвели оценку стоимости установки стеклопакетов в вашем доме? При чем вас это ни к чему не обязывает.

— Да, заинтересован!

— Прекрасно... что ж, мы готовы прислать к вам нашего представителя. Вы можете назвать удобное для вас время?

— Да.

— Хмм... и... когда же это?

— А когда вы можете прийти?

— Скажем, во вторник вас устроит, мистер Уоллес?

— Да. Во вторник. Замечательно.

— В два часа дня?

— Да.

— Хорошо, записываю... так, во вторник, в...

— Да... только должен предупредить... у меня уже везде стоят стеклопакеты.

— У вас стоят... простите?

— В моей квартире на всех окнах уже стоят стеклопакеты.

— Ага... так... простите, я не...

— Я же сказал: у меня уже есть стеклопакеты. Только это ничего не значит — присылайте своего представителя. Знаете, в жизни следует использовать любую возможность. Все самое замечательное происходит с нами тогда, когда мы говорим «да». Мне это объяснил один человек, с которым я недавно ехал в автобусе. А теперь я и сам это понимаю.

— Так, подождите... зачем вы хотите узнать стоимость установки стеклопакетов, если они у вас уже стоят?

— Ну, вы предложили, я и...

— По-моему, мы с вами зря тратим время, мистер Уоллес...

— Я просто подумал, что это будет здорово. Вы придете ко мне, выскажете свое мнение о моих стеклопакетах, мы попьем чаю. А потом, если у вас будет желание, произведете оценку стоимости.

— Знаете, мне пора, мистер Уоллес, хорошо?

— Да.

Вот так и начался мой эксперимент: своим необъяснимым желанием обсудить все аспекты установки стеклопакетов я поверг в недоумение шустрого агента.

Я проснулся всего за несколько минут до звонка и теперь широко улыбался, лежа в постели. В голове моей роились мысли. Что делать? Куда пойти? С чего начать?

Впрочем, решать не мне. Не я заказываю музыку. Посмотрим, как будут развиваться события. В общем, поживем-увидим. Я встал и включил компьютер, надеясь, что он предоставит мне массу возможностей, которые еще накануне я с ходу отметал. По электронной почте мне пришло несколько сообщений. Я быстро их просмотрел.

Одно было от Ханны. Могли бы мы поболтать? Да.

Другое — от моего доброго друга Уэга. Не желаю я как-нибудь выпить с ним пива? Желаю.

Еще одно — от совершенно незнакомого человека. Не хотел бы я иметь пенис побольше?

Хот... стоп. От кого это?

Хочешь, чтоб твой пенис стал больше? Новая технология увеличения пениса позволяет многим мужчинам вроде тебя...

А-а, реклама. И все же пусть уж лучше это будет реклама, чем пожелание от бывшей подружки. Я подвел курсор к кнопке «удалить» — мгновенная реакция, выработанная в результате уничтожения тысяч подобных сообщений, которые приходили мне прежде. И осекся. Нет, так не пойдет. Другой был уговор. У меня теперь другая позиция. Другой настрой.

И я сказал «да». И рассмеялся. Потом щелкнул по соединению, вписал данные своей кредитной карты и заказал Чудесный Увеличитель Пениса. Вреда ведь не будет, верно? Если, конечно, правильно его присобачить.

Я налил в чайник воду и стал шарить в буфете, ища что-нибудь поесть. Нашел маленький пакетик рисовых хлопьев — я и не знал, что они у меня есть — и очень обрадовался.

Я вернулся к компьютеру, надеясь, что за те пять минут, что прошли с того момента, как я отправил сообщения Ханне и Уэгу, они прислали мне ответы с указанием места и времени встречи. Увы, ответов от них не было. Я решил, что незачем ждать у моря погоды. Сел за компьютер, составил письмо и разослал его всем друзьям, которых я подвел, которым отказал или которых давно не видел.

И вот что я написал:

>Кому: Другьям

>От кого: от Дэнни

>Тема: Я, ты и мы

Привет!

Послушайте, давненько не общались. Моя вина. Каюсь. Но я теперь другой человек. В общем-то, опять стал таким, каким был прежде. Так что если хотите встретиться... дайте знать.

Ваш друг (надеюсь)

Дэнни

У меня было странное чувство, будто я излечился. И я решил усилить результат. Позвонил Ханне.

— Привет, Ханна. Это Дэнни.

— Привет, Дэн. Получил мое сообщение?

— Получил. Отвечаю: Да. Я был бы рад встретиться с тобой и поболтать.

— Ладно... где-нибудь за чашечкой кофе? Сегодня?

— Да.

— В четыре?

— Отлично.

— Тогда встречаемся на выходе из метро «Ковент-Гарден». Идет?

— Вполне. До встречи.

Здорово! Раз — и готово! Только что безо всяких усилий я устроил встречу со своей бывшей подружкой. Если бы я состоял в организации взрослых скаутов — при условии, что таковая существует, — меня бы там за это непременно наградили знаком отличия.

Затем я позвонил Уэгу.

— Уэг! Уэгги! Уэгги-да-да-да!

К сожалению, это говорил не я. Так Уэг предпочитает отвечать на телефонные звонки.

— Привет, Уэг... Я получил твое сообщение. И я не прочь как-нибудь выпить с тобой пива. Где и когда?

Предлагай.

— Круто... а давай сегодня?

— Не возражаю.

Ууух. Так, стоп. Я начал сознавать, что, машинально отвечая согласием на всякое предложение, я могу

угодить в весьма непростую ситуацию. Что делать, если Уэг предложит встретиться за чашечкой кофе в 4 часа в Ковент-Гарден?

— Давай, может, в семь попьем пивка в пабе «Лошадь и конюх» ?

Слава Богу, что Уэг — мужик.

— По рукам.

Все шло как по маслу. Просто здорово.

Договорившись о встречах, я спустился к магазинчику на углу, чтобы купить молока и пару газет. Я уже чувствовал себя так, будто заново родился на свет, очевидно, поэтому купил также баночку натурального йогурта и свежавыжатый апельсиновый сок. Обычно, когда у меня такое настроение, я начинаю подумывать о том, чтобы пойти в тренажерный зал или приобрести собаку и погулять с ней, — в общем, хочу заниматься тем, что делают пижоны из рекламных каталогов. Ничего подобного я давно уже не испытывал.

Вернувшись домой, я налил себе чаю, взял газеты, сел и посмотрел на часы. Полдень. До первой встречи еще целых четыре часа. Можно расслабиться.

Но я не хотел расслабляться. Я хотел действовать. И на все соглашаться. Впрочем, еще успею, рассудил я.

Я начал листать «Гардиан»⁶, но потом понял, что обманываю себя, и взял «Сан»⁷. Мне было жаль, что я не принадлежу к тому типу людей, которые сначала читают «Гардиан», а потом уж «Сан», но даже в детстве я предпочитал сначала полакомиться шоколадным муссом, а потом уж принимался за здоровую пищу.

Я с интересом прочитал забавную статью про молодого шотландца, который пытался в бурю запустить воздушного змея и в результате пролетел вместе с ним три четверти мили. Потом перевернул страницу и на следующей, в верхней ее части, увидел в рамочке...

У ВАС ЕСТЬ ИЗОБРЕТЕНИЕ?

Мною овладело возбуждение. Нет, по сути, изобретения у меня нет. Я вообще никогда ничего не изобретал. Но это крошечное рекламное объявление предоставляет мне шанс.

Возможность попробовать себя в чем-то новом. Я мог бы что-нибудь изобрести! Может, для того и я родился! Чтобы стать изобретателем!

Я вырвал из газеты объявление и заново его перечитал. Эту рекламу поместил американский институт по вопросам патентного права и права товарных знаков, предлагавший начинающим изобретателям помощь в продвижении их блестящих идей. То, что надо! Осталось только позвонить им и попросить, чтобы прислали информационные материалы. Что я и сделал. Меня заверили, что материалы сейчас же отправят, и спустя пять минут я уже вновь мог расслабиться.

Я дочитал «Сан», взял «Гардиан», опять положил и решил, что отправлюсь в город чуть раньше, чем планировал.

«Миррор»⁸ я всегда смогу купить по дороге.

День выдался солнечный, и Лондон казался другим. Это был яркий, красочный город. Даже дорога к станции метро — под сводом железнодорожного моста, где стоял оглушительный грохот, по пустынным улицам, по разбитым тротуарам с лужами и пучками пожухлой травы — наполнилась для меня очарованием.

И вот я уже иду от Лестер-сквер к станции метро «Ковент-Гарден». Меня распирает гордость от того, что я лондонец. С тех пор как я вышел из дому, мне еще ни разу не представилась возможность сказать «да», но вот я завернул за угол...

— Чашку чая, пожалуйста, — обратился я к продавцу закулочной.

— С сахаром? — уточнил он.

— Нет, спасибо.

— Пятьдесят пенсов, будьте добры. — Продавец поставил передо мной полистироловый стаканчик.

Я полез в карман за мелочью и вдруг понял, что допустил большую ошибку. Надеюсь, вы извините мне эту оплошность, ведь я двадцать лет пил чай без сахара.

— Простите, вы спросили, положить ли мне сахар...

— Да, — подтвердил продавец. — И вы отказались.

— Знаю. Но... не могли бы вы спросить меня еще раз? — Я пододвинул к нему свой стакан с чаем.

— Э...?

— Пожалуйста, спросите еще раз, нужно ли положить сахар.

Продавец нахмурился, но сделал мне одолжение. Взял стаканчик и спросил:

— С сахаром?

Я прокашлялся.

— Да, пожалуйста.

— Сколько ложек?

Я тоже нахмурился.

— Не знаю. Я не пью с сахаром.

Теперь мы оба хмурились.

— Положите на свой вкус, — сказал я, пожимая плечами.

Не отрывая глаз от моего лица, продавец медленно и осторожно положил в мой стакан три полных, с горкой,

чайных ложки сахара.

— Столько хватит?

— Да, — ответил я. — Большое спасибо.

Теперь я понимаю, что, по меркам искусства современных европейских баек, эта история про сахар, пожалуй, самая что ни на есть заурядная и что половина из вас, познакомившись с ней, возможно, не устоят перед соблазном вернуться на несколько страниц назад, дабы еще раз с удовольствием перечитать «шедевр» про компьютерный магазин, но для меня это происшествие имеет огромное значение. Я давно пью чай. Много пью. И в тот раз впервые сознательно попросил, чтобы мне подсластили чай. Для меня это много значит — символизирует то, что я готов изменить даже самые насущные, привычные стороны своего повседневного быта. Это открытие глубоко взволновало меня.

Со стаканом сладкого чая в руке я покинул закусную и продолжил свой путь в направлении Ковент-Гарден. Мое внимание привлек уличный циркач, жонглировавший мячиками. Он выронил мячи, а какой-то мальчишка едва не убежал с одним из них. Я на секунду остановился, наблюдая эту сцену, и вдруг услышал, как ко мне кто-то обращается.

— Простите, сэр, не уделите мне пару минут?

— Уделю, — ответил я, мгновенно преисполняясь ликования. Я повернулся на голос и увидел рыжеволосую кудрявую женщину. Она была маленького росточка, но вся так и дышала и энергией. В руках у нее была папка.

— Прекрасно! С вашего позволения я немного расскажу вам об организации «Помощь престарелым».

Спустя десять минут мы уже оживленно обсуждали проблемы стариков. Я подписался на участие в программе «Возьми шефство над бабушкой» и обязался отчислять несколько фунтов из своего ежемесячного жалования на содержание некой почтенной старушки. Главным образом, потому, что моя собеседница начинала свои предложения словами «А не заинтересованы ли вы в том...», и я неизменно отвечал: «Да». Но я ни о чем не жалел. В конце концов, благодаря мне какой-нибудь пожилой женщине отныне не придется беспокоиться о том, где взять денег. Я попрощался с энергичной рыжеволосой женщиной и опять зашагал к станции метро. Близилось время встречи с Ханной, и я хотел прежде заглянуть в несколько модных магазинов. Но потом справа от себя я вновь услышал чей-то голос:

— Простите, сэр, не уделите мне пару минут?

Я был уверен, что уже слышал эти слова. Причем не так давно.

Я повернулся и увидел высоченного мужчину с длинным носом. На нем был ярко зеленый нагрудник с надписью «Возьми шефство над бабушкой».

— Э... да, но...

— Прекрасно! С вашего позволения я немного расскажу вам об организации «Помощь престарелым».

И стал рассказывать.

— Значит, ты опоздал, потому что...

— Брал шефство над бабушками.

— И как я сразу не догадалась? — усмехнулась Ханна. Мы направились к ближайшему кафе. — В наши дни почти все только из-за этого и опаздывают. Ладно, как бы то ни было, я рада нашей встрече. Давненько не виделись.

После разрыва — эта фраза мне нравится гораздо больше, чем «после того, как меня бросили» — мы с Ханной остались очень хорошими друзьями. Мы стали обедать вместе каждую неделю, а иногда, если получалось, вместе заходили куда-нибудь выпить, хотя в последнее время встречались значительно реже. В принципе, это вполне объяснимо, рассудил я. Ханна сосредоточилась на своей карьере, ну а я, конечно, ел тосты.

— Как Лиззи? — спросила Ханна. Я улыбнулся.

После того как мы с Ханной расстались, ни она, ни я не спешили заводить новые отношения с противоположным полом. Правда, я ненадолго сблизился с одной девушкой — чудесной девушкой по имени Лиззи. Но она, конечно, оставила меня. Не потому что мы надоели друг другу. Просто через десять дней после нашего знакомства Лиззи пришлось вернуться туда, откуда она приехала. В Австралию. Это очень далеко — дальше не бывает. Мы продолжали поддерживать связь по электронной почте, от случая к случаю перезванивались, но оба понимали, что, при всей нашей обоюдной симпатии, ситуация у нас тупиковая.

— Тебе она нравилась, верно? — спросила Ханна.

— Да, — подтвердил я. — Нравилась. Классная девчонка.

Ханна была замечательной возлюбленной. И еще более замечательной бывшей возлюбленной. Когда я поведал ей про неудачу с Лиззи, она проявила ко мне внимание, оказала поддержку. Что еще лучше, меня самого в подобное положение она никогда не ставила. После разрыва с кем-либо наступает такое время, когда ты искренне надеешься, что твоя бывшая партнерша будет так сильно скучать по тебе, что прямиком отправится в ближайший монастырь. Ханна в затворничество не ударилась, но и ревнивица не стала во мне пробуждать.

— Знаю, с Лиззи у тебя так ничего и не вышло, — сказала она, — но ты бы хотел, чтоб вы были вместе, верно?

— Ну... да, — ответил я. — Хотел бы.

Приятно, что Ханна переживает за меня, подумал я.

— Много времени прошло с тех пор, как мы с тобой разбежались, да...

— Да... пожалуй.

Внезапно мне подумалось, что Ханна неспроста затеяла этот разговор. Создавалось впечатление, будто она собирается сказать мне что-то важное. В общем-то, я был в том уверен, потому что она стала теревить салфетку и все время отводила взгляд. Когда ужинаешь с Ханной, надо непременно наблюдать за ее поведением. Наличие этих признаков может означать, что до десерта вы не досидите. Но что же у нее на уме?

— Я понимаю, нет нужды спрашивать тебя, Дэн... но дело в том... мы были вместе довольно долго, и мне будет спокойнее, если я скажу это сейчас, буду с тобой откровенна...

Ну и ну! И вдруг я понял. Ханна сейчас скажет, что она хочет ко мне вернуться!

— И... в общем... Господи, какая глупость... не понимаю, чего я так нервничаю...

Чтоб мне провалиться! Так и есть! Сейчас она скажет, что хочет ко мне вернуться! А я что отвечу? Что я чувствую?

— Я знаю, что ты ответишь, Дэн. Просто хочу услышать это от тебя...

Да, ее взгляд полнится любовью... Она умеет скрывать свои чувства, но я вижу ее насквозь, — возможно, как раз это ей больше всего во мне и нравится.

— ...только будь абсолютно честен...

Боже, как ей, наверное, тяжело. Она наконец-то осознала, что совершила самую большую ошибку в своей жизни, и теперь вынуждена умолять меня, чтобы мы снова были вместе... Я не должен ее спугнуть...

— Все нормально, Ханна. Ты можешь говорить со мной о чем угодно.

Она стиснула мою руку.

— Ты не будешь против, если я стану встречаться с кем-нибудь?

О.

— Ну вот, сказала-таки. — Улыбаясь, она откинулась на стуле.

Я растерялся. Ханна с кем-то познакомилась. Господи Иисусе. Что ей ответить? Очевидно, я должен улыбнуться и выразить восхищение. Но, черт побери, она просит моего благословения. Девушка, с которой я встречался три года, девушка, которая бросила меня, просит моего благословения! Ну и дела! Конец света!

Кто ее новая пассия? А может, у них уже далеко зашло? Боже, только не это! Неужели Ханна помолвлена? Не исключено, что она уже беременна. А он, наверное, потрясающий мужик. Возможно, барон или еще какая шишка! Держу пари, он миллионер. Красавчик, живет в замке. И если б ему на каком-нибудь приеме предложили приобрести Чудесный Увеличитель Пениса, он, наверное, от души бы расхохотался, словно ничего более глупого в жизни не слышал. Я его ненавидел. Сволочь.

— Дэнни? — окликнула меня Ханна. — О чем задумался?

Я очнулся от своих мыслей.

— Да так, просто подумал, что он, возможно, барон.

Ханна улыбнулась.

— Нет, он не барон.

Как ни странно, я испытал облегчение.

— Но мне он нравится. Чем-то тебя напоминает. Только чуть... проще.

— Ну... это...

— Знаю, знаю. Ты рад за меня. Как же иначе?

Да, я был рад за Ханну. И абсолютно спокоен. В сущности, чем больше Ханна говорила о своем новом парне, тем спокойнее я себя чувствовал. Сейчас в самый раз продолжить свой эксперимент со словом «да», думал я. Ответить согласием. Это лучшее, что могло бы произойти. Поворотный момент в моей жизни. Я прощаюсь со старым, начинаю новый жизненный этап.

— Дэнни? Ты что молчишь? — Ханна озабоченно смотрела на меня. — Ты не против того, чтобы я с кем-нибудь встречалась?

Я уж собрался было мотнуть головой и с улыбкой сказать: «Ханна, это просто здорово. Давай, прибирай к рукам этого парня».

И вдруг сообразил, что она сказала — вернее, как поставила вопрос, — и мне стало не по себе.

— Извини, не расслышал, — произнес я, пытаясь выиграть время, но все равно уже было поздно.

— Я сказала: ты не против того, чтобы я с кем-нибудь встречалась?

Улыбка, озарившая лицо Ханны, мгновенно угасла на ее губах.

— Да.

Она сощурилась.

— Что значит «да»?

— Я ответил на твой вопрос.

— Так ты не возражаешь или возражаешь?

Мне кажется, вид у меня стал немного испуганный.

Да.

Ханна в недоумении открыла рот.

— Значит, возражаешь? Ты против того, чтобы я с кем-нибудь встречалась?

О Боже.

— Да.

Господи, что за бред я несу? И Ханна тоже хороша. Талдычит одно и то же. Как будто нельзя задать вопрос иначе.

Вид у Ханны был изумленный. Потрясенный.

— Я в шоке, — сказала она. А я почувствовал себя последним подлецом.

— Я просто пытаюсь быть более позитивным, — заявил я в свое оправдание.

— Да разве это позитив?! Это сплошной негатив! Как ты мог так сказать? Как мог ты ответить, что возражаешь? Ведь я-то не упрекала тебя, когда ты начал встречаться с Лиззи. Напротив, я старалась тебя поддержать!

— Ну... понимаешь, все зависит от того, как ты ставишь вопрос... Если б ты спросила: «Ты согласен, чтобы я стала встречаться с этим парнем?», тогда я определенно ответил бы: «Да»...

— Вот оно что. Значит, по-твоему, мне нужно твое благословение? Понятно. Ты возомнил себя Господом Богом. Выходит, я должна получить твое благословение на то, чтобы начать встречаться с кем-то? Ты это хочешь сказать, Дэнни?

— Ханна, прошу тебя, перестань задавать мне вопросы...

— Я не нуждаюсь в твоём благословении! Ясно?

Ура! Я спасен!

— Да! Да, ясно!

— И ты это признаешь?

— Да! В полной мере! Да.

— Прекрасно. Тогда я еще раз спрашиваю тебя: ты против того, чтобы я встречалась с этим человеком?

Я сделал глубокий вдох.

— Да.

Скажу не таясь: встреча с Ханной могла бы пройти и лучше. Будь я членом организации взрослых скаутов, — при условии, что таковая существует, — меня бы из нее поперли. Хотя не сомневаюсь, что мне досталась бы главная награда за умение злить женщин, если б такая существовала.

Идея отвечать на все «да» была неплохой, но требовала доработки. Я начинал понимать, что, отвечая согласиём всем и каждому, наживу себе неприятности. Кроме того, дополнительные трудности возникали и из-за того, что я никого не посвящал, в свой план, хотя, если бы о нем узнали, у меня появились бы еще более сложные проблемы...

Я подумал, что сейчас неплохо бы выпить.

Позвонил Уэгу.

— Слушай, — сказал я, — может, встретимся чуть раньше?

— Когда? — спросил Уэг.

— Через час?

— Ладно, до встречи.

— Ты опоздал, — заметил Уэг, ставя на стол свой бокал с пивом.

— Извини, — сказал я, отдуваясь, и сел рядом с ним.

На встречу с Уэгом я опоздал на двадцать минут, потому что, когда я выходил из метро, какой-то мужчина, сидящий на ступеньках, спросил, нет ли у меня лишней мелочи. Я сказал: «Да» и отдал всю мелочь, какая у меня была. Спустя пять минут еще один мужчина, мимо которого я проходил, спросил, нет ли у меня лишней мелочи. Но, поскольку всю имеющуюся у меня мелочь я отдал первому мужчине, мне пришлось взять деньги из банкомата, а потом искать магазин, дабы купить там что-нибудь и получить на сдачу «лишнюю» мелочь, которую я мог бы отдать второму мужчине. А после того, как я все это сделал, я опять натолкнулся на первого попрошайку, который меня не узнал и опять попросил лишнюю мелочь.

Уэг удивленно смотрел на меня.

— А почему ты просто не сказал: «нет»?

Хороший вопрос. Я попытался увести разговор в сторону.

— Красивый галстук, — сказал я.

— На мне нет галстука.

Возникло неловкое молчание.

— Так ты заказал мне пиво? — наконец спросил я.

— Да, — ответил Уэг. — Только я уже его выпил.

— А-а.

— Твоя очередь.

— Да.

Я пошел заказывать пиво.

Мы с Уэгом сидели в углу паба «Лошадь и конюх» и мирно потягивали пиво. Он мой хороший друг. Как и я, любит настольный футбол и беседы на интеллектуальные темы. Мы с ним познакомились на одной свадьбе пару лет назад и с тех пор активно общались. Обсуждали то-сё, в том числе его успешную карьеру на музыкальном поприще. Он собирался отправиться в Германию в качестве инженера с группой «Бастед», а

недавно совершил турне по этой же стране с группой «Райт Сед Фред» (хотя в разговорах он почему-то забывает упомянуть об этом). У Уэга весьма своеобразные взгляды на жизнь, которые мы тоже затрагивали в наших беседах. В частности, он искренне верит в то, что его стрижка — «рыбка» — однажды станет последним криком моды, и ему нужно только подождать. А еще он глубоко убежден, что однажды мужчины тоже начнут вынашивать детей, хотя пока и женщины вполне успешно с этим справляются. Правда, с Уэгом, пожалуй, не стоило обсуждать мои проблемы с Ханной, но это я понял позже...

— Ты одно должен понять, Дэнни, — говорил он, — ты тяжел на подъем. Лиззи заставила тебя встрепенуться, но у вас, к сожалению, ничего не вышло. И поэтому теперь ты обижаешься на Ханну за то, что она пытается устроить свою жизнь. Я правильно мыслю?

Уэг мысленно не в том ключе, но я, следуя своему новому правилу, кивнул.

— Я молодчина, да? Просто супер! — похвалил себя Уэг.

Я опять кивнул и сказал:

— Да.

— Если покопаешься в себе, то поймешь, что это все из-за Лиззи, — продолжал Уэг. — Давай попробую объяснить...

Я задумался о своем...

Не сочтите мои слова за банальность, но я влюбился в Лиззи в тот момент, когда она взяла свою сумочку и показала мне снимок, на котором была запечатлена крупная креветка.

— *Моя любимая, — сказала она. — Смотри, какая здоровая.*

Это было на третий день Рождества. Мы с нашими общими друзьями сидели в небольшом пабе на углу Брик-лейн.

— *Похоже на здоровенную креветку, — отозвался я.*

— *Покажи ему другое фото, — предложил Роан, парень, который привел нас всех в тот паб. — То, что с большим яйцом.*

— *Ой, да Дэнни вряд ли это будет интересно, — сказала Лиззи. — Что там смотреть? Обычное большое яйцо.*

Но я проявил интерес. Мне и в самом деле хотелось взглянуть на это фото.

Лиззи пошарила в сумочке и извлекла на свет снимок с изображением крупного яйца, который сделала сама.

— *Вообще-то, теперь этого яйца там нет, — сообщила она. — Оно находилось в Джилонге — это неподалеку от того места, где я жила, — но по настоянию общественности его оттуда убрали.*

Я рассматривал большое яйцо. Как и креветка, оно было довольно крупное, только больше похоже на яйцо, чем на креветку.

— *Ты, наверно, думаешь: «Вот дура. Таскает в сумочке фотографии больших яиц и креветок», — предположила Лиззи.*

Я так вовсе не думал. Я считал, что это круто.

— Поэтому, друг мой, ты никогда не женишься. Во всяком случае, на женщине.

— Прости, что?

— Ты вообще слушал меня?

— Да.

— И что я сказал?

Я понятия не имел.

— Что-то про женщин?

Уэг фыркнул и закатил глаза.

— Извини, — сказал я. — Просто я... знаешь... думал о Лиззи.

— А-а. Тогда ладно.

— После разговора с Ханной нахлынули воспоминания. Хотя, знаешь, я сейчас на перепутье. Я это чувствую, Уэг. Я меняюсь, и это хороший знак. Отъезд Лиззи стал для меня еще одним поводом, чтобы залечь на дно, не выходить из дому. Представь мое состояние. Одна девушка бросила. Другая — чудесная девушка — уехала; мы с ней даже не успели покадриться.

— С таким настроением, старик, тебе ничего не светит. Бабы будут бросать тебя еще до того, как ты с ними познакомишься, — «утешил» Уэг. — Возможно, уже бросают. Прямо в эту самую минуту, по всей стране, десятки женщин бросают тебя направо и налево и даже не удосуживаются сказать тебе об этом. Возможно, у них даже есть твои любимые компакт-диски, и они поливают тебя грязью в разговоре с вашими общими друзьями, о существовании которых ты не подозреваешь.

— Спасибо за поддержку, Уэг.

Он улыбнулся, как бы говоря: «Не дрейфь, старик». Сегодня Уэг был в приподнятом настроении. Мы пили, смеялись, опять пили. Главным образом, потому что он неустанно повторял: «Ну что, еще по пинте?», и я неизменно отвечал: «Да».

И с каждым глотком чувствовал себя немного лучше.

— Ну... а у тебя есть фотографии других громадин? — спросил я, когда мы покинули паб и зашагали по

Брик-лейн. — Или ты снимаешь только кровати и яйца?

— С собой нет, — сказала Лиззи. — Но если хочешь, я могу принести. У меня есть снимок с большим ананасом...

— Замечательно. Фотография большого ананаса — это то, что надо.

Лиззи улыбнулась.

— Ладно. Ты завтра здесь будешь? Идешь к Роану на Новый год?

— Да, конечно.

Я мысленно отметил, что нужно спросить у Роана, где и когда он собирает гостей и можно ли мне тоже прийти на вечеринку, поскольку я уже успел отказаться от приглашения. Как обычно.

— Здорово. Ну а я принесу фото с большим ананасом, — пообещала Лиззи, садясь в такси. — И, если тебе повезет, — добавила она перед тем, как захлопнуть дверцу, — я принесу еще снимок с большой коровой...

Думаю, справедливости ради нужно сказать, что еще ни разу в жизни я так сильно не желал увидеть фотографию большой коровы.

— Ну что, теперь в клуб, да? — спросил Уэг, когда наконец-то прозвенел звонок, оповещающий о скором закрытии паба.

— Да, — уверенно ответил я, как человек, на все сто убежденный в правильности принятого решения.

Уэг опешил.

— Что?

— Да. Идем в клуб. Да.

— В клуб?

— Да.

На лице Уэга отразилось замешательство. Я, конечно, был немного пьян, зато избавился от сомнений и горел воодушевлением. Надо же, всего несколько пинт пива, и я уже рвусь в бой. Просто удивительно.

— В какой клуб?

— У?

— В какой клуб ты собрался?

— Идея твоя, — напомнил я. — Ты предложил пойти в клуб.

— Серьезно?

— Да. Ты всегда зовешь в клуб!

— Ну... только потому, что не ожидал, что ты согласишься! С каких это пор тебя потянуло в клубы? С чего вдруг ты захотел пойти в клуб?

— Потому что ты предложил, Уэг. Пошли. Субботний вечер. Мы в центре Лондона. Нам по двадцать шесть лет. Чем еще нам заниматься, как не по клубам ходить?

— Но... уже почти одиннадцать! Какой бес в тебя вселился?

— Я же сказал! Жизнь дана для того, чтобы жить! Незнакомые люди — это твои друзья, с которыми ты просто еще не успел подружиться! Порой самое опасное — вообще не рисковать!

— Ишь ты, как запел!

— Да.

Уэг с беспокойством смотрел на меня.

— Ты спросил: пойдём в клуб, приятель? Я ответил: да. Так что давай, веди, — сказал я.

И мы пошли искать клуб.

— Так... все эти фотографии громадин... это... твое хобби? — нерешительно поинтересовался я.

— Нет, что ты, — улыбнулась Лиззи. — Эти снимки мне прислали братья. Вроде шутки. И это не просто громадины. Это Громадины. С большой буквы «Г».

— А почему ты решила, что я произнес это слово с маленькой буквы?

— Решила, и все.

— Громадины, — повторил я со значением, пытаясь озвучить заглавную букву

— Эти снимки прислали братья. Чтобы напомнить мне о доме. Им кажется, что они забавны. А я считаю, что это дурь.

— А по-моему, это... круто, — сказал я и тотчас же пожалел о своих словах.

— В Австралии Громадин много, всюду встречаются. Почему-то громадины — это чисто австралийская реалья.

— Чтобы создать что-то воистину монументальное...

Лиззи вручила мне еще один снимок.

— Скалки?

— Ага. Скалки, бананы, бочки, омары, коалы...

— Ну да, — сказал я. — А что, большой коала... в этом есть смысл. Коалы водятся только в Австралии.

— Да, Большой Коала, — рассмеялась Лиззи. — Наша гордость и слава. У нас даже есть Гигантский Нед Келли⁹.

— Надо же, — восхитился я. — Гигантский Нед Келли. Хотел бы я посмотреть на него.

— А ты заведи себе австралийку, — посоветовала Лиззи и улыбнулась, от чего во мне что-то будто...

запузырилось.

Да. Запузырилось. Заткнись.

— Пожалуй, — сказал я и невольно покраснел.

И до меня вдруг дошло, что я веду себя так, словно мы с Лиззи только что познакомились. Дело в том, что у меня и впрямь было такое ощущение. В действительности мы уже знакомы несколько месяцев, но только как друзья друзей. Лиззи встречалась с одним моим приятелем, но мы с ней никогда тесно не общались, толком не знали друг друга. У каждого из нас всегда были какие-то свои дела, мы находились в разных местах, с разными людьми. И я неожиданно понял, что совершенно не знаю ее. И так же неожиданно понял, что хотел бы ее узнать.

— Так что бы ты придумал? — спросила она. — Если б хотел создать нечто громадное, — то, что я могла бы сфотографировать?

Я задумался. Нужно назвать что-то интересное и стоящее. Подобные вопросы девушки задают, когда хотят проверить тебя на шивость. Это своего рода психологический тест. Если я скажу, что придумал бы «милого большого щенка», это будет достойный ответ. А например, «огромный нож» или «улыбающаяся красотка»... ну... такие вещи девушке вряд ли придутся по вкусу.

А что нравится девушкам? И что из того, что нравится девушкам, нравится мне?

— Я... пожалуй... — замямлил я, силясь придумать нечто такое, что пришлось бы по душе девушке, — ...ребенка.

Взгляд Лиззи, обращенный на меня, ничего не выражал.

— Ребенка? — скучным голосом переспросила она.

Я понял, что опростоволосился. Лиззи сразу сообразила, почему я остановил свой выбор на ребенке. Потому что, в моем представлении, это то, что хотела бы услышать девушка. Нужно как-то исправлять ошибку.

Придумать другой ответ.

— Постой, ты не так поняла. Это был бы не просто ребенок.

— А какой? Два в одном? Ребенок-открывалка для бутылок?

— Нет. Это был бы особенный ребенок.

Лиззи вскинула брови, ожидая моих объяснений.

Ура, есть!

— Китайчонок.

Брови Лиззи взлетели еще выше. Я не поверил своим глазам. Думал, только в мультиках так бывает.

— Китайчонок, — повторила она.

— Громадный китайчонок, — поправил я ее.

— Извини. — По-моему, тон у нее совсем не виноватый. — Значит, громадный китайчонок?

Лиззи не ослышалась. Я и в самом деле так сказал. Интересно, какого черта?

— Точно, — уверенно подтвердил я, будто сообщил ей взвешенное решение. — Громадный китайчонок.

— Так почему ты остановил свой выбор на громадном китайчонке? — спросила она. Мне хотелось надеяться, что в ее голосе прозвучало мягкое удивление, но в принципе подобным тоном обычно опытный врач разговаривает с неполноценным ребенком.

— Ну... китайчата — такие очаровательные малыши. Что может быть прелестнее? — ответил я, считая, что глаголю истину. — То есть, конечно, китайцы вообще милый народ. Только не думай, будто я отношусь к ним свысока...

Лиззи сложила руки на груди.

— Я просто хотел сказать, что китайчата — милые дети... И...Э... пожилые китайцы, если подумать, тоже милы. Но... знаешь... если честно, все, что между ними, в расчет можно не принимать...

Черт, совсем запутался. Ну ничего, все еще можно исправить.

— Ты только представь, — продолжал я. — Люди со всех концов света будут приезжать, чтобы посмотреть на моего громадного китайчонка.

ЛЮДИ СО ВСЕХ КОНЦОВ СВЕТА БУДУТ ПРИЕЗЖАТЬ, ЧТОБЫ ПОСМОТРЕТЬ НА МОЕГО ГРОМАДНОГО КИТАЙЧОНКА? Что за бред?

Я внезапно замолчал и уткнулся взглядом в свой бокал.

— Хм... ну, думаю, если б... — заговорила Лиззи.

Я так и не узнал, что она думала. Потому что рядом неожиданно возник Роан с банками пива и миской мелкой моркови в руках. Он подсел к нам, и мы стали говорить о Лондоне и Австралии и о том, что Лиззи стремится поскорее вернуться домой. И больше за весь оставшийся вечер о громадном китайчонке не было произнесено ни слова.

В сущности, о нем никто не упоминал до конца года.

Часы показывали двадцать минут четвертого утра. Мы с Уэгом были пьяны в стельку.

Сидели в углу какого-то клуба в Сохо — Бог знает, как мы там оказались — и болтали с тремя австралийцами, проводившими в Лондоне свой отпуск. Я использовал все свои познания об Австралии, чтобы произвести на них впечатление.

— Значит, у вас есть Большие Ананасы, да? — говорил я. — И Большая Креветка. А еще Гигантский Нед Келли.

Австралийцы тупо смотрели на меня.

— Ну... скульптуры, которые у вас всюду стоят. Вы же, наверное, их видели. Большая Бочка и Большой Комар? Большой Червь? Большой Апельсин? Я в вашей стране никогда не был, но мне их фотографии показывала одна девушка, с которой я встречался. Это потрясающе.

Их лица по-прежнему ничего не выражали. Я решил, что, по-видимому, назвал мало Громадин. Поэтому стал перечислять дальше.

— Большая Банка. Большая Треска. Большая Морковь. Б...

— Большой Нудный Придуток, — добавил Уэг. Все рассмеялись.

— Я веду речь об австралийской культуре, Уэг. — В данный момент он меня раздражал, поэтому скажу, что его настоящее имя Уэйн. — Эти джентльмены из Австралии должны знать, что мы здесь, в Великобритании, проявляем живой интерес к их стране.

— Так они же австрийцы, — заметил Уэг.

Я посмотрел на трех наших новых знакомых.

— Вы австрийцы? — заплетающимся языком уточнил я.

Они кивнули.

— Простите Бога ради. Я думал, вы австралийцы. Интересно, и почему я принял вас за австралийцев?

Все пожали плечами.

— Но ведь я рассказываю вам об Австралии и австралийцах почти...

— Двадцать минут, — сказал один из наших собеседников. С австрийским акцентом. Только тогда я заметил, что на нем футболка с надписью «АВСТРИЯ».

— Да. Двадцать минут, — согласился я. — Что ж, надеюсь, по крайней мере, в ходе нашей беседы вы кое-что узнали об Австралии. Всего хорошего, ребята. Добро пожаловать в нашу страну.

Мы с Уэгом пошли прочь от австрийцев, двигаясь не спеша, с достоинством, хотя не так-то просто сохранять достоинство, когда тебя качает из стороны в сторону и ты постоянно натыкаешься на людей. На краю танцевальной площадки мы остановились.

— Выпьем? — спросил Уэг.

— Да! — почти выкрикнул я, верный данному себе обещанию. — Да, Да, Да!

Каждое свое «да» я сопровождал красноречивым жестом, энергично тыкая пальцем перед собой, хотя Уэг уже давно ушел к бару.

Вероятно, своей жестикуляцией я привлек к себе внимание мужчины в сомбреро.

Поначалу я принял его за мексиканца, но потом до меня стало медленно доходить, что настоящий мексиканец вряд ли явился бы в лондонский ночной клуб в сомбреро. Да и усы у него, наверное, были настоящие, а не приклеенные. Мексиканец с приклеенными усами был бы супермексиканцем, потому что у него были бы двойные усы, а это круто. К тому же супермексиканец, вероятно, был бы в пончо... Тут я сообразил, что говорю все это в лицо мужчине в сомбреро.

— Текилы? — вопросом ответил он на мой монолог. Выходит, это был торговец текилой. Мне показалось, что он вытаскивает кобуру, но это была полная бутылка мексиканской водки. — Фунт за порцию.

За многие годы я развил в себе поразительную способность уклоняться от употребления текилы. Несколько раз я попадал в пренеприятнейшие ситуации после того, как выпивал эту дрянь, и с тех пор на текилу у меня была аллергия, — если кто-то мне ее предлагал, я машинально отвечал «нет».

Поэтому я сказал...

— Да!

Мужчина в сомбреро налил мне глоток. Я выпил.

— Еще?

Вид у меня был уже не очень жаждущий.

— Да, — ответил я — без былого энтузиазма в голосе. В животе у меня неприятно закружило. Честно говоря, я был уверен, что уже выпил достаточно. Но игра-то велась по другим правилам. Я опрокинул в себя вторую порцию и улыбнулся мексиканцу, мысленно веля ему удалиться. Он отскочил от меня, как ошпаренный — то ли мысли мои прочитал, то ли подумал, что я намерен наброситься на него с кулаками.

Я попытался сфокусировать взгляд на танцевальной площадке. То, что я увидел, мне показалось забавным. И я вдруг проникся глубоким убеждением, что сам я замечательный танцор, — во всяком случае, ничуть не хуже, чем та леди в синей кофточке или та, что в зеленой. А они обе танцевали просто здорово. Особенно та, что в синем. Она была великолепно. Но мне в подметки не годилась. Может, раззадорить ее на танец с раздеванием? Она, вне сомнения, знает, что делает — отменно работает руками, ногами, головой и прочими частями тела, — хотя хорошая физическая форма, отменная координация движений и, возможно, классическая подготовка, пожалуй, ее не спасут: с моим артистическим талантом тягаться трудно. Я был абсолютно уверен, что способен безупречно исполнить все те движения, которые продемонстрировала она. Но, в отличие от обученных танцоров, я не ограничивал себя «условностями» — не боялся нарушать правила. По-видимому, я испугал леди в синем и ее подругу в зеленом, и даже, похоже, их рослого приятеля — того, что не сводил с меня глаз и теперь прямой наводкой шел ко мне. Наверное, он идет ко мне, чтобы сообщить: они все знают, что я думаю и что я прав: воистину я — Король Танца. Не исключено, что потом мы все вместе отправимся к ним домой, и я покажу им некоторые свои движения, и мы подружмся, и...

— Ты чего пялишься на мою девушку? — спросил верзила, неожиданно оказавшись у меня перед носом.

Вид у него был не очень довольный.

— У? — радостно промычал я.

— Ты на мою девушку пялишься?

Я улыбнулся, пытаюсь незаметно сглотнуть текильную отрыжку.

— Я пялюсь на твою девушку? — переспросил я, надеясь, что произнес это дружелюбным тоном.

Верзилу мой вопрос не позабавил.

Внезапно я понял, что он настроен серьезно. Инстинкт подсказывал мне, что нужно ответить «нет». Что бы он ни предположил. Это явно был не тот случай, когда следовало соглашаться.

— А которая твоя девушка? — спросил я, выражая готовность провести детальное расследование, дабы уладить недоразумение.

— В синей кофте, — ответил верзила.

А-а. Она.

— Вы с ней очень подходите друг другу, — попытался я сгладить неловкость.

— Так ты на нее пялишься?

Вот привязался. Каждая клеточка моего существа требовала, чтобы я помирился с этим человеком, разуверил его и пошел прочь, но я ведь смотрел на нее... и потом, я все равно уже знал, что мне придется сказать... что, по моему, я должен сказать...

— Да, — произнес я.

Мой ответ несколько шокировал верзилу. Он оглянулся на свою девушку, потом вновь посмотрел на меня.

— Понятно, — сказал он. — Значит... ты пялишься на мою девушку.

— Ага, — подтвердил я, выдавливая из себя улыбку.

Верзила улыбнулся в ответ. Может, не все так плохо,

подумал я. Наверное, он все же хочет провозгласить меня Королем Танца.

Но потом, медленно...

— Я что — похож на идиота, который мог бы позволить кому-то пялиться на свою девушку?

У-ух. Он поднимал ставку. Резко поднимал. Просил, чтобы я назвал его идиотом. Прямо ему в лицо. В его большое мужественное лицо. Как можно ответить на подобный вопрос?

Ну, нельзя же сказать...

— Да.

Отвечая, я чуть поморщился, отчаянно стараясь придать голосу вопросительную, а не утвердительную интонацию.

Верзила опять улыбнулся. Я надеялся, что его улыбка выражала согласие и подтверждение, словно я сказал ему точно то, что он хотел услышать. Хотя, если честно, надежды было мало.

Он приблизился ко мне почти вплотную. Я ощущал его запах.

— В морду захотел?

Тут бы мне в самый раз схватиться за сердце, или упасть в обморок, или дать деру, или расплакаться, или отказаться от своего статуса согласного. Мне следовало бы позвать Уэга, или представиться агентом ФБР, или попросить прощения. Но нет, ничего из перечисленного я не сделал. Я воспринял это, как испытание. Хотел посмотреть, чего я стою, чего способен достичь. Насколько тверд я в своем решении. Умею ли стоять на своем? Я напрягся, закрыл глаза и сказал...

— Да.

Господи Иисусе. Я только что сказал: «Да. Дай мне в морду». Причем я вовсе не хотел получить в морду. У меня редко возникает желание получить в морду.

Я ждал удара. Уже чувствовал силу его кулака, хотя он меня еще не тронул. Я чуть повернул голову, надеясь, что верзила не заденет мой нос, не разобьет очки, не сломает челюсть — в общем, оставит в целостности и сохранности все то, что можно разбить, раздробить, ушибить или разорвать.

Ничего не произошло.

Я открыл глаза.

Верзила просто стоял и смотрел на меня, наблюдал, как я трепещу.

Я смотрел, как он смотрит на меня, наблюдает за моей мимикой.

А потом он сказал:

— Чертов псих.

Я моргнул пару раз.

Он толкнул меня в плечо, повернулся и зашагал прочь.

Господи помилуй!

Я жив и здоров. Уцелел после избиения в ночном клубе. Хотя, конечно, никто меня не избивал. Но я все равно выжил! Я, человек, который всегда соглашается, смотрел смерти в лицо и вышел из передраги целым и невредимым!

Неожиданно возле меня появился Уэг. Он явно наблюдал за происходящим издали.

— Ну что валим отсюда, прямо сейчас? — предложил он.

— Да, валим, — согласился я. И мы ушли, в ту же минуту.

— Прости за весь этот вздор, — извинился я. — Ну... знаешь... про огромных китайчат.

Мне удалось вновь завести с Лиззи разговор сразу же после полуночи, буквально в первые минуты наступившего нового года.

— Что? А-а, за то. Знаешь, а я с тобой соглашусь. Китайчата в самом деле прелестные создания. И очень забавные.

— согласишься? — уточнил я. Будто я перестал бы с ней общаться, если б она сказала, что маленькие немцы ей нравятся больше.

— Конечно. Послушай, если к тридцати пяти годам я не буду замужней матроной с детьми, напои меня и отведи в китайский квартал.

Я рассмеялся — скорее, от удивления.

— Так чем ты занимаешься в последнее время? — любопытствовала Лиззи.

— Если честно, особо ничем, — ответил я. — Можно сказать, ушел в себя.

Лиззи с беспокойством посмотрела на меня.

— Почему? — спросила она. Я не хотел об этом говорить и увел разговор в сторону.

— Слушай... так это правда, — то, что ты сказала сегодня Роану? Будто возвращаешься в Австралию?

— Да. Уезжаю через десять дней. Нашла там новую работу. Так что да здравствует австралийская жара.

Прощайте британские дожди. Кстати, почему не было снега на Рождество? Я хотела бы увидеть снег.

— А ты, что, снега не видела? — изумился я.

— Ужасно, да? Я никогда не видела снега, а ты никогда не видел Гигантского Неда Келли, — подытожила Лиззи. — И люди еще жалуются на войны, представляешь?

Мы рассмеялись, а через час поцеловались. Сам не знаю, как это получилось.

По выходе из клуба я расхохотался.

Хохотал, хохотал, хохотал.

Я был в эйфории. По натуре я не драчун. А тут едва не подрался. Подрался! Я! И вышел победителем!

— Я только что победил в драке, Уэг! Утер нос мужику, который вдвое здоровее меня!

— Ты его не победил. И он не был вдвое здоровее тебя. Он был всего лишь на дюйм выше тебя.

— Просто амбал! А я его победил!!

— Ты его не победил. Он просто не стал тебя бить, вот и все. А чем ты его разозлил?

— Сказал, что смотрю на его девушку, что он идиот, и пусть только попробует меня тронуть!

— В самом деле?

— Да! Я заявил ему: «Да, я смотрю на твою девушку. Ударь меня, если посмеешь, дуболом!»

— Прямо так и сказал?

— Да, примерно. Вернее, нет, не совсем так. Понимаешь, меня понесло, Уэг! И это был такой кайф! Меня понесло, и посмотри на меня — я все еще жив!

Уэг сделал то, что я сказал: посмотрел на меня.

— Ты — пьяный мужик, которому чудом удалось выйти сухим из воды.

— Знаю! И это здорово!

Это прозвучит глупо и, наверное, не каждому будет понятно, но я чувствовал себя... на седьмом небе от счастья.

Мы зашагали к остановке ночного автобуса. Неожиданно возле нас притормозил верткий старенький «вольво».

— Микротакси? — обратился к нам сидевший за рулем мужчина.

— Неужели я похож на микротакси? — спросил я и чуть не описался от смеха. Почему-то ни Уэг, ни водитель не усмотрели в том ничего смешного.

— Я, пожалуй, поеду, — сказал я Уэгу.

— Уверен?

Я пожал плечами.

— Он же предложил свои услуги.

— Что будешь делать на этой неделе? — осведомился Уэг.

— На твое усмотрение.

Мы поехали вдоль Темзы. Я был возбужден, очарован, чувствовал себя, как ребенок, предвкушающий нечто волнующее. В какой-то момент мы обогнали ночной автобус, и я невольно обернулся, вытянул шею, пытаюсь разглядеть в салоне пассажиров. Я надеялся увидеть там человека, который, сам того не подозревая, сподвигнул меня на удивительное приключение. И если б я его заметил, я немедленно вышел бы из такси и запрыгнул в тот ночной автобус и сказал бы тому человеку, что я начал меняться, сообщил бы ему о том, что сделал, сказал бы, что провел самый лучший день в своей жизни. И все это благодаря ему! Ему и сказанной им фразе из трех простых слов.

По возвращении домой я налил себе чаю и включил компьютер. Я был счастлив, утомлен и хотел спать.

Я стал чистить зубы, заодно проверяя свою электронную почту.

Мне пришло одно сообщение — от моего приятеля Мэтта.

Дэнни! Рад, что ты объявился! Может, позавтракаем завтра вместе? В 9.30? В Камдене?

Я глянул на часы. Завтра уже наступило. Было почти шесть утра. Чтобы ехать в Камден, мне следует вновь быть на ногах уже через пару часов. К тому же меня, вероятно, ждало тяжелое похмелье.

Я начал отвечать Мэтту...

Мэтт,

Я очень поздно лег, приятель. Давай в другой раз, ладно? Может, на следующей неделе или...

И вдруг я осекся. Боже, что такое я пишу? И на душе сразу стало как-то противно. Пусто. Будто я так ничему и не научился. Ну да, конечно, я всего лишь на один день подвизался на все отвечать согласием, и этот день окончен... но почему бы не продлить эксперимент еще на один день?

Поэтому одну за другой я стер напечатанные буквы... и вместо них медленно, спяну не сразу попадая пальцем на нужную клавишу, напечатал...

Д
А

К обеду я был уверен, что принял верное решение.

Вот я сижу с друзьями в милом приятном кафе, лечу похмелье кофе и чтением газет, смеюсь, шучу вместе со всеми. Впервые за много месяцев я чувствовал, что мне тепло, уютно и я являюсь частью чего-то.

Я только начал разнообразить свое повседневное существование, и жизнь уже налаживается. А ведь я фактически ничего не предпринимал — просто положился на волю судьбы.

Вот тогда-то я и позвонил Иану и предложил вечером встретиться в пабе, чтобы рассказать ему о своем решении, которое полностью перевернуло мою жизнь...

Потому что я это чувствовал.

Я стал человеком, который всегда соглашается.

ГЛАВА 3 **В которой Дэниел** **покупает газету «Сан»**

За последние несколько минут сказано было не много. Мы, два парня, просто сидели, смотрели в пустоту, обдумывая то, что я рассказал. Было видно, что Иану трудно осмыслить события последних дней. Для него это была слишком замысловатая философия.

— Иан? — окликнул я друга.

Никакой реакции. Он продолжал таращиться в пустоту невидящим взглядом.

— Иан, ты слышал, что я тебе говорил?

Я попытался стянуть у него кусочек ананаса. Он, как мне показалось, чуть встрепенулся.

— Да... и уяснил две вещи, — наконец отозвался Иан, тыкая пальцем в воздух. — Первое... в конце своей маленькой тирады ты объявил себя человеком, который всегда соглашается.

— Ну да.

— Вообще-то, это бред. Полная чушь. Ну и что ты теперь будешь делать? купишь себе красную накидку?

— Ну, это же просто фигура ре...

— Или ты на минуточку возомнил себя героем «Игрока в кости»¹⁰? У? Кто тебе ближе по духу: супермен или игрок в кости?

— Ну...

— Ведь ты не можешь быть игроком в кости. Что, если тебя, как игрока в кости, попросят убить кого-нибудь?

— Так то ж роман. И потом, его не просили убить человека. Это был его собственный выбор, — по крайней мере, он именно так выбросил кости. У него были миллионы вариантов. У меня — всего один. Сказать «да».

Иан отмахнулся от моего объяснения и продолжал:

— Второе... после того, как в клубе тебе чуть не дали в морду, надеюсь, ты завяжешь со всей этой ерундой. Да, наверное, ты чудесно позавтракал в Камдене с Мэттом и другими приятелями. Но я ведь знаю тебя, Дэниел. Ты не удовлетворишься просто чудесным завтраком в Камдене с Мэттом и другими приятелями. Ты усмотришь в этом какой-то особый смысл.

— Так и есть! В моем понимании это совершенно новый образ жизни!

— О Боже. Послушай, Дэниел, у тебя эти вывихи пошли из-за Лиззи, да?

— Лиззи тут ни при чем! — возразил я.

— Перед отъездом она сказала: «Приезжай как-нибудь ко мне в Австралию». И ты ответил отказом.

— Я не отвечал отказом! Я сказал: да, непременно.

— Но ты имел в виду обратное, верно? Ты не собирался к ней ехать!

— Это было бы издевательством над самим собой, — уныло произнес я. — Какой смысл влюбляться в девушку, которая живет за восемнадцать тысяч миль от тебя?

— Это праздный вопрос, — заметил Иан, любивший щегольнуть умными словечками, дабы выставить себя мудрецом. — Ты уже в нее влюблен.

— Иан, это вопрос природы вещей. Ты знаешь, как я жил недавно. И знаешь, как мне следует жить. Вот в чем дело. Потому я и решил продолжить свой эксперимент.

— Решил продолжить? Ушам своим не верю! Не спорю, тебе стоит быть чуть более открытым, чуть чаще говорить «да», но зачем же слепо соглашаться на все без разбору? Будь благоразумнее!

— Я должен увидеть, к чему это меня приведет, Иан. Хочу поэкспериментировать еще немного. Хотя бы еще неделю.

— Неделю? С ума сошел! Одного дня тебе было мало, да? Захотелось продлить «удовольствие» еще на неделю? Так недолго и убийцей стать. А убийц, знаешь ли, никто не жалуется.

— Всего одну неделю.

— И когда же она начинается, твоя неделя?

— Прямо сейчас.

Иан задумчиво посмотрел на меня.

— Ладно... так, может, угостишь меня пивом?

Я поднялся и достал свой бумажник.

Иан широко улыбнулся.

— Вообще-то, все это мне чертовски нравится, — сказал он.

Иан не понимал — и, возможно, никогда не сможет понять — одной важной вещи: отвечая согласием, я испытывал невообразимое блаженство. У меня возникало ощущение полной свободы. Моя жизнь зависела от кого угодно, только не от меня самого. Где буду я завтра? Где буду послезавтра? С кем встречу? Что мы станем делать? Я целиком положился на волну судьбы.

Я предложил Иану встретиться через неделю здесь же, в пабе «Йоркшир грей», пообещав доказать ему, что я настроен вполне серьезно. Я сказал, что снова возьмусь за свой дневник, стану записывать все, что я делал, а после представлю ему доказательства.

— А дневник — достаточное доказательство? — спросил Иан.

— Если в качестве доказательства он приемлем в суде, — отвечал я, — значит, и для тебя сойдет.

Иан подумал немного и кивнул:

— Что ж, по рукам.

Я покинул паб, преисполненный решимости начиная с данной минуты всю неделю на все отвечать согласием.

Согласно канонам традиционного повествования теперь я должен бы поведать вам все, что происходило в следующие несколько дней, описывая события по порядку, одно за другим. Я рассказал бы вам, что случилось в понедельник (это было здорово), потом — во вторник (впечатления столь же потрясающие), затем — в среду (я получил массу удовольствия).

Но это не традиционное повествование. И, если б мы с вами сидели в пабе, и вы попросили бы рассказать о том, что было дальше, мне пришлось бы призвать на помощь всю свою силу воли, дабы не забежать вперед, описывая события, которые случились несколько позже. А потом, рассказав о них, я схватил бы вас за плечи, встряхнул и спросил: «Ну, что вы об этом думаете?». Я знаю, что поступаю неправильно, но, поверьте мне, в такой последовательности я рассказывал эту свою историю в пабах многим своим друзьям, которые мало чем отличаются от вас, и именно так ее и нужно рассказывать. Поэтому я все же чуть забегу вперед и начну свой рассказ с событий конца недели под знаком «да». С пятницы. Та пятница выдалась необыкновенной.

Наступила пятница.

Я уже целых четыре дня на все отвечал согласием, и все шло замечательно. Я вновь и вновь убеждался, что слово «да» — интересный спутник, постоянно побуждающий меня веселиться, радоваться жизни.

Я проснулся около девяти и стал думать, стоит ли мне сегодня идти в Дом радиовещания Би-би-си, где я подвизался внештатным продюсером радиопрограмм, и в результате решил, что, пожалуй, не стоит. Во всяком случае, пока. Ведь вокруг витало столько разных возможностей ответить согласием на что-то, буквально умолявших, чтобы я их использовал.

Я встал с постели, приготовил себе чай и стал проверять электронную почту, стремясь поскорее увидеть, что сулит мне новый день — один из последних дней недели, которую я проводил под знаком «да».

Я заметил, что после того, как я ответил согласием на великодушное предложение распространителей Чудесного Увеличителя Пениса, мне стали присылать значительно больше рекламных сообщений. Казалось, мой компьютер кричит мне:

Лекарства по сниженным ценам! Отпускаются без рецепта! Щелкни здесь!

Дешевые компьютерные программы! Все исключительно лицензионные!

«Виагра» по \$ 0.95 за таблетку! Отличная цена! Щелкни здесь!

Это было забавно. Будто только потому, что я оказался человеком, который готов купить Чудесный Увеличитель Пениса, весь мир вдруг решил, что я также захочу сделать себе пересадку волос или приобрести

пищевые добавки, способствующие увеличению веса, таблетки против угревой сыпи, книги с рекомендациями о том, как завоевывать сердца женщин, и «Виагру». Просто в голове не укладывается. Если кто-то заказал увеличитель пениса, разве это обязательно свидетельствует о том, что этот человек нуждается в помощи?

Тем не менее, воспринимая каждое послание как инструкцию и памятуя о данном себе слове до конца недели на все отвечать согласием, я делал так, как меня просили — щелкал мышкой в указанных местах и изучал соответствующие сайты. Как ни странно, лишь один привел меня к реальной сделке, поскольку там содержался вопрос, требовавший положительного ответа, и следом указывалось, что нужно делать...

ХОЧЕШЬ СТАТЬ СВЯЩЕННИКОМ?

Да!

ПЛАТИ И СТАНОВИСЬ!

Что ж, ладно!

Десять минут спустя я уже заполнил помещенный на сайте бланк заявления и через Интернет купил себе духовный сан. Отныне, вероятно, мне официально позволено иметь собственную церковь, в которой я могу отправлять обряды бракосочетания и крестить маленьких детей. И даже больших. Черт, да я теперь могу освящать все, что захочу, независимо от размера! Я стал священником! И через 28 дней у меня на руках будет маленькая пластиковая карта, подтверждающая мои полномочия. Я приобрел духовный сан всего за \$ 119! А еще говорят, что рекламный мусор — это плохо.

Я был взволнован. Кто бы мог подумать еще неделю назад, что я, Дэнни Уоллес, на шаг приближусь к тому, чтобы основать собственную церковь?

Наряду с рекламным мусором я также стал получать по электронной почте больше сообщений от своих друзей. Первое сообщение, которое я открыл, было от Мэтта.

Дэнни,

Хочешь размяться? У меня новый мяч. Встречаемся в Гайд-парке в двенадцать.

Хочу я размяться? Конечно! Я ответил, что буду в Гайд-парке в назначенное время при полном спортивном параде — в трусах и прочем.

Спустя пару часов, приняв душ, я в разных носках шагнул к метро. День был солнечный — идеальный для игры в футбол и общения с друзьями. Но через несколько минут, дойдя до станции метро, я заметил человека с белой тростью. Судя по выражению его лица, он был чем-то озабочен. Он не двигался, стоял на одном месте, и я на секунду задумался о том, как, согласно правилам этикета, мне следует поступить в данной ситуации. Проявить политкорректность и проигнорировать слепого, как и любого другого человека, который стоит с потерянным видом у метро, или я должен учесть то, что он слепой?

Но потом я подумал... а что, если это мой шанс? Что, если мы завяжем разговор, быстро подружимся и пустимся вместе в удивительное приключение, как юноша и слепой герой из фильма «Запах женщины»? Маловероятно... но, может, все же попробовать?

В итоге я собрался с духом и обратился к слепому:

— Привет. У вас что-то случилось?

Слепой вздрогнул от неожиданности, и я мгновенно пожалел о своем решении.

— Нет, нет, ничего не случилось. Просто я... жду кое-кого.

Ну конечно, он кого-то ждет. Какой же я идиот. Кретин с задатками доброхота. Но потом слепой поблагодарил меня за участие, и я почувствовал себя менее неловко. Я пошел прочь. Надежда на чудесное приключение быстро улетучивалась. Когда я был почти у лестницы, слепой вдруг произнес мне вдогонку:

— Вообще-то... не могли бы вы мне помочь?

Я вернулся к нему.

В руке он держал две монеты по пятьдесят пенсов.

— У вас есть монета в один фунт?

Слепой раскрыл вторую ладонь, ожидая, что я вложу ему в руку такую монету.

— Да, конечно... погодите...

Я стал рыться в карманах, сопровождая свои поиски ненужным комментарием, но монеты в один фунт так и не нашел — только пятерку.

— Вы подождите... я сейчас разменяю.

Я затрусил к газетному киоску у станции метро «Боу-роуд» и купил гам «Сан» — самую дешевую газету, какая у них была.

Мгновением позже я уже вновь стоял перед слепым.

— Вот, есть одна, — сказал я.

— Чудесно, — отозвался слепой. Я вложил монету в один фунт ему в руку.

И стал ждать, когда он отдаст мне взамен две монеты по 50 пенсов.

Слепой не отдавал деньги.

Вместо этого сказал:

— Замечательно, спасибо.

Я продолжал стоять перед ним.

— Никаких проблем, — сказал я.

И продолжал стоять.

— Мне чуть-чуть не хватало, — объяснил слепой. Монет в 50 пенсов я по-прежнему не видел.

— А-а, — протянул я.

Я подождал еще пару минут, надеясь, что он все-таки вернет мне мои деньги. Я не знал, как мне быть.

Поймите меня правильно. Слепой показал мне два пятидесятипенсовика. Значит, он явно хотел обменять их на одну монету в один фунт. И вот, как только я дал ему этот фунт, его монеты исчезли. И что теперь делать? Он же слепой! Я не могу потребовать у слепого, чтобы он отдал мне два пятидесятипенсовика! Это наверняка противозаконно!

— Спасибо, — еще раз поблагодарил меня слепой, явно намекая, чтобы я шел своей дорогой. Очевидно, мое присутствие начинало его раздражать.

— Что ж, ладно, — жалобно промямлил я и побрел прочь, обескураженный этим странным происшествием. У меня было такое чувство, будто меня вымарали в грязи.

Я спустился в метро, нашел нужную мне линию. Бог с ним, думал я. По крайней мере, теперь у меня есть газета, хоть почитаю в дороге. Все какая-то польза.

Весело напевая себе под нос, я принялся просматривать газету, страницу за страницей, знакомясь с последними новостями. И так поглощен я был чтением, что даже не поднял головы, когда из газеты на колени мне вывалилось что-то. Только через две остановки я сообразил, что вывалившийся вкладыш, на первый взгляд, представлял собой нечто вроде рекламы. Я уже собрался было вновь погрузиться в чтение, но мое внимание вдруг привлекла надпись на вкладыше. Это была какая-то лотерея. Лотерейный билет с выскребным сектором. И с инструкцией.

Приглашение.

Шанс!

ВЫИГРАЙ МИЛЛИОН!

С удовольствием!

Так, стоп. Каким образом?

Я пробежал глазами правила на обратной стороне вкладыша. В них говорилось, что где-то в газете помещены шесть номеров. Нужно было сверить эти номера с номерами на лотерейном билете и затем стереть их. Если в трех выскребных секторах окажется три одинаковые суммы, значит, это и есть ваш выигрыш. Проще простого!

Я принялся искать в газете номера и, к своему удовольствию, обнаружил, что все шесть совпадают с номерами на моем бесплатном лотерейном билете. Я одурел от радости. Бросил взгляд направо, потом — налево, дабы убедиться, что за мной никто не наблюдает. Как и вы, я прекрасно понимаю, что лотерейные билеты, которые вкладывают в газеты и журналы, — это чистейшее мошенничество. В детстве я всегда попадался на эту удочку. «Молодец! — читал я на билете. — Ты выиграл большой приз!». И я бежал к телефону, набирал указанный номер, тратя 14 фунтов родительских денег, и в результате выяснял, что я выиграл отнюдь не один из тех больших призов, что заявляли на билете — яхту или широкоэкранный телевизор последней модели и т.д., — а всего лишь заколку для волос.

Но сейчас — не время для колебаний. С нерешительностью покончено.

Я стер первую полоску.

25 000.

Ого! Неплохое начало! 25 000 фунтов!

Я поднял голову, гордый своим последним достижением, но рядом не было никого, кто мог бы меня поздравить, поэтому я продолжил свое занятие.

Стер вторую полоску.

25 000.

Великолепно! Еще 25 000 фунтов! Осталось найти последние «25 000», и баснословные богатства у моих ног. Но, как нам с вами хорошо известно, лотерейные билеты действуют по другой системе. Они бросают вас в трепет, даруют мгновение эскапизма, так что вы начинаете верить, будто у вас появился шанс начать совершенно новую жизнь, а потом убивают ваши надежды так же быстро, как и пробуждают их. О да, я знаю, как это бывает. Я знаю, чего ожидать. В этом деле опыта у меня больше, чем у наивных мальчиков, мечтающих о крупном выигрыше; в этом деле опыта у меня больше, чем у всех остальных читателей газеты «Сан». Я стер третью полоску и увидел...

25 000.

Ну-ка, ну-ка.

Что там были за цифры?

Ой...

Господи, Боже мой.

25 000. 25 000. 25 000.

У меня перехватило дыхание.
Я только что выиграл 25 000 фунтов.
Я же говорил, что это был невероятный день.

Глава 4

В которой Дэниел допускает досадную ошибку

Я был счастлив. Пожалуй, даже слишком счастлив. Но ведь не каждый день выигрываешь 25 000 фунтов по лотерейному билету, на который ты обычно даже не помотришь. И вообще, все это как-то подозрительно.

— Почему ты все время улыбаешься? — спросила Ханна. Я позвонил ей, и мы договорились вновь встретиться в кафе неподалеку от станции метро «Холборн». Она хотела, чтобы я извинился за свое поведение, а я собирался рассказать ей про свой выигрыш.

— Дэнни? Что значит эта твоя улыбка? Нет, правда?

— Да я просто счастлив, — ответил я, готовясь сообщить ей радостную новость.

Ханна пытливо смотрела на меня.

— Ты меня пугаешь, Дэнни.

— Я просто счастлив, честное слово. По многим причинам. Счастлив, что я здесь. С тобой. С Ханной. Моей бывшей возлюбленной.

На лице Ханны отразилось некоторое удивление.

— И еще я хотел сказать, как это здорово, по-настоящему здорово, что ты нашла себе нового парня. Это очень здорово. Я правда так думаю.

В подтверждение своих слов я широко улыбнулся. Я и впрямь так считал. Это было здорово. Все было здорово.

— Дэнни... ты что... пьян?

Я поразмыслил над ее вопросом и согласился.

— Немного.

На самом деле, как выражаются наши друзья-американцы, меня пьянила жизнь. Я сорвал большой куш и оттого готов был одаривать весь мир.

— Во-первых, — заявил я, — я заплачу за твой кофе. Я настаиваю.

Я выставил вперед ладони, давая понять, что возражений не принимаю. Сегодня угощаю я.

— Спасибо, — поблагодарила Ханна (несколько торопливо, как мне показалось). — И чем же вызвано столь радостное настроение?

— Радостное? Да, пожалуй, настроение у меня радостное. А ты разве не радовалась бы, если б выиграла... — я помолчал для пущего эффекта, — ...двадцать пять тысяч фунтов?

Ханна была ошеломлена. Прямо-таки обалдела. Я расхохотался.

— Ты выиграл двадцать пять тысяч фунтов? — спросила она. — Ты действительно выиграл двадцать пять тысяч? Каким образом?

— Ну...

Я задумался. Нужно ли рассказывать Ханне, как именно мне это удалось? Нужно ли говорить ей, что своим выигрышем я обязан тому, что она назвала бы «глупым мальчишеским проектом»? Как раз тому, из-за чего мы расстались? Может быть, в конце концов это убедит ее в том, что «глупые мальчишеские проекты» — это не так уж и плохо! С другой стороны, это послужит подтверждением всего того, что, как ей кажется, она знает обо мне... то есть что я формирую в себе новую личность? Создаю из себя совершенно иного, более умного, взрослого Дэниела, который печется о своей карьере, готовит макаронные блюда и давит чеснок?

— Да мне только пришлось соскрести...

Мой ответ поразил Ханну.

— Соскребать ты умеешь, — сказала она. — Ты всегда этим занимался, когда мы куда-то ходили. Боже мой, Дэнни! Невероятно! Двадцать пять тысяч фунтов!

— А то я не понимаю!

— Так... когда ты получишь деньги?

Хм.

А вот это уже проблема.

Час спустя я сидел в пабе «Йоркшир грей». С Ианом.

— Иан, хочу сообщить тебе кое-что. Нечто потрясающее.

— Ты написал стихотворение.

— Нет. Я сделал кое-что получше. Это...

Я извлек из сумки свой дневник.

— ...мой дневник. Прочти. Здесь описаны все случаи, когда я отвечал согласием на минувшей неделе. Ты убедишься, насколько серьезны были мои намерения.

Иан принялся листать дневник, задержал взгляд на одной странице и остановился.

— «Купил несколько картриджей для принтера».

— Это можешь пропустить. — Я взял у него свой дневник и нашел записи последней недели. — Вот...

Иан стал читать вслух.

«Понедельник

Шел мимо Сайентологического центра на Тоттенхем-корт-роуд. Какая-то женщина предложила мне пройти тест, чтобы определить, являюсь ли я свободной личностью. Я согласился. Это заняло у меня сорок минут, и выяснилось, что я вполне приличный человек».

- Ты уверен, что она провела тест правильно?
- Читай дальше.

«Сегодня, когда я шел по Оксфорд-стрит, какой-то сумасшедший проповедник, кричавший в мегафон прохожим: «Не будь грешником! Будь победителем!», неожиданно обратился ко мне: «Вот ты! Ты готов пройти тест на испытания Христовы?» Я подошел к нему и сказал: «Да, я готов пройти тест на испытания Христовы». А потом спросил, что это за тест и будет ли его проводить сам Христос. По-видимому, своим вопросом я поставил проповедника в тупик; он перестал меня замечать и вновь принялся кричать о том, что мы должны быть не грешниками, а победителями. Интересно, сколько человек проходили тест на испытания Христовы, и если они его прошли, позволили ли им хотя бы немного побыть Христом».

- Дэнни, к чему это все ведет...
- Узнаешь. Читай.

Я встал и пошел к бару.

К тому времени, когда я вернулся к столику с пинтой пива в руке, Иан прочитал уже довольно много.

- Итак... ты побывал на распродаже принадлежностей для игры в гольф, да?
- Да.
- И по совету официанта заказал рыбное блюдо, хотя прежде никогда не ел рыбу?
- Да. И зря. Просто мне всегда казалось, что рыбы смотрят на меня как-то странно — даже те, что без голов. Оказалось, они ничего, вкусные.
- Ладно... Ты пошел на работу, — продолжал перечислять Иан, водя пальцем по прочитанному, — купил новый тип геля для душа и бутерброд фирмы «Бутс»11, «благодаря умно поставленному вопросу на рекламе в их магазине»...
- Да.
- Ты взял рекламную листовку какой-то школы английского языка и, как там было указано, зарегистрировался на их сайте... попробовал новый сорт шоколада... заказал проспект о Турции...
- «Турция: страна великих чудес».
- Ты сказал «да», когда кто-то спросил, можешь ли ты одолжить десятку.
- Да.
- Купил марки у какой-то старухи. Согласился пойти выпить с коллегой-занудой. Толково распорядился купоном на скидку. Побывал на отвальной человека, с которым ты никогда не был знаком, и соответственно сожаления по поводу его ухода ты не испытывал.
- И не только. Докуда ты дочитал?
- До четверга.

«Четверг

Сегодня в метро я пережил волнующее мгновение, так что у меня едва не остановилось сердце. Я увидел рекламу, в которой говорилось: «Вы уверены, что можете обойтись без виллы в Испании?».

Я понял: придется покупать виллу.

Но потом перечитал вопрос и сообразил: да, я и впрямь могу обойтись без виллы в Испании. Наверное, без виллы в Испании не могут обойтись одни только испанцы».

Иан закатил глаза — что меня несколько возмутило, ведь в социальном плане это было ценное наблюдение, — и продолжал читать.

«Согласился дать мелочь какому-то парню. Ответил согласием анкетеру, занимающемуся изучением рынка». Иан перешел на скороговорку.

«Согласился встретиться с Уэгом на следующей неделе. Согласился приобрести кредитную карту нового типа. Согласился пойти попить кофе с Ханной. Ответил согласием человеку, одержимому спасением китов».

Он дошел до пятницы.

«Пятница

Я купил себе духовный сан».

- Что это значит?
- Это значит, что теперь я могу отправлять обряды бракосочетания и все прочие. Читай.
- Как это?
- Я — священник. Я могу женить, крестить и так далее. Читай.
- Ты священник?!
- Читай!

Иан повиновался и вдруг осекся на полуслове. Не поднимая головы, он читал и перечитывал предложение, на котором споткнулся. А потом вслух произнес:

- «Я выиграл двадцать пять тысяч фунтов».
- Иан медленно поднял голову и посмотрел на меня.
- Да ты смеешься надо мной.
- Я мотнул головой.

— Ты смеешься надо мной, черт бы тебя побрал!

К этому я был готов. Я полез в карман и достал мой выигрышный лотерейный билет — тот самый, что часом раньше поверг в оцепенение Ханну. Я положил билет на стол и пододвинул его к Иану.

Он взял его, внимательно прочитал каждую цифру.

25 000. 25 000. 25 000.

Иан озадаченно покачал головой.

- Как...
  - Я согласился поиграть в футбол, так?
- Он кивнул.

— Если б я отказался, я б не вышел из дому в то время, в какое вышел, и не встретил бы человека, которого встретил. Он спросил, есть ли у меня фунт. Я сказал: «Да». Но монеты в один фунт у меня не оказалось. Пришлось купить газету, которую я бы не купил, если б не сказал: «Да». А в газете, которую я б не купил, если б мне не нужна была мелочь для этого человека, которого я бы не встретил, если б с самого начала не ответил согласием на предложение поиграть в футбол, был лотерейный билет. И в нем было сказано, чтобы я сверил цифры. Я сверил и выиграл.

Иан расхохотался.

— Ну и ну...

— Это была цепная реакция, Иан. Каждое мое «да» приближало меня к двадцать пяти тысячам фунтам. «Да» хотело, чтобы я выиграл.

Иан вернул мне лотерейный билет.

- Боже... так... когда ты получишь деньги?
- Хм.

А вот с этим как раз загвоздка.

Мне несколько трудно рассказывать то, что теперь я должен был сообщить Иану и что некоторое время назад поведал Ханне.

Нелегко понять, сколь важное это событие, пока ты сам не выиграешь двадцать пять тысяч фунтов, сидя под землей в вагоне метро, в окружении совершенно незнакомых людей. Но это то, что произошло, и я ничуть о том не жалею.

Через десять минут после того, как я выиграл двадцать пять тысяч фунтов...

...я лишился этих денег.

В ту же секунду, когда я выиграл деньги, мне захотелось поделиться с кем-то своей радостью. С кем угодно. Но под землей телефоны не работают, и не мог же я вскочить и бегать по вагону туда-сюда, воля и пританцовывая, ведь это Лондон, где даже чихание в общественном месте будет воспринято как нарушение закона, если вы при этом встретитесь с кем-то взглядом. Поэтому я прикусил губу и продолжал сидеть, пытаясь сдерживать смешки и улыбку.

25 000 фунтов!

На следующей остановке я сойду. Выйду из выгона, поднимусь на улицу и позвоню по указанному на билете номеру. А потом отправлюсь в Рио или на Кубу или еще куда-нибудь, где, по мнению туристического агентства, хорошо отдыхать в это время года. Буду там курить дорогие сигары, купленные у грязных уличных мальчишек, и... даже не знаю... куплю панду. Да! Куплю панду! Для мамы! А папе куплю цилиндр! Цилиндр из чистого золота!

Но, пока поезд, кренясь и покачиваясь, мчался сквозь туннели, у меня неожиданно началась паранойя. А вдруг я сделал что-то неправильно? Что, если я ошибся? Что, если я не выиграл 25 000 фунтов?

Я перепроверил номера. Мои опасения были необоснованны. Я, вне всякого сомнения, выиграл. Номера совпадали.

А что, если это старый билет? От другого числа?

Ничего подобного. Сегодняшний. Это факт.

Я перечитал правила.

«Соскребите шесть номеров...»

Шесть номеров? Так. А я ведь стер только три. Стараясь не привлекать к себе внимания, я нашел другие три номера и тоже сверил их.

5000.

Следующий...

5000.

Чтоб мне провалиться! Неужели я выиграл еще 5000?!

Я стер следующий номер...

2.

Ха! Почти выиграл еще 5000! Вот было бы здорово! Заполучить единственный в своем роде билет с несколькими выигрышами! Интересно... а что под другими полосками? Если еще «5000», значит, я смогу потребовать 30 000 фунтов?

Я принялся быстро соскрести...

1.

!! Тьфу! Я мысленно рассмеялся. Ну и что? У меня уже есть 25 000!

5.

Хм. Не очень хорошо.

Но следующий...

5000.

Ну и ну! Не может быть! А это что значит?

Я силился сохранять самообладание, но не выдержал и издал тихий визгливый звук, похожий на женское «ой». А эти в счет? В принципе, считаются только первые шесть номеров, ну а вдруг существует какая-то лазейка? Что, если теперь я выиграл 30 000 фунтов?

Я быстро пролистал газету, нашел правила. В одной рамке крупным жирным шрифтом было напечатано, что и как делать. И была еще одна рамка, занимавшая более половины страницы, и в ней текст был напечатан самым мелким шрифтом, какой только бывает на свете...

Прищурившись, я стал читать.

Минимальный возраст... прекрасно... телефон, по которому сообщить о выигрыше... прекрасно... три одинаковых числа... прекрасно... заявки, предъявленные с опозданием, не принимаются... билеты с опечатками не действительны... ограниченное количество призов... прекрасно, чудесно, замечательно...

А что же дополнительный выигрыш? Об этом что-нибудь сказано?

Я продолжал бегло просматривать правила.

Номера будут публиковаться всю неделю... Заявки на получение выигрыша... Постоянные жители...

А потом увидел: Нужно стереть только серебристые полоски, соответствующие вашим номерам...

Стоп... Как это?

Если сотрете серебристые полоски, не соответствующие вашим номерам, ваш билет будет недействителен.

Я перечитал это предложение еще раз.

Посмотрел на свой билет.

Подумал о том, что я натворил.

— Вот черт! — громко выругался я, так что все, кто сидел в противоположном ряду, посмотрели на меня.

Я плохо представлял, какотреагирует на мою глупость Ханна. Подозревал, что она, возможно, подумает: «Ну вот, как всегда!» Ханна покраснела, и я решил, что сейчас она начнет читать мне нотацию, потому быстро сказал:

— Я все равно заплачу за твой кофе.

Реакция Иана была мгновенной. Он сильно расстроился. Сначала тоже стал красный, как рак, потом сделал очень глубокий вдох, так что я даже испугался — подумал, что сейчас он начнет выдувать из себя воздушные шары и фигурки животных.

Потом его прорвало.

— Ты... кретин... идиот... недоделанный! — проскрежетал он, сверля меня сердитым взглядом.

— Что? — обиженно произнес я.

— У тебя было двадцать пять штук, Дэнни! Двадцать пять штук! И ты их выбросил!

В голосе Иана появились визгливые нотки. Может, он считал, что я должен ему эти 25 штук?

— В голове не укладывается! Как мог ты потерять двадцать пять штук?

— Я не прочитал то, что было напечатано мелким шрифтом.

— Ты не прочитал то, что было напечатано мелким шрифтом, — деловито повторил Иан, разводя руками.

— Да, — подтвердил я. — А мелким шрифтом было указано, что я должен соскрести только свои номера.

Иан скрестил на груди руки и покачал головой.

— А зачем ты стал стирать другие номера? Зачем, по-твоему, на билете указывают номера?

— Не знаю. Там была еще одна полоса, на которой было написано: «ПРИ УДАЛЕНИИ БИЛЕТ НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН». Я посчитал, что нельзя трогать только эту полосу, а все остальные можно! Искушение было слишком велико! Я сидел в вагоне метро, сойти я не мог и никому не мог рассказать про свой выигрыш,

поэтому я стал скрести!

— Но ведь твои выигрышные номера никуда не делись, хоть ты и соскреб больше полосок, чем нужно?

— Конечно. И это я пытался втолковать женщине, принимающей заявки на выигрыш, но она даже слушать меня не стала! Сказала, что в правилах все написано черным по белому. Я сказал ей, что эти правила напечатаны самым мелким шрифтом, какой только бывает, и размещены так, что их трудно заметить! Честно говоря, не понимаю, зачем они вообще ввели это бессмысленное правило.

— Чтобы помешать людям вроде тебя выигрывать у них деньги! Ну ты даешь, старик... взять и выбросить такие бабки!

— Ничего я не выбрасывал. Просто допустил ошибку. Только ведь дело не в этом...

— Как это не в этом? А в чем? У тебя в руках были двадцать пять тысяч фунтов, и ты их выкинул! Вот к чему привели тебя твои «да». Надеюсь, тебе это послужит уроком...

Иан заблуждался. Из ситуации с лотерейным билетом я вынес определенный урок, ценный урок, но не тот, о котором он говорил. Я попытался объяснить ему.

— Дело в том, приятель, что я выиграл деньги. Я выиграл 25 000 фунтов!

Иан пришел в замешательство.

— Ни черта ты не выиграл.

— Нет, выиграл.

— И сразу же потерял свой выигрыш!

— Это неважно.

У Иана был такой вид, будто он сейчас взорвется.

— Нет! Как это неважно?! Спятил, что ли? Ты утверждаешь, что это поучительный случай! А что в нем поучительного? ! Нет ничего хорошего в том, что денег ты не выиграл! Есть только олух по имени Дэнни Уоллес!

Но я уже мысленно проанализировал всю ситуацию и знал, что я прав.

— Послушай, Иан... Ну что из того, что я потерял деньги? Это ровно ничего не значит! Дело в том, что, если б я не сказал «да», я бы их не выиграл. Вот это действительно важно! Я согласился сыграть в футбол, так? Если б отказался, я не встретил бы того слепого, не купил бы газету,

не сел бы в метро и не стал бы стирать полоски на лотерейном билете. И тогда, сидя сейчас с тобой здесь, в этом пабе, мы обсуждали бы то, как закончился мой эксперимент с «да», а не то... как он начинается...

Иан еще больше растерялся.

— Значит, он начинается с того, что ты потерял двадцать пять тысяч фунтов?

— Нет. Он начинается с того, что я выиграл эти деньги... вот в чем суть! «Да» помогло мне выиграть!

Я был настроен решительно. Возможно, с психологической точки зрения я просто пытался выжить. Возможно, в своем решении я руководствовался инстинктом самосохранения. И, возможно я специально, сам того не сознавая, подхлестывал себя, — дабы вновь не скатиться в пучину негативизма. Меня ничуть не расстроило то, что я потерял 25 000 фунтов так же быстро, как и выиграл. Напротив, меня это даже вдохновляло.

Я говорил себе: в метро я сел без денег, так стоит ли переживать из-за того, что из метро я тоже вышел пустой? Сказав «да», я выиграл деньги. «Да» обогатило меня. Правда, будучи круглым болваном, я опять обеднел, — но не по вине «да». «Да» хотело, чтобы у меня были эти деньги. «Да» хотело, чтобы я стал состоятельным. И наверняка очень скоро «да» предоставит мне еще одну возможность разбогатеть. Нужно только подождать.

— Я тут приготовил кое-что для тебя, — сказал я. — Хочу отдать тебе на сохранение.

Я открыл свой дневник, на этот раз со стороны задней обложки, и вытащил бумажную салфетку.

— Ты хочешь отдать мне на сохранение салфетку?

— Это не салфетка. Во всяком случае, теперь. Просто мне не на чем было писать. Прочти. Это манифест. Манифест Согласного.

Иан вздохнул и стал читать вслух — сегодня у него это с каждым разом получалось все лучше и лучше.

МАНИФЕСТ СОГЛАСНОГО

Я, Дэнни Уоллес, находясь в добром здравии и ясной памяти, пишу этот манифест, в котором излагаю свои жизненные принципы.

— Да ты полный, законченный...

— Читай! Это важно! Это о моей жизни!

Клянусь, что отныне я постараюсь не отвергать возможности, которые предоставляет мне жизнь. Клянусь, что отныне я буду использовать каждый доступный шанс. Клянусь, что отныне я буду отвечать согласием на каждую любезность, просьбу, предложение и приглашение — на те мелочи, с которыми мы сталкиваемся каждый день

КЛЯНУСЬ, ЧТО ОТНЫНЕ Я БУДУ ОТВЕЧАТЬ СОГЛАСИЕМ НА ВСЕ ТО, ЧТО НЕКОГДА

ОТВЕРГАЛ.

Я буду всячески стараться держать данное себе слово. Но тем, кто знает, что я человек, на все отвечающий согласием, запрещено сообщать об этом другим и пользоваться моим положением. Это относится к тебе, Иан.

— Мне нет нужды пользоваться твоим положением! Ты обречен!
Я не стал вступать с ним в спор; сейчас для меня было важно, чтобы он осознал серьезность моего заявления.

Так будет продолжаться до Нового года, до конца этого года.

PS. Это не Глупый мальчишеский проект. Это — Образ Жизни.

— Во имя всего святого! — воскликнул Иан. — До конца года?! Да это ж еще несколько месяцев! Ты погибнешь!

— Не погібну!

— А что, если тебя попросят быть сразу в двух местах одновременно? — спросил он.

— Я сделаю все возможное, чтобы никого не подвести.

— Твой бзик не останется без внимания! Все заметят, что ты постоянно дакаешь!

— Я усовершенствовал свой план. Я не стану подтверждать, что Берлин находится в Шотландии или что я — беременная женщина с двумя детьми. Откровенно лгать я не собираюсь. Но возможности отвергать не стану. Буду отвечать согласием на любезность. На просьбы. На предложения. И на приглашения. Люди будут думать, что я просто... счастлив.

— Они будут думать, что ты простофиля!. — Иан разволновался не на шутку. — И... о Господи... а что, если тебя все же попросят убить человека?

В лице Иана отразились страх и тревога. Я попытался успокоить его.

— В жизни так не бывает, Иан.

— Вон его! — Иан показал на старика в углу паба. — Убей того мужика!

— Иан, так не пойдет, — сказал я, глянув на старика, у которого вид теперь был несколько испуганный. — Тебе известно про мой план... ты не в счет... ты автоматически лишаешься права предоставлять мне... «возможности». И ты никому не должен говорить про меня. Ясно? Ни единой живой душе. Я хочу, чтобы это был познавательный эксперимент. Эксперимент в полном смысле этого слова. Настоящий. На предмет счастья и позитивности.

— Ты все обдумал, да? Невероятно!

— Для меня это важно.

— А вдруг у тебя ничего не выйдет?

— Как это не выйдет? С какой стати? Ведь моя задача — просто говорить «да». Что тут может не выйти?

— Ты должен отвечать согласием на все. Ты просто обречен на неудачу.

— Чепуха. Я буду постоянно показывать тебе свой дневник. Буду держать тебя в курсе всего, что я делаю.

— Провалишь ты свой эксперимент!

— Ничего подобного!

— Хочешь пари?

— Нет, никаких пари. Дело слишком серьезное.

— Ладно. Но если я узнаю, что ты сказал «нет», тогда...

— Что тогда?

— Что-нибудь придумаю. И ты примешь наказание, как мужчина.

— По рукам, — сказал я.

— По рукам, — согласился он.

— Вот и чудесно.

Мы оба откинулись на спинки своих стульев. Я подумал, как жаль, что мы с ним не говорим с американским акцентом, — ведь тогда наш диалог звучал бы гораздо эффектнее. Наверное, Иан думал то же самое.

А потом он спросил:

— Ну что, по пинте?

И я ответил:

— Да.

Глава 5 В которой Дэниел получает весточку из султаната Оман

Оставьте всякие сомнения.

Я знал, что, сформулировав свой «Манифест Согласного», я принял самое важное решение в своей жизни.

Это был очень серьезный шаг. Серьезнее, чем школьный аттестат с отличием. Серьезнее, чем поступление в университет. Серьезнее, чем мой отъезд из Аргоса в 15 лет. И сейчас я был так же взволнован, как и в 15 лет, когда покинул Аргос. Ибо я понятия не имел, к чему это может привести. Я не преследовал какой-то определенной цели. К чему я стремлюсь? Чего надеюсь достичь? Я был единственным участником своего эксперимента: ни с кем не заключал пари, не имел соперников, никого не должен был удивлять или побеждать. Ну да, Иан что-то говорил про наказание, но то было чисто мужское позерство. Я избрал принцип — помоги себе сам. Это ключ к тому, чтобы чаще выходить из дому. Посещать разные мероприятия, встречаться с разными людьми, заниматься самыми разными делами... Я больше не контролировал свою жизнь. От меня ничего не зависело. Я мог только соглашаться. В буквальном смысле слова. Некоторые, говоря о себе, утверждают, что они относятся к тому типу людей, которые просто не могут сказать «нет». Теперь и я стал таким человеком.

В тот день, с которого я начинал вести новый образ жизни, я проснулся около девяти и стал думать, стоит ли мне сегодня заскочить в редакцию Би-би-си и попытаться выполнить там какую-нибудь работу. Я счел, что день для этого не самый подходящий. У меня было слишком много дел. Предстояло много раз ответить согласием. Как только впечатление новизны сотрется, как только я втянусь в ритм нового образа жизни, вот тогда и пойду туда, решил я. А сейчас скажу, что «работаю дома». Для нештатных работников это допустимо.

Я включил компьютер, приготовил чай и стал проверять электронную почту. На мой адрес, как всегда, поступило несколько рекламных сообщений с предложениями заглянуть на сайт, взять ипотечный кредит, приобрести товары по сниженным ценам (слава Богу, ни в одном из них меня не спрашивали, хочу ли я купить их товар). Но потом... открыв следующее сообщение... я вздрогнул от неожиданности и пришел в замешательство.

Ибо это следующее сообщение, которое я прочитал, являло собой отчаянный крик о помощи. Отчаянный крик о помощи...

Кому: danny@dannywallace.com

От кого: СУЛТАН КАБУС

Тема: СРОЧНАЯ СДЕЛКА

ДВОРЕЦ-МАСКАТ

П/Я 632 МАСКАТ РС 113 ОМАН

ПРОШУ ВНИМАНИЯ!

Я ВЗЯЛ НА СЕБЯ СМЕЛОСТЬ ОБРАТИТЬСЯ К ВАМ С ПРОСЬБОЙ ДАТЬ МНЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОВЕТ И НЕМЕДЛЕННО ОКАЗАТЬ ПОДДЕРЖКУ.

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ:

Я — ОМАР, СЫН УБИТОГО СУЛТАНА, СУЛТАНА СУЛТАНАТА ОМАН.

Ни фиги себе! Письмо от сына султана! Что делать — пасть на колени или кланяться? С какой стати сын султана пишет мне? Что произошло? Как он обо мне узнал?

ОТ ОТЦА Я УЗНАЛ, ЧТО ВЫ ОПЫТНЫЙ ЗНАЮЩИЙ БИЗНЕСМЕН. ПОСЕМУ ПИШУ ВАМ В НАДЕЖДЕ, ЧТО ВЫ НЕ ОТКАЖЕТЕ В ПРОСЬБЕ ПОМОЧЬ МНЕ В ДЕЛАХ БИЗНЕСА, ПРОЯВЛЯЯ ПРИСУЩИЕ ВАМ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ.

Присущий мне профессионализм в делах бизнеса? Какой еще профессионализм? И вообще, разве так пишется слово «профессионализм»?

ПРОШУ ВАС СОБЛЮДАТЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ. КАК И МОЙ ОТЕЦ, Я ВВЕРЯЮ ВАМ СВОЮ ЖИЗНЬ.

Что?

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ МОЙ ОТЕЦ ПОГИБ ОТ РУК ПОЛИТИЧЕСКИХ ВРАГОВ.

Что?!

ТЕПЕРЬ ТЕ ЖЕ ЛЮДИ ПЫТАЮТСЯ ВЗЯТЬ ПОД СВОЙ КОНТРОЛЬ ЕГО КАЗНУ. Я СУМЕЛ ТАЙКОМ ИЗЪЯТЬ \$ 40 МИЛЛИОНОВ И НАМЕРЕН БЕЖАТЬ ИЗ СТРАНЫ.

Как можно тайком изъять 40 миллионов долларов? Красть по доллару в неделю на протяжении 40 миллионов недель?

Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ВЫ, ИСПОЛЬЗУЯ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И СВОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ В ДЕЛАХ БИЗНЕСА, ПОМОГЛИ МНЕ ВЫВЕЗТИ ИЗ СТРАНЫ МОИ ДЕНЬГИ И ВЫГОДНО РАЗМЕСТИТЬ МОЙ КАПИТАЛ.

Какой еще профессионализм в делах бизнеса?!

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСИТЕСЬ ПОМОЧЬ МНЕ, ВАШЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ СОСТАВИТ 25% ОТ НАЗВАННОЙ СУММЫ (\$ 10 МИЛЛИОНОВ).

Ладно, дальше можно не говорить. Меня это устроит. Когда начнем?

ПРОШУ ВАС СОБЛЮДАТЬ ПОЛНУЮ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ. НАДЕЮСЬ, ВЫ НЕ ОТКАЖЕТЕ МНЕ В МОЕЙ ПРОСЬБЕ. ПРОШУ ВАС, НЕ МЕДЛИТЕ С ОТВЕТОМ. МЫ ДОЛЖНЫ ПОДГОТОВИТЬСЯ. ТАКОВА ВОЛЯ ГОСПОДА.

ОМАР

Боже правый!

Так, стоп... давайте поразмыслим.

Сын убитого султана попросил меня о помощи. Меня! И предложил мне 10 миллионов долларов. 10 миллионов, если я соглашусь ему помочь! Это вам не 25 000 фунтов! Значит, «да» вознамерилось вновь сделать меня богатым!

Но, вообще-то, конечно, это немного странно, стал рассуждать я. Начнем с того, что подобное со мной случается крайне редко. В сущности, если подумать, я вовсе не могу припомнить, когда я последний раз помогал какому-нибудь султану. Хотя бы чуть-чуть. Гордиться тут, разумеется, нечем. Просто я хочу сказать, что я даже не знаю, как это делается и, вообще, какая помощь от меня требуется. Стыдно признавать, но мне мало что известно о волшебных коврах, и, если в руку мне сунут большой кривой меч, я наверняка тут же отдам его обратно.

Но раз нашелся султан, нуждающийся в моей помощи... я ему ответил...

Кому: Султан Кабус

От кого: Дэнни Уоллес

Тема: СРОЧНАЯ СДЕЛКА

Дорогой Омар, сын убитого султана Кабуса!

Да, конечно, я вам помогу!

Дэнни

PS. Примите соболезнования.

Вот так-то.

Теперь мое согласие и наилучшие пожелания летели сквозь киберпространство к попавшему в беду сыну султана. А тот, наверное, прятался под столом в каком-нибудь богатом особняке — дверь подперта стулом, из охраны — один только большой лысый джинн. А может, он уже находился в бегах. Может, переодевшись крестьянкой, под покровом темноты пробирался от деревни к деревне, трясясь от страха за свою жизнь! Должно быть, как рад он будет, когда прочтет, что я, Дэнни Уоллес, рябой парень с зубной пастой во рту, и в самом деле готов поставить ему на службу свой профессионализм в делах бизнеса!

Я сидел за компьютером, нетерпеливо ударял мышкой по ящику «Получить почту», надеясь, что очередной мой щелчок принесет ответ от Омара. Но каждый раз я слышал только глухое «бум» — звук, которым тот, кто сконструировал мой компьютер, решил обозначить сигнал «сообщений нет». Глухое «бум» — удар под дых. Глухое «бум», подразумевавшее: «Сообщений нет. Хватит без толку барабанить. Никто не хочет писать тебе, даже такие же придурки, как ты сам».

Но я не отчаивался. Налил себе еще чаю, нашел в буфете печенье и опять сел к компьютеру, пристально глядя на экран монитора, мысленно приказывая Омару ответить мне, внушая ему, что все будет хорошо: главное, чтоб он держался.

А потом мне это надоело, и я занялся другими делами.

Я мыл посуду и вдруг услышал: бин-бон. Новое сообщение!

Я бегом кинулся к компьютеру, переживая, что Омар в опасности.

Сообщение прислала Ханна.

Дэнни!

Просто хочу удостовериться, что ты не впал в депрессию из-за того, что потерял 25 штук.

Ханна

Я ответил:

Ханна!

Не волнуйся. Я только что согласился помочь сыну убитого султана, и в награду он пообещал мне десять миллионов долларов.

Дэнни

Я еще немного посидел за компьютером, ожидая ответа Ханны, но она так и не откликнулась. Наверное, была занята.

День выдался не очень насыщенным событиями. Только Омару мне и пришлось ответить согласием. Других таких возможностей не представлялось. Поэтому я решил, что все же стоит сходить на работу.

Я был уверен, что еще найду чем заняться.

Если вам любопытно, скажу, что первой из австралийских Громадин стала скульптура «Большой банан».

Воздвигнутая в 1963 году американским иммигрантом Джоном Ланди, эта скульптура была искренней, личной данью уважения банану и предназначалась для того, чтобы привлекать народ со всех концов страны.

Так оно и вышло.

Любители бананов со всех уголков Австралии устремились к «Большому банану», чтобы воспеть мир бананов и посетить лежащую рядом банановую плантацию. «Большой банан» стал символом всего, что есть хорошего в ничтожном банане, а для ярких приверженцев бананов явился центром средоточия их внимания и усилий, связанных с выращиванием и сбытом бананов.

К тому же, начиная с 1963 года, Джон Ланди стал продавать гораздо больше бананов.

Возможно, по этой причине идея Громадин получила широкое распространение.

Почти мгновенно австралийцы с севера, юга, востока и запада страны сообразили, что они смогут привлечь всеобщее внимание к своим фермам, бизнесу и даже хобби, если будут воздвигать огромные красочные статуи в честь того, что занимает важное место в их жизни. И вот, как и рассказывала Лиззи, вдоль дорог по всей Австралии, центральных и проселочных, от Сиднея до побережья Саншайн-Коуст, стали вырастать гигантские скульптуры.

Естественно, некоторые пользовались большей популярностью, чем другие... Скульптура «Большой ананас», созданная в 1972 году, по мнению специалистов, пожалуй, самая удачная из всех Громадин, в 1970-х — начале 1980-х годов выдвинувшая на первый план ананасы и все, что с ними связано. Но мало найдется австралийцев, которые бы с гордостью говорили о скульптуре «Большая устрица», свидетельствующей о наличии обширных устричных отмелей на реке Мэннинг. Опустив долу глаза, они неохотно признаются, что «Большая устрица», как это ни прискорбно, как-то теряется в сравнении с «Большой креветкой», которая высится лить в нескольких милях к северу.

Громадины меня по-настоящему заинтересовали. И сейчас, сидя в редакции Би-би-си, я рылся в Интернете, стараясь как можно больше о них узнать. Рылся увлеченно. Постепенно отыскивая свои любимые. «Большая скала», например (вы только представьте!), или «Большое авокадо», находящееся в Дюранбе, в популярном тематическом парке «Мир тропических фруктов» (прежде называвшийся «Страна приключений Авокадо»... — звучит лишь чуть более заманчиво, чем выдуманный мною парк «Путешествие по полкам»),

— Дэн, отвлекись на минутку.

Ко мне обращался мой босс. Я резко развернулся на стуле, успев выйти из Интернета — не хотел, чтоб на экране высвечивались слова «Мир тропических фруктов». К сожалению, вместо них появилась игра «Сапер», в которую я играл раньше, но мой босс вежливо сделал вид, будто ничего не заметил.

— Послушай, у меня к тебе просьба. Ты можешь отказаться. Я не настаиваю. Дело в том, что в конце недели в телевизионном центре совещание — о перспективах развития, — нужно, чтобы присутствовал кто-нибудь с радио. Все, к кому я обращался, неожиданно оказались очень заняты. Смешно, как быстро у всех находят дела, если они не хотят куда-то идти. Ну а ты? Сходишь?

— Да! — с готовностью согласился я, гордый тем, что неукоснительно следуя намеченной линии. — Безусловно. А что за совещание?

— О путях развития. Обычная бурда. Все сидят за столом, выдвигают разные идеи. Сообразишь, что сказать?

— Да.

— Вот и чудесно. Я их оповещу. Спасибо, Дэн. Наслаждайся «Миром тропических фруктов».

Он закрыл дверь, а я решил заняться работой.

Работать дома здорово, но так же здорово выполнять свою работу, сидя непосредственно в здании управления радиовещания Би-би-си, которое стало родным домом для тысячи неряшливых радиопродюсеров в кардиганах. Согласно моему контракту штатного работника, мне полагалось два дня в неделю сидеть здесь в одном из кабинетов и генерировать идеи, что меня вполне устраивало.

На Би-би-си я пришел сразу же по окончании университета. Тогда мне каким-то образом удалось устроиться на полугодичную практику в Редакцию развлекательных программ, и вот я, молодой человек, еще не достигший тридцати лет, в своем вечном кардигане, теперь был полноценным продюсером легких развлекательных программ. Я никогда толком не знал, что следует считать «легкими развлекательными программами», но нам с вами точно известно, что к этому имеют непосредственное отношение кардиганы и также, по моему глубокому убеждению, Николас Парсонс¹².

Дом радиовещания — потрясающее место работы, овеянное богатейшей историей. Отсюда во время войны Черчилль обращался к народу, здесь работали «Гуны»¹³. И я всегда испытываю непомерную гордость, когда по специальному пропуску Би-би-си, прикрепленному к джинсам, прохожу в это здание через медные двери. Правда, мне не поручали заниматься тем видом качественной журналистики, которую ценят и считают наиболее достоверной во всем мире. Я не из тех, кто свергает правительства, разоблачает коррупцию или всю ночь листает секретные досье, готовя материал, который на следующий день попадает на первые полосы международной прессы. Я пишу сценарии небольших дурацких программ, которые помогают коротать время пассажирам пригородных поездов, развлекают одиноких пастухов, слушающих «Всемирную службу» где-нибудь на равнинах саванны, или привожу в замешательство обитателей тюрем, которые не понимают современных шуток на злобу дня, так как сидят за решеткой с 1987 года. Странная работа, но я о ней думаю так: кто-то ведь должен озадачивать пастухов и ставить в тупик заключенных.

В общем, как бы то ни было, я стал работать. Вернее, попытался. Но против меня были два обстоятельства. Во-первых, мне не давала покоя волнующая мысль, что моя судьба находится в руках кого угодно, только не в моих собственных, и что одно «да» на заданный к месту вопрос может безвозвратно изменить, улучшить или, как считал Иан, разрушить мою жизнь. Во-вторых, делать мне фактически было нечего. В данный момент я ни над чем конкретным не работал: один проект уже сдал, к другому еще не приступал. Конечно, можно было б самому проявить инициативу. Но это означало бы, что я сам ищу себе работу. А кто ж так поступает? Да и вообще, кто станет работать, если можно плясать и веселиться на солнышке, отвечая согласием всем подряд? Я направился из редакции. Вид у меня был деловой, будто я шел на важное совещание, на котором собирался рассуждать о важных вещах, употребляя такие словечки, как «слияние» и «иерархия». На подобных совещаниях нормальные люди падают в обморок, а женщины их и вовсе избегают, опасаясь забеременеть от обилия тестостерона в воздухе, насыщенного запахом лосьона после бритья. Настоящие мужчины выделяют тестостерон вместе с потом.

— Привет, Дэнни, — неожиданно раздался слева от меня чей-то голос.

— Привет! — прогудел я, все еще преисполненный собственной важности.

— Как дела?

Ко мне обратился Роберт, инженер, с которым я довольно напряженно работал целую неделю над монтажом одного проекта. Вообще-то, ту программу мы монтировали, как мне кажется, почти месяц, — главным образом, потому, что Роберт пытался пробиться в финал одной викторины и посему каждые пять минут отрывался от работы, дабы сообщить мне какой-нибудь малоизвестный факт о животном мире, или просил проэкзаменовать его на предмет популярности передач и т. д. в определенные недели 1990-х годов.

— Нормально, Роберт. Спасибо.

— Лифт ждешь?

— Да. А ты?

— Я — нет, — ответил он.

Но потом, когда прибыл лифт, он вошел в кабину вместе со мной.

— На следующей неделе я даю небольшой прием, Дэнни. Так, обычная вечеринка. Будут несколько приятелей из нашей «индустрии».

Для пушей выразительности интонационные ударения Роберт подчеркнул жестами. А потом, довольный своей затеей, расхохотался и покачал головой.

— Я тебя тоже хотел пригласить. Придешь?

Прежде я постарался бы уйти от ответа. Не потому

что Роберт был зануда. Вовсе нет, и на этот счет я всегда защищал его перед другими. Просто он был ужасно скучный человек.

— Конечно, приду, Роберт, — ответил я, радуясь тому, что мне, по крайней мере, будет что записать в дневник. — С удовольствием.

— Классно. Здорово. С Би-би-си только ты один нашел время! Все остальные сейчас очень заняты.

— Да, это я уже слышал.

— Что ж, ладно. Я свяжусь с тобой по электронке.

— Договорились.

Мы с Робертом вышли из лифта и обменялись рукопожатием. Затем он вернулся в кабину и опять поехал на пятый этаж.

Солнце все еще светило. Я шел по Риджент-стрит и улыбался. После выигрыша в лотерею у меня появились удивительные мысли. Я думал: возможно, каждое мгновение, что я бодрствую, ведет к чему-то необычному, и мне нужно только смотреть во все глаза и быть восприимчивым. Ведь человек, с которым я тогда разговорился в автобусе, заставил меня понять, что маленькие неприятности повседневной жизни — это вовсе не

неприятности. Давка в метро, автобус, не остановившийся перед тобой, ночной клуб, в который тебя не пустили... прежде все это я расценивал как отдельные, законченные моменты. Я никогда не думал, что, возможно, каждый из таких эпизодов знаменует начало чего-то, ведет к чему-то, что это даже к лучшему.

И именно такой душевный настрой мне был необходим, когда я, подходя к метро, увидел то, от чего еще несколько дней назад у меня упало бы сердце, а тело сковала усталость. Со станции Оксфорд-серкус на улицу строем по семь человек в шеренге непрерывным потоком валила толпа. Метро опять не работало. Я встал в хвост очереди и огляделся. Передо мной стояло человек сто, столько же — на противоположной стороне улицы, у другого входа. Все ждали, когда вновь откроется метро, все проклинали судьбу, или орали в телефоны, или просто топтались на солнцепеке. Это была усталая, раздраженная толпа, и я едва не поддался всеобщему настроению. А потом вспомнил, что последний раз угодил в подобную передрагу как раз в тот вечер, когда в автобусе познакомился со своим случайным попугачиком. И тогда я понял, что это идеальный вариант. Еще одна возможность посмотреть, что преподнесет мне жизнь! Хочу ли я стоять здесь, у дороги, запруженной автотранспортом, дышать пылью и дымом, глхнуть от автомобильных сигналов или готов воспринять это как шанс? Хочу ли я стоять здесь, в толпе рассерженных горожан и туристов, или готов что-то предпринять? А что, если просто уйти? Что, если пройти мимо метро, принимая жизнь такой, какая она есть? Что тогда произойдет?

И я пошел пешком.

В тот вечер я шел куда глаза глядят. По Оксфорд-стрит14, в Сохо, к Пиккадилли-серкус15, на Лестер-сквер16. Я шел неторопливо, надеясь, что кто-то все же обратится ко мне и даст мне шанс сказать «да», но постепенно начал замечать то, на что в Лондоне никогда прежде не обращал внимания. Всякие пустяки. Увидел статую Чарли Чаплина в центре Лестер-сквер. Таксофоны в форме пагод в китайском квартале. Крошечные деревянные фигурки крестьян в часах на здании Швейцарского центра, которые каждый час исполняли танец — к удовольствию одних только туристов. И я вдруг понял, что для лондонца я не так уж хорошо знаю Лондон.

Я зашагал в сторону Холборна, миновал Чансери-лейн*, прошелся по Флит-стрит", где на глаза мне попалась памятная доска в честь некоего Уоллеса, посидел на скамейке в Сити, наблюдая, как какой-то мужчина в деловом костюме молча запикивает себе в рот целую булочку. Я бесцельно слонялся, бродил, гулял... и вдруг сообразил, что почти дошел до дома. Как странно. Я всегда бегал, носился по городу. Лондон я всегда воспринимал как скопление множества разных мест, до которых мне нужно добраться, причем как можно быстрее. Но сегодня вечером... я шел домой пешком. Не торопясь. Рассматривая все на своем пути. И получая от этого огромное удовольствие. Я заново открыл для себя свой родной город и влюбился в него.

Домой я вернулся поздно, но чувствовал себя отдохнувшим и счастливым. Я сунул в микроволновку полуфабрикат с карри, включил чайник и сел за компьютер, чтобы проверить электронную почту.

Привет! Меня зовут Сэнди! Хочешь посмотреть, как мы с подружками бесимся в комнате?

Я понятия не имел, кто такая Сэнди, но чувствовалось, что она настроена дружелюбно. Ее предложение мне понравилось, но оно могло подождать.

Пришло также сообщение от инженера Роберта, в котором он указывал время и место проведения своей вечеринки. «Найди какой-нибудь любопытный факт! — говорилось в нем. — Озадачь незнакомца и сделай первый шаг!»

Все, других сообщений не было.

Я взял свой дневник, записал дату вечеринки, которую устраивал Роберт, также записал все сегодняшние случаи, когда я ответил согласием. Но я был разочарован. Прогулка по Лондону взбодрила меня. Мне не терпелось еще на что-нибудь ответить согласием.

С чашкой чая в руке я сел на диван и стал лениво листать «Тауэр-Хамлетс рекордер» — газету, которую я стараюсь прятать от мамы, когда она приходит ко мне в гости, поскольку там чуть ли не каждая статья пестрит такими словами и фразами, как «зарезали», «ограбили» или «полиция считает, что уличные грабители охотятся за людьми в очках», — пытаюсь отыскать что-нибудь интересное.

Здесь, как обычно, были сообщения о разных преступлениях. О каком-то празднике. Статья об историческом судебном процессе.

Но вот на соседней странице... на самом краю, рядом с поздравлением с днем рождения и фотографией очень старого кота, важное объявление следующего содержания...

ТОВАРИЩЕСТВО «ЗВЕЗДНЫЙ ВЗРЫВ» Приглашает всех и каждого на наше третье собрание! Если вас интересуют инопланетяне, телепатия и все такое потопное, приходите к нам на огонек! Паб «Слепой бедняк», Уайтчепел, 18.00. Спросите Брайана.

Приглашение! Всем и каждому! Включая меня!

Надо признать, что объявление несколько странное... и обычно я стараюсь избегать тех, кто говорит «потопное» вместо «подобное»... но тут другой случай.

Я улыбнулся. Среда завтра. Я запомнил адрес и выключил компьютер. Все, теперь спать.

Нет, стоп.

Я улыбнулся, записал адрес, вновь вошел в Сеть и взглянул на цветную фотографию Сэнди, резвящуюся со своими подружками по комнате. Я опять улыбнулся, выключил компьютер и тогда уже пошел спать.

Улыбаясь.

Паб «Слепой бедняк», находившийся недалеко от моего дома, был легендой Ист-Энда.

Именно там Ронни Крей, один из братьев-близнецов — знаменитых лондонских бандитов, — застрелил завязавшего мошенника Джорджа Корнуэлла. Каждый лондонский таксист скажет вам, что он тоже находился в этом пабе в тот вечер, когда было совершено убийство, и вам лучше хранить молчание, когда они это говорят. На самом деле, как утверждает полиция, свидетелями преступления были всего два человека — двое мужчин-проституток, но я по собственному опыту знаю, что таксисты не любят, когда их спрашивают, каково было быть мальчишкой по вызову в 1960-х годах.

Крей, конечно, наследили почти на каждом пяточке Ист-Энда. Останови любого старика в Ист-Энде и ткни пальцем на что угодно.

«Да, — скажет он. — Это та самая стена, которую близнецы Крей как-то раз распилили, когда шли на дело. Вы турист? Дайте пять фунтов?»

Разумеется, есть объекты более знаменитые. Есть кафе «У Пелличчи», в котором Крей обдывали свои делишки и пили чай. Есть ночной клуб «Тернмиллз», где Безумному Фрэнки Фрейзеру прострелили голову, но он выжил и потом всем рассказывал, как в него стреляли. Есть дом на Эверинг-роуд в Сток-Ньюингтоне, где Регги Крей зарезал Джека Маквити по прозвищу Шляпа. Который, если хотите знать, был человеком, а не шляпой, и, вне сомнения, таковым будет оставаться, пока не снимут мультфильм «Приключения братьев Креев».

Но паб «Слепой бедняк» — это то место в восточном Лондоне, где до сих пор витает дух Креев, и честно говоря, мне представляется странным, что товарищество «Звездный взрыв» решило устроить свое собрание именно здесь.

— Разумеется, — сказал Джеймс, один из присутствующих, в котором я, когда вошел в паб, сразу признал представителя этого звездного товарищества (и оказался прав), — я знаком с человеком, который был здесь в тот вечер, когда это произошло. И все видел своими глазами.

Остальные члены товарищества — Лора, Боб и сам Брайан — изобразили на своих лицах нечто вроде восхищенного «Надо же!».

— Он таксист? — спросил я.

— А ты что — знаешь его? — изумился Джеймс.

Я решил, что не стоит при первой же встрече потчевать моих новых знакомых дурацкими историями о мужской проституции, поэтому я качнул головой и сказал:

— Нет.

Как выяснилось, товарищество «Звездный взрыв» собиралось раз в месяц в разных пабах Лондона и, по сути, состояло только из этих четырех человек, к которым иногда присоединялся какой-нибудь случайный гость и еще один завсегдатай, в данный момент отдохавший в Малаге.

— Кроме нас, еще есть люди, — сказал Брайан. — Организация у нас большая. Много наших в Штатах, парочка — во Франции, ну и, конечно, сотни тех, кто пишет нам, хотя мы их никогда не видели. И вряд ли увидим...

Он многозначительно посмотрел на своих приятелей, и они все усмехнулись.

— Почему? — спросил я.

— Скажем так: им известно о нас больше, чем нам —

о них, — объяснил Брайан, а Лора, как мне показалось, губами проартикулировала слово «правительство».

Я был доволен и возбужден. Сказав «да», я впервые оказался в теплой компании совершенно незнакомых мне людей. Людей с весьма необычными идеями...

— Итак, — произнес Брайан. — Боб сейчас посвятит нас в свои теории относительно пирамид. Боб у нас египтолог, Дэнни.

— Здорово! — с энтузиазмом откликнулся я. — Чудесно!

— Ты что-нибудь знаешь о пирамидах, Дэнни? — осведомился Боб — лысый мужчина с седой козлиной бородкой. На нем был жилет с узором из маленьких полумесяцев.

— Э... ну, знаю, что они в Египте.

— Верно. Молодец, — похвалил меня Боб. — Но кто их построил?

— Египтяне? — предположил я, поразмыслив с минуту.

Боб улыбнулся.

— Это, вне сомнения, соответствует общепринятому мнению, — сказал он. — И, наверное, действительно, некоторые египтяне действительно участвовали в строительстве пирамид. Но, думаю, без помощи извне они бы не справились.

Тут Лора, сидевшая в шляпке, хотя в пабе было тепло, издала едва слышно «мм-хмм», словно подтверждая слова Боба.

— И кто же, по-твоему, им помогал? — спросил я.

Взгляды всех членов товарищества обратились на меня; они хотели видеть мою реакцию.

— Инопланетяне, — ответил Боб.

Я моргнул раза два и переспросил:

— Инопланетяне?

— Ну подумай сам, — сказал Боб.

Я подумал. Не помогло.

— Ты уверен? — спросил я.

— Вообще-то, Дэнни, — начала Лора, — это вовсе не притянутое за уши утверждение. Изучение древних иероглифов показывает, что египтяне часто говорили о существах с неба, которые наделили их великой мудростью и научили диковинным технологиям. Если взглянуть на произведения древнеегипетского искусства, можно заметить много необычных форм, и некоторые из них очень похожи на космические корабли.

Джеймс кивнул с загадочным видом. Брайан глотнул лимонаду. А Боб продолжал:

— Более того, пирамиды в Гизе стоят точно в соответствии с расположением звезд в поясе Ориона. И если разделить окружность великой пирамиды на ее высоту, умноженную на два, получится 3.141.

— Число «пи», — добавил Брайан и подмигнул.

— Но... разве у инопланетян есть число «пи»? — спросил я. — Почему вы считаете, что пирамиды не могли воздвигнуть египтяне... ну, знаете... те, что понимали толк в строительстве?

— Это тоже не исключено! Никто не спорит! — сказал Боб. — Но ведь нет ни единого упоминания о том, кто их строил. А египтяне фиксировали буквально все. Сведения о войнах, царях, о поклонении фараонам, все, что происходило. А о сооружении пирамид ни слова. Странно, да?

Брайан неожиданно хохотнул, к чему — непонятно.

Я был в недоумении. Почему отсутствие сведений о строителях пирамид должно автоматически означать, что их соорудили инопланетяне? Когда мне было девять лет, кто-то увел мой велик, который я оставил у центра отдыха и развлечений в Лафборо, но было бы несправедливо вину за это возлагать к ногам наших братьев из вневременной цивилизации. Если, конечно, у них есть ноги.

— Ладно, а теперь новости, — объявил Боб, и Джеймс с Лорой чуть подались вперед за столом. — Наш американский коллега передал мне это по «Мессенджеру»¹⁷, и я обещал распространить его сообщение среди остальных членов нашей группы.

Он взглянул на меня, и я вдруг понял, что в этой компании меня уже считают своим. Я — член товарищества «Звездный взрыв»! Кайф!

— Гак вот. Я об этом прежде не слышал, но говорят, что в области Сидония на Марсе найдены новые доказательства того, что пирамиды и в самом деле построили инопланетяне. На первых фотографиях поверхности Марса видны некоторые объекты: что-то похожее на лицо и стоящие бок о бок памятники в форме пирамид. Я проверил эту информацию по Интернету.

Джеймс выгасил блокнот и что-то в нем быстро записал.

— При близком рассмотрении видно, что по структуре это лицо гуманоида...

Тогда я впервые услышал слово «гуманоид» из уст гуманоида, и мне это ужасно понравилось. Заинтригованный, я кивнул.

— ...и по форме во многом напоминает сфинкса.

Все посмотрели друг на друга, потом на меня. Я тоже посмотрел на своих собеседников и, прикусив нижнюю губу, кивнул и вскинул брови, давая понять, — разумеется, из вежливости, — что их аргументы меня убедили.

— Да, — произнес я, — похоже, пирамиды и впрямь построили инопланетяне.

— Поразительно! — воскликнула Лора. — Потрясающе. Интересно, как пирамиды появились там, на Марсе?

Джеймс закатил глаза к потолку, очевидно, ожидая наития свыше.

— Может, их построили египтяне? — предположил я и тут же пожалел о своих словах.

И вдруг Боб рассмеялся. И Джеймс тоже рассмеялся. Все рассмеялись. Но потом Боб положил конец всеобщему веселью, сказав:

— Нет, это явно были инопланетяне.

— Так почему ты решил прийти на наше собрание? — спросил Брайан полчаса спустя.

— Вы же меня пригласили, — ответил я. — Вернее, вы приглашали всех. Я видел ваше объявление.

Мы стояли у бара на некотором удалении от Боба, Лоры и Джеймса.

— Честно говоря, меня то объявление несколько расстроило.

— Почему?

— Ну, я позвонил в газету, дал объявление, а они для начала поместили его в рамку из звезд, — о чем я не просил, — представив нас полными идиотами. А потом переименовали и сам текст. Я сказал: «Если вас интересуют инопланетяне, телепатия и все такое прочее...» А они написали: «Если вас интересуют инопланетяне, телепатия и все такое потопное...» И, ко всему прочему, пропустили букву «и» в слове «интересуют», а слово «приглашает» напечатали с заглавной буквы. Женщина, с которой я говорил по телефону, от себя еще добавила и восклицательные знаки. Тем не менее результат есть. Ты пришел. Наверное, подумал: «Почему бы не сходить?», — верно?

— Я... мм... даже не знаю, — начал я. — Решил сходить. Подумал, нужно использовать свой шанс и сказать «да».

— Хм, молодец. Закоснелость — это болезнь. Нужно быть более открытым, иначе жизнь пройдет стороной.

Иначе будешь наблюдателем, а не участником. Я разумно рассуждаю?

Вполне.

— Да я вообще стараюсь чаще говорить «да», — признался я. — В общении с людьми.

Обратите внимание, что я употребил слово «вообще» вместо «все время, на все, всегда».

— В самом деле? А что, неплохая мысль. Быть восприимчивым к новым впечатлениям. И что тебя толкнуло на этот шаг?

— Один человек посоветовал. Мы ехали вместе в автобусе. Случайно разговорились после того, как метро перестало ходить, когда мы ехали домой. Сели в автобус, и он вдруг заявил: «Чаще говори "да"». Ни с того, ни с сего. Вот я и говорю.

Брайан с любопытством посмотрел на меня.

— Надо же, — хмыкнул он. — И ты принял его слова за чистую монету?

— Да.

— И кто он такой?

— Понятия не имею. По виду азиат. Сказал, что учитель. Откуда-то отсюда. Из Олдгейта.

Брайан прикусил нижнюю губу и вскинул брови.

— Значит, учитель, — протянул он. — Тогда понятно. В общем, он задел тебя за живое, да? Когда так сказал?

— Наверное, это был мой трей! — сказала подошедшая к нам Лора, и Брайан рассмеялся вместе с ней.

— Кто? — не понял я.

— Не бери в голову... Майтрея18, — объяснил Брайан. — Всемирный учитель.

— Что еще за Всемирный учитель? — спросил я.

— Успокойся, — сказал Брайан. — Его не существует.

— Это не доказано, — возразила Лора. — Мы просто не знаем, что он существует. То же самое относится к Божествам или просветленным существам.

Я был заинтригован. Подумал: надо ж, как занятно. Конечно, идея об инопланетянах, сооружающих пирамиды, куда интереснее, но все равно любопытно.

— А кто такие просветленные существа?

— Существа, которые живут среди нас, помогают нам в повседневной жизни. Можно сказать, что Майтрея — их предводитель. Предположительно он обитает где-то здесь.

Чудеса, да и только.

— Тебе известно, где живут просветленные существа?

— Не совсем. Где-то в Ист-Энде. Брайан об этом знает больше, чем я.

Я поискал глазами Брайана. Он уже вновь стоял у бара. И, хотя я мысленно отметил, что нужно бы еще расспросить про Майтрею — Божество, обитающее в Ист-Энде, — разговор вскоре перешел на другую тему.

Несмотря на то что в речи моих новых знакомых зачастую проскальзывали несколько странноватые намеки, мне нравилось общаться с ними. Брайан (его любимая тема — «Они», «к чему Они стремятся» и «как Они этого достигают») имел загадочное прошлое и был наиболее эксцентричным из этой четверки. Лора (ее конек — ангелы, загробная жизнь и «тайные помощники») — в прошлом социальный работник, ее отличал быстрый тихий смех. Джеймс (заговоры, заговорщики и жертвы заговоров) любил мотоциклы и паб «Слепой бедняк» выбрал местом сегодняшней встречи потому, что он находился в «дружески настроенном к байкерам» районе. А Боб (инопланетяне, египтология и телесериал «Звездные врата») прежде преподавал столярное дело, но в 1982 году в Озерном крае увидел летающую тарелку и решил, что столярное дело в сравнении с уфологией — занятие бессмысленное.

— Месяца через полтора у нас состоится очередное собрание, в «Уиллесден грин», — сообщила Лора. — Это возле моего дома. Придешь? Будем тебе очень рады.

— Да, — ответил я, сунув руку в карман, чтобы достать свой дневник. — Приду. Непременно.

Я перехватил взгляд Брайана. Он улыбнулся мне.

— Правда мы еще не решили, что будем обсуждать, — сказала Лора.

— Может, поговорим о Майтрее, — пошутил Брайан. — Раз уж ты с ним знаком.

Я рассмеялся. Но Лора отнеслась к словам Брайана серьезно.

— А что, можно и про Майтрею, — сказала она. — Или у тебя есть еще какие-то необычные пристрастия?

Было ясно, к чему она клонит. Ей хотелось выяснить, нравятся ли мне ангелы. Или НЛО. Или, может, у меня на стене висит плакат с изображением мистера Спока19.

— Я — человек... широких взглядов, — ответил я. — Меня много что интересует.

— Например?..

Хм, и что сказать? Не могу же я назвать бадминтон, в самом-то деле. Что считается... ну вы понимаете... паранормальным?

— Охотники за привидениями.

Судя по всему, мне не удалось произвести должного впечатления.

— Да... а вот мой друг Уэг считает, что мужчины могут рожать детей... просто еще не придумали, как это делать. Он утверждает, что такое предположение вполне резонно. А вы что на это скажете?

— О, — отмахнулась Лора. — Про это я уже слышала.

Разумеется.

— Некто по имени Линтон... кажется, так его зовут... выдвинул любопытную теорию отцовства... Он высчитал, что для этого мужчине должно быть около сорока лет и он должен быть сексуально активным. Мужчина и женщина лежат рядом и возбуждают друг друга только указательными пальцами. С вашего позволения я не стану вдаваться в подробности, скажу только, что, если им повезет, примерно через год у мужчины появится способность зачать ребенка.

— О! — воскликнул Джеймс. — Без посторонней помощи?

— Нет, с помощью другого мужчины, — ответила Лора.

— Но самое интересное во всем этом то, что мужчина и в самом деле может выкармливать грудью ребенка, только после родов ему придется закупорить свои родовые пути.

Я увидел, как Брайан беспокойно заерзал на стуле при мысли о том, что ему придется закупорить свои родовые пути.

— По мнению некоторых, именно так появлялись на свет люди до того, как была создана женщина, — добавила Лора. — Хотя у меня на этот счет своя собственная теория.

Кто бы сомневался.

Улыбаясь, я устало тащился к Майл-Энд-роуд. Вечер прошел под знаком хорошего, добротного «да». Я замечательно провел время в обществе членов товарищества «Звездный взрыв» — несмотря ни на что. Во всяком случае, несмотря на мои предубеждения. Я был рад, что эти четыре человека — костяк организации — нашли друг друга. Что они создали свой собственный клуб, в котором могли обсуждать, обдумывать, отвергать любые идеи, хотя, если честно признать, взгляды у них были несколько чудные. И ведь какие они приветливые, дружелюбные. Каждый из них уверен, что общение дарит добрых друзей. А сами они, вне сомнения, были хорошими друзьями.

— Когда у меня начинается хандра, — в какой-то момент сказала Лора, — я покупаю себе новую шляпку.

— Интересно, где ты их берешь? — спросил Джеймс, и весь стол разразился хохотом. С ними я чувствовал себя тепло, комфортно, и, если б не разговоры про инопланетян и пирамиды, можно было б подумать, что я провожу вечер в пабе с четырьмя близкими друзьями.

Дома, когда я вернулся, меня ждал ответ от находящегося в опасности моего друга султана, чему я несказанно обрадовался.

Кому: danny@dannywallace.com

От кого: СУЛТАН КАБУС

Тема: СРОЧНАЯ СДЕЛКА

ДОРОГОЙ дэнни

ДА БЛАГОСЛОВИТ ТЕБЯ БОГ, дэнни, ЗА ТО, ЧТО ТЫ СОГЛАСИЛСЯ МНЕ ПОМОЧЬ. ПУСТЬ ТЕБЕ ВО ВСЕМ СОПУТСТВУЕТ УДАЧА. Я ДОЛЖЕН РАСПОЛАГАТЬ ТВОИМ ПОЛНЫМ ДОВЕРИЕМ. САМ ЖЕ Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО МОГУ ДОВЕРЯТЬ ТЕБЕ НА ВСЕ 100%.

ВРАГИ МОЕГО ОТЦА НЕ МЕДЛЯТ, И ВСКОРЕ У НАС НЕ ОСТАНЕТСЯ ВРЕМЕНИ. Я ДОЛЖЕН В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ВЫВЕЗТИ \$ 40 МИЛЛИОНОВ. НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ.

ОЧЕНЬ ТЕБЯ ПРОШУ ПОЛОЖИТЬ ДЕНЬГИ НА СЧЕТ В ПОДХОДЯЩЕМ БАНКЕ, ГДЕ ОНИ БУДУТ В ЦЕЛОСТИ И СОХРАННОСТИ.

ПОСЛЕ УДАЧНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ Я ПРИГЛАШУ ТЕБЯ В СВОЙ СУЛТАНАТ, ДА-БЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТОБОЙ ЛИЧНО.

С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ОТ ТЕБЯ ОТВЕТА. ТЫ ПОПРЕЖНЕМУ ГОТОВ МНЕ ПОМОЧЬ? ПРИШЛИ МНЕ РЕКВИЗИТЫ ТВОЕГО БАНКА, НОМЕР СЧЕТА И НОМЕР ТЕЛЕФОНА, дэнни.

ОМАР

Слава Богу, с Омаром все в порядке. Он заставил меня немного поволноваться, но, полагаю, волей-неволей окажешься в цейтноте, когда пытаешься улизнуть из страны с сорока миллионами долларов.

Сегодняшний вечер научил меня тому, как важно хвататься за любую возможность сказать «да», откуда б она ни исходила. Так, задумался я, что бы мне ответить Омару? Очень мило с его стороны, что он стремится перевести наше общение в сферу личных отношений, готов пригласить меня в свой султанат по завершении сделки. Совершенно очевидно, что теперь он считает меня своим другом. Посмотрите, как по-доброму он написал мое имя. Не с жутких кричащих заглавных букв. Нет, я для него не ДЭННИ, а дэнни. Такое впечатление, что он вписал мое имя в уже готовое письмо.

Ответ мой был скорым и, надеюсь, успокаивающим.

Дорогой Омар,

Как здорово! Я с радостью готов навестить вас в вашем султанате, дабы вы имели возможность познакомиться со мной лично. Да... а потом, может быть, вы приедете погостить ко мне. У меня квартира в Боу. Правда, в качестве спального места я могу предложить вам только матрас, зато он очень большой — «КОРОЛЕВСКИЙ». Интересно, король значительнее султана? Полагаю, если это толстый король, как Генрих VIII, тогда, конечно, значительнее. С другой стороны, толстые султаны, наверное, тоже встречаются.

Прошу прощения, если обидел вас.

Что касается другого вопроса, да, я по-прежнему готов помочь вам. Постараюсь как можно скорее открыть для вас банковский счет.

Всего хорошего!

Дэнни

Я внес новые сведения в свой дневник и, счастливый, пошел спать.
Все складывалось как нельзя лучше.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА СОГЛАСНОГО: 1

22 июня

Какой чудесный день!

Во-первых, сегодня солнечно и ясно. Во-вторых, я с радостью сообщаю, что со мной связались люди из «КапиталВан». Мне как «особо избранному» предложили приобрести «кредитную карту нового типа»! Я тут же отослал свое заявление, вложив в конверт дружеское письмо с выражением благодарности.

23 июня

Увидел рекламное объявление в газете «Сан». В нем говорилось: «ВЫ ПОХОЖИ НА КОГО-ТО ИЗ ЗНАМЕНОСТЕЙ? ХОТИТЕ НЕМНОГО ПОДЗАРАБОТАТЬ? ЗАПОЛНИТЕ НАШЕ ЗАЯВЛЕНИЕ (БЛАНК РАЗМЕЩЕН В ИНТЕРНЕТЕ), ПРИШЛИТЕ СВОЕ ФОТО И ЗАРАБОТАЙТЕ ХОРОШИЕ ДЕНЬГИ!»

Я решил, что ответы на оба вопроса — «Да» и «Да». А потом попытался сообразить, на кого я похож. Решил, что мог бы сойти либо за старшего брата Гарри Поттера, либо за одного из «Проклеймеров». В детстве я очень любил эту группу, и, полагаю, мне просто повезло, что я вырос похожим на одного из них. Точнее на обоих, ведь они близнецы и все такое.

Я послал свое фото, сопроводив его словами: «Знакомьтесь с единственным в Великобритании человеком, представляющим «Проклеймеров» в одном лице!». Вряд ли они отвергнут мою кандидатуру. Шутка ли, два близнеца по цене одного!

24 июня

Какая удача!

Я принял предложение «Американ экспресс» приобрести «кредитную карту нового типа»! Сколько существует новых типов кредитных карт? Может, я должен заняться их классификацией, будто некий помешанный на пластиковых картах Дарвин. «Смотрите, это кредитная карта Уоллеса», — так будут говорить потомки. «Как вы определили?» — спросят другие. — «По маркировке, — ответят первые. — И по тому, что на ней совсем не осталось денег».

26 июня

Сегодня утром ехал в метро, и женщина, сидевшая напротив меня, держала в руках газету, которая была сложена неким странным образом. «Хочешь жить в чистоте?» — обращалась ко мне реклама на одной из полос. «Уберись в своем доме — испытай на себе волшебную силу пароочистителя!» — предлагалось на другой полосе. Рядом с фотографией пароочистителя было помещено фото улыбающейся Сью Поллард20, провозглашавшей: «Восхитительно просто — просто восхитительно!». Должно быть, она получала истинное удовольствие, убираясь с помощью пароочистителя. Производители с гордостью предлагали мне приобрести их новое изделие по новой низкой цене — всего за 24.95 фунтов. Я сделал заказ. Теперь мне предстоит на себе испытать волшебную силу пароочистителя. Как только его доставят мне, я не премину поделиться с вами своими впечатлениями. Надеюсь, производить уборку с его помощью будет восхитительно просто и просто восхитительно.

28 июня

Сегодня я принял предложение банка «Морган Стэнли» приобрести «кредитную карту нового типа». Я также получил кредитную карту нового типа от банка «КапиталВан». Ничего, блестящая.

Еще купил два номера газеты «Большой вопрос».

1 июля

Целый день работал, потом пошел выпить с Уэгом по пинте пива. В результате мы выпили намного больше. А все потому, что Уэг постоянно повторял: «Ну что, еще по одному?» Я предложил ему сходить со мной на две вечеринки, на которые я был приглашен сегодня вечером. К сожалению, одна проводилась в западной части Лондона, поэтому нам удалось побыть там всего двадцать минут, так как нужно было бежать на вторую, которая проводилась на дальней окраине в восточной части Лондона, но, когда мы добрались туда, вечеринка только что закончилась. Уэг был не очень доволен.

2 июля

Несколько дней назад, идя по улице в Хакни, я заметил на фонарном столбе клочок желтой бумаги, на котором было написано: «ХОЧЕШЬ БЫСТРО РАЗБОГАТЕТЬ?». Я решил, что хочу, и стал читать дальше. Оказывается, мне просто нужно было отправить чек на 12 фунтов и за это получить по почте, бесплатно, книгу. Ее доставили сегодня. Она называется «501 способ легко заработать деньги, если у тебя пусто в кармане». Блестящая книга. В числе простых способов зарабатывания денег назывались такие, как фотографирование коз и изобретение игр типа «Монополии» и кубика Рубика.

Там также говорилось: «Небольшой клочок земли — это все, что вам нужно, дабы основать картинг-центр!».

По-моему, они забыли упомянуть, что для этого также нужны сами карты. А еще квалифицированные инструкторы. А еще страховка. А еще шлемы. И патент.

Тем не менее я подумал, что, раз уже мне предлагается возможность заработать много денег, я не должен от нее отказываться. И я решил попытаться заработать денег, послав письмо на публикацию в газету.

4 июля

Я испытал волшебную силу пароочистителя. Это было и восхитительно просто, и просто восхитительно — хотя в какой-то момент я поскользнулся и едва не подпалил свое «мужское достоинство».

5 июля

Пытаясь «быстро разбогатеть» путем отправки своих писем на публикацию в газеты и журналы, я заметил, что «Сан» на своей страничке писем говорит, что платит J 20 за каждое публикуемое письмо, а также полезные советы и рекомендации. И вот сегодня я отправил туда письмо следующего содержания:

«Полезный совет или рекомендация тем, кто хочет быстро подзаработать: отправьте письмо в «Сан» — если верить тому, что написано на страничке писем этой газеты, они платят 20 фунтов за каждое публикуемое письмо, а также полезные советы и рекомендации!»

Д. Уоллес, Лондон»

Я жду свои 20 фунтов. И так, на всякий случай, послал в газету еще одно письмо:

«Небольшой клочок земли — это все, что нужно, чтобы основать картинг-центр!»

Легкие деньги.

6 июля

Со мной связались люди, искавшие похожих на знаменитостей. «Внимательно рассмотрев» мою фотографию, они пришли к выводу, что я не похож на «Проклеймеров». Ни на одного из них! Я немного обижен их прямолинейностью. Неужели нельзя было проявить чуть больше такта? Могли бы сначала написать, что я не похож на одного из близнецов, а неделей позже — что не похож на другого. Я прошу одного: чтобы мне отказали в более мягкой форме.

Если я когда-нибудь решу открыть агентство двойников для людей, которые считают, что они похожи на одного или нескольких близнецов, это, вне сомнения, будет агентство, где понятие «деликатность» стоит на первом месте.

Глава 6 В которой Дэниел нарушает закон

Утром я проснулся и в почтовом ящике обнаружил самый невероятный сюрприз.

Письмо из Американского института по вопросам патентного права и права товарных знаков. Наконец-то люди, ищущие изобретения, ответили мне.

Каким же важным я себя чувствовал! Как ни странно, этот Американский институт по вопросам патентного права и права товарных знаков базировался не в Лос-Анджелесе, не в Нью-Йорке и не в Сан-Франциско. Он находился в Блэкпуле²¹. На улице с самым обычным названием.

Судя по всему, в этом институте отнеслись ко мне со всей серьезностью, что вселяло надежду. Свое письмо ко мне они даже начали словами «Уважаемый изобретатель». Я тут же понял, что попал в надежные руки. Эти люди знают, что делают. Они, вне сомнения, признали во мне способность создавать меняющие жизнь практические изобретения и решили, по зрелом размышлении, предложить мне свои услуги: «бесплатно

провести экспертизу нового продукта».

«Первоначальная экспертиза проводится бесплатно, — писали они. — Почему бы вам сегодня не потратить несколько минут на то, чтобы должным образом задокументировать вашу идею? И в течение ближайшей недели мы уже дадим свое заключение».

Боже правый! Мною заинтересовался Американский институт по вопросам патентного права и права товарных знаков! И его специалисты хотят проанализировать мою идею! Мне осталось только придумать ее!

Я был взволнован. Мне хотелось бы сказать, что я родом из семьи потомственных изобретателей, но — увы! — это не так. Конечно, если не считать того, что я родился и вырос в Шотландии — в стране, подарившей миру обезболивающие средства, гольф, хинин, джем, паровой двигатель, клейкую почтовую марку, микроволновую печь, холодильник и — разумеется — систему полой внутридомовой канализации. А кто из нас не мог бы рассказать несколько историй о том, что значит для нас система полой внутридомовой канализации?

Конечно, у меня были свои изобретения — главным образом, на основе игры «Твистер»²². Сначала я придумал карманный «Твистер» — для тех, кто в дороге, но потом пошел дальше и изобрел «Твистер» на постельном покрывале. Я был уверен, что мое детище будет пользоваться баснословным успехом у студентов мужского пола, поскольку у них наконец-то появится достойный предлог для того, чтобы приглашать девочек к себе в комнату. Но год спустя в приложении к одной из воскресных газет я увидел, что кто-то уже выдвинул точно такую же идею, да не просто выдвинул, а запатентовал и продал ее. Я был убит горем. Черт бы побрал всех этих предприимчивых и находчивых! Что ж, больше я не позволю себя обойти. Во всяком случае, не теперь, когда ко мне проявил интерес Американский институт по вопросам патентного права и права товарных знаков.

У меня был в запасе один маленький трюк: электрический подъемник для унитаза! Никогда больше мужчинам не придется нагибаться, чтобы поднять сиденье унитаза. Никогда больше мужчины не станут задаваться широко распространенным извечным вопросом: почему женщины всегда оставляют сиденье унитаза опущенным?

Теперь, благодаря мне, у супругов по всей стране исчезнет одна тема для разногласий. Разводов станет меньше, семьи не будут распадаться, туалетные сиденья не придется каждую минуту мыть. И все потому, что я, Дэнни Уоллес, изобретатель!

Я насыпал в миску мюсли и принялся просматривать информационные материалы, которые прислали мне мои друзья из американского института. Искал намеки и подсказки, которые дали бы мне представление о том, какого плана изобретение им нужно, — на тот случай, если моя резервная идея не подойдет.

Но в том-то все и дело, что в этих материалах не было намеков на то, что им нужно. Перечислялось только то, что не нужно...

ИЗОБРЕТЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ К РАССМОТРЕНИЮ

Вечные двигатели Боевое оружие

Черт! Изобретательные фашисты с ходу зарубили на корню мои первые две идеи. Я так люблю изобретать вечные двигатели.

Порнографические устройства

Порнографические устройства? Значит, им присылают много порнографических устройств? И вообще, что следует считать порнографическим устройством?

Непроверенные и недоказанные химические формулы или снадобья от болезней

Ну, это нечестно! Значит, я не могу им послать непроверенные или неиспытанные средства от болезней. У меня их целая куча! И вообще-то сначала мне пришлось бы их опробовать на своих друзьях.

Изделия на основе нереального уровня развития технологии

Прощай, машина времени. Черт, с каждой минутой все труднее и труднее.

Литературные и музыкальные произведения

Ага. Значит, я не вправе сочинить стихотворение или новую мелодию. А тот, кто слышал, как я пою, знает, что я сочиняю постоянно.

Подъемник для унитаза

Что-о?!

Так мой же электрический!
Что ж, ладно. По-видимому, мне предстоит немного напрячь мозги. Я сел и стал думать, что бы еще изобрести.

Оглядел комнату, ища вдохновения.

Кружка. Изобретена.

Стул. Изобретен.

Туфли. Есть.

Чтоб мне провалиться! Откуда вообще у изобретателей берутся идеи?

Дверь. Изобретена.

Лестница. Изобретена.

Телек. Изобретен.

Какая досада. И почему все, что есть у меня в квартире, уже изобретено? Не скрою, я был очень огорчен. Пришлось признать, что изобретательство — просто не мой конек.

Я надел куртку и, ворча, отправился на Би-би-си, на совещание по вопросам стратегии.

Я вошел в телевизионный центр Би-би-си, где меня встретил человек по имени Том.

— Ты ведь прежде работал на телевидении, Дэнни, да?

— Да, — подтвердил я. — Не очень долго. На радио мне нравится больше.

— Хм, и почему же? «Картинки», что ль, на радио лучше? Людей задействовано меньше, и то, что рисует тебе воображение, легче принять за реальность, так?

— Мм... Да. И еще потому, что управление радиовещания ближе к моему дому.

По широким, светлым коридорам власти мы дошли до лифта, который должен был доставить нас в зал, где проводилось совещание. Телецентр заметно отличается от Дома радиовещания. Последний размещается в довольно обшарпанном здании с затхлыми коврами и лампами, не менявшимися со времен Второй мировой войны. Телецентр, напротив, — сооружение будущего: огромные стеклянные студии, современные приемные и даже помещения для отдыха продюсеров, прозванные «Каморками для раздумий». Я бы хотел работать там, где есть «Каморки для раздумий». Пожалуй, там мне и думалось бы лучше. Да и вообще я всегда любил каморки.

Мы прибыли на совещание. Я сел.

— Так, прошу внимания. Это Дэнни. Он работает на радио. Сегодня будет присутствовать на нашем совещании и выскажет свое мнение.

Я бодро улыбнулся и помахал моим коллегам с телевидения. Один из них махнул мне в ответ. Еще один сдержанно улыбнулся. Двое других вообще не подняли голов от блокнотов.

— Дэнни, не желаешь рассказать нам в двух словах, над чем ты сейчас работаешь?

Хмм. Коварный вопрос. Может, сказать про изобретения?

— Я разрабатываю идеи новой радиопрограммы, — ответил я и, чтобы выиграть время, добавил: — Над которой я работаю.

Мой ответ, очевидно, всех удовлетворил, и мы начали совещание.

— Что ж, приступим, — живо произнес Том. — В первую очередь нам нужно решить, будем ли мы дальше развивать идею этого разговорного шоу.

— Нет, — решительно сказал сидевший напротив меня мужчина. На нем были модные очки и смешная футболка, — сразу было видно: он знает, что говорит.

— Согласна, — поддержала его сидевшая рядом с ним девушка. — Убираем. Бесперспективно.

— Дэнни? А ты как думаешь?

— Ну... я о нем ничего не знаю, — ответил я.

Меня ввели в курс дела.

Честно говоря, судя по их словам, шоу было неплохое. Я не вправе разглашать подробности, скажу только, что это был довольно крупный проект, предполагавший участие Джонни Вона²³ в роли ведущего и Делии Смит²⁴ в качестве гостя. Я не специалист по телевизионным программам, но мне кажется, они могли бы кое-что выжать из этого проекта.

— Так убираем или оставляем? — спросил Том.

— Убираем, — вразной пробормотали несколько человек.

— Дэнни? А ты стал бы смотреть такое шоу?

Я задумался. Что это — приглашение? Намек?

— Да, возможно, — ответил я. — Полагаю, многое будет зависеть от рекламного ролика.

— Хмм, — произнес кто-то довольно громко.

— Ты так думаешь? — фыркнул мужчина в смешной футболке. — От рекламного ролика?

— Ну... Да, — стоял на своем я. — Я хотел сказать... ну, знаете... если ролик будет... завлекательным.

— Я понял тебя, Дэнни, — сказал Том. — Важно, чтобы эта программа была интересна всем и каждому.

Уф.

— Да, да, как раз это я и имел в виду, — подтвердил я.

— Прекрасно, — сказал Том. — Я тоже считаю, что у этой программы есть потенциал.

Ну надо же!

Мужчина в футболке быстро пошел на попятную.

— Да, очевидно, что при некоторой доработке и соответствующем...

— Так, — перебил его Том, — кто хочет заняться этой идеей? Поработать над ней?

Молчание.

— Дэнни? Ты как?

— Я?

— Я ни в коем случае не даю на тебя. Просто хочу знать, как ты на это смотришь?

— Давай я займусь, — вызвался мужчина в футболке.

Том ему не ответил.

— Дэнни?

— Да. Конечно.

— Хорошо.

Ничего хорошего. Плохо. Во что я ввязываюсь? Мне ничего не известно об этом проекте, кроме того, что в нем участвует Делия Смит. И тем не менее я за него взялся! Что мне с ним делать? Том опросил всех, все согласились, что идея провальная, ни к чему не ведет, а я — умник нашелся — сказал: да, я подумаю над этой идеей, да, я не против ее доработать. Я в ужасе смотрел, как передо мной растет гора бумаг, документов, рабочих материалов для передачи. Да тут пахать и пахать! И я сам вызвался на эту работу! На меня это совсем не похоже!

— Черт! — выругался Том. — Время поджимает. Опаздываю. Ладно, так... кто что готовит к следующему совещанию?

Все посмотрели на меня.

— Думаю, Дэнни готовит... э-э... все, — сказал Сэм.

— Так. Да. Ладно. Дэнни... — обратился ко мне Том. — Не желаешь прийти сюда на следующее совещание в пятницу и сообщить нам о том, как идут твои дела? С твоим начальством на радио я договорюсь.

— Да, — ответил я несколько тяжеловесно. — Это было бы здорово.

— А пока я хотел бы, чтобы каждый из вас придумал три новые идеи для субботних развлекательных шоу. Ясно? Вот и хорошо. До пятницы.

— Это ужасно, Иан, — жаловался я, идя прочь от телецентра с мобильником у уха. — Я по уши в дерьме. Твердил «да» каждый раз, когда меня просили что-то сделать.

— Ой, да будет тебе! Ты же продюсер! Ты умеешь создавать программы.

— Нет. ..Я — продюсер радиопередач. В редакции легких развлекательных программ. Мы — уникальная братия. Совершенно иной породы. Мы рождены, чтобы опаздывать на работу, всю утро едим бананы и роемся в Интернете, а после обеда идем в паб. Мы не такие, как телепродюсеры. Те жаждут успеха. Они встают рано, едят кокаин, одеваются, как модели из модных журналов, и знают таких людей, как Дейвид Бекхэм и Энт и Дек25. А я кого знаю? Брайана Перкинса.

— Ну и что? Раз согласился на эту работу, выполни ее, а потом забудь. Я уверен, увидев, на что ты способен, они перестанут обращаться к тебе.

— Так ведь они надеются на успех! А Том еще требует, чтобы к следующей пятнице мы представили ему три новые идеи.

— Что за идеи?

— Да просто... идеи. Идеи развлекательных шоу.

— А-а... — протянул Иан.

— Что?

— Ничего. Просто... э-э...

— Что?

— У меня есть кое-какие идеи.

— Встречаемся в пабе через полчаса...

— Нет, Иан.

— А что тебя не устраивает? По-моему, блестящая идея.

— Как растолстеть? Нет, не думаю. Кто станет смотреть передачу, в которой учат поправляться?

— Худые.

— Нет.

— Тогда вот эта, — сказал Иан, пододвигая мне по столу еще один клочок бумаги.

— Что означают родинки?..

— Ну, ты понимаешь... что означает родинка на твоей щеке? То же самое, что родинка у тебя на ухе?

— Не пойдет.

— Почему?

— Не знаю. Я просто не принимаю эту идею. Она дурацкая.

— Плохих идей не бывает, Дэн!

— Что?

— Это по телеку одна баба сказала. «Плохих идей не бывает, — сказала она. — И даже из плохой идеи

может родиться хорошая».

— По-моему, эта фраза звучит иначе, — в замешательстве произнес я. — Отсутствие идеи — плохая идея.

— Точно. Отсутствие идеи — плохая идея. Именно так.

— Но если нет плохих идей, как же мы из плохой идеи сформулируем хорошую?

— То-то и оно, мой друг. Отсутствие идеи — плохая идея. Есть только... идеи. А как тебе «Справочник по военному делу для малышей»?

— Не надо.

— Да, пожалуй. «Мои философские взгляды и убеждения»?

— А это что?

— Передача о моих философских взглядах и убеждениях. Каждую неделю Иан Коллинз искося бросает взгляд на...

— Нет.

Иан холодно посмотрел на меня.

— Ты же в последнее время только и делаешь, что соглашаешься...

Я покинул паб и, с недовольной миной на лице, отправился домой готовить блестящее субботнее развлекательное шоу.

Дома я включил компьютер, настраиваясь на творческий лад.

Как стать толстым?

Может, в этом что-то и есть.

Я открыл новый документ, напечатал заголовок и какое-то время тупо смотрел на него.

Но потом меня отвлекли.

Омар объявился.

ДОРОГОЙ БРАТ дэнни

СПАСИБО ЗА ТВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛАНИЕ. ОДНАКО ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ. МНЕ НУЖЕН ТВОЙ БАНКОВСКИЙ СЧЕТ — ПРЯМО СЕЙЧАС. СООБЩИ НЕМЕДЛЕННО.

ТАКЖЕ СКАЖИ, СМОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ПОЕХАТЬ В ГОЛЛАНДИЮ (НИДЕРЛАНДЫ). НУЖНО, ЧТОБ ТЫ ПРИВЕЗ ДЕНЬГИ В КАЧЕСТВЕ ПОДАРКОВ СОРАТНИКАМ МОЕГО ОТЦА, КОТОРЫЕ ПОМОГАЮТ НАМ ВЫВЕЗТИ МИЛЛИОНЫ ДОЛЛАРОВ.

Опа! Он никогда прежде не упоминал, что мне придется ехать в Голландию! И что еще за деньги, которые я должен привезти в подарок?

Я ПОНИМАЮ, ЧТО ТРЕБУЮ СЛИШКОМ МНОГОГО. Я СИЛЬНО РИСКУЮ, ВСТУПИВ С ТОБОЙ В КОНТАКТ.

ПРОШУ ВАС, СЭР, НАМ НЕЛЬЗЯ МЕДЛИТЬ. ТАКОВА ВОЛЯ ГОСПОДА ПРИШЛИТЕ НОМЕР СВОЕГО БАНКОВСКОГО СЧЕТА

ОМАР

Признаюсь честно: за те два дня, что миновали с момента последнего сообщения от Омара, мои чувства к нему несколько охладели. У меня зародились сомнения. Что, если он вовсе не сын убитого султана? Что, если он просто охотится за моим банковским счетом? Да и не нравится мне этот неожиданный поворот с путешествием за границу и подарками для таинственных незнакомцев. Пожалуй, Омар действует слишком быстро. Глядишь, в следующий раз он заявит мне, что у меня красивые волосы, и попросит оформить визу для вступления в брак.

Дорогой Омар,

Так ли уж мне необходимо ехать в Голландию с деньгами в качестве подарков для соратников твоего отца? В принципе, я не возражаю, но не мог бы ты мне дать взаймы на время хотя бы миллион? Потом вычтешь его из моего вознаграждения. А я на эти деньги оплачу перелет и прочее, а квитанции буду хранить в специальном конверте.

Всего хорошего!

Дэнни

Я отправил письмо в надежде, что оно найдет Омара. Наверное, он просто перевозбудился, бедняга, думал я. Как-никак скоро переезжает в другую страну, а это не шутка. Полагаю, в крайнем случае я мог бы найти деньги на подарки. Мне удалось скопить несколько тысяч, — в основном благодаря тому, что я никогда не выезжал за

границу, — и я всегда могу их взять. Главное, чтоб Омар не оказался одним из тех нигерийских мошенников, о которых мы так много слышим.

Не-а. Это во мне цинизм говорит, от которого как раз и призвана избавить меня избранная мною тактика согласия.

Утром следующего дня вестей от Омара не было. Я решил, что волноваться не стоит. Мне нужно было сделать покупки, и я отправился по магазинам.

Вы, наверное, думаете, что очень рискованно неизменно отвечать согласием на разного рода приглашения и предложения. Спешу вас обрадовать: современные рекламодатели не используют один крайне важный трюк. Такое впечатление, что чем более «искушенными» становятся они в своем ремесле, тем меньше задают прямых вопросов, тем меньше делают прямых предложений. В прежние времена я, конечно же, был бы окружен исключительно понятными указаниями типа «Пей молоко» или «Купи хлеб» и все дни напролет только и делал бы, что пил молоко и покупал хлеб. Сегодня же, делая акцент на вдохновляющих фотосессиях и действующих на подсознание лозунгах, рекламодатели теряют рынок простаков — людей вроде меня, которые готовы подчиняться инструкциям.

Ха, теперь им ни в жизнь не окрутить меня, думал я, выходя из магазина «Верджин» с пакетом DVD-дисков в руке, на котором было написано: «Купи два, один получи бесплатно», что, собственно, я и сделал. Я начал переходить дорогу, направляясь к Пиккадилли-серкус.

Сегодня я планировал опять побродить по Лондону, думал: пойду куда ноги понесут, положившись на волю случая. Шквальный ветер подметал улицы и колошматил туристов. Впереди я заметил небольшую группу агитаторов, раздающих листовки. Я насторожился. Я уже взял опеку над двумя старушками, больше мне не требовалось — если только я не собирался открыть собственный дом для престарелых. Тем не менее я продолжал идти в сторону агитаторов и как только заметил, что у них нет ни зеленых нагрудников, ни папок, взял листовку у рыжеволосой девушки в летнем платье.

СКАЖИ «ДА» МИРУ

Я прочитал еще раз. Так и есть: СКАЖИ «ДА» МИРУ. Как ни странно, очень даже уместный лозунг, подумал я. Своего рода знак. Ориентир, указывающий путь вперед.

Объединяйтесь прямо СЕЙЧАС. Познакомьтесь с кем-нибудь сегодня — улыбнитесь, скажите «привет» этому человеку, пожмите ему руку... и да снизойдет на вас мир...

Что ж, здорово. И я поступил, как мне было велено. Подошел к девушке, которая дала мне листовку, улыбнулся ей, пожал руку и стал ждать, когда на меня снизойдет мир.

— Я — Кэтрин, — представилась девушка.

— Дэнни, — назвался я.

И покорился судьбе.

Кэтрин, Джош и Майк — три человека, разделяющие любовь к миру.

— Наша цель — установление взаимосвязи с людьми, — объяснила Кэтрин. — Если ты способен заставить человека понять мир, значит, ты буквально даришь ему весь земной шар.

«Буквально» было любимым словечком Кэтрин. Она употребляла его к месту и не к месту.

— Меня ужасно возмущает то, что люди просто ходят туда-сюда, даже не думая о том, что они могли бы изменить мир. Мне это буквально в нос бьет.

Если ей буквально бьет в нос то, что люди ходят туда-сюда, значит, вероятно, она стоит слишком близко к ним, предположил я.

— Мы верим в так называемую Социальную Иглотерапию, — заявил Майк. Самый высокий из тройки агитаторов, он же был автором текста листовок. — Ведь мир можно изменить с помощью простого акта общения.

— Нужно сеять знание, — добавил Джош. В щеголеватой бейсболке и футболке фирмы «Найк» он казался чужим в этой компании. — У людей появляется надежда, если они знают, что способны созидать мир.

Кэтрин кивнула. У меня создалось впечатление, что именно она была лидером группы. Мы стояли возле статуи Эроса в центре Пиккадилли-серкус. Я не знал, что меня ждет, но эти трое мне нравились. На мой взгляд, они были искренне преданы идее созидания мира путем распространения листовок.

— Что ты думаешь о войне в Ираке? — спросил Джош, очевидно, проверяя меня.

— Ну... война — это плохо, — ответил я. Джош и Майк кивнули.

— Порой простая фраза вроде этой особенно эффективно воздействует на умы, — заметила Кэтрин.

— Дарю, — сказал я, надеясь, что фразу «ВОЙНА — ЭТО ПЛОХО» они поместят в качестве лозунга на своих следующих листовках.

— Спасибо, — сказал Джош, и я понял, что, возможно, так и будет.

— Не хочешь оказать нам помощь в распространении листовок?

Все произошло довольно быстро. И вот я стоял в центре Пиккадили-серкус с пакетом из магазина «Верджин» в одной руке и с пачкой листовок «СКАЖИ "ДА" МИРУ» — в другой. Черт возьми! Из дому я вышел нормальным человеком, а вернусь активным борцом за мир!

Кэтрин, Джош и Майк были рады, что их полку прибыло, и с энтузиазмом демонстрировали мне свое умение распространять листовки.

— Вы любите мир, сэр? — спросила Кэтрин у мужчины средних лет. Тот выставил вперед ладонь, давая понять, что не возьмет листовку, и прошел мимо.

— Скажите «Да» миру, — обратился Джош к женщине, державшей в одной руке сотовый телефон, в другой — хозяйственную сумку. Она совершенно не была похожа на человека, который готов остановиться и болтать о созидании мира во всем мире. Вероятно, подобное отношение буквально коробило Кэтрин.

Мне удалось сунуть листовку одному из прохожих. Довольный собой, я наблюдал, как тот читает ее, удаляясь от меня. Но потом прохожий остановился и вернулся ко мне.

— Что это значит? — спросил он. Я стал читать текст, на который он показал.

Война — состояние мерцающего сознания человека. Страх порождает страх, вновь и вновь подпитывая сам себя с течением времени, подкрепляя мифы о самооправдании.

— Гмм, — произнес я.

Мужчина посмотрел на меня. Не самый удачный лозунг. Я прочитал его еще раз.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, что это значит, — сказал я. — Думаю, по сути, это означает, что... война — это плохо.

Мужчина вернул мне листовку.

— Глубокомысленно, — изрек он с нескрываемым сарказмом в голосе, и мне стало ужасно стыдно, что я подвел Кэтрин и ее друзей. Было ясно, что мой лозунг — дрянь. Поэтому я посмотрел на листовку и сказал:

— Пусть мир станет таким, каким вы его хотите видеть! — И улыбнулся. Я не был уверен, что социальная иглотерапия у меня получается хорошо. Во всяком случае, на моего прохожего она не подействовала, — судя по тому, что он уже показал мне свой затылок.

— Сейчас мы будем пропагандировать мир при помощи мела, — сказала Кэтрин минут через десять. — Ты готов?

— Да! — живо согласился я. — А как это — «пропагандировать мир при помощи мела»?

— Возьмем мел и станем всюду писать антивоенные лозунги, — объяснил Джош.

— Где, например?

— На тротуарах, главным образом, — ответила Кэтрин.

— И что, есть эффект? — спросил я.

— Да, — деловито отозвалась Кэтрин. — Разумеется.

— Вот мел, — сказал Майк, решительным шагом подходя к нам. — Приступайте...

Он вручил каждому по три кусочка мела. Мне достались красный, белый и синий. Замечательно, подумал я. Цвета государственного флага Великобритании и государственного флага США. Теперь-то я уж точно сообщу правительствам этих стран все, что чувствую.

Но что написать?

Кэтрин, Майк и Джош — кто сгорбившись, кто сидя на корточках — уже что-то выводили мелом на тротуаре.

— Кэтрин, что писать? — спросил я растерянно.

— Напиши то, что сказал раньше.

— Война — это плохо? По-моему, несколько простовато, — рассудил я.

— Ну... мне нравится фраза: НАШ НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК — ЛЮБОВЬ.

— Да, красиво, — согласился я и посмотрел, что пишут остальные.

Майк выводил: ФРОНДЕРЫ ПЛОДЯТ ФРОНДЕРОВ, что, на мой взгляд, чем-то напоминало инцест, а Джош писал: МЫ ВСЕ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

— Тогда просто напиши, что чувствуешь, — посоветовала Кэтрин. — Что-нибудь из листовки или вообще. Часть своих лозунгов мы берем из Интернета. Мы делимся своими мыслями.

— А что, неплохо, — заметил я. — «Делитесь своими мыслями»!

На лице Кэтрин отразилось сомнение.

Я задумался. Напиши, что чувствуешь? А что я чувствую?

И я решил написать: ПЕЙ ЧАЙ, А НЕ ВОЮЙ.

Сегодня последний раз чай я пил очень давно.

Ко мне сзади бесшумно подкралась Кэтрин.

— Здорово, — восхитилась она. — «Пей чай, а не воюй». Чай — проводник общения. А общение — акт мира. За чаем мы общаемся и путем общения можем остановить войну. Ребята! Посмотрите, что Дэнни написал!

К нам подбежали Майк и Джош.

— Пей чай, а не воюй, — прочитал Майк.

— Чай... — промолвил Джош. — Войю. — А потом улыбнулся и кивнул. — Почти как «Занимайтесь любовью, а не войной», только с чаем.

— Ага, — согласился я. — Это более британский вариант. Не столь грубо.

— Что навело тебя на эту мысль? — любопытствовал Майк.

— Я... люблю пить чай. — Я пожал плечами. — А воевать ... не люблю.

Не думаю, что они усмотрели в моих словах глубокий смысл, поэтому я попытался быть более убедительным.

— И еще... чай способствует общению. А путем общения можно остановить войну.

— Чай действительно способствует общению, — сказал Джош. — Отсюда чайные церемонии в Древней Японии и чайные в Голландии семнадцатого века.

Я кивнул и ткнул в него пальцем, будто как раз это я и имел в виду.

Майк пару раз хлопнул в ладоши, воскликнул «блестяще!» и принялся выводить на стене «ПЕЙ ЧАЙ, А НЕ ВОЮЙ». Кэтрин с гордостью посмотрела на меня, и я вдруг почувствовал, что Внушу Свою Лепту.

— «Пей чай, а не войю», — повторила Кэтрин. — Ты молодец.

— Я умею проводить общественные кампании, — без ложной скромности признал я. — Когда-нибудь напишу песню под названием «Хватит драться, давайте обниматься».

— Здорово, — похвалила меня Кэтрин. Думаю, она чуть-чуть влюбилась в меня. — Можно взять твои данные?

Точно. Влюбилась.

— Мы с моей девушкой регулярно практикуемся в сочинении песен.

Ну и ну.

Кэтрин проявила дотошность, собирая сведения обо мне. Спросила мой домашний адрес, номер телефона, адрес электронной почты, номер сотового, есть ли у меня факс. Я ответил на все ее вопросы. Я доверял ей и Майку с Джошем. Все трое, на мой взгляд, были хорошие ребята. Они стремились изменить мир, но действовали без шума, с помощью мела. И потом, Кэтрин, разумеется, не станет использовать полученные сведения для того, чтобы ограбить мою квартиру. Скорее уж, она могла бы вломиться в мой дом для того, чтобы заменить все овощи в моем холодильнике на экологически чистые.

— Спасибо, что помог нам сегодня, Дэнни, — поблагодарила меня Кэтрин.

— Не стоит благодарности. Мне это было в удовольствие.

— Ты отлично справился. Полагаю, ты всегда стремишься прийти на помощь, да?

— Ну, не всегда, конечно, — ответил я, пожимая плечами. — Просто вы попросили, и я подумал, почему бы не помочь. Да, кстати... Есть еще один человек, которому я сейчас помогаю. Султан. Вернее, сын султана.

Трое моих новых знакомых выразили удивление, что вполне понятно.

— Он прислал мне письмо с просьбой о помощи. Ему нужно вывезти из Омана сорок миллионов долларов, пока его не убили политические противники его почившего отца.

— О-о, — протянула Кэтрин.

— Интернет-мошенничество, да? — предположил Джош. Майк ткнул его локтем под ребра.

— Ты всегда такой подозрительный, — заметил он.

— Вообще-то, это не интернет-мошенничество, — сказал я. — Это крик о помощи.

Майк положил руку мне на плечо и кивнул, искренне соглашаясь со мной.

Мы завершили свою пропагандистскую кампанию на Пиккадилли и теперь сидели в пабе под названием «Гусь», находившемся возле станции метро «Брике-тон». Кэтрин и Джош (как выяснилось, они были соседями по квартире) жили неподалеку. Майк, познакомившийся с ними всего пару месяцев назад в этом же самом пабе, подумывал о том, чтобы сменить место жительства.

— Легко называть людей, стоящих у кормила власти, идиотами, — сказал он, обращаясь непосредственно ко мне. — Или требовать, чтобы правительство ушло в отставку. А мы вместо этого говорим «Да». Миру.

Майк достал пачку сигарет и предложил нам всем закурить. Кэтрин и Джош взяли по одной сигарете.

— Это самый лучший метод борьбы, — сказала Кэтрин, доверху наполняя наши бокалы довольно терпким красным вином.

— Изменить весь мир по одному человеку за раз.

Майк предложил мне сигарету. Я непроизвольно выставил вперед ладонь, давая понять, что не курю, — в силу привычки. Но потом, вспомнив, кто я, какое кредо теперь исповедую, поблагодарил и взял сигарету.

— Позитивный настрой — более эффективная тактика. Дает желаемый результат. Это — единственный способ победить, если ты...

Кэтрин замолчала, прикуривая сигарету от зажигалки Майка, который затем дал прикурить Джошу и мне.

Я глубоко затянулся: я повидал немало курильщиков и знал, как курят.

— ...как бы то ни было, — заговорил Джош, не давая Кэтрин закончить свою мысль, — «нет» — самое негативное слово, какое только бывает.

— Буквально так и есть, — добавила Кэтрин, охотно уступая инициативу Джошу.

— А «да» — самое позитивное. Поэтому мы от двойного отрицания «Нет — войне» перешли к двойному утверждению «Да — миру», и ты сам видишь, что так звучит гораздо лучше.

Я попытался поддержать разговор, но у меня жгло в горле, ибо до сего дня я старался не курить. Я кашлянул, энергично тряхнув головой, что могло сойти за кивок, обозначающий согласие.

— Да, Нет... Да, Нет... Я знаю, что мне больше по душе, — сказал Джош.

— Вероятно «Нет», — сострил Майк. Джош велел ему заткнуться.

Я продолжал курить свою сигарету, хотя теперь уже глубоко не затягивался — просто держал сигарету в зубах, набирая в рот и выпуская дым — прямо на людей, — таким образом создавая дымную атмосферу. Но вот что я вам скажу: чувствовал я себя удивительно спокойным и взрослым. Возможно, я чем-то напоминал Джеймса Дина²⁶ — только в очках и со слезящимися глазами.

— Только вот привлечь внимание прессы очень трудно, — пожаловалась Кэтрин. — Идея-то позитивная; казалось бы, они должны ухватиться за нее.

— На днях вечером я звонил в бристолюбское отделение Би-би-си, — сообщил Джош. — Они сказали, что если мы сумеем собрать там большую группу, которая будет мелом пропагандировать за мир, то они, возможно, осветят эту акцию в прессе.

— Хорошо, — сказал Майк.

— А вы никогда не думали о том, чтобы... упростить ваш лозунг? — спросил я и сразу оказался в центре внимания. — То есть... я знаю, «Война — это плохо» — несколько простовато, но мне кажется, такие фразы, как... ну, вы понимаете... «Война — состояние мерцающего сознания человека...» отталкивают людей.

— Текст этой листовки мы взяли на сайте «Безграничные возможности», — сказала Кэтрин. — И, на мой взгляд, это великолепный лозунг.

— Да, да, не спорю, — согласился я. — Просто я его не очень понимаю.

— Ну... так, может, придумаешь что-нибудь лучше? — предложил Джош.

Итак, за вечер мне предстояло решить важную задачу.

Майк купил еще одну бутылку терпкого красного вина и теперь развлекался у игрового автомата. Кэтрин и Джош развернули дискуссию об этических аспектах попыток США использовать нефть в качестве рычага для установления контроля над другими странами. Я попытался принять участие в их споре, но потом понял, что они много читали на эту тему, а я видел лишь один эпизод из фильма «Связанные насмерть».

Я напряженно думал, силясь сформулировать руководящую идею новой агитационной кампании, дабы помочь этим храбрым борцам за мир добиться победы, но вдохновение не приходило.

— Покурим? — предложил мне Майк. Он уже отошел от игрового автомата и сейчас протягивал мне какую-то дрянную сигарету. Это была марихуана.

— Прямо здесь? — спросил я, окидывая взглядом паб.

— Нет, не здесь, — ответил он. — На улице.

Ну и дела! Переломный момент в моей жизни. Неужели я позволю «Да» заставить меня нарушить закон? Я взял сигарету с марихуаной.

— Есть. Придумал, — объявил я. — На этот раз точно. Блестящий план.

Я собрал свои записи, хотя собирать особо было нечего, поскольку писал я на картонных подставках под бокалы с пивом.

— Так... какая наша цель?

— Мир, — ответила Кэтрин.

— Да, мир, — повторил я. — А прежде чего мы хотим добиться?

— Внимания прессы, — сказал Джош.

— Вот именно. И я разработал план новой оригинальной кампании по привлечению внимания прессы, которая приведет непосредственно к тому, что правительства стран мира сложат оружие и возьмутся... ну, не знаю... допустим, за мел.

План агитационной кампании возник у меня, когда мы с Майком нарушали закон на улице, перед пабом «Гусь». Я поднял голову, увидел красивую вывеску на пабе и остолбенел. Смотрел на нее, как зачарованный. На мгновение изображение на вывеске оказалось в обрамлении дыма от сигареты, тут-то меня и осенило.

— Эврика! — воскликнул я. — Есть лозунг!

— И что же это за лозунг? — осведомилась Кэтрин.

— Он должен быть броским, да? И должен быть наполнен идейным содержанием?

— Да.

— Ну... как вы относитесь к тому, чтобы задействовать...

Я смотрел на своих новых знакомых, предвкушая их реакцию.

— Гусей.

Реакция оказалась не той, на какую я рассчитывал.

— Гусей? — переспросил Джош.

— Гусей, — подтвердил я. — Гуси за мир.

Мои слова повисли в воздухе. Ребята молчали.

— Ну, очнитесь же! «Гуси за мир» — блестящий лозунг!

Ответом мне по-прежнему было молчание. Я решил, что, пожалуй, следует дать некоторые объяснения. И, несмотря на то, что зал чуть покачивался у меня перед глазами, я стал объяснять.

— Значит, так, — начал я. — Берем маленькие плакатики, на которых пишем «Гуси — за мир». А потом расклеиваем их на гусиных фермах и вообще там, где бывают гуси. Потом сообщаем прессе, что гуси разволновались из-за всей этой шумихи с войной и принялись, несмотря ни на что, устраивать свои

собственные птичьи акции протеста.

Кэтрин и Джош, слушавшие меня с раскрытыми ртами, просто кивнули. Видимо, от восхищения утратили дар речи. Значит, все идет как по маслу, решил я.

— Пригласим фотокорреспондентов. Тайком скажем людям по всей стране, чтобы они делали свои собственные плакаты «Гуси — за мир» и потихоньку расклеивали их на фермах и в зоопарках. Пресса будет в восторге. Люди буквально не поверят своим глазам, Кэтрин! Как будто сама мать-природа восстала и говорит: нет — войне!

— Да — миру, — поправила меня Кэтрин, выставляя ладонь.

— Извини. Но это будет выглядеть так, будто сами гуси встали на защиту мира. Вы только представьте! Гуси по всему земному шару говорят: миру — да!

— А что, мне нравится, — сказал Майк. Вне сомнения, он был так же сметлив, как и я, хотя я подозревал, что в данный момент он был несколько одурманен марихуаной. К счастью, на меня марихуана не подействовала, иначе я не придумал бы лозунг «Гуси — за мир».

— Но почему гуси? — спросил Джош.

— Да потому что «Гуси — за мир» — это складно! — почти в один голос воскликнули мы с Майком.

— А-а, — протянула Кэтрин, очевидно, наконец-то по достоинству оценив мой план.

А потом — неожиданно — меня осенила еще одна блестящая идея.

— Эй, Майк, — сказал я, — а представляешь... что если б был магазин под названием «Пицца в шляпе»... и там продавались бы одни только шляпы в форме пиццы?!

Майк засмеялся, я тоже, и вскоре мы оба покатывались со смеху, как ненормальные. Я ударил ладонью по столу, так что едва не опрокинул вино, отчего Майк захохотал еще сильнее. Вдвоем мы буквально выли от хохота, представляя шляпы в форме пиццы.

— Шляпа-пицца! — вскричал Майк. — Бей по шляпе!

Ну да, он определенно был не в себе.

А потом мы еще немного поговорили о моей блестящей идее «Гуси — за мир».

Примерно час спустя, ковляя домой на заплетающихся ногах, я осознал, что сигарета с марихуаной, вероятно, подействовала на меня гораздо сильнее, чем я думал. Хотя, надо признать, на идее с гусями это никак не отразилось, — видно, тогда я еще был в здравом уме и концепцию выработал складную. Меня больше заботило то, что произойдет потом.

Добравшись до дома, я решил заварить себе крепкий чай, которого я жаждал больше всего на свете. И я поставил чайник. Чай я готовил дольше обычного, ибо струйки пара, вырывавшиеся из носика, так заморозили меня, что я, наблюдая за ними, наверное, раза три закипятил чайник и только потом стал искать чайный пакетик.

Наконец, налив себе чашку, я достал из холодильника молоко и нашел ложку, которую тут же уронил. Ложка звякнула об пол.

Я нагнулся, чтобы поднять ее, и... вдруг понял... вот оно. Мое изобретение.

Ложка, которую нельзя уронить!

Ложка... зависающая в воздухе.

Это будет нечто!

Но как сделать так, чтобы ложка зависала в воздухе?

Может, приделать к ней крошечные пропеллеры?

Точно! Десятки крошечных пропеллеров, прикрепленных к нижней части ложки.

Я кинулся к рабочему столу и набросал несколько простеньких эскизов. В голове у меня гудело. Я только что изобрел парящую ложку! Как же будут мне аплодировать чиновники из Американского института по вопросам патентного права и права товарных знаков, когда распространится весть о моей парящей ложке! Более того, можно создать целую серию парящих ложек... чайные ложки, столовые... даже огромный парящий черпак!

Я позвонил Иану.

— Алло?

— Иан, это Дэнни!

— Как дела?

— Неплохо... слушай. Как ты согласишься на то, если я тебе скажу, что скоро ты сможешь приобрести ложку... — я помолчал, дабы дать ему время на то, чтобы он представил ложку, — ...которая способна зависать в воздухе!

Иан не отвечал. Да, тут есть над чем задуматься, рассудил я. Иан всегда считал, что он имеет представление о ложках, а я только что бросил вызов его убеждениям. Перспективы столовых приборов значительно расширяются, и Иан это понимал. Я был революционер, передающий свое видение перспективы, свое умение проникать в сущность... э-э... обычному человеку. То есть вот вы — обычный человек. Что бы вы сделали, если бы пророк вроде меня позвонил вам и сказал, что он изобрел парящую ложку?

А потом я сообразил, что Иан повесил трубку.

Я решил, что мой, так сказать, единомышленник Иан просто погряз в традиционности. На ложки (и, говоря по чести, на столовые приборы в целом) у него сохранялись старомодные взгляды 1990-х годов, и, если вы когда-либо познакомитесь с ним, обещайте, что укажете ему на это.

Погруженный в раздумья, я включил компьютер и проверил электронную почту. Мне опять пришло письмо от Омара. Несколько сердитое.

ДОРОГОЙ дэнни

ТЫ ТАК И НЕ ПРИСЛАЛ МНЕ НОМЕР СВОЕГО БАНКОВСКОГО СЧЕТА. А МНЕ ЭТИ ДАННЫЕ НЕОБХОДИМЫ, Я ЖЕ ДОЛЖЕН ПЕРЕВЕСТИ ДЕНЬГИ. КАКОЙ У ТЕБЯ НОМЕР СЧЕТА В БАНКЕ? СРОЧНО СООБЩИ.

ТАКОВА ВОЛЯ ВСЕВЫШНЕГО!

ОМАР

Я хмыкнул, выпил чай, съел необъяснимо огромное количество тостов и пошел спать.

— Что ты намерен сделать? — спросил Иан, с грохотом поставив на стол свой бокал с пивом.

Мы встретились на следующий день. Мне нужен был его совет.

— Я собираюсь дать Омару номер своего банковского счета.

— Номер счета?! Блестяще! Сначала парящая ложка, теперь это. Две самые идиотские идеи на свете — причем всего за двадцать четыре часа.

Я подумал, что не стоит ему говорить про мой план с гусями, ратующими за мир. За ночь я несколько охладел к этой идее.

— А что, если я не стану давать ему номер своего банковского счета, на котором лежат мои накопления? Что, если я открою новый счет, на который он сможет положить свои миллионы долларов? Я должен ему помочь.

— С какой стати?

— Он очень просит. Бедняге грозит смерть от рук политических недругов его убитого отца, Иан!

— Это мошенничество, Дэн!

— Господи, и ты туда же! — с горечью — ума хватило — произнес я. — Я сталкивался с мошенниками и чую их за милю, мой друг. Если это мошенник, то он чертовски умный.

— Дэнни, разумеется, он мошенник! Про таких ловкачей рассказывают в «Сторожевом псе»²⁷, я сам видел. Они рассылают по электронке тысячи посланий и, если ты отвечаешь, знают, что твой адрес настоящий, и тогда буквально забрасывают тебя письмами. Им только и нужен, что один такой человек, как ты, — человек, который говорит «да» вместо того, чтобы категорически сказать «нет»! Они попытаются ободрать тебя, как липку!

— Послушай, мистер Циник. Некогда я был таким же, как ты. Еще совсем недавно. Тогда я точно бы подумал, что это мошенник. Но, избрав тактику согласия, я начал видеть выгоды позитивного мышления. Нужно доверять ближним своим. Смотреть на вещи с оптимизмом. Относиться к людям так, будто они уже твои друзья. И неужели это так уж невероятно, что погибший султан Омана, с которым я никогда не был знаком, отзывался обо мне с такой симпатией, что его сын, опасаясь быть убитым теми же людьми, что погубили его отца, захотел связаться со мной, Дэнни Уоллесом, дабы спасти свои сорок миллионов долларов?

Я надеялся, что Иан поразмыслит над моими словами, но, к моему глубокому разочарованию, он отвечал не раздумывая:

— Конечно, невероятно, идиот!

Порой циники вызывают у меня жалость.

— Он пригласил меня в гости, Иан. Вряд ли он стал бы звать меня в свой дом, если бы планировал ограбить меня до того, как я к нему приеду. В таком случае ужин проходил бы в атмосфере неловкости, ты не находишь? Ему просто нужна моя помощь. Он рассчитывает на мой профессионализм в делах бизнеса.

— Какой еще к черту профессионализм в делах бизнеса? Ты даже степлером не умеешь пользоваться! Он ведет с тобой переговоры по электронке, да?

— Конечно. Омар сейчас прячется. Ему пришлось создать бесплатный ящик для электронной почты, который невозможно отследить. Ну, ты понимаешь, я имею в виду его врагов.

— И он попросил тебя прислать ему номер твоего банковского счета?

— Да. И отвезти деньги в Голландию и передать их деловым партнерам его покойного отца.

— Что еще?

— Дать мой телефон.

— И свой телефон, ты, полагаю, тоже дал, да?

— Иан, такова воля Господа! Как бы то ни было, у меня теперь потрясающее ощущение полной свободы.

Мне больше не приходится делать выбор самому. Все решается за меня.

— Послушай... я запрещаю тебе сообщать этому человеку номер твоего счета в банке. Ясно?

— Ты не вправе что-либо мне запрещать! Что ты сделаешь? Пожалуешься моим родителям?

— Если придется.

— Нет, родителям ничего не говори, пожалуйста.

— Эта твоя тактика согласия до добра не доведет, Дэн. Я думал, ты будешь говорить «да» только на

предложения посидеть в пабе, ну и, может, на мою просьбу одолжить мне десятку от случая к случаю. А ты вон во что вляпался. Это опасно. Может выйти из-под контроля — такое случается сплошь и рядом, когда переписка ведется по электронке. Тебе повезло, что один только Омар попросил твой номер банковского счета...

Я молчал.

И тут Иана осенило.

— Значит, не один только Омар, да? Боже, Дэнни, нет... Кто еще интересовался номером твоего счета?

Дело в том, что просьбы сообщить номер моего счета в банке я неожиданно получил от множества людей.

Видимо, весть о моей готовности помочь Омару, сыну убитого султана Омана, распространилась в королевских кругах.

За несколько дней, миновавших с тех пор, как мы с Омаром впервые обменялись посланиями по электронной почте, ко мне обратились такие люди, как Его светлость шейх Иса Бин Сулман Аль-Халифа, эмир Бахрейна, который, очевидно, слышал обо мне много хорошего и потому захотел, чтобы я управлял его недвижимостью за границей в обмен за долю в капитале \$ 120 миллионов.

Еще поступила просьба от короля Асиама Окофонахи, правителя селения Азиам, расположенного в глубине Аккры, где живут местные племена, и праправнука могущественного легендарного воина Окофонахи. Королю Асиаму только что сообщили, что ему осталось жить месяц. Весть о скорой кончине не сломила его дух, но он все же решил не оставлять свое огромное состояние сыновьям, потому что те только и делают, что «нюхают наркотики и распутничают». Однако он с радостью готов отдать свои деньги случайному незнакомцу вроде меня — при условии, что я пообещаю не тратить их на наркотики и распутство. В постскрипуме он попросил, чтобы я приехал в Гану и привез с собой много денег — ну, вы понимаете, — на всякие подготовительные операции и все такое.

Вот это, наверно, уж точно мошенники.

Нет. Подождите. Верь в «да».

— Так, ладно, — произнес Иан, потирая переносицу, как это делают чуть утомившиеся учителя, которые носят очки, — просто чтобы показать, что им твоя судьба не безразлична и что они гораздо разумнее тебя. — А тебя не насторожило, что все короли, эмиры и герцоги Хаззарда ни с того ни с сего стали писать тебе, говоря, что ты их спаситель, и упрасывая дать им номер твоего банковского счета?

— Ну да, я подумал, что это несколько необычно, но оптимизм...

— Необычно? Дэнни, они представляются миллиардерами, а переписываются с тобой по электронке и пользуются услугами провайдеров бесплатной электронной почты!

Я насупился. Что во мне такого, что, по мнению Иана, должно отталкивать от меня султанов, эмиров и королей?

— Послушай, — сказал я. — Когда Омар, сын убитого султана, явится сюда в добром здравии и вручит мне мою долю от сорока миллионов долларов...

— Кому ты послал свои данные?

— Пока никому... Я, пожалуй, pošлю всем одновременно...

— Сдурел?!

— Вовсе нет! Просто Омар первым обратился. Он должен...

— Дэн. Ну-ка скажи мне адрес электронной почты Омара.

Иан смотрел на меня — сурово так смотрел. Я попытался что-то сказать, но он поднял палец, и я почему-то испугался.

— Если ты говоришь, что не можешь сам выпутаться из этого, Дэн, тогда я вынужден вмешаться — пока парочка султанов не избил тебя в номере голландской гостиницы...

Я молча кивнул. Иан опустил палец.

— Так... какой адрес?

Кому: Омар

От кого: Иан

Тема: Плохие новости

Дорогой Омар,

Я очень рад, что у меня появилась возможность обратиться к вам. Мне необходимы ваш квалифицированный совет и незамедлительная помощь действием. Позвольте представиться:

Меня зовут Иан. Я — друг Дэнни.

Сегодня утром Дэнни арестовали за преступление, которого он не совершал, и теперь он сидит в тюрьме. Перед тем как его забрали, он рассказал мне о вас. К вам он относится с большой симпатией и доверием.

Он поручил мне вести его дела, и мне известно, что на его счету в банке более 1000 фунтов. Я опасаясь, что его мама попытается забрать эти деньги у него, поскольку у нее тоже есть доступ к его банковскому счету.

Я намерен бежать из страны и поселиться где-нибудь в таком месте, как Оман, где я мог бы жить с вами в вашем султанате.

Если вы поможете мне перевести в надежный иностранный банк эти 1000 фунтов, тогда за ваши труды я готов заплатить вам 25% от названной суммы (250 фунтов).

Возможно, вам придется поехать в Голландию, чтобы передать подарки кое-кому из приятелей Дэнни. Они не очень привередливы, согласятся принять и по коробке конфет, которые можно купить в аэропорту. Такова воля Господа и т. д.

Прошу вас, брат мой, мы должны действовать быстро. Его мама не дремлет.

Пришлите номер вашего банковского счета. Я доверяю вам на 100%.

Иан.

PS. Это не интернет-мошенничество.

Вот таким образом, друзья, по милости Иана Коллинза, чтоб ему пусто было, я потерял десять миллионов долларов.

Ха, если бы только эти десять миллионов. Я потерял и долю в капитале на сумму \$ 120 миллионов, которую предложил мне шейх Аль-Халифа. И \$ 87 миллионов золотом, которые хотел отписать мне король Асиам. И еще почти \$ 200 миллионов, обещанных разными сановниками, которые нуждались в моей чудодейственной помощи.

В тот вечер Иан, отправив сообщение Омару (надеюсь, тот не очень обиделся, а заговор с целью убийства и в самом деле был выдумкой), установил мне мощную программу-фильтр, отсеивающую рекламный мусор. Теперь, сказал он, я могу забыть про почтовую макулатуру и сосредоточиться на нормальных ситуациях, когда можно ответить согласием, как-то: посещение пабов и одалживание ему десятков.

Омар больше мне не писал. Но я был благодарен Иану. Благодарен за то, что он спас меня от банкротства. И за то, что не дал мне потратиться на авиаперелет в Голландию. Потому что именно оттуда, как утверждал Иан, они действуют.

— Смотри сюда, — сказал он, открывая сайт за сайтом. — Здесь описываются случаи интернет-мошенничества. Люди каждый день попадают на удочку таких жуликов. Некоторым везет, и они теряют всего лишь несколько тысяч на несуществующих «подготовительных операциях». Другим везет меньше. Некоторые отправляются в Голландию, где, как им говорят, они смогут забрать свои деньги. Там их встречает представитель «короля» или «эмира», или хренова «султана»; их обирают до нитки, иногда избивают до полусмерти.

— А я-то думал, что Голландия — спокойная страна! — изумленно воскликнул я. — Зачем они избивают людей до полусмерти? Разве так можно?

— Голландия — европейская столица мошенников, Дэн. И громил, которые калечат людей.

— Но кто они?

— В основном, бандиты. Многие из них безобидны, но встречаются и головорезы, Торговцы наркотиками, связанные с организованной преступностью.

Я содрогнулся.

— И со мной такое могло бы случиться! Омар просил, чтобы я приехал в Голландию, если это возможно! И я бы поехал! И меня бы избивали дюжие молодчики, промышляющие торговлей наркотиками!

— Вот я и говорю, Дэн... может, ну ее, эту твою тактику согласия. Смотри, в какую передерягу ты чуть не угодил. Может, хватит? По-моему, это несколько... бессмысленно. Что это тебе дает? Разве ты сделал что-нибудь стоящее?

Я пришел в замешательство, но покачал головой.

— Нет, Иан. А этот случай — очень даже поучительный. Ты оказался рядом, оградил меня от беды. Спас меня. Но ведь подобное больше не повторится, верно?

— Не должно. Фильтр работает на максимуме. Ты, главное, от Интернета держись подальше, Дэнни. А то опять влипнешь. Нарвешься на мошенников, станешь покупать увеличители пениса и отвечать согласием каждому придурку, который сумеет найти твой адрес. И почту свою не читай.

— Ладно, — кивнул я.

— И помни: одно «нет», и уж я тебе устрою!

Я посмотрел ему в глаза.

— Ты ведь еще не придумал наказание, да?

Иан мотнул головой.

— Нет, не придумал.

Иан был прав. Мне лучше не подходить к компьютеру. Это не что иное, как рассадник крупных

неприятностей, сконцентрированных в аккуратной маленькой коробке. А зачем мне неприятности? Мне нужна надежность. Безопасность. Благополучие. Мир без риска и невзгод.

Поэтому я выпил чай, но продолжал сидеть на кухне, поклявшись себе не смотреть в сторону компьютера.

А потом прошел в гостиную, включил компьютер и проверил электронную почту. Пришло два сообщения. Одно — от Тома из телецентра Би-би-си, напоминающего о завтрашнем совещании, на которое я должен прийти энергичным, с массой блестящих идей. Второе прислал Брайан, член товарищества «Звездный взрыв»:

Дэнни!

У меня для тебя интересная информация... Можешь быть завтра в шесть вечера в ресторане «Нью-Клифтон Бенгали»? Это на Уайтчепел-роуд, рядом с метро «Олдгейт». Соглашайся...

Брайан

О, черт. Иан был прав. Теперь мне опять придется весь вечер болтать об инопланетянах и пирамидах. Может, все это и впрямь бессмысленно.

Я стал думать, что написать в ответ. И вдруг заметил, что не до конца дочитал послание Брайана.

Я переместил курсор в конец страницы.

И был заинтригован.

PS. Это касается твоего попутчика из автобуса.

Глава 7

В которой Дэниел выдвигает теорию, вечеринку и дразнит соперника

Я понятия не имел о том, что хотел сообщить мне Брайан о моем попутчике из автобуса. Странно, что он вообще мог что-то о нем знать. В конце концов, тот мой попутчик был всего лишь попутчик. Но я почти сразу же ответил Брайану, выразив согласие встретиться с ним в ресторане индийской кухни, чтобы узнать очень важную информацию. С моей стороны это было странное «да», но я не тревожился. Странные «да» тоже в счет — все «да» имеют значение, независимо от их уровня.

Ведь «да» бывают разных уровней. И таковых существует несколько. Возможно, сегодня вы невольно оказались во власти одного из них. Возможно, по милости одного из «да» вы отправились по магазинам или наслаждались изысканным кофе, а может, даже держите сейчас в руках эту книгу. Вся наша жизнь соткана из «да» разных уровней, помогающих нам в повседневном существовании. И если (а я подозреваю, так оно и есть) вы купили эту книгу в качестве некоего элементарного самоучителя, возможно, вы захотите принять к сведению следующее.

ПЯТЬ УРОВНЕЙ «ДА»

Уровень 1: Легкий уровень. Это когда мы согласно отвечаем на вопросы типа «Не желаете получить деньги за просто так?», «Может, выпьем на посошок?», «Хотите взглянуть на фотографию пони?» или «Почему бы вам не взять отгул до конца дня?».

Уровень 2: Все еще достаточно легкий уровень. Уровень 2 лишь чуть-чуть мудренее. Ты всегда готов изобразить из себя хорошего парня. Говоришь: да, хорошо, сегодня я запишу для тебя на видео ту передачу, что идет по Би-би-си-2. Или: да, конечно, я угощу тебя кофе, и, более того, я не жду, что когда-нибудь ты тоже пригласишь меня на кофе.

Уровень 3: Уровень, требующий приложения некоторых усилий. Более сложный уровень. Но не настолько, что приходится ломать голову — в этом и заключается вся прелесть Уровня 3. «Да» уровня 3 — это согласие посетить вечеринку, на которую на самом деле ты не хочешь идти, а потом все же идешь. Это когда ты соглашаешься пойти выпить после работы, хотя предпочел бы посмотреть «Слабое звено» и съесть самосу28. Это когда ты отвечаешь согласием на все, что связано с поездкой, занимающей более сорока минут и/или требующей более одной пересадки. Это когда ты соглашаешься проводить в туалет пожилую тетушку и не бежишь прочь, заслышав ее крик: «Я закончила!»

Уровень 4: Уровень, требующий больших усилий. Ага, уровень 4. Наш извечный враг. Это когда ты соглашаешься присутствовать на крестинах — на любых крестинах. Даешь согласие пойти на мероприятие, где будут исполнять современные танцы, или соглашаешься сделать и принести свои собственные бутерброды. Когда соглашаешься сделать то, что, как тебе известно, непременно вызовет неловкость. Когда говоришь «да» в то время, как тебе хочется одного: категорически сказать «нет».

Уровень 5: Уровень «ни за что». Большинство из нас никогда не говорят «да» пятого уровня. «Да» уровня 5

— это, например, согласие присутствовать на свадьбе. В Мозамбике. Согласие присутствовать на ужасном торжественном ужине в доме на другом конце города, где, ты знаешь, тебе не рады, потому что последний раз, когда ты был там, ты оскорбил чью-то жену и заблевал туфли хозяина. А также вечернее платье хозяйки. Да к тому же там будет Клэр Суини²⁹. Уровень 5 — это Бее, что имеет отношение к самолетам. Все, что несет боль и страдание. Все то, на что ты никогда, ни за что, ни в коем случае не можешь и не должен отвечать согласием. Вот это, друг мой, и есть уровень 5.

Я рассудил, что сам я застрял где-то на третьем уровне... что меня вполне устраивало. Как я сказал Иану, это только начало. До 31 декабря жить да жить — несколько месяцев. Но дела мои шли вполне успешно. Я старался. Пытался стать более открытым. Соглашался делать то, что меня обычно нельзя было заставить сделать. Все это были «да» из разряда третьего уровня, но именно на этом уровне согласия я был абсолютно счастлив. Чувствовал себя прекрасно. Мне казалось, что так я и должен жить. Окружающие тоже замечали, что во мне произошла резкая перемена.

Уэг был рад, что я стал чаще появляться на людях. Он начал понимать, что, стоит ему позвонить, — и я буду к его услугам, в мгновение ока, — если, конечно, раньше я не дал согласие быть в другом месте. Но правила есть правила: немного усилий, и я обычно успевал на обе встречи. Уэг был растроган, и я не хотел разочаровывать его. Мне также удалось наверстать упущенное с друзьями, которых я не видел сто лет, — просто потому, что теперь я обычно вечера проводил где-нибудь в городе, вне дома, и умудрялся быстро добираться куда было нужно. Таким образом я вновь стал регулярно встречаться с Карлом и Стефаном, с Нерисом и Натаном, Дарой, Ниной, Ноэлем и многими другими.

Все было здорово. Все было замечательно. Я полностью контролировал ситуацию.

Было четыре часа дня. Из телевизионного центра Би-би-си я шел пружинистым шагом. Мое второе совещание по вопросам выработки стратегии прошло на удивление хорошо.

До смешного хорошо.

Правда, большинство моих идей были встречены презрительными «фи» еще до того, как я успел полностью озвучить их формулировки, а когда я представил парочку своих проектов, некоторые из присутствующих, я это почувствовал, едва сдержались, чтобы не заулюлюкать. Что же касается меня самого, мне удалось сказать «да» в ответ на все вопросы, которые мне задавали, посему я считаю, что совещание прошло успешно. К тому же несколько посредственных идей и, по крайней мере, три ужасные не были забракованы благодаря тому, что их не очень тщательно рассматривали. Думаю, телекомпания Би-би-си должна быть мне благодарна.

После совещания Том сказал мне — разумеется, я передаю смысл его слов, — что я ему нравлюсь, что я оригинален и не так ничинен и желчен, как большинство людей, которые бывают на подобных совещаниях. Что я не критикан, а как раз наоборот — и здесь я опять перефразирую его слова, — генератор идей. Что у меня позитивный подход.

— Понимаешь, — сказал он, — отсутствие идеи — плохая идея. И даже из плохой идеи может родиться хорошая. На том и строится прогресс.

Я широко улыбался. Я ведь ничего особенного не сделал — просто продемонстрировал позитивный подход, и смотрите, что вышло: меня удостоил щедрой похвалы авторитетный человек!

— Кстати, какой у тебя контракт с радио? — поинтересовался Том. — Я просто так спрашиваю, из любопытства.

— Работаю день-два в неделю... пока ищю новые проекты...

— И остальное время чем занимаешься?

Пью чай, Том, и переписываюсь с султанами.

— Да так, знаешь... то, се...

— А ты никогда не думал о том, чтобы поработать немного здесь?

— Прошу прощения?

— В одной из наших групп появилась вакансия. Думаю, нам пригодился бы такой, как ты. Человек, который мог бы привнести струю положительной энергии.

Надо же! Положительной энергии!

— Можешь прислать мне свою анкету?

— Да, — ответил я.

— Прекрасно. Ты доказал, что ты по-настоящему творческая личность. Способен вырабатывать идеи. Ну да, с идеей «Как растолстеть» тебя, конечно, несколько занесло, и твой план ее раскрутки нельзя назвать блестящим, но...

— Стоп, — перебил я его, подняв палец. — Плохих идей не бывает!

— Правильно, Дэнни. За исключением, пожалуй, одного этого случая. Это я все к тому говорю... подумай о том, чтобы поработать у нас, ладно?

— Хорошо, — сказал я. — Подумаю.

— Так куда ты теперь? — спросил Том.

— На встречу с одним знакомым. Он должен сообщить кое-что относительно одного моего попутчика.

Ресторан «Нью-Клифтон Бенгали» на Уайтчепел-роуд находится неподалеку от паба «Слепой нищий», где я

познакомился с Брайаном и узнал об инопланетянах, которые сооружали пирамиды, пока ленивые египтяне просто поклонялись кошкам и рисовали на стенах.

Я понятия не имел, что за информацию удалось раскопать Брайану о моем попутчике, но он был обитателем Ист-Энда, как, очевидно, и человек, с которым я познакомился тогда в автобусе, посему я надеялся услышать от него нечто стоящее внимания.

Когда я пришел в ресторан, Брайан был уже там.

— Привет! — поздоровался я, с радостью усаживаясь за стол.

— Привет, Дэнни. Спасибо, что пришел. Полагаю, потому, что ты по-прежнему стараешься чаще говорить «да»?

— Нет, нет, — возразил я, не желая быть грубым. Я не хотел, чтобы он думал, будто это единственная причина, побудившая меня явиться к нему на встречу. — В общем-то... Да.

— Прекрасно. По-моему, ты поступаешь правильно.

— В самом деле?

Брайан кивнул.

Возникла короткая заминка. Я не знал, чья очередь теперь говорить, но Брайан молчал, и я решил, что, по всей вероятности, это должен быть мой ход.

— Итак... что у тебя? Закажем что-нибудь?

Брайан взглядом призвал официанта, и мы заказали какое-то блюдо с карри.

Когда официант удалился, Брайан забарабанил пальцами по столу, несколько жеманно, как мне показалось.

— Дэнни, — сказал он, — за выходные я провел некоторые изыскания... посмотрел несколько сайтов в Интернете и так далее и подумал, что стоит поделиться с тобой найденной информацией.

— Что за изыскания? — спросил я, прекрасно понимая, что, когда взрослый человек употребляет в одном предложении такие слова, как «изыскания» и «Интернет», следует в скором времени ожидать судебного разбирательства.

— Проверял кое-что, только и всего. Когда ты рассказал мне — нам — о человеке, с которым ты познакомился в автобусе в тот вечер, Лора упомянула Майтрею... и я решил разобраться.

— Да, но его же не существует... ты ведь сам говорил...

— Да, а еще я сказал, что закоснелость — это болезнь. Так... не мог бы ты еще раз рассказать, как все было?

Странно, подумал я. Все, что я поведал им про моего попутчика в автобусе, было предельно ясно. Этот человек что-то сказал мне. И все. Тем не менее я уступил просьбе Брайана...

— Гм... ну, я сидел в автобусе рядом с этим человеком, и...

— Как он выглядел?

— На вид азиат. С бородой.

Брайан перевернул листок бумаги, лежавший на столе изображением вниз, и протянул его мне.

— Это он?

Я затруднялся определить. Фотография — чернобелая, нечеткая, распечатана из Интернета. На ней был запечатлен похожий на азиата мужчина с бородой и в белом халате; его окружала огромная толпа народа. Под фотографией стояла подпись: «Кения, 1988 г.». Я был поражен. Брайан пришел не с пустыми руками!

— Трудно сказать... — промолвил я. В лице Брайана отразилось разочарование, поэтому я еще раз взглянул на фотографию и, стремясь угодить ему, добавил: — Во-общем-то, борода, кажется, похожа.

Брайан закрыл глаза и знаком велел мне продолжать.

— В общем... мы говорили о том, о сем, рассказывали друг другу, чем занимаемся. Я упомянул, что в основном торчу дома, ото всего отказываюсь. И он сказал: «Так чаще говори «да»» или что-то в этом роде. Вот и все.

Брайан нахмурился.

— И это все? И после этого ты стал чаще говорить «да»?

— Да.

— И что, помогает? Как это все выглядит?

— Ну... жить стало веселее. Я чаще выбираюсь из дома, встречаю новых людей, сегодня вот пойду на вечеринку, чуть не выиграл двадцать пять тысяч фунтов, купил пароочиститель, да и на работе мои дела пошли в гору. Так что... да, помогает.

Брайан сложил на груди руки и чуть подался вперед.

— Возможно, для тебя это прозвучит несколько странно, но что, если я скажу, что существует мнение, что Христос благополучно здравствует и живет в пяти минутах ходьбы отсюда, на Брик-лейн?

Хм, надо же, и впрямь сказал.

Честно говоря, я не знал, как мне реагировать. Решил, что лучше буду сидеть с чуть открытым ртом, делая вид, будто я ошеломлен. До сей минуты я не считал Брайана религиозным активистом, да и, на мой взгляд, он выбрал несколько эксцентричный и не совсем удачный способ распространения благой вести, — тем более что я, как ни пытался, не в силах был усмотреть взаимосвязь между этим его заявлением и тем, о чем мы только что говорили.

— Э... даже не знаю, что сказать, — произнес я. — Полагаю, наиболее уместно спросить: в самом деле?

Брайан откинулся на спинку стула.

— Иисус. Христос. Бодхисатва. Имам Махди. Кришна. Майтрея. Называй его как угодно. Но да, это он. Во всяком случае, по мнению некоторых.

— И... какое это имеет отношение ко мне? — спросил я как можно учтивее, поскольку, как неожиданно выяснилось, никогда не знаешь, где может сидеть Христос.

— По моим данным, Майтрея, как мы будем называть его, живет в пакистано-индусской общине на Брик-лейн с девятнадцатого июля тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Он — тот, кого называют Мудрецом. Явился сюда, чтобы надзирать и учить. Он проповедует справедливость, призывает делиться благами.

Я поразмыслил над словами Брайана.

— Он вел себя довольно тихо, — сказал я. — Не как проповедник.

— Нет, Дэнни, это ложное впечатление. По всей видимости, он уже лет двадцать пять ведет активную работу среди нас вместе с несколькими другими Мудрецами. И те Мудрецы учат людей, влияют на их судьбы и меняют мир.

— И... как они это делают?

— Я до этого еще дойду. Но, по словам знающих людей, примерно восемнадцать с половиной миллионов лет назад на Землю с таких планет, как Венера, прибыли существа, которые были призваны помочь нам основать нашу цивилизацию...

— Позволь, я тебя перебую, — попросил я, но, как оказалось, остановить Брайана было невозможно.

— Я не говорю, что я верю в это, Дэнни. Просто так принято считать. Эти существа живут среди нас, должно быть, уже целое тысячелетие. Сначала они обитали в глухих уголках Земли — например, в Гималаях, в Скалистых горах, в пустыне Гоби, в Андах — и проявляли заботу о нас издалека. А теперь учителя вроде Майтреи, как утверждают, живут среди нас. Один есть в Нью-Йорке, один — в Женеве, один — в Дарджилинге, один — в Токио. Ну и в Лондоне, конечно, есть один.

— Ну да, — сказал я, сам не понимая, с чем соглашаюсь. — И ты говоришь, что я с ним встретился?

— Нет, — возразил Брайан. — Я говорю, что некоторые сказали бы, что ты, возможно, встретился с ним.

— Но почему именно я?

Брайан пожал плечами.

— Почему бы нет? Я еще раз подчеркиваю: я не говорю, что верю во все это. Однако в его существование верят во всем мире, и доказательство тому следующее: в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году было обещано, что Майтрея явится перед международной прессой. Журналисты со всего мира прибыли, чтобы услышать мудрые слова Великого. Все издания прислали своих представителей — и «Телеграф», и «Обсервер», и «Сан», буквально все.

— Куда?

Брайан вскинул брови и развел руками.

— В ресторан «Нью-Клифтон Бенгали».

Ну и ну.

— Сюда? — изумленно уточнил я. — Это было здесь?

— Не совсем. Ресторан «Нью-Клифтон Бенгали» раньше находился на Уэнтворт-стрит.

— А-а.

— А теперь он здесь.

Ну, это не одно и то же.

— Почему Майтрея решил явиться народу именно в бенгальском ресторане в восточном районе Лондона? — спросил я.

— Не знаю, — несколько раздраженно отмахнулся Брайан от моего вопроса, будто это первое, о чем его всегда спрашивают. — Как бы то ни было, журналисты были уверены, что Майтрея явится им и донесет свое пророчество миру.

— И что это было за пророчество?

— Ну... вообще-то он не явился, так что никто не знает.

Мне стало интересно, почему Брайан настоял, чтобы

мы встретились в ресторане «Нью-Клифтон Бенгали», который даже был не тем самым рестораном «Нью-Клифтон Бенгали», куда двадцать лет назад не соизволил явиться какой-то человек. Ведь существуют миллионы мест, которые даже не являются тем самым местом, куда не явился кто-то двадцать лет назад. Например, моя квартира или Бристоль.

— Как бы то ни было, позже было сообщено, что Майтрея, не явившийся в ресторан «Нью-Клифтон Бенгали» по причине того, что это было неподходящее время, продолжает работать здесь, на Земле, осуществляя надзор за развитием... — Брайан ткнул пальцем в меня, — ...темных людишек.

Я не знал, радоваться мне или обижаться. С одной стороны, было приятно, что Майтрея, если он и впрямь существует, в тот вечер выбрал своим учеником меня. В то же время мне было досадно, что из всех людей, живущих сегодня в Лондоне, он счел меня наименее развитым. Но в это было трудно поверить. И я решил уличить Брайана во лжи.

— Так... если Майтрея живет на Брик-лейн, почему бы нам не навестить его? Давай сходим, поздороваемся, ну а я посмотрю, тот ли это мужик.

— Я не знаю его адреса. — Брайан пожал плечами, разрывая на две половинки наан30. — Его квартира находится над каким-то магазином и возле храма, но это все, что мне известно. Честно говоря, я не большой

специалист в этой области. Однако... я хотел бы познакомить тебя кое с кем, с одним человеком...

Было б здорово, если бы Брайан в это самое мгновение показал бы на дверь за моей спиной, заиграла бы бойкая музыка, и Майтрея собственной персоной вошел бы в ресторан, взмахом руки приветствуя всех присутствующих, будто бы собравшихся на некое спиритическое ток-шоу. Но никто не вошел, и я почувствовал себя немного обманутым, — как, очевидно, те журналисты в 1984 году.

— ...по имени Пит, — провозгласил Брайан.

— Пит?

— Пит. Он иногда тусуется с нами и хорошо разбирается в таких вещах. Все, что мне известно о Майтрее, я узнал от него.

— Очевидно, по-твоему, мне следует встретиться с Питом? — спросил я.

— Да, — сказал Брайан.

В тот вечер я покинул ресторан в несколько растрепанных чувствах. Я не был убежден, что человек, с которым я познакомился в автобусе в тот вечер, действительно был Майтреей. Правда, у него была борода, как у Майтреи, и, как и последний, он тоже был учителем, хотя Майтрея слыл «Всемирным учителем» (что, на мой взгляд, дело не простое — одних оценок сколько надо наставить). С другой стороны, в Лондоне полно бородатых учителей, так почему же Брайан так уверен, что фраза, сказанная мне моим попутчиком, — это Божественная мудрость, которая до той минуты мне была просто неведома?

Тем не менее я разрешил Брайану сообщить мои координаты Питу, и мне было велено ожидать телефонного звонка на следующей неделе, после того, как Пит «наведет обо мне справки».

Я прибыл на вечеринку, организованную инженером Робертом, ровно в восемь часов.

Как ни странно, веселье уже было в самом разгаре. Гости толпились на кухне и на лестничной площадке, кто-то уже уходил. Так просто не должно быть. Когда я устраиваю вечеринку и говорю гостям прийти в восемь, то обычно первые полтора часа компанию мне составляет только миска орехов. А тут вон что. Полный дом гостей. И квартирка-то какая крутая.

— Милое местечко, Роберт, — восхищенно произнес я. Мне почему-то всегда представлялось, что Роберт живет на съемочной площадке передачи «Войны роботов». Однако нет. У него определенно был вкус. И чувство стиля.

— Это берлога моего брата.

Тогда ясно.

Мы с Робертом прошли в гостиную. Там тоже были гости — сидели кружком на стульях, принесенных из столовой.

— Знакомьтесь, это Дэнни.

— Всем привет, — поздоровался я.

— Привет, — ответили мне.

Роберт сел, я последовал его примеру.

— Итак, — сказал он. — Факты.

Черт. Совсем забыл, что нужно было откопать какой-нибудь интересный факт. Что я знаю? Что мне известно из того, о чем не знают все остальные? Чем озадачить незнакомых людей? Я и не подозревал, что это будет так... официально.

— Я начинаю! — вызвалась девушка по имени Роза. — Крик ревуна разносится на десять миль окрест.

Она выглядела очень довольной собой, и вся компания разразилась одобрительными возгласами.

— А я и не знал, — сказал кто-то. Все покачали головами.

Вот те на! Мне придется придумать нечто сенсационное, чтобы составить конкуренцию этой девушке.

— Ладно, теперь моя очередь, — заявил парень справа от нее.

Проклятье. А я-то что скажу? Что я знаю? Мне известно множество любопытных фактов... о львах, о вертолетах... но что это за факты?

— Национальный флаг Италии разработал Наполеон Бонапарт.

— В самом деле? — выразили удивление двое или трое из присутствующих. Парень энергично кивнул, будто он выяснил это в ходе собственной исследовательской экспедиции.

— Кто следующий? — спросил Роберт.

О Боже, так нечестно. Почему мы должны ломать лед в самом начале вечера? Почему нельзя игнорировать друг друга до полуночи, а потом подружиться по пьянке — как раз в тот момент, когда начнут подъезжать такси?

— Я... — сказала девушка в розовой кофточке. — Так вот... возьмем статую человека на лошади. Если у лошади передние ноги в воздухе, значит, сидящий на ней всадник погиб в бою. Если у лошади в воздухе только одна нога, значит, всадник умер от ран, полученных в бою. И наконец, если лошадь стоит четырьмя ногами на земле, значит, всадник умер естественной смертью.

Ее сообщение произвело фурор. Девушка вдруг стала самым популярным человеком в комнате. И все потому, что ей известен никому не нужный, бесполезный пустяк. Я был поражен. Мне тоже захотелось успеха.

— Дэнни? — обратился ко мне Роберт. — А ты что интересного нам скажешь?

Так, быстро, придумай что-нибудь, подначивал я себя. Но в голове было пусто. Я должен что-то придумать?

Но что?

— Дэнни?

Думай!

— С тех пор... э... как открылся первый ресторан «Макдональдс»... в... э... тысяча девятьсот шестьдесят девятом году... неподалеку от... Калифорния-Бич... — заговорил я, на ходу придумывая ненужные подробности в надежде, что они придадут достоверности тому, что я собирался сказать, — ...э... корпорация «Макдональдс» продала... свыше... — я поднял палец для пушей убедительности, — ...одного миллиона гамбургеров.

Все, кто был в комнате, смотрели на меня в изумленном молчании.

Потом некоторые сморщили носы, кто-то протянул «о-о» с нотками разочарования в голосе.

— Миллион гамбургеров? — переспросила девушка в розовой кофточке. — По-моему, это не так уж много.

— Я сказал: свыше, — подчеркнул я. — А это значит, что гораздо больше.

Возникла неловкая пауза. Девушка в розовой кофточке смотрела на меня так, будто я ее подвел.

А потом подал голос мой спаситель:

— Первый готовый зерновой завтрак появился в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Это был «Шреддед Уит»³¹. Первые кукурузные хлопья фирмы «Келлогг» появились на целых пять лет позже.

Накал был сбит. Все опять выразили восхищение.

Мой спаситель мне подмигнул.

Человека, который пришел мне на помощь, звали Гарет.

— Спасибо, что выручил, — поблагодарил я его. — Честно говоря, с «Макдональдсом» я ведь все придумал. Хотя, вероятно, так оно и есть, так что формально я не лгал...

— Да, — согласился Гарет. — Думаю, это верно, что «Макдональдс» продал свыше миллиона гамбургеров.

— Это ведь много, да? — спросил я, все еще пытаюсь убедить себя и его в том, что я сообщил поразительный факт.

— ...Да, — с заминкой произнес Гарет. — Как вообще дела? Ты откуда сюда прибыл?

— С Боу-стрит, — ответил я. — А ты?

— Из Форест-хилл³². Только что переехал со своей подружкой.

Гарет работал на телевидении, занимался перспективным планированием для ток-шоу «Ричард и Джуди», которое шло по 4-му каналу³³.

— О! — воскликнул я. — Это потрясающее шоу! Я был один раз на съемках.

Я не лгал. Когда я начал создавать культ собственного изобретения, к чему Ханна отнеслась неодобрительно, меня пригласили на передачу «Ричард и Джуди», дабы я объяснил свою позицию. Я там отлично провел время, и это было одним из выдающихся событий очень необычного года.

— Да, я видел ту передачу! — сказал Гарет. Этого и следовало ожидать, раз он работает в той программе. — Я подумал, что твое лицо мне знакомо. Да... помнится Ричард сказал после, что это был весьма... странный выпуск.

Должен отметить, что это высказывание не попадет в мою анкету.

А потом пришел новый гость и со смаком сообщил всей комнате, что «в Хартфорде (штат Коннектикут), вас оштрафуют на пять долларов, если вы перевозите в такси труп!». Ему громко зааплодировали, а девушка в розовой кофточке бросила на него восхищенный взгляд.

Мы с Гаретом переглянулись, и я беззвучно произнес слово «придурок».

У меня с моим новым приятелем завязался разговор, мы обсудили много разных вещей. Я заметил, что с тех пор, как я избрал для себя тактику согласия, я стал весьма интересным человеком. У меня появились новые темы для разговора, возникло собственное мнение по многим вопросам. Я в подробностях объяснил ему, что должны сделать мужчины, чтобы научиться рожать детей, рассказал, как я общался с борцами за мир и придумал лозунг «Война — это плохо», а также разработал концепцию агитационной кампании «Гуси — за мир», о которой он уже, должно быть, слышал, сообщил, что пирамиды соорудили инопланетяне и что чуть раньше сегодня вечером я ел блюдо карри в ресторане, расположенном на той же улице, где живет Христос.

Гарет кивал, слушая меня, и, как мне казалось, о чем-то размышлял.

— Дэнни, у тебя есть телефон, по которому я мог бы связаться с тобой?

Я дал ему свой номер.

А потом он сказал, что ему рано вставать, пообещал вскоре мне позвонить и ушел. Я подумал, что, возможно, я все-таки не такой уж интересный человек, каким себя считал.

И я решил, что больше никогда не стану объяснять незнакомым мужчинам, каким образом они могут закупорить свои родовые пути.

Прошел еще час. Я прекрасно проводил время.

Уже успел пообщаться с девушкой-испанкой, которая видела призрак, когда ей было четыре года, и с мужчиной, который, к моему огромному удивлению, каждое свое предложение завершал фразой «Вы меня понимаете?», — и еще с одним, который раньше владел мельницей. Я также привлек внимание девушки, которую очень поразило, что мой друг Уэг завтра утром отправляется в Германию с группой «Бастед».

Что интересно, в процессе общения с гостями Роберта я быстро усвоил, что ни в коем случае нельзя судить о том, какой будет вечеринка, по приглашению, в котором указано: «Найди какой-нибудь любопытный факт».

Следующим моим собеседником стал Том. Он работал в Лондоне, но имел вид занятого путешественника.

Собственно, он и собирался отправиться в путешествие. Необычный шаг для человека, который занимается сделками с ценными бумагами.

— Конечно, деньги хорошие, но порой... знаешь... ты просто обязан рискнуть. Отказаться от легких путей. Что я и намерен сделать. Я переезжаю в Новую Зеландию, попробую себя на новом поприще. Займусь чем-нибудь новеньким.

— И чем же?

— Пока не знаю. Новая Зеландия всегда меня влекла. Я скопил немного денег — хватит на то, чтобы устроиться и перекантоваться первые несколько месяцев... Хочу посмотреть, что будет.

Я восхищался Томом. Вот человек, который очень многого добился в жизни, но потом решил, что почти ничего из этого ему не нужно.

— Надо же! — с восторгом произнес я. — И давно ты это планировал?

— Пожалуй, несколько лет. Но никогда не думал, что смогу решиться на переезд. А потом мы с моей подругой расстались, и это все изменило, потому что теперь меня здесь удерживала только моя работа. Вот я и решил: а ну его к черту, буду делать то, что хочу. А это подразумевало переселение туда, где уровень жизни гораздо выше, чем в Лондоне.

— Ты молодец, Том, — похвалил его я. — Блестящая идея. И... вдохновляющая.

Идея и впрямь, на мой взгляд, была вдохновляющая. Подкупало и то, что Том сказал «да». Самому себе. Хотя одному Богу известно, к какому уровню «да» следует отнести согласие переселиться в Новую Зеландию. У Тома вид был довольный. Как у человека, стоящего на пороге чего-то важного. Он был возбужден.

— В общем, я практически уже собрался. Еще одна неделя в Лондоне, и ту-ту. До свидания.

— Что ж, желаю удачи.

— Спасибо, Дэнни. Если будешь в Новой Зеландии, дай знать.

Мы чокнулись банками пива, и Том пошел прочь. Хороший парень, подумал я.

— Да, кстати. — Том вернулся ко мне. — Я уже у всех спрашивал, почему бы и тебе не предложить... Ты случайно не заинтересован в том, чтобы купить автомобиль?

Двадцать четыре часа спустя я уже прикинул и решил, что, да, пожалуй, я мог бы позволить себе приобрести автомобиль. Конечно, на покупку разом уйдут почти все мои сбережения, но, поскольку мне было гарантировано превышение кредита (и обещан еще один контракт с Би-би-си), я считал, что машину я осилю. Особенно если поторговаться с Томом. Проблема была в том, что я не умел торговаться. Во всяком случае, при покупке автомобилей. Я в них не разбирался. Я даже не спросил Тома, какую модель он продает. Он назвал марку — «Ниссан», — и я прекратил расспросы. Я знаю свои возможности.

Я был в городе — разбирался со своими деньгами, заодно заскочил на работу — и сейчас находился почти в конце Оксфорд-стрит. Вдруг передо мной вырос мужчина скучного вида с плакатом в одной руке и рекламной листовкой — в другой.

— Хочешь? — спросил он, кажется, с испанским акцентом.

— Да, давай, — одними губами произнес я, взял листок и продолжил свой путь. Мельком глянул на листок. Это была реклама курсов английского языка при Лондонском университетском колледже. Я сложил рекламный листок и только хотел его сунуть в карман, как ко мне обратился еще один парень, — судя по всему, решил, что я заинтересовался курсами английского языка.

— Выучи английский? — сказал он с вопросительной интонацией, держа свой рекламный листок на вытянутой руке. Парень предпринял попытку остановить меня и повторил: — Выучи английский?

Я вяло улыбнулся, взял листок и пошел своей дорогой, несколько встревоженный выражением глаз этого человека. Я ходил по Оксфорд-стрит множество раз и очень редко соглашался брать рекламные листки. Главным образом, потому, что никто из прохожих их не брал. А в глазах того человека я различил настоящий голод, мгновенно сменившийся облегчением, как только я взял у него рекламу. Опустив голову, я прибавил шаг, но спустя несколько мгновений у меня перед глазами появилась еще одна реклама — «Английский для иностранцев в Премьер-колледже (Лондон)». Я взял ее, но мне тут же сунули под нос, под другим углом, еще один рекламный листок — «Английский в Колледже Академии». Еще один листок — «Английский в колледже № 1» — я получил из-за плеча. Откуда взялись все эти рекламы? Где находятся все эти чертовы колледжи? Почему все решили, что мне нужно учить английский?

Я на мгновение поднял голову и зашагал дальше, но мне опять преградили путь. Передо мной выселись два парня, словно зомби, державшие в руках рекламные листки, на которых выделялось слово «английский». Я оказался в западне. Я взял по одному листку у каждого из этих парней и попытался их обойти, но меня загнала в угол хрупкая девушка-итальянка, прятавшаяся за их спинами. Я не хотел брать у нее рекламный листок и уже почти двинулся дальше, но, клянусь, она издала настоящий стон — протяжный, вибрирующий стон зомби, — так что я взял у нее рекламу и сумел даже обойти ее, но не судьба: меня со всех сторон облепили другие студенты-иностранцы с плакатами, проспектами, рюкзаками, очевидно, набитыми теми же самыми плакатами и рекламными листовками. Я не знал, куда деться от этого нескончаемого потока иностранцев с благими намерениями, зарабатывающих свое минимальное жалование на улицах Лондона. Я схватил еще пару рекламных листов и кинулся к метро, стремясь скорее сбежать домой, в мир, где нет студентов-зомби...

— Английский собрался учить? — раздался голос справа от меня.

Я поднял голову. Это была Ханна. Она улыбалась. Ханна только что вышла из станции метро «Тоттэнхем-

корт-роуд».

— Черт. Ханна. Привет, — поздоровался я.

— Как дела? — спросила она.

— Хорошо. Да. Нормально.

Я глянул на охапку рекламных листов в своей руке.

— Тебе не нужно? — предложил я.

— А... нет.

— Ладно, тогда уберу. — Я принялся распихивать листки по карманам.

— Слушай... э... может, это несколько неудобно, но... есть человек, с которым ты должен... ну, знаешь...

познакомиться.

Она поманила парня, стоявшего у фонарного столба.

— Дэнни, это Себ.

Я глянул на Себа. Глянул на Ханну. Что Ханна и этот парень по имени Себ делают вместе? И вообще, кто такой Себ? Сейчас семь часов вечера. Ханне давно пора быть дома. Она уже должна была выпить чаю и теперь усаживаться перед телевизором с йогуртом в руке, чтобы посмотреть программу новостей. Почему она не дома? Почему здесь? И почему здесь с Себом?

— Привет, Себ.

— Привет, Дэнни. — Мы вяло пожали друг другу руки. — Я много слышал о тебе.

— О, — произнес я.

Себ мне не нравился. Что-то в нем меня отталкивало. Ах, ну да. Его правая рука мягко покоилась на спине Ханнны. Так, стоп. Ханна — моя бывшая подружка. Бывшая. Какое мне дело, куда этот парень положил свою ладонь? И вдруг я осознал, что смотрю именно туда, где лежит его ладонь. Себ медленно убрал руку со спины Ханнны. Черт. Теперь они думают, что я принял это близко к сердцу.

— Ты держал ладонь на спине Ханнны! — сказал я, широко улыбаясь.

— Извини, я...

— Да нет! Так и надо!

— Дэнни, — вмешалась Ханна. — Не устраивай сцену, ладно?

— Да нет же! Вы не так поняли... я считаю, это нормально! По-моему, Себу следует обнять тебя обеими руками!

Ханна поморщилась, как она это обычно делала, когда ей казалось, что я язвлю.

— Я и не думал язвить! Я считаю, это здорово! Обними ее обеими руками, Себ!

Ужас какой-то. Я стараюсь говорить без сарказма, а получается наоборот.

Зазвонил мобильный телефон Себа.

— Я вас покину ненадолго...

Себ отошел на несколько шагов и стал говорить по телефону. Вид у него был важный. Мы с Ханной стояли друг против друга, испытывая неловкость. Я попытался изменить тему разговора.

— Он вроде бы ничего.

— Не будем об этом., — сказала Ханна.

— Это у вас свидание?

— Да... — Ханна уткнулась взглядом в землю.

— Круто.

— Да. Я собиралась сообщить тебе за кофе... ну... о... сегодняшнем вечере, но ты отвлек меня своим рассказом о потере двадцати пяти тысяч фунтов. Так говоришь, у тебя все нормально, да?

— Да, — подтвердил я. — Полный порядок.

Ханна глянула на Себа. Ей не терпелось уйти, но он все еще говорил по телефону. А я считал, что, прежде чем расстаться с ними, должен объясниться с Себом. Наконец, он закончил разговор и вернулся к нам.

Себ улыбнулся мне, я улыбнулся ему в ответ. Ханна улыбнулась мне. Потом Ханна и Себ улыбнулись друг другу, посмотрели на меня и опять улыбнулись — теперь уже мне, — оба, как супруги. Ха! Супруги! Себ и Ханна! Ханна и Себ! Звучало это, к моей досаде... так как надо!

Я кашлянул.

— Что ж, ладно, пойду... — стал прощаться я, и поступил правильно, ибо сейчас я предпочел бы оказаться где угодно — в самом буквальном смысле.

— Да, конечно, — поддержала меня Ханна.

— Пока. — Я двинулся прочь.

— Может... — бросил мне вдогонку Себ, и я остановился как вкопанный, — может, присоединишься к нам?

У меня неприятно закрутило в животе.

Это было приглашение. Приглашение.

В животе опять закрутило, щеки покрыл румянец смущения.

Себ, разумеется, пригласил меня просто из вежливости. Это же очевидно. На самом деле он не хочет, чтобы я шел с ними в ресторан. И Ханна тоже. А я еще меньше, чем они, хочу торчать с ними. Проклятье. Это уже уровень 4.

Как выпутаться? Есть какой-нибудь способ?

Ханна улыбнулась мне, ласково, потом закрыла глаза и едва заметно кивнула... разрешая мне откланяться под

удобным предложением. Она прекрасно понимала, что для меня единственно верный ход — сказать что-нибудь типа: «Спасибо, но мне нужно быть в другом месте» — и удалиться. Себ просто строил из себя благородного человека, показывая Ханне, что он не питает ко мне недобрых чувств и не ревнует ее к бывшему возлюбленному. Придурок. Даже мне он начинал нравиться.

— Ну... — начал я. И тут мне в голову пришла блестящая идея. Выход найдет! Мне нужно только сказать, что...

— Мы будем только рады, если ты согласишься составить нам компанию, Дэнни, — добавил Себ.

Черт! Это уже железное приглашение!

Он улыбнулся Ханне. Ханна улыбнулась ему.

Я посмотрел на Ханну с паникой в глазах. Она сочувственно улыбнулась, словно говоря, что ей известно, что я сейчас отвечу.

Ну как я ей это скажу? Как заявлю, что я согласен?

Ханна приняла мое молчание за отказ.

— Нуда, конечно, конечно... — Кивая, Себ протянул мне руку. — Полагаю, мы...

— С удовольствием, — быстро произнес я и тут же пожалел о своих словах.

Рука Себа застыла в воздухе. Он смутился. Ханна вытаращила глаза.

— Что? — резко спросила она.

— Ну, если вы уверены... то есть если вы и впрямь меня приглашаете, Себ, тогда, да, я с удовольствием составлю вам компанию.

Я стал пунцовым. Ханна тоже покраснела. Но по другой причине.

Зато Себ, истинный джентльмен, не утратил самообладания. Он вытащил свой телефон и сказал:

— Прекрасно... что ж... сейчас позвоню в ресторан и попрошу, чтобы накрыли столик на троих...

Это было ужасно.

Мы втроем почти в полном молчании сидели в довольно изысканном ресторане под названием «Серкус». Себ и Ханна — друг против друга, я — между ними, на стуле, который подставили к столику, явно предназначенному для двоих.

Это действительно было ужасно.

Мы уже сидели десять минут. На столике горела свеча, но ощущение уюта не возникало.

Было ясно, что это первое свидание Ханны с Себом, а тут я нарисовался и все испортил. Словами не передать, как неловко я себя чувствовал. Но что делать? Так уж получилось. Я мог лишь попытаться разрядить атмосферу...

— Так... как вы, ребята, познакомились? — спросила, как можно дружелюбнее.

— Дэнни, неужели надо... — начала Ханна.

— Через подругу, — перебил ее Себ. — Я работаю с Сесилией.

— Ах, Сесилия, ну да, — произнес я.

— Да, — сказал Себ, беря меню.

— Сесилия, — повторил я, на этот раз почему-то с забавным северным акцентом.

Себ никак не отреагировал. Ханна молча посмотрела на меня.

— Сесилия, — произнес я опять, теперь уже без всякого акцента, доказывая, что я способен говорить нормально.

Себ продолжал изучать меню.

— Это как в песне, да?

— В какой еще песне? — сердито спросила Ханна.

— «Сесилия», — ответил я. — В исполнении Саймона и Гарфункеля³⁴.

— Ну да, — согласилась Ханна.

— Я рассказывал тебе историю про мою маму и Саймона с Гарфункелем?

— Да, — ответила Ханна. Себ не выразил интереса к тому, чтобы послушать эту историю. И много потерял: история была супер.

Где-то в ресторане за другим столиком кто-то кашлянул.

— Да, — промолвил я, сделав глубокий вдох. — Сесилия.

И откусил хлебную палочку.

— Так что это за песня?

— Боже, — буркнула себе под нос Ханна, тоже беря меню.

Тогда и я взял свое меню, и мы все трое сидели в молчании, делая вид, будто о чем-то глубоко задумались.

Подошел официант.

— Не желаете заказать вино?

Вряд ли он когда-нибудь слышал, чтобы три человека так бойко и хором ответили ему: «Да».

Я предпочел бы больше не возвращаться к тому вечеру. Честное слово. Но не могу. Потому что на вине тот вечер не закончился. К тому же мне пришлось помучиться, а теперь это предстоит и вам.

Прошло двадцать минут, мы все сделали заказ.

Официант порекомендовал рыбу, и, хотя рыбу я не ем с детства, я воспользовался его советом. Ханна при этом удивленно вскинула брови. Себ за десять минут не произнес ни слова, поэтому я счел, что застольная

беседа — это моя обязанность. Но как завязать разговор?

Я вспомнил шутку, которую сочинил три дня назад. Это должно сработать! Непременно! Наконец-то! Идеальный вариант, чтобы нарушить неловкое молчание!

— Я тут подумал... — заговорил я. Себ поднял голову — пожалуй, впервые с тех пор, как мы сели за стол. Ага, получается! Если я заставлю их смеяться — а смех — это самый ценный дар, — то наверняка неловкость исчезнет сама собой.

Я усмехнулся самому себе, предвкушая веселое застолье.

— Однажды я проходил мимо пиццерии, и на секунду мне показалось, что на вывеске написано «Пицца в шляпе». И тогда я подумал, вот было бы забавно, если б был магазин под названием «Пицца в шляпе», в котором продавались бы шляпы в форме пиццы.

Я хмыкнул и вскинул брови, ожидая услышать взрыв смеха. Себ опять уткнулся в меню. Я посмотрел на Ханну. Та сверлила меня гневным взглядом.

— Ну, понимаете... — замямлил я, — потому что это был бы...

Я глянул на Себа.

— ...шляпный магазин.

Никакой реакции.

Я ничего не понимал. Эта шутка вызвала у нас гомерический хохот, когда я был на рогах от наркотиков. Порой люди просто не хотят веселиться.

— А на днях, — продолжал я, — я чуть не получил десять миллионов долларов.

— Послушай, Дэнни, — бесцеремонно сказал Себ. — Ешь свою рыбу и заткнись, ладно?

Ханна опустила глаза. Себ смотрел на меня.

Я затих и стал есть рыбу.

Из метро я вышел в глубокой растерянности и решил, что при сложившихся обстоятельствах мне не мешает чего-нибудь выпить.

Направляясь в паб, я отправил SMS-сообщение Иану.

«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПИВА Я В РОЙЯЛ-ИНН».

Иан ответил незамедлительно:

«Что?»

Я прочитал свое сообщение. В рассеянности я написал следующее:

«ЖРИ ХОЧЕШЬ РИБА Я Б РОЙЯЛ-ИНН».

Я позвонил Иану.

— По пинте?

— Да, — согласился он. — Или будем жрать.

Мы с Ианом сидели в пабе.

— И ты сказал: «Да»? — Он рассмеялся мне в лицо — в мое глупое очкастое лицо. — Какого черта ты согласился?

— Ты разве забыл, что я теперь исповедую тактику согласия? А это подразумевает, что я на все должен отвечать словом «да».

— Знаю, приятель. Но что с тобой? Все же есть предел!

— Предел? Будь последовательным. Кто мне угрожал наказанием, если я хотя бы подумаю сказать «нет»?!

— То есть я, значит, веду себя непоследовательно, да?

— Да! Ты с самого начала меня предупредил: «Если станешь хитрить, мне придется тебя наказать...»

— Мне нет нужды наказывать тебя! Ты сам себя наказываешь!

— Боже, Иан, какой же я кретин! Я счастлив за Ханну. Это здорово, что она нашла себе другого парня. Я не хочу, чтобы она думала, будто я на нее злюсь.

— А выглядит именно так. На той неделе ты запретил ей встречаться с новым парнем, на этой — испортил ей свидание. Рассказал бы ты ей лучше про свой эксперимент с «да». Тогда и недоразумения подобные прекратятся.

— Пусть лучше Ханна считает меня чокнутым, чем думает, будто я опять ввязался в очередной дурацкий мальчишеский проект. Тем более что это не так.

— Именно так.

— Помощи от тебя никакой, Иан.

— Никакой помощи? Сначала я веду себя непоследовательно, теперь вот — никакой помощи! Я только и делаю, что помогаю тебе! Если б не я, твой Омар давно отмутил бы тебя в Амстердаме!

— Или я получил бы десять миллионов долларов.

Иан расхохотался.

— Держи карман шире. Недоумок.

Я вдруг жутко обиделся. Мне и так столько всего пришлось пережить за вечер, и я должен сидеть сложа руки и слушать, как меня называют недоумком только потому, что я осмелился поверить в своего ближнего?

— Недоумок?! Я не недоумок!

Я понял, что среагировал слишком остро.

— Я просто хочу сказать, Иан... возможно, Омару в самом деле грозит опасность! Вполне возможно!

— Мы уже об этом говорили! Я все тебе доказал! Этот человек — мошенник! А ты — тупица! И

эксперимент твой бессмысленный и тупой!

— Вообще нет! И я это докажу! И я не тупица! Ты продолжаешь настаивать, вопреки всем письменным свидетельствам, что Омар не может быть, никак не может быть

не мошенником, да? Что он не сын убитого султана? Да я просто пытаюсь рассуждать по-человечески, Иан! Иан лишь смотрел на меня.

— У меня была блестящая идея, как наказать тебя. Но теперь я от нее откажусь. И придумаю что-нибудь в сто раз хуже.

— Прекрасно.

— Прекрасно.

— Прекрасно.

—

В тот вечер я покинул паб не в лучшем расположении духа. Две пинты пива, выпитые с Ианом, бутылка вина — с Ханной и Себом, а также Унижение, которому я подвергся, не способствовали хорошему настроению. У меня засосало под ложечкой, поэтому я остановился у палатки на Роуман-роуд, где торговали жареной картошкой, и купил пакет чипсов и банку фанты. Торговец предложил мне на выбор три вида чипсов — заправленные уксусом, кетчупом или соусом чили, — и я купил все три, но на полпути к дому меня от этой гремучей смеси вырвало.

Дома я включил компьютер и пошел делать себе бутерброд.

Ну да, конечно, думал я. Даже если не принимать в расчет спор с Ианом, моя тактика согласия сегодня мне порядком навредила. Правда, были и положительные моменты. И, кто знает, может, благодаря этим положительным моментам мы с Ханной в итоге станем близкими друзьями.

Засигналил мой сотовый.

Сообщение от Ханны.

ЖОПА.

Другого и не следовало ожидать, хотя не исключено, это — исковерканное норвежское слово, обозначающее что-то приятное — например, цветы или милый малыш.

Я вздохнул и напомнил себе: придерживайся позитивного мышления. Тактика согласия приносит мне только хорошее.

И в скором времени принесет еще что-нибудь положительное. Еще один позитив. Тогда уж Иан заткнется раз и навсегда. Это будет здорово. Супер. Иан еще попляшет у меня. Поймет, что нужно верить в проекты!

Признает, что я не тупица и не «жопа».

В ящике моей электронной почты меня ждало только одно сообщение.

От некоей доктора Молли Ван Брейн.

Она доводила до моего сведения, что я только что выиграл \$ 20 миллионов в Испанскую лотерею.

Странно, подумал я. Ведь я даже не участвовал в Испанской лотерее.

И теперь доктор Молли Ван Брейн приглашала меня приехать за выигрышем лично к ней.

Мне нужно было только сесть в самолет.

И полететь в Голландию.

ГЛАВА 8

В которой Дэниел ищет приключения на свою голову

Меня одновременно возбуждало и пугало то, что я прямиком перескочил на уровень 5.

Разумеется, зря я пустился во все тяжкие. Теперь я это смело могу признать. Иан уже доказал мне, что 99% завлекалок, присылаемых по электронной почте, — это проделки мошенников, стремящихся заманить в свои сети и облапошить доверчивых злосчастных простаков. Но ведь остается еще один процент. А один процент из ста — не так уж мало. Вспомните хотя бы мой выигрыш в лотерею, которую я купил вместе с газетой «Сан». Тогда ведь все было против меня. Это ли не доказательство того, что моя тактика согласия способна приносить желаемые плоды...

Но я знал, что сказал бы Иан на все эти мои рассуждения. Обозвал бы меня тупицей. Заявил бы, что доктор Молли Ван Брейн вовсе не доктор. И не Молли. И даже не Ван Брейн.

Но подождите... попробовать-то стоит. Это — стоящая попытка. Почему бы не ответить согласием?

У меня было такое ощущение, будто мир немного сместился. Я оказался в совершенно новой, удивительной вселенной. Во вселенной, сотканной из вопросов, начинающихся со слов: «Ачто, если...?»

Как, например...

А что, если я и впрямь выиграл в «Испанскую лотерею»?

И...

А что, если прямо сейчас в какой-то комнате в Амстердаме некая женщина-доктор считает и пересчитывает мои 20 миллионов долларов и говорит: «Ну, надеюсь, хоть этот объявится; все остальные, к сожалению, просто

проигнорировали мои электронные сообщения...».

Маловероятно, конечно. Но заманчиво.

Сидя в поезде, который вез меня в город, я еще раз прочитал ее послание.

«Наши поздравления победителю! — говорилось в нем. — ВАС ПРИВЕТСТВУЮТ ОРГАНИЗАТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛОТЕРЕИ "СКАЙЛОУ"».

Мое имя, было сказано, выбрал компьютер из «международного списка 91 000 имен!». Но я должен молчать о своем выигрыше. «Из-за пуганицы с именами и адресами крайне важно, чтобы никто не знал о вашем денежном призе до тех пор, пока выполняется ваш запрос. Соблюдайте строжайшую тайну». Это, как мне объяснили, необходимая мера предосторожности, дабы «другие участники или самозванцы не присвоили себе чужой выигрыш незаконным путем».

Очень разумно! Разумеется, я буду молчать. Меньше всего мне хочется, чтобы Иан или Уэг нацепили очки и выдали себя за меня. Но особенно меня вдохновлял следующий абзац:

«Таким образом, вам полагается выплата наличными по идентификационному номеру: LIP/63474-444/RT6. Это составляет в общей сумме \$20 756.820 (двадцать миллионов семьсот пятьдесят шесть тысяч восемьсот двадцать долларов США)».

Ниже стояло имя, наполнявшее радостью мое сердце. Доктор Молли Ван Брейн. В письме указывалось еще одно имя — Альберт Хейджн. Это был сотрудник юридического отдела. Мне надлежало обратиться к нему после того, как я урегулирую все вопросы с Молли, которая сказала, что мне нужно только приехать в Голландию как можно скорее или, что более удобно и предпочтительно, связаться с Альбертом, и он оформит все документы и утрясет все правовые аспекты за определенную плату — 7000 евро, которые у меня потребуют перед тем, как выдать мне чек на денежный приз. Ну, при всем моем уважении к Альберту я предпочел бы все оформить и утрясти самостоятельно. 50 фунтов и сорок пять минут лету, и я уже в Амстердаме, где могу сам разобраться со своими делами. К тому же, на мой взгляд, 7000 евро — слишком большая цена за такую пустячную услугу, как оформление документов.

Поэтому я написал Молли: «Передайте Альберту, пусть не беспокоится! Я прилечу в Амстердам и встречу с вами лично! Билет у меня уже есть, так что завтра буду на месте!» Если уж это мое сообщение не приведет в восторг доктора Молли Ван Брейн, тогда я и не знаю, чем еще ее можно удивить.

В центре города я сошел с трамвая и направился в Интернет-кафе.

Ну что, за дело? Начнем богатеть. Я зарегистрировался в системе и сразу стал проверять свою электронную почту. К моему удивлению, сообщений для меня не было. Молли не ответила. Ни здрасьте, ни до свиданья.

Не беда, решил я. Может, она просто слишком занята — считает мои деньги или покупает пирожные и воздушные шарики для официальной церемонии вручения приза. Хотя, не скрою, я был немного разочарован. По крайней мере, Альберт-то ведь мог что-нибудь написать. Когда человеку нечего оформлять, у него сразу появляется куча свободного времени.

Поэтому я послал Молли еще одно сообщение.

Дорогая Молли,

Это я, Дэнни Уоллес — победитель международной лотереи «Скайлоу». У меня для вас потрясающие новости! По вашему совету я прибыл в Голландию! Надеюсь, Альберт не в обиде за то, что ему не придется заниматься оформлением документов. Просто я решил сэкономить семь тысяч евро!

В данный момент я сижу возле «Магна-плаза», ожидая встречи с вами. Пожалуйста, свяжитесь со мной по электронной почте или по телефону 0044 7802*** и скажите, как мне быть дальше.

Дэнни

Больше всего меня беспокоило, что уже было почти четыре часа дня. Я хотел связаться с организаторами лотереи до окончания рабочего дня. Номер в гостинице я заказал всего на одну ночь. В конце концов, Амстердам не то место, где можно ходить спокойно с 20 миллионами долларов в кармане. Рано утром я собирался улететь домой.

В послании Молли, не говоря уж про его содержание, меня удивляло еще и то, что в нем не указывалось вообще никаких телефонов. словно эти люди не хотели, чтобы я с ними связался. А адрес был только один — конторы юриста Альберта. Хотя с какой стати мне встречаться с ним?

Я покинул Интернет-кафе и направился к торговому центру «Магна-плаза», но не сделал и нескольких шагов, как поднял голову и увидел загорелого мужчину лет тридцати пяти. Улыбаясь, прищелкивая языком, он медленно шел по улице, ведя на маленьком поводке небольшую жирную кошку бурого окраса. Я пригляделся. Точно. Мужчина. Выгуливает кошку. Среда бела дня. Я остановился, наблюдая это странное зрелище.

Амстердам, пожалуй, один из самых демократичных городов на свете. Город, где на каждом шагу тебе предлагается возможность сказать «да». Город свободы, признающий любые веяния. Город, где новые идеи приветствуются, а не отвергаются без долгих рассуждений. В 60-х молодежь Амстердама с энтузиазмом ударились в веру хиппи, и именно такое умонастроение послужило фундаментом, на котором стал развиваться город социального прогресса, особенно известный своей терпимостью к наркотикам и проституции. В 2001

году были узаконены браки между гомосексуалистами, и Амстердам славится своим лояльным отношением к людям нетрадиционной сексуальной ориентации. Это — город, где главенствует принцип равноправия. Уровень уличной преступности крайне низок, почти все люди дружелюбны, а это так греет сердце. Я размышлял обо всем этом, наблюдая, как мой приятель с кошкой неспешным шагом идет по улице, то и дело останавливаясь в ожидании, пока его питомица понюхает столб или облизнет уличный камень. «Молодец, парень, — думал я. — Иди, выгуливай свою кошку и не вешай носа. Ибо ты в Амстердаме — в городе, где все допустимо. Здесь ничего не стыдно — можно даже мужчинам выгуливать кошек в общественных местах».

Конечно, будь я король, выгуливание кошек считалось бы противозаконным занятием, но ведь я не голландец.

Проходя мимо сувенирного магазина, я подумал: а не купить ли сувенир? Имею ли я право приобрести сувенир, если приехал в зарубежный город только на одну ночь? В конце концов я выбрал крошечную мельницу на палочке и решил отправить Лиззи открытку. Она уехала довольно давно, я скучал по ней. К тому же, как мне представлялось, открытки — показатель социального статуса человека. Они создают впечатление, что ты знаток культуры, много путешествуешь, любишь жизненные блага и ведешь образ жизни, присущий «реактивной публике»*. Я стал перебирать открытки и в итоге выбрал ту, на которой был изображен большой деревянный башмак. В самый раз, рассудил я. Именно то, что я хотел бы запечатлеть.

На обороте я в небрежном стиле написал:

Дорогая Лиззи,

Я в Амстердаме! Просто так приехал, честно. Порой необходимо куда-нибудь съездить, развеяться.

Кстати, здесь выгуливают котов. Это потрясающе.

Люблю,

*Дэнни
x*

Я нашел почтовый ящик, опустил в него открытку и пошел прогуляться вокруг огромной Ньиве керк36, разглядывая ее взмывающие ввысь контуры, готические шпили и парочку Нептунов, дующих в раковины. Хотя кого я обманываю? В любой другой день я, конечно же, провел бы здесь больше времени, стараясь увидеть и запомнить все, что есть интересного, и непременно сфотографировался бы с херувимом, играющим на трубе. А сегодня? Сегодня я хочу быть в Интернет-кафе...

Я кинулся назад в Интернет-кафе, вошел в систему и, к своей великой радости, увидел, что в ящике моей электронной почты меня ждет сообщение.

Но не от Молли. От кого-то из некоего амстердамского агентства «Стандард траст».

Я открыл сообщение и прочитал:

Здравствуйте мистер Дэнни@dannywallace.com

Спасибо, что обратились к организаторам международной лотереи «Скайлоу». Мы их агенты и будем заниматься вашим запросом. К вам большая просьба: вы должны выполнить несколько формальностей, причем как можно скорее, поскольку срок исполнения вашего запроса истекает.

Полное имя, адрес и ВСЕ телефоны/факсы.

Реквизиты банка, номер счета.

Номер паспорта, гражданство.

2000 евро за оформление гарантии, необходимой при регистрации документов. Издержки — за ваш счет.

Вы также должны в течение 24 часов прислать нам 2650 евро на уплату налогов, это позволит исполнить ваш запрос своевременно.

Как только все формальности будут улажены, вам предоставят все необходимые документы на получение ваших денег.

Робисон Шоу

Секундочку! А это еще кто такой? Где Молли? Где Альберт? И при чем тут какие-то «временные рамки»?

Я написал ответ:

Дорогой Робисон,

Но я уже прибыл в Амстердам по просьбе доктора Молли Ван Брейн! Как мне забрать у нее свой выигрыш? О каких документах идет речь? Разве оформлением документов занимается не Альберт Хейджн? Где доктор Молли Ван Брейн?

Дэнни

Что-то здесь не так, думал я. Было уже пять часов вечера, и мне хотелось поскорее получить свой выигрыш. Но теперь я находился во власти некоего Робисона Шоу, решившего заменить гораздо более дружелюбную — судя по тону ее письма — доктора Молли Ван Брейн. Своего адреса он не написал, но телефон указал...

Я взял свой мобильник, набрал номер. Если время поджимает, то, разумеется, лучше все вопросы решать по телефону — так гораздо быстрее. Вызов шел... но трубку никто не брал. Я ждал, ждал, надеясь, что включится автоответчик... Увы. Только длинные гудки. Никто не отвечал. Хм, в чем дело?

Я набрал номер еще раз. С тем же успехом. Через десять минут я повторил попытку.

У меня появилось дурное предчувствие. И мне совсем не нравилось вмешательство этого Робисона Шоу. Он был более корыстным человеком, чем Молли. Я предпочел бы иметь дело с ней, но связаться с доктором Ван Брейн я мог только по электронной почте.

А так ли это?

Я вынул из кармана распечатку электронного письма Молли, и там черным по белому был написан адрес: Амстердам, Вестестрат, Альберт Хейджн. В общем-то, Альберт мне не нужен, раз я сам решил оформить все документы, но не выгонит же он меня, если я забегу к нему на пару минут? Если мне удастся найти Альберта, тогда я, вне сомнения, отыщу и Молли и выясню, в самом ли деле я выиграл двадцать миллионов долларов.

Мне требовалась карта города. Я должен убедиться, что Альберт Хейджн действительно находится по указанному адресу. Если эта история с выигрышем — мошенничество, рассуждал я, тогда и адрес вымышленный. А если адрес настоящий, тогда, вероятно, существует и Альберт.

Я остановил проходившую мимо женщину.

— Простите. По какому телефону можно узнать другие телефоны?

Женщина непонимающе посмотрела на меня.

— Вам нужна справочная?

— Да! Справочная, где есть телефонный справочник.

— А-а, — протянула женщина и затем продиктовала мне номер с одними нулями и восьмерками. Я позвонил по нему.

— Naam?

— Алло... вы говорите по-английски?

— Да.

— Мне нужен телефон Альберта Хейджна, находящегося по адресу Амстердам, Вестестрат.

— Записывайте.

Через минуту номер у меня был. Альберт оказался не вымышленным лицом. Это был реальный человек с реальным адресом! Теперь я мог наплевать на Робисона Шоу и уладить все формальности с людьми, которые первыми написали мне. Я ликовал. У меня есть все шансы получить свой выигрыш! Это не обман! Зачем бы они стали давать мне настоящий адрес, если б хотели меня надуть? Нужно только добраться до них, и дело в шляпе. Часы показывали 5.30. До окончания рабочего дня оставалось еще полчаса. Я наверняка мог бы добраться до конторы Альберта меньше чем...

И вдруг...

Разница во времени.

Ну да, 5.30 — это на моих часах, а мои часы показывают британское время. В Голландии сейчас уже 6.30. Нужно стрелой нестись к Альберту.

Я выскочил на шоссе и, обливаясь потом, в отчаянии, стал пытаться поймать такси. Через пару минут мне это удалось.

— Вестестрат, — сказал я. — Как можно быстрее!

Такси взревело и помчало меня по названному адресу. Я вытащил свой телефон. Нужно позвонить Альберту и попросить его, чтобы он не уходил с работы. Нужно убедить его, что я уже еду и хочу поговорить с ним о «Скайлоу», Молли Ван Брейн и Робисоне Шоу... Но пожелает ли он общаться со мной? Я лишил его работы на 7000 евро! По самонадеянности решил, что сам способен уладить все формальности!

Телефон звонил, звонил, но трубку никто не брал... Неужели он ушел домой? Или он тоже мошенник? Сидит где-нибудь с Робисоном и хохочет надо мной? Или все-таки не мошенник? Сидит где-нибудь с Молли, пересчитывающей мои деньги, и смотрит на часы? Я должен добраться до него сегодня... Я должен разобраться со всем сегодня...

— Вестестрат, — объявил таксист, остановив машину. — Какой дом вам нужен?

— Не знаю, — ответил я. — Дом не указан. Только это...

Я показал таксисту распечатку с адресом.

— А! Альберт Хейджн. — Он вновь завел мотор и выехал на дорогу.

— Вы знаете Альберта Хейджна? — удивленно спросил я.

Таксист рассмеялся.

— Конечно. Альберта Хейджна все знают. Большой человек!

Я возликовал. Одно это докажет Иану, что моя тактика согласия — единственно верный путь! Мы проехали еще метров сто, потом такси сбавило ход и затормозило. Водитель повернулся ко мне и показал в окно.

— Вон он.

Я глянул туда, куда показал таксист.

И увидел вывеску, на которой крупными синими буквами было написано:

Так назывался супермаркет.

Я был в смятении. И чувствовал себя круглым идиотом. Тупицей. Конечно, это было мошенничество. И что самое ужасное, я знал это с самого начала. Иначе и быть не могло. Я никогда не участвовал в розыгрыше Испанской лотереи. Я никогда не встречался с отцом Омара — убитым султаном, восхищавшимся моими качествами бизнесмена.

Как только я увидел супермаркет, я понял: Иан был прав. Мошенники использовали имя реально существующего человека и реально существующий адрес в надежде на то, что, если их потенциальная жертва вздумает навести справки о лотерее «Скайлоу», она убедится, что их «юрист» — не вымышленное лицо. Это все равно что вы или я стали бы утверждать, будто нас в суде представляет Бобби Ван Теско³⁷ или Хэппи Шоппер³⁸. Эти ребята просто не рассчитывали, что кто-то отправится в Амстердам и уличит их во лжи. Теперь я их раскусил, но что толку? Я сам приехал сюда по глупости. Следуя своей тактике согласия, я забыл про здравый смысл. «Да» вселило в меня оптимизм, вместо того чтобы посеять сомнения. Я на время утратил бдительность в смутной надежде, что все закончится благополучно. Путешествие, открывающиеся возможности, пусть даже нелепые, волновали мое воображение. Возможно, я просто искал удачи, хотел еще раз испытать головокружение от неожиданно свалившегося на меня богатства. Как в тот день, когда я выиграл 25 штук и тут же их потерял. В тот день я вкусил славы и с тех пор жаждал новых успехов. Возможно, «да» — это своего рода наркотик; возможно, ты живешь в надежде, что вера в хорошее принесет тебе счастье.

Я нашел скамейку, сел и попытался осмыслить события этого дня. Как извлечь выгоду из того, что произошло? Что в этом есть хорошего?

Ну, во-первых, я сейчас сижу на скамейке в Амстердаме. И впереди у меня целый свободный вечер. Если б я не прилетел в Голландию, такой возможности у меня бы не было. А вечер в Амстердаме — это в любом случае лучше, чем еще один вечер перед телевизором дома, в Лондоне. По крайней мере, в этом я выиграл. Да и, в конце концов, ради чего мы живем?

Я решил, что не стану говорить Иану, как я оказался в Амстердаме. А если и проболтаюсь, то солгу: скажу, что выиграл эти двадцать миллионов долларов. Пожалуй, сумею обмануть его, думал я, даже если мне придется всю оставшуюся жизнь поить Иана пивом в пабе за свой счет.

Не буду предаваться унынию, сказал я себе. Пойду искать развлечения. И, разумеется, найду! Ведь я — оптимист, человек, который всегда говорит «да»!

А такой человек способен найти развлечения в любом городе!

В Голландском национальном музее сыров представлены три аудиовизуальные экспозиции, посвященные истории сыроварного производства. Там можно узнать о знаменитых сыроделах и огромном разнообразии новаторских технологий, которые предлагают применять современным изготовителям сыров. Посетители музея в Алкмаре могли отведать шесть видов сыров — от Гауды до эдамского и в обратном порядке, — но я оказался лишен этого удовольствия, потому что музей закрылся два часа назад.

У меня с собой была брошюра, которую я взял в поезде, когда ехал в город. В ней содержалось много полезных рекомендаций и советов о том, как убить время в Амстердаме. Но почти все, что там предлагалось увидеть или посетить, уже было закрыто, заперто или снято с программы. Я даже не попал в кинотеатр «Холланд Экспириенс» на Йоденбрестрат, где показывали фильмы в трехмерном изображении, сопровождающемся такими спецэффектами, как качающийся пол и передача запахов. Это стало последней каплей. Если не удастся сходить на фильм, который можно не только посмотреть, но и понюхать, тогда уж точно день прожит зря.

У меня забурлило в животе, и поначалу я решил, что это во мне клокочет гнев, вспыхнувший из-за того, что я не увидел мельницы в трехмерном изображении, но потом сообразил, что, вероятно, я просто голоден, ведь я не ел целый день. Я находился в самом сердце туристического Амстердама — возле Лейдсеплейн с яркими мерцающими неоновыми вывесками, запруженной толпами людей и транспортом. Все еще проклиная доктора Молли Ван Брейн (мало того, что меня лишили двадцати миллионов долларов, так я еще из-за всей этой суеты фактически ничего не узнал про сыры), я побрел прочь от центральной площади, вышел на Лейдсекурисстрат и там увидел небольшой ресторан под названием «Де Блонде Холландер».

Обслуживающий персонал встретил меня приветливо, но зал был переполнен, так что меня даже предупредили, что за мой столик могут подсадить еще кого-нибудь, если посетители будут прибывать. Я пожал плечами, давая понять, что не возражаю, и заказал блины и пиво.

Меня окружали счастливые люди, съехавшие сюда со всех концов света. Интересно, размышлял я, сколько человек оказывается здесь благодаря проискам доктора Молли Ван Брейн и ее банды мошенников? Не один же я! Поначалу, думая о Молли, я представлял ее добрым человеком — пожилой дамой-ученым, которая в свободное время, вероятно, разрабатывает методы лечения разных болезней, причем бесплатно. Теперь же имя доктора Молли Ван Брейн ассоциировалось у меня со злобной мучительницей, которая ходит в длинном белом балахоне и мерзко гогочет. Мне принесли пиво, и я попытался не думать о Молли. Но меня и так отвлекли. Двое парней. Двое парней, для которых не нашлось свободного столика, и потому официант с виноватым видом подвел их к моему.

- Садитесь, прошу вас. — Официант выдвинул для них стулья. Они сели.
- Привет, — поздоровался сначала один из парней, затем второй.
- Привет, — ответил я.

Я знаю, как себя вести в таких случаях. Человек, пришедший в ресторан один, должен притворяться, будто он даже не замечает, что рядом сидят двое других посетителей, а те в свою очередь не обращают внимания на него. Они станут громко болтать без умолку, а одиночка обязан делать вид, будто он глух и даже не подслушивает. Эту поведенческую модель я называю «эффект Вагамамы39». В данном случае ничего подобного не было. Один из парней решительно протянул мне руку и сказал:

- Меня зовут Ян.
- Дэнни, — назвал я.
- А это Сергей, — представил Ян своего спутника. С Сергеем я тоже обменялся рукопожатием.

И мы разговорились.

Ян и Сергей были туристы. Неужели? Во всяком случае, они были туристами, когда приехали в Амстердам. Здесь они жили уже примерно полгода. Ян, высокий стройный блондин, осел здесь после того, как совершил путешествие по Европе, куда он прибыл из ЮАР. Сергей — менее высокий, коренастый, с бородой — был родом из Польши. Они познакомились в общежитии, находившемся за углом, и с тех пор стали неразлучными друзьями.

— Амстердам — самое клевое место из всех, что я видел, — сказал Сергей. — Никакой другой город с ним не сравнится. Здесь я чувствую себя как дома. Здесь все так, как должно быть.

— Мы оба живем по принципу: иди туда, куда ноги несут, — добавил Ян. — Если мне хочется побывать в каком-то месте, я отправляюсь туда. А иногда просто сижу на месте, наблюдаю за тем, что происходит. От случая к случаю где-нибудь подрабатываю, торчу в общаге, жду появления новых возможностей. Отец любил приговаривать: «Возможности есть всегда. Если их нет, значит, ты просто их не используешь». Я тоже так считаю.

Примерно с час мы болтали о том о сем. О Лондоне, о Польше, о ЮАР. Сергей с Яном поинтересовались, что я делаю в Амстердаме. Я сказал, что приехал в гости к Альберту. Они спросили, чем сегодня вечером занят Альберт, и схватились за животы, когда я поведал им, как меня надули. Смеясь, они сказали, чтоб я не переживал. Ради двадцати миллионов стоит за пятьдесят фунтов слетать в Амстердам.

Сергею вскоре пришлось уйти: он спешил на работу. А Ян сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Главным образом, потому, что теперь я редко от чего мог отказаться.

— Если тебе нечего делать сегодня вечером, я покажу тебе город, — сказал Ян. — Познакомлю с моим Амстердамом.

- Ладно, — согласился я. — Это было бы здорово.

Это и в самом деле было здорово. Во-первых, только благодаря определенной череде случайных «да» я познакомился с Яном. Иначе мы никогда бы не встретились. Но раз уж наши пути пересеклись, почему бы не провести вечер по указке нового приятеля? Тем более что мы находились в его городе. В конце концов, если бы не он, я бы, пожалуй, до сих пор торчал бы в чертовом музее сыров.

- Так... сначала идем на Вармстрат... — сказал Ян, когда мы покинули ресторан.
- Хорошо. А что там?
- «Аргос».

Я кивнул.

Погодите.

- Аргос?

— Это бар, — деловито пояснил Ян. Видно, ему уже случалось вести подобный разговор с британцами. — Один парень должен мне деньги. Заскочим туда, я заберу долг и пойдем гулять. По рукам?

- По рукам, — сказал я.

Такси высадило нас прямо возле «Аргоса». Мы вошли в бар, который ни в чем не был похож ни на один из «Аргосов», в которых я бывал прежде. Яна тут же поприветствовали два парня, сидевшие за ближайшим к нам столиком.

— Приятели, — объяснил он и куда-то отошел.

Я улыбнулся и кинул взгляд вокруг. Что-то было... необычное в этом баре. Чего-то... не хватало. Но чего? Я никак не мог определить. Стулья есть, думал я. И свет. И напитки. И мужчины. Черные. Белые. Рослые. Невысокие. Много... мужчин. И тут я сообразил. Девушки. В этом баре нет девушек. И также... о!... нормальной одежды. Нормальной мужской одежды типа вельветовых штанов и джинсов... Здесь гораздо меньше вельветовых штанов и джинсов, чем я обычно привык видеть в барах. И гораздо больше... хм... слишком много кожи, на мой вкус.

О Господи!

Я в кожаном баре.

- «Аргос» — старейший кожаный бар в Европе, — сказал Ян, вновь появляясь возле меня.
- Отлично! — воскликнул я, надеясь, что мой «восторг» будет воспринят как невозмутимость горожанина.
- Старейший кожаный бар в Европе. Чертовски здорово!

— Тут эти два бара и еще погребок.
— Погребок. Круто. А погребок для чего?

Ян глянул на меня, и я в ту же секунду понял, что мне лучше не знать, в каких целях используется тот погребок.

Ян пошел поговорить с друзьями и забрать свои деньги, а до меня постепенно стала доходить шокирующая правда. Фактически совершенно незнакомый мне человек привел меня в кожаный бар для геев в самом сердце Амстердама. Поймите меня правильно. В свое время я посетил немало баров для геев, и все это были стильные и шикарные заведения. И я ничего не имею против кожи: у меня есть и кожаная куртка, и два кожаных ремня, а когда я учился в школе, то ранец носил исключительно кожаный — из других материалов не признавал. Но я никогда не был в баре для геев — тем более в кожаном баре — с тех пор, как стал придерживаться тактики согласия.

Не без ужаса я осознал, что я, человек, который всегда говорит «да», нахожусь в баре, где передо мной открывается много возможностей ответить согласием. Вдруг мне что-нибудь предложат? Или куда-нибудь меня пригласят? Или — Господи помилуй — попросят об услуге? Я не считаю себя очень привлекательным парнем, вокруг которого геи выются стаями. Просто, судя по тому, что я наблюдал в британских барах для геев, эти ребята порой не очень разборчивы.

— Привет! — раздался справа от меня чей-то голос. — Ты приятель Яна?

Ко мне обращался чисто выбритый, одетый с иголки и очень приветливый парень. Он был не в коже, хотя, на мой взгляд, брюки на нем сидели несколько плотновато. Меня вдруг охватила паранойя. Может, он на меня глаз положил?! Ну да, так и есть — я ему приглянулся!

По моему мнению, гомофобия⁴⁰ — отвратительная, безобразная черта, образ мышления отсталых, необразованных людей, культивируемый представителями общества, которые считают, что исполнение песни «Волшебная стена»⁴¹ в момент закрытия паба — это признак высокой культуры... но в то же время... ведь я обязан сказать «да» этому человеку. Кто бы он ни был. Чего бы ни пожелал!

Придется соображать быстро. Придется взять на себя роль ведущего в беседе. И вести разговор в безопасное русло. Да и вообще уже пора что-то сказать, потому что вопрос мне был задан пятнадцать секунд назад, а я на него пока еще не ответил.

— Да, — неожиданно произнес я. — Да, я — приятель Яна.

Я вновь и вновь анализировал свой ответ. Было ли в нем что-то такое, что можно классифицировать как заигрывание? Черт! Я не должен был говорить «Да». А я сказал «Да» дважды! Парень сочтет, что я с ним флиртую!

— Ян — классный пацан, — сказал парень. — Ты откуда? Из Англии?

А на это что ответить? Чтобы у него не возникло неверное впечатление?

— Угу.

— Из Лондона?

Я кивнул.

— И он показывает тебе Амстердам?

Я опять кивнул.

— Угу.

— Я иду к бару. Хочешь выпить?

Он потряс пустым бокалом. Что нельзя расценивать ни как эвфемизм, ни как рифмованный сленг.

Но черт побери! Это ж будет суший кошмар! Я и так только и делаю, что дакаю! А сейчас вот просто кивнул, улыбнулся и согласился выпить! Этот человек знает, как мной манипулировать! Хотя, думаю, справедливости ради, стоит сказать, что я столь же неловко чувствовал бы себя и в баре где-нибудь в районе пресловутых красных фонарей, беседуя не с этим парнем, а с какой-нибудь полуголой девицей. Ну, почти так же неловко.

Неожиданно рядом возник Ян.

— Эй... я получил свои бабки. Пошли?

— Да! — обрадовался я. — Пошли.

Парень улыбнулся и сказал:

— Рад был познакомиться.

— Привет, Дитер, — поздоровался с ним Ян. Дитер поднял руку и едва заметно ему махнул. — Дитер — один из самых дружелюбных людей на свете.

Меня вдруг кольнула совесть. Я позволил собственным предрассудкам и паранойе одержать верх над здравым смыслом. Дитер просто приветливый парень.

— Но остерегайся его, — предупредил Ян. — Он непременно попытается переспать с тобой.

Дитер изобразил изумление.

— Вообще-то он готов переспать с чем угодно.

Дитер рассмеялся, обзвал Яна сухой и пошел заказывать пиво. Я тоже рассмеялся, а потом понял, что в глазах Яна я и есть это «что угодно».

— Итак, — сказал Ян, — в районе красных фонарей есть один крутой бар, который я хочу тебе показать...

Беззвучно, не обращая ни к кому конкретно, я произнес: «На помощь!»

Прежде чем бросить вызов потенциальным ужасам района красных фонарей, Ян уговорил меня посетить одно

местечко неподалеку от «Аргоса». Это будет сюрприз, пообещал он. Настоящий Амстердам. Ничего не имею против, сказал я, при условии, что там нет парней в коже.

Спустя несколько минут мы уже были на месте — стояли перед заведением с подозрительным названием «Грезы наяву».

— Что это — кофейня? — спросил я, прекрасно зная, что в амстердамские кофейни приходят вовсе не для того, чтобы выпить кофе.

— Нет, не совсем... это, так сказать, лавка даров природы. Ты травку куришь, Дэнни?

— Предпочитаю не курить, — ответил я. — Последний раз, когда мне случилось ее попробовать, я помешался на гусях.

Ян понимающе посмотрел на меня.

— Ну, заходи...

Мы вошли, и в помещении я опять увидел надпись «Дары природы».

— А что это за «Дары природы»?

— Это где продают полезные снадобья.

— Как в аптеке?

— Нет... — ответил Ян, усаживаясь за столик. — Снадобья, которые улучшают память, или помогают сосредоточиться, или наполняют тебя энергией и так далее. Это все природные аналоги химических препаратов. Зачем принимать ЛСД, если можно позаимствовать что-нибудь у природы? Природный ЛСД. Минимальный риск для здоровья.

— Но ведь ЛСД здесь запрещен, да?

— Конечно. А вот все эти снадобья абсолютно легальны. Качественные заменители «спида», «экстази» и так далее, что ни назови. Да и вообще, раз уж ты в Амстердаме, зачем отказывать себе в удовольствии...

Ян теперь улыбался, и я проникся твердым убеждением, что ему нравится искушать людей не так хорошо, как он, знакомых с Амстердамом.

— Попробуй галлюциногенные грибы. Психотропы. В свежем виде они не запрещены законом.

— Но ведь они же вредны для здоровья, — заметил я, несколько возмущенный его предложением. — Когда я учился в школе, нам об этих грибах целую лекцию прочли, потому что Джонатан Дейвис⁴² как-то отведал их где-то в поле, а потом полдня за деревьями гонялся.

— Но это же дары природы, а все, что дает природа, не может быть вредно, так ведь?

Я поразмыслил с минуту и спросил:

— А как же землетрясения?

Ян покачал головой.

— Ну а Гитлер? — не сдавался я.

Ян отвечал, мне невыразительным взглядом.

— Ну хорошо, пожалуй, я куплю пару грибов, — согласился я. — Заберу их с собой попозже, когда буду уходить. Не стоит с ходу нырять в омут, верно?

— Брать их с собой домой нельзя. И засушивать тоже. В сушеном виде они запрещены законом. Несколько лет назад, когда здесь начали продавать галлюциногенные грибы, разразился большой скандал, но потом они переименовали свое заведение в овощную лавку, и грибами им торговать разрешили.

Я огляделся.

— Так, значит, сейчас ты привел меня в овощную лавку?

Ян улыбнулся.

— Ну же, давай... хочешь вкусить новых впечатлений?

Ага, вот оно. Вопрос, провоцирующий меня переступить черту. Я чувствовал себя так же, как Марти Макфлай⁴³, когда кто-то осмеливался обозвать его цыпочкой.

— Вообще-то... мне немного не по себе, — признался я. И не лгал. Я еще ни разу в жизни не употреблял ничего такого, что хотя бы отдаленно подходило под определение наркотиков класса «А». Если б меня спросили, я, наверное, даже и не перечислил бы их все. В кругу моих друзей никто наркотиками не увлекался. В сущности, наркотики я попробовал лишь один раз в жизни, когда выкурил ту смешную сигарету в Брикстоне, в компании борцов за мир. И вот теперь я, как типичный амстердамский турист, сижу в какой-то чудной «лавке» с каким-то южноафриканцем, который считал, что употребление наркотиков — самое обычное дело, и готовился скакнуть на следующий уровень.

— Руководствуйся только собственными желаниями, тебя никто не заставляет, — сказал Ян. — Ты ведь хотел посмотреть, как я живу. А я намерен немного расслабиться...

Он встал и направился к бару, а я остался сидеть за столом, споря с собственной совестью. Нет, не могу я на это решиться, твердил я себе. С другой стороны, продолжал рассуждать я, это же Амстердам — город больших возможностей. Если здесь не сказать «да», тогда где же еще? Я вдруг приободрился. В моей жизни наступал переломный момент. Если я рискну попробовать настоящие наркотики — то есть сделаю то, что в Лондоне мне никогда бы и в голову не пришло, — это будет означать, что я способен совершить нечто дурное. То есть что я — человек решительный.

И, черт возьми... как сказал Ян, это даже не противозаконно. Во всяком случае, формально не является нарушением закона.

Минутой позже вернулся Ян. Он закурил «козью ножку», которую купил, и вновь сел. Потом положил на

столик маленькую таблетку и пододвинул ее мне.

— Попробуй это, — сказал он. — Башку снесет.

Весьма подозрительная рекомендация.

Я посмотрел на таблетку.

— Ян... когда ты сказал, что это штука башку мне снесет... э-э... я как раз думал о том, чтобы попробовать что-то более приятное и легкое. У тебя есть что-нибудь такое, что не очень сильно действует на голову — просто щекочет нервы? Судя по твоим словам, это что-то... очень уж возбуждающее. Я на такое не рассчитывал.

Ян попытался успокоить мои тревоги, но безуспешно. Но потом я вспомнил то, что он сказал чуть раньше: «Возможности есть всегда. Если их нет, значит, ты просто их не используешь». Что ж... это тоже своего рода возможность. Удобный случай попробовать что-то новое. То, что — если бы не определенная череда случайных «да» — я никогда бы не попробовал. Уровень 5 в чистом виде.

Внезапно я вспомнил еще кое-что.

— Эй... а ты... ну, знаешь... уже под кайфом?

— Немного.

Я поддался вперед за столом и посмотрел ему прямо в глаза.

— Представь, что есть магазин под названием «Пицца в шляпе», и там продают только шляпы в форме пиццы.

Ян наморщил лоб, но потом качнул головой.

Невероятно, думал я. Никто не реагирует на мою шутку.

— Бог с ним, — сказал Ян. — Ну что, рискнешь?

Ответ у меня уже был готов: «да».

— Как называется?

— В переводе — «бомба для мозгов»... что-то в этом роде.

— Бомба для мозгов? — переспросил я.

— Да, примерно.

— Но что это такое? Я не стану есть бомбу для мозгов, пока не узнаю, из чего она сделана.

— Ее не едят. Это немного похоже на ЛСД, только как двойная доза.

— Ничего не понимаю.

— Сильный наркотик, но безопасный. Я тоже его приму. Не дрейфь, все будет хорошо.

Ян улыбнулся. Его уверенный тон действовал успокаивающе, но я все равно нервничал. Словами не передать, насколько для меня все это было необычно. Я никогда и помыслить не мог, что стану со знанием дела употреблять наркотики. Помнится, в детстве я даже допотопный детский диспирин боялся принимать: думал, у меня возникнет ощущение отстраненности. Как же, Господи помилуй, я совладаю с психотропной «бомбой для мозгов»?

Тем не менее одновременно с Яном я взял со стола таблетку и медленно, осторожно положил ее в рот.

На следующее утро ровно в семь часов я проснулся в амстердамской гостинице «Новотель». Резко сел в постели, вытянувшись в струнку, — один, сконфуженный, с пересохшим ртом и вытаращенными глазами.

Я знал, что последние девять часов я что-то делал, но что и как — понятия не имел. Я все еще был не в себе, голова кружилась, на лицо налипла наклейка с изображением деревянного башмака. Постепенно в сознании начали всплывать некоторые картины. Мужчина. Мигающий свет. Я глянул на пол, увидел свои джинсы и одну кроссовку, а рядом — маленький черный одноразовый фотоаппарат. Я дотянулся до него, взял в руки. Пленка была полностью использована. На полу, под дешевым журнальным столиком, лежало еще что-то. Какой-то свернутый листок бумаги. О Боже. Только не говорите, что я женился, прошу вас. Пожалуйста, не говорите, что я вернулся в кожаный бар и там женился.

Я вылез из постели — в висках стучало — нагнулся и поднял рулончик. Мне он показался удивительно тяжелым. Впрочем, тяжестью было налито и все мое тело.

Я развернул листок и... Господи Боже мой... что это?

То, что я увидел — странное, сбивающее с толку изображение, — привело меня в ужас. В полнейший ужас.

На бумаге углем искусно был запечатлен я с крошечной собачкой.

Неожиданно ко мне вернулась память.

Уличный художник, мимо которого мы проходили на Лейдсеплейн, спросил, хочу ли я, чтобы он нарисовал мой портрет. Я захихикал и крикнул: «Да!» Но только — и я это особо оговорил — если он запечатлеет также и мою собачку. «Какую собачку?» — удивился художник.

«Ну как же, маленькую собачку, что сидит у меня на плече», — объяснил я.

И теперь вот оно — наглядное свидетельство моей прогулки по Амстердаму с крошечной собачкой на плече. Прогулки, которой я почти не помнил, потому что находился в состоянии наркотического опьянения. Мне кажется, в моем воображении эта моя собачка даже умела разговаривать.

Но это еще не все. Помимо портрета — о Боже! — у меня оказались и фотографии! Фотографии! Целых двадцать четыре штуки. Должно быть, кто-то из нас — Ян, либо я сам — купил фотоаппарат, пока мы бродили от бара к бару, шатались по улицам, счастливые и веселые благодаря взрывному воздействию амстердамской «бомбы для мозгов» и крепкого пива!

Я опять посмотрел на свой портрет — в холодном свете ясного утра. Черт возьми, что мне с ним делать? Не выбрасывать же — я заплатил за него деньги. Но не могу же я увезти его домой и подарить маме. Как я объясню, откуда взялась у меня на плече собачка? Скажу, что просто не заметил ее? Что она запрыгнула в последний момент? Забавно, что портрет, появившийся в результате того, что я просто сказал «да», фактически свидетельствует в пользу позиции: «Просто скажи "нет"».

Больше ничего о событиях той ночи я не помню. Хотел бы вспомнить, но, увы, не могу. С того вечера Яна я больше не видел и вестей от него не получал. И я по-прежнему категорически против употребления влияющих на мозг веществ, которые запрещены законом (и даже против тех, что законом не запрещены). А о том, что произошло со мной, я рассказываю в надежде, что, может быть, какой-нибудь юнец, приехавший в Амстердам, прочтет это и ни за что не согласится позировать уличному художнику с воображаемой миниатюрной собачкой на плече.

И вот мое публичное заявление. Если вы решили подсесть на наркотики и нуждаетесь в помощи, я могу показать вам две фотографии. На одной я запечатлен в центре Амстердама — тычу пальцем в автобус, у которого, я уверен, большие красивые глаза. На второй я лежу, раскинув руки, посреди дороги и пытаюсь поймать луну.

Я не поместил эти фотографии в этой книге только потому, что ни одна мать не заслуживает того, чтобы узнать, что она вырастила ловца луны.

Домой в Лондон я вернулся удовлетворенный тем, что — благодаря Альберту Хейджну и знакомству с миром «бомбы для мозгов» — моя тактика согласия преподнесла мне два жизненно важных урока.

Третий урок — в том, что мужчины не должны выгуливать котов.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА СОГЛАСНОГО: 2

18 июля

На последней странице газеты «Метро», которую я нашел в лондонской подземке, я прочитал поразительнейший вопрос. Помещенное в рамку небольшое рекламное объявление гласило: У ТЕБЯ САМАЯ НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНОСТЬ ИЗ ВСЕХ БРИТАНЦЕВ? Рекламное агентство искало британца с самой немецкой внешностью, которому предлагалось сняться на телевидении. Я поразмыслил несколько минут, пока ехал в метро. Интересно, похож ли я на немца? Я попытался вспомнить, как я выгляжу. Да, пожалуй, я мог бы сойти за немца. В моих очках легко можно представить любого человека, который больше похож на европейца, чем я. Может, я как раз тот, кто им нужен? Может, когда я войду в их редакцию, мне скажут: «Простите, сэр, но вы, очевидно, настоящий немец. Наверное, вы не так поняли текст нашей рекламы. Нам нужны только британцы, похожие на немцев». А я улыбнусь многозначительно, и тогда до них постепенно начнет доходить. «В самом деле?! — воскликнут они. — Неужели... вы... господи! Поиск прекратить! Мы нашли британца с самой немецкой внешностью!» Представляете, если я получу эту работу?! Посмотреть бы тогда на реакцию людей из Би-би-си. Интересно, что они подумают, когда я войду к ним, брошу ключи на пол и скажу: «Вот, забирайте! Я теперь британец с самой немецкой внешностью!»? Наверное, некоторые девчонки попадают в обморок. Боже, это будет нечто! Не каждый может похвастать тем, что он британец с самой немецкой внешностью. Я оставил сообщение и стал ждать ответа.

19 июля

Я просматривал «Ист-Лондон эдвертайзер»⁴⁴ и вдруг заметил красочное объявление, в котором содержался следующий вопрос: «ВЫ БЕЗ УМА ОТ ЖИВОТНЫХ?»

Я стал читать это объявление. «Если вы без ума от животных, — говорилось в нем, — тогда фото вашего питомца, возможно, принесет вам J 100, а наша газета наградит его желанным титулом "Самый необычный питомец года"»!

На желанный титул уже нашлись претенденты — Боблз с Майл-Энд-роуд и Пиппи со Стебондейл-стрит. На мой взгляд, ни то, ни другое животное не отличалось особой индивидуальностью. Пиппи был обычный пес, которому на морду нацепили очки, Боблз — просто жирный кот (полагаю, в редакции сочли, что пес в очках и жирный кот — это новое слово в истории животных).

Одно я, конечно, понял сразу: да, животных я люблю. Определенно. А вот питомцев, к сожалению, у меня не было. Так что мне предстояло завести домашнего питомца и позаботиться о том, чтобы ни Боблз, ни Пиппи не лишили его желанного титула.

20 июля

Сегодня я сэкономил восемь фунтов на паре «замечательных практичных облегающих прорезиненных джинсов». В рекламе говорилось, что они стоят всего 7.99 фунта и доставляются бесплатно. Пояс у этих джинсов на резинке и со шнурком — как на тренировочных штанах, в которых ходят старики и люди, страдающие ожирением. Их можно стирать в машине.

Я никогда, никогда не надену эти джинсы.

21 июля

На стене многоквартирного дома, в котором я живу, кто-то повесил объявление: «ВЫ ЛЮБИТЕ ИГРАТЬ В

СКВОШ? Я ИЩУ ПАРТНЕРА ДЛЯ ИГРЫ В СКВОШ. МОЖЕТ, ЭТО ВЫ? ». Несмотря на то что я ни разу в жизни не играл Б сквош, я купил себе ракетку и позвонил по указанному в объявлении телефону. Мне ответил человек по имени Бьорн. Мы договорились сыграть в сквош в выходные в Бетнал-Грин!

22 июля

В газете «Стандард» я прочитал, что Трихологическая ассоциация Великобритании предлагает всем мужчинам бесплатно произвести в их клинике осмотр своих волос. Я решил проверить свои волосы. Прибыл в клинику, и мужчина, сидевший за большим столом, рассказал о том, какие услуги они оказывают. Вскоре мне стало ясно, что он хочет сделать мне пересадку волос. Я плохо представлял, куда он планирует пересадить мои волосы, только мужчина постоянно поглядывал на мою голову. Попросил разрешения быстро осмотреть мои волосы. Я согласился. Он встал надо мной с большой лупой и принялся щупать и рассматривать их. А потом сказал: «Да, у вас определенно ранняя стадия облысения». Он так меня напугал, что я физически ощутил, как у меня редеют волосы. Я облысею! И все из-за него! Ишь, какой умный трюк придумали! Мужчина дал мне несколько рекламных листов, а я, вернувшись домой, целый час стоял перед зеркалом с расческой и линейкой. Тот ублюдок оказался прав. Волосы у меня и впрямь чуть поредели. Лучше б я не давал согласия на осмотр. Тогда мои волосы до самой старости были бы густые, как у ребенка.

Когда я шел домой, меня опять остановил член благотворительной организации «Помощь престарелым». Похоже, эти ребята специально меня подлавливают.

23 июля

Домашнего питомца пока не нашел. Думал купить рыбку и послать ее фото, но ведь это конкурс индивидуальностей, а я не уверен, что на фотографии рыбки будет заметна ее индивидуальность. Вряд ли кто, глядя на золотую рыбку, подумает: «Какая колоритная штучка!» Поэтому я сфотографировал соседского кота и послал его снимок в газету.

Игра в сквош с Бьорном прошла не очень хорошо. Я возлагал надежды на свои природные способности, думал, что я прирожденный игрок в сквош, но не тут-то было. Вряд ли для него я идеальный партнер. Он сказал, что позвонит.

25 июля

Рекламный мусор, поступающий на мою электронную почту, пропагандирует новые лекарства. Мне предложили купить пропецию (от потери волос) и прозак (от депрессии). Мне кажется, первый препарат без второго принимать бесполезно. Поэтому я заказал оба.

26 июля

Я вдруг только что сообразил, что, если мое фото победит на конкурсе «Самое необычное животное года» и мои соседи узнают об этом, мне будет нелегко объяснить им, почему я решил заявить их питомца на участие в конкурсе красоты. Тем более что я с ними не знаком. Представляете, если я им скажу: «Привет, я живу по соседству. Кстати, я заявил вашу кошку на участие в конкурсе». Вот уж странное будет знакомство.

Поэтому я нашел в Интернете фото другого кота и тоже послал его в газету. Тот кот запечатлен в крошечной шляпке и парике. Держу пари, он гораздо интересней соседского.

Тому, другому коту я дал кличку Стюарт, потому что обычно котов Стюартами не называют. Наверное, это огорчит многих мужчин по имени Стюарт.

28 июля

Мне доставили пропецию. А вместе с ней и прозак. В инструкции по применению прозака я ознакомился со списком возможных побочных эффектов. Переутомление. Вялость. Запор. Нервозность. Боль в суставах. Излишняя потливость. Утрата внимания. Потеря памяти. Ослабление сексуальной функции.

Это ж в какую депрессию надо впасть, чтобы предпочесть любую из перечисленных альтернатив.

Я проглотил одну таблетку. Минут десять испытывал легкое головокружение, но это, возможно, потому, что я не поел. У меня побаливает коленный сустав, но это вряд ли из-за прозака.

1 августа

Ура! Есть изобретение! Я был в видеопрокате, искал фильм с Джетом Ли45 и вдруг увидел объявление с просьбой перематывать кассеты на начало перед тем, как вернуть их в магазин. Мой случай, подумал я, как бы не забыть. И тут меня осенило. Удивительная коробка автоматической самоперематки видеокассеты! Работает просто и эффективно: при закрытии коробки маленький магнит приводит в действие механизм, и пленка перематывается, пока ты идешь домой. Надежно и здорово! Сегодня я послал свое изобретение в институт по вопросам патентного права и права товарных знаков.

Интересно, согласится ли Сью Поллард46 рекламировать придуманный мною прибор?

2 августа

Меня начала мучить совесть за то, что я послал на конкурс фото чужого кота. Впрочем, это ерунда. Ради денежного приза в сто фунтов можно пойти и на подлог. Хотя, наверное, на эти деньги я все же куплю себе

кота, дабы избежать коварных вопросов.

Также сегодня я ступил на долгий тернистый путь к достижению цели, которой никогда перед собой не ставил. Я вознамерился стать медбратом!

Рочвильский университет США ищет новобранцев, желающих получить диплом санитаря через Интернет. По-видимому, мне не придется что-либо учить или постигать азы моей будущей профессии. Диплом выдается на основе жизненного опыта — в том числе тем, кто прошел докторантуру (я не проходил), занимался сестринским уходом на дому (я не занимался) и «обладает навыками осмотра пациентов». Я поставил на видео-запись сегодняшнюю серию «Холби Сити»⁴⁷. С трудом верилось, что скоро я стану медбратом. Я заполнил помещенную на сайте анкету и заплатил 400 фунтов одной из своих кредитных карт «нового типа». Я почти врач! Потрясающе!

3 августа

Бьорн, любитель сквоша, пока не звонит. А ведь обещал. Я не ослышался.

Почему мужики такие сволочи?

ГЛАВА 9 В которой Дэниел огорчает незнакомого человека

Многие часто говорят, даже кричат о «силе позитивного мышления».

Возьмем меня: обычно я придерживаюсь позитивного подхода. Всегда стараюсь убедить себя, что все будет хорошо. Если б я, находясь на необитаемом острове, увидел на горизонте корабль, а люди с корабля меня бы не заметили, я не стал бы впадать в отчаяние. Сказал бы себе: «Не расстраивайся. Они наверняка скоро вернуться». По крайней мере, я умер бы счастливым.

Есть и такие, кто более строго исповедует позитивный подход и всю свою жизнь посвящает тому, чтобы применять его на практике. Однажды на глаза мне попала статья о некоей женщине по имени Джессика, которая прочитала руководство по позитивному мышлению и так вдохновилась, что купила жилой автофургон и переехала в Камбрию⁴⁸, дабы на природе думать о хорошем, распространяя вокруг себя флюиды счастья. По словам Джессики, одни только хорошие мысли способны излечить человека от болезней, помочь ему возродить любовные отношения и найти более престижную работу. Что само по себе здорово, если в отношении работы вы готовы воспользоваться советом женщины, обитающей в жилом автофургоне.

«Приведу вам пример, — пишет она. — Если снова и снова повторять слова о чем-то хорошем, то в итоге это хорошее непременно произойдет. Если вы постоянно будете твердить себе, что вы замечательный человек и что у вас чудесный брак, так оно и будет».

Ха, полезный совет для замученных семейной жизнью жен.

Что касается меня, я пришел к выводу, что перемены в жизни происходят не столько в результате позитивного мышления, сколько благодаря позитивным действиям. Да, не спорю, от поездки в Амстердам я ожидал большего, но это не значит, что она оказалась неудачной (заметьте, я рассуждаю в позитивном ключе). Это просто еще один пример того, как я положился на волю судьбы, поплыл по течению. Правда, это течение занесло меня в тупик, зато я повеселился. А в противном случае я не знал бы этого веселья.

Да, я хотел доказать Иану, что он ошибается. И, увы, несмотря на свой бесконечно позитивный настрой, я вернулся не с двадцатью миллионами долларов, а всего лишь с собственным портретом, на котором запечатлен с собачкой, да еще и весь разбитый. Иан, разумеется, сказал бы, что все мои усилия обречены на неудачу. Но я, сторонник позитивного мышления и позитивных действий, с ним не соглашусь. Я уверен, это все только к лучшему. И уверен, что в один прекрасный день я пойму, в чем это лучшее выражается. Возможно даже, когда-нибудь я познакомлюсь с владельцем супермаркета магнатом Альбертом Хейджном, и мы с ним вволю посмеемся над моими мытарствами.

Зазвонил телефон. Это был Брайан, член товарищества «Звездный взрыв». Он сообщил, что его друг Пит, которому известно про Майтрею гораздо больше, чем ему самому, согласился встретиться со мной, и спросил, когда мне это будет удобно. Я предложил, чтобы он сам назначил время. Он назначил. Я сказал, что приду.

— Дэнни?

— Ты, должно быть, Пит.

— Входи.

Я повиновался и вошел в квартиру Пита.

Мы находились на Чансери-лейн, и я рассудил, что раз уж я пришел сюда по столь необычному делу, во всех отношениях будет удобнее, если мы обойдемся без светской беседы.

— По сути, Пит... я здесь потому, что Брайан сказал мне, будто на Брик-лейн живет Христос.

Пит закатил глаза и пронзительно рассмеялся.

— Ха! — воскликнул он. — Для начала скажу, что это полная чушь.

Я улыбнулся и тоже попытался издать пронзительный смешок, но у меня не получилось.

— Значит, это неправда? — уточнил я, испытывая облегчение оттого, что разрешилось хотя бы это

маленькое недоразумение.

— Нет, — качнул головой Пит. — Нет, Христос не живет на Брик-лейн.

— Я так и думал.

— Нет, Христос живет в Риме.

— О!

— На Брик-лейн живет Майтрея.

Господи, опять путаница.

— Брайан говорил то же самое. Только он сказал, что Майтрея — это Христос.

— Нет. Некоторые называют его Христом, но он не Христос. Христос живет в Риме. Майтрея был Христом две тысячи лет назад в Палестине, но теперь Христос такой же Учитель. Майтрея работает с Ним в одной связке, но Майтрея — это Майтрея, и Майтрея живет в Лондоне. Лучше расскажи, почему, по-твоему, ты встретил его.

— Ты вот что должен понять, Дэнни, — говорил Пит. Мы сидели в его гостиной, потягивая чай. — Никто из нас не знает, где Майтрея явится в следующий раз. Или перед кем. Он может появиться где угодно, в мгновение ока, причем перед людьми любой веры — потому что он олицетворяет все религии. В прошлом году он выступал перед двумястами христианами в Парагвае. Годом раньше — перед двумястами мусульманами в Марокко. Его видели в Японии, Италии, США, на Занзибаре, в Польше и вообще всюду. Но никогда прежде он не являлся одному человеку в автобусе.

Я понимал, к чему клонит Пит.

— Прекрасно. Значит, это не мог быть он. Согласен. Это был просто какой-то мужик, случайный попугачик. Просто его слова заделали меня за живое. Думаю, Брайана немного занесло...

— Нет, нет, подожди, Дэнни. Это вполне мог быть и он. Ибо он здесь для того, чтобы помогать людям. Он способен изменить жизнь как одного человека, так и затронуть судьбы тысяч людей. Но делает он это в той форме, в какой люди могут это принять. Вот почему одним он является в виде Христа, другим — в виде Магомета, а третьим... просто представляется случайным попугачиком.

— Но почему?

— Ты верующий человек, Дэнни?

Я покачал головой.

— В смысле, что я не христианин, не мусульманин и так далее. Я больше верю в... людей. В доброту обычных людей. Человечества в целом. Во все такое.

— Вот потому-то Майтрея и решил явиться тебе в автобусе, — сказал Пит.

На том и договорились. Для Пита вопрос был закрыт. Нравится мне то или нет, он считал, что я встретил Майтрею.

— Он ратует за справедливость. Равные возможности и любовь — независимо от твоих верований и убеждений, — добавил Пит, предлагая мне печенье.

— Мне это нравится, — сказал я. Действительно, вполне разумное кредо.

— Слушай... мне хотелось бы взять у тебя интервью о твоём общении с Майгреей. Если можно, конечно.

Это заинтересует многие издания. По какому телефону можно с тобой связаться?

— Э... ну... я не уверен, что смогу много рассказать, — растерянно произнес я. — Но... Да.

Я написал свой телефон в маленьком блокноте, который Пит, судя по всему, стянул из гостиницы «Своллоу» в Чоллерфорде, и он поманил меня в другую комнату.

— Вот, глянь. — Пит показал мне фотографию бородатого мужчины в балахоне, которую Брайан приносил в ресторан, где мы с ним встречались. — Это снято в Найроби. Шесть тысяч человек видели, как Майтрея прибыл в Вифлеемскую церковь в крошечном селении Квангваре. Там творят чудеса. Исцеляют больных, безумным возвращают разум и все такое. Однажды жрица сказала прихожанам, что с ней говорил Господь и что через несколько минут к ним прибудет особенный гость. Селяне не знали, чего ждать, но потом... потом он прибыл. Майтрея. Появился буквально из ниоткуда и весь почти светился. Он благословил их, затем сел в машину и уехал.

— Надо же! — изумился я. — И что это была за машина?

Если он скажет «ниссан», значит, здесь что-то не так, рассудил я.

— Понятия не имею. В общем, если ты хочешь узнать наверняка, был ли тогда с тобой в автобусе Майтрея, тебе нужно поговорить с одним человеком.

— С кем?

— Его зовут Элиас Браун.

— Элиас Браун?

— Да. Элиас Браун. Он находится в прямом контакте с Майгреей.

— В самом деле?

— Да. Ему много раз случалось «попадать в тень». Это, по сути, означает, что Учителя вселялись в него и вещали его устами. Он потрясающий человек — добрый, великодушный. В общем, Учителя подружились с ним, и в итоге он вступил в прямой контакт с самим Майгреей.

— И этот Браун действительно существует?

Пит как-то странно посмотрел на меня.

— Разумеется. Я узнаю, скоро ли он будет в Великобритании, и позвоню тебе, хорошо?
— Ладно, — сказал я. — И тогда я смогу спросить у него, нормально ли он добрался домой на автобусе в тот вечер.

Пит кивнул.

Я допил чай и попрощался с Питом. Как ни странно, я был взволнован.

Утром следующего дня я отправился на встречу с Томом — это тот парень, с которым я познакомился на вечеринке у Роберта, — дабы взглянуть на автомобиль, что я сдуру согласился у него купить.

Том ждал меня в кафе у станции метро «Хендон Централ». Когда я вошел, он поприветствовал меня улыбкой.

— Как дела? — спросил я.

— Неплохо. Вещи собраны, готов ехать.

— Когда уезжаешь?

— Не раньше чем через пару дней. Правда, сегодня я отправляюсь в Ливерпуль, хочу попрощаться с родными и друзьями. Побуду там до отъезда, а потом здравствуй, Новая Зеландия...

— Здорово. Так что у тебя за машина? — уточнил я, когда мы зашагали по улице.

— «Ниссан Фигаро».

Не очень, но сойдет, подумал я. За те несколько дней, что миновали со дня нашего знакомства, я рассудил, что меня устроит любой автомобиль, лишь бы это был не ярко-желтый «порше» с турбонагнетателем, который сделает меня банкротом и объектом внимания окружающих, ибо все станут показывать пальцами на мою машину, когда я буду проезжать мимо. К тому же Том пообещал дать мне «баснословную скидку». Деньги не имеют значения, сказал он. Главное, чтоб жизнь радовала.

— И... какого года?

— Тысяча девятьсот девяносто первого.

— О.

Я вдруг пожалел, что это не ярко-желтый «порше» с турбонагнетателем. Тринадцатилетний «ниссан» — не лучший помощник в налаживании отношений с девушками. Если только он не отлит из золота.

— Какого цвета?

— Сочно-зеленого.

Да уж. Такой автомобиль девушки за мило будут обходить.

Хотя для себя я уже решил, что машина мне нужна. Ко всему прочему, она поможет мне преодолеть страх. Некогда я поклялся себе, что, пока живу в Лондоне, машины у меня никогда не будет. Это слишком опасно. И слишком хлопотно. Правда, зарок дал человек, у которого только раз в жизни был автомобиль — «Мини Метро», купленный за 1000 фунтов, которые я копил все лето. А права я сумел получить только потому, что решил сдавать экзамен по вождению в городе Труубридж49. Ибо в Труубридже — это я объясняю для непосвященных — больше, чем где бы то ни было в Великобритании, кольцевых транспортных развязок с односторонним движением, а по таким дорогам я худо-бедно умел ездить. Впоследствии я так заездил свой автомобиль, что он просто превратился в груды стонущего визжащего железа и отказывался трогаться с места. Через несколько месяцев, в канун Нового года, я его продал за пятьдесят фунтов, которые в тот же вечер пропил. Спустя несколько недель я переехал в Лондон, но новую машину покупать не стал: убедил себя, что она мне не нужна. Во-первых, лондонское метро могло доставить меня в любую точку города. Во-вторых, мне не раз случалось пользоваться услугами такси, и я знал, что вождение автомобиля в Лондоне требует особых навыков. И наличия пистолета в бардачке. С другой стороны, с машиной я буду свободным человеком — смогу поехать куда угодно, когда захочу. Я и мой «ниссан». Пускаемся в приключения. Находим новых друзей. Как Майкл Найт и Китт50. Только мой «ниссан» сочно-зеленого цвета. Новый автомобиль станет для меня олицетворением свободы.

— Почти пришли, — сказал Том, когда мы, завернув за угол, оказались на тихой улице, вдоль которой по обеим сторонам росли деревья. Мы остановились перед домом, в котором, как выяснилось, жил Том. — Машина в гараже.

Я минуты две стоял и молча смотрел на автомобиль.

Более странной машины я еще не видел.

— Что... что это? — наконец произнес я.

— Я же говорил — «Ниссан Фигаро».

Скорее, ЧТО-ТО ИЗ Трамптона51.

— Это настоящая машина? — спросил я. — Или ты сам собрал ее из игрушек?

— Самая что ни на есть настоящая! — подтвердил Том. — Просто немного... необычная.

— Я нигде не вижу слова «ниссан».

Не скрою, я не очень-то разбираюсь в машинах. И, как мужчине, мне это стыдно признавать, поэтому в присутствии механиков и продавцов я всегда стараюсь делать вид, будто знаю в них толк. При покупке «Мини Метро» я специально включил сигнальные фары, а потом вылез из машины и стал внимательно наблюдать, как они мигают, — чтобы продавец видел, что я не какой-то там лох. Я даже на корточки присел, когда смотрел на фары. Еще мне доподлинно известно, что марку машины можно определить по маленькой табличке на ее задней части. Эту табличку подделать невозможно.

— Послушай, Дэнни, я не чудик. Это коллекционная модель. Такие машины безумно популярны в Германии. Их выпущено всего двадцать тысяч. А осталось, наверное, только половина. Эти машины импортировали из Японии.

Теперь понятно, почему я прежде не видел таких машин. Хотя нет, видел. В одной из серий «Безумных гонок»⁵².

— Ну, что скажешь? — спросил Том, сидя в пассажирском кресле. — Нравится?

— Дело в том, Том... в общем, да, нравится. Просто, знаешь, я не привык покупать машины у случайных знакомых...

Ха, если б он только знал.

— Я же объяснил, — сказал Том, выбираясь из машины. — Мне нужно срочно ее продать. Я поместил объявление в газету, выставил ее на продажу за четыре штуки. Мне казалось, за такую цену она точно должна уйти, ведь сам я заплатил за нее шесть тысяч. Но почему-то никто не клюнул. Тебе отдам по дешевке. Я уезжаю на следующей неделе, это последнее, что мне осталось продать.

Он захлопнул дверцу.

— Хотя... может, тебе миксер нужен?

Я посигналил возле дома Иана.

Я был очень доволен собой, ведь мне удалось по запруженным лондонским улицам проехать из Хендона в Боу. Причем я ни разу не пожалел, что у меня в бардачке не лежит пистолет, да и вообще весь путь в тринадцать миль проделал всего за три с половиной часа!

Я посигналил еще раз, и Иан наконец-то появился в дверях.

— Бог мой, это еще что? — спросил он.

— Автомобиль! — похвастался я.

— С ярмарки угнал? Что это такое, черт возьми?

— «Ниссан Фигаро». Не совсем обычная машина.

— Да уж. Так, постой. Она что, твоя? Откуда?

— Один человек спросил, хочу ли я купить машину. Я ответил «да».

— Боже! И денег хватило?

— Только-только. По дешевке досталась.

— За сколько?

— Он сказал, если я куплю ее, он даст мне в придачу миксер.

— Повезло так повезло!

— А еще он пригласил меня завтра на прощальную вечеринку. Хочешь пойти?

— Где это?

— В Ливерпуле.

— Перебьюсь.

Иан обошел автомобиль, оглядел его весь, потыкал шины и вообще вел себя, как заправский автолюбитель (хотя я не заметил, чтобы он, как я, приседал на корточки). Потом он попросил, чтобы я поднял капот. Я выполнил его просьбу, хотя не сразу: долго соображал, как это сделать. Иан потрогал какие-то механизмы, проверил, все ли хорошо закреплено, опустил капот и объявил:

— На вид все в порядке.

— Да, — кивнул я. — Фары тоже работают. Я проверял.

— Знаешь, что это значит, Дэн?

— Что?

— Ты приобрел Да-мобиль! Ты теперь как Бэтмен.

— Это не Да-мобиль! Это «ниссан».

— Это Да-мобиль! Так, а где же миксер? Пойдем что-нибудь смешаем.

Жизнь и впрямь забавная штука.

Я открыл багажник, достал миксер, мы принесли его на кухню и включили.

Миксер не работал.

Жаль, что миксеры делают без индикаторов, а то бы этот я сразу проверил.

Думаю, Том пригласил меня на свою прощальную вечеринку из вежливости. Он не ждал, что я соглашусь. Но я сказал «да» и теперь, проведя в пути три с половиной часа, сходил с поезда в Ливерпуле, чтобы посетить вечеринку, которая начиналась в шесть. Честно говоря, мне было несколько неловко, что я проехал двести миль ради того, чтобы попрощаться с человеком, которого я видел всего два раза в жизни. Это походило на наваждение, в лучшем случае — на безрассудство.

Когда я шел к веренице такси у здания вокзала, зазвонил мой мобильник.

— Алло?

Между прочим, это я отвечал тому, кто звонил, в не просто аллекал в звонящий телефон.

— Дэнни? Это Гарет. Мы с тобой познакомились на днях на вечеринке.

— Точно! Привет! Позволь, прежде я извинюсь за то, что столь подробно рассказывал тебе про закупорку родовых путей?

— Не бери в голову. Конечно, можно было бы обойтись и без диаграмм, а так твой девятиминутный монолог оказался очень даже информативным.

Он шутил. Я не чертил никаких диаграмм. И говорил дольше девяти минут.

— Слушай, я вот зачем звоню. Может, заскочишь ко мне на телевидение? Нужно поговорить.

— Ладно.

— Ты ведь даже не знаешь о чем.

— Ну... Хорошо. Так о чем?

— Может, придешь, и тогда поговорим с глазу на глаз?

— Хорошая идея.

— Завтра утром?

Я глянул на часы. Сам не пойму зачем.

— Да.

Мы попрощались, а до меня вдруг дошло, что мне необходимо уехать из Ливерпуля сегодня же вечером, если завтра утром я хочу попасть на встречу в Кеннингтоне 53. Гм, влип так влип. Еще три часа трястись на поезде. Дома я буду под утро.

Я потащился назад в здание вокзала, нашел информационную стойку.

— Здравствуйте, — обратился я к сидящему за стойкой служащему. — Не подскажете, когда из Ливерпуля последний поезд до Лондона?

— Последний прямой поезд в семь сорок девять, — ответил тот, даже не подняв головы.

Я глянул на часы: без десяти шесть.

— В семь сорок девять? Вы ничего не путаете?

Служащий посмотрел на меня со скукой в глазах.

Было ясно: он знает, что говорит.

— Но... вам не кажется, что это несколько... рановато? — спросил я. — Разве последние поезда отправляются не ближе к полуночи?

— Не в Лондон, — отвечал он. — И не отсюда.

Бред какой-то! Последний поезд в 7.49? Тут, должно быть, какая-то ошибка. Если только, направляясь сюда, я не сел на какой-то особый поезд, привезший меня в пятидесятые годы.

— Но я приехал на вечеринку! — в отчаянии воскликнул я. — А завтра утром у меня встреча в Лондоне!

— Семь сорок девять, — повторил служащий.

— Привет, Том, — поздоровался я. — Послушай, я ненадолго. Мне через час нужно уезжать.

— А-а. Куда?

— В Лондон.

— Но... разве ты только что не оттуда?

— Из Лондона.

— О.

Мне показалось, Том чуть отпрянул от меня в испуге.

— Ну... хм... ты молодец что приехал, хотя зачем было так напрягаться, если...

— Я не знал, что последний поезд отсюда отправляется в семь сорок девять, — объяснил я. — А завтра у меня встреча, так что...

— Почему ты не на машине?

— На машине?

— Ну да. У тебя же новая машина.

Резонное замечание. Но у меня и на это было готово объяснение.

— Вчера я тринадцать миль ехал три с половиной часа. До Ливерпуля двести пятнадцать миль. Я бы добирался два дня.

Не думаю, что Том усмотрел логику в моем объяснении, что весьма досадно, ведь цифры — его конек.

— Что ж... пива хочешь?

— Да.

Я решил за отведенный мне час выжать из вечеринки все возможное и принялся есть хрустящий картофель, дабы все думали, что я настоящий король вечеринок.

Мы находились в баре под названием «Баа». Было начало седьмого. Из друзей Тома пока явились только несколько человек. Правда, один из них, парень по имени Джейсон, вероятно, уже давно сидел здесь в ожидании начала вечеринки, ибо он был заметно пьян.

— Чем занимаешься? — обратился я к нему.

Мы уже несколько минут сидели рядом. Все это время я наблюдал, как он стряхивает пепел в пивной бокал.

— Я на государственной службе, — ответил Джейсон. — Работаю в ведомстве по делам иммиграции. По линии министерства внутренних дел.

— Надо же, — восхищенно протянул я. — Настоящая взрослая работа.

— Угу.

— Нравится?

— Нет.
— О? Почему?

— По многим причинам. Потому что это моя работа.

Работа, которую я должен выполнять, чтобы не подохнуть с голоду, а не потому, что я хочу этим заниматься.

— Понятно, — отозвался я, решив, что Джейсон находится на грани того, чтобы из мягкого, хотя и расстроенного человека превратиться в пьяного злыдня. — И... в чем состоит твоя работа?

Джейсон налил в бокал вина из стоявшей на столике бутылки и повернулся ко мне.

— Сегодня, например, приходит ко мне одна женщина. Она из Нигерии. Мне пришлось провести с ней собеседование. Она не сказала, как попала в нашу страну, а мне это нужно знать, чтобы заполнить бланки и прочее. Я спрашиваю ее: «Как вы оказались в Великобритании?», а она смотрит на меня, будто невинный агнец, и говорит, что шаман превратил ее в земляной орех и провез в страну под своей шляпой.

Джейсон с улыбкой покачал головой, и мы оба рассмеялись.

— И она думала, ей поверят? — изумился я.

— Да, — ответил Джейсон.

— Так ты позволил ей остаться?

— Нет, — тихо сказал он. — Дура несчастная. Одному Богу известно, от чего она бежит, с чего ей взбрело в голову переселиться в эту дерьмовую страну, с чего она решила, что мы поверим в ее сказку про земляной орех.

Это был довольно забавный случай, и при обычных обстоятельствах я бы расхохотался, но сейчас сдержался, ибо в глазах Джейсона сквозила грусть.

— А на прошлой неделе мужик один пришел. Я спрашиваю его: «Почему вы хотите жить в Великобритании?», а он говорит, что как-то вечером — это был самый обычный, хороший такой вечер, как он утверждал, — у себя дома в Камеруне вместе с женой смотрел телевизор, а потом обернулся и увидел в своей гостиной козла.

— Козла?

— Козла.

— И что потом?

— Да ничего. Только это. Козел в гостиной. Из-за него он якобы и уехал.

— У него что, аллергия на козлов?

Джейсон мотнул головой.

— Он боится дурных знамений. А козел предвещает что-то плохое. Вот он и решил махнуть в Британию.

— Ну да, здесь, пожалуй, меньше козлов. И ты дал ему разрешение?

— Нет, — ответил Джейсон. — Отправил назад. Я в итоге почти всех отправляю восвояси.

Я не знал, что на это сказать. Рядом со мной сидел человек, замученный своей работой. Он видел страдания людей, которые рассказывали ему о своих бедах и отчаянном положении. Он изо дня в день слушал истории об изнасилованиях, убийствах и жестоком обращении. О политическом давлении и гонениях. А порой и совсем невероятные, — например, про женщину, которую превратили в арахис. И это все ему рассказывали люди, которые хотят одного, — чтобы у них был дом. Джейсон — представитель огромной когорты чиновников, работа которых заключается в том, чтобы определить, кто из обращающихся к ним людей говорит правду, а кто лжет. Это — тяжелое бремя. Он вершит судьбы людей.

— Даже не знаю, — сказал Джейсон, пожимая плечами. — Иногда я доволен жизнью, иногда — нет. В принципе, я понимаю, что у меня хорошая работа, ответственная, и в этом плане можно считать, что мне повезло. У меня хорошая голова на плечах, я — человек справедливый. А ведь на моем месте мог бы сидеть какой-нибудь правый радикал, который отправлял бы назад всех без разбору. Да и работа сама не бесперспективная. Есть к чему стремиться. Но... не знаю.

— А чем бы ты предпочел заниматься?

— Чем угодно, — ответил Джейсон. — Чем угодно. В идеале хотел бы путешествовать. Я никогда толком не путешествовал. Вот моя сестра перед поступлением в университет целый год ездила по миру. Теперь она работает на АТС и вполне счастлива. Потому что она чего-то добилась. А я каждый день сижу в крошечной конторе с одними и теми же людьми и думаю... это мое? Нет, вряд ли. Мой младший брат через полтора года оканчивает школу, и я сделаю все, чтобы он отправился в путешествие. Не повторил моей ошибки.

— Почему бы тебе не поехать вместе с ним? — предложил я.

— Он просил. А я не могу. У меня слишком много забот. Я — самый опытный в нашем отделе. Если уеду... нет, не могу. Да и денег нет. Кредит за дом надо выплачивать. От пенсии нельзя отказаться. Нет, нет. Я сделал свой выбор. Отгулял свое.

То, как Джейсон произнес свою последнюю фразу, вызвало у меня необычайную грусть. Ведь ему еще и тридцати нет. А он решил, что свое уже отгулял. Нашел свою нишу. Поставил на себе крест.

— Может, так не должно быть, — произнес я.

— Но это так.

— Я только хочу сказать, что, возможно, тебе стоит просто бросить эту работу. Заняться чем-то еще.

Положиться на волю судьбы.

— По-твоему, это так легко?

— Ну, не знаю. А ты рискни.

— Рискнуть?! — в гневе взвился Джейсон, так что я оторопел — Кто ты такой, черт возьми, что

предлагаешь мне рискнуть? Я не вправе рисковать. Я должен быть расчетлив, придерживаться логики и принимать верные решения. От этого зависит и моя жизнь, и судьбы других людей. Я не прочь, чтоб у меня была какая-нибудь дурацкая, ни к чему не обязывающая работа и я мог беспокоиться только о том, успею ли я прийти в бар до того, как туда набьется куча народу. Но моя жизнь сложилась иначе. Я занимаю серьезный, ответственный пост и решаю серьезные ответственные проблемы.

— Я просто хотел сказать... — начал я и вдруг сообразил, что и сам не знаю, что говорю. Я попытался еще раз выразить свои мысли. — Я только хочу сказать, что иногда самое опасное — не рисковать. Иногда все, что ты можешь гарантировать, так это только отсутствие перемен. Иногда более важно сказать «да», чем «нет».

Джейсон не отвечал — просто смотрел в свой бокал. Возможно, виной тому был алкоголь, но в данный момент он не испытывал ко мне ничего, кроме презрения. И я его не винил. На его плечах лежал тяжелый груз ответственности. В своем разговоре мы невольно затронули очень серьезные темы, и в сравнении с ним я оказался ребенком — глупым ребенком, зарабатывающим на жизнь глупой писаниной и ведущим глупый образ жизни. Да и вообще — на чем основываются эти мои «глубокомысленные» суждения? Что я знаю?

Смущенный, я встал, собираясь уйти.

— Я просто хотел сказать, что «да» — такое же хорошее слово, как и «нет», — добавил я. — Когда появляется возможность. Любая возможность.

— В этом вся проблема, — заговорил вдруг Джейсон, по-прежнему глядя в свой бокал. — Я всю свою жизнь только и делаю, что говорю «нет», и это жутко меня угнетает. Я говорю «нет» на работе. Я говорю «нет» дома. Я говорю людям, что они не могут поселиться в нашей стране. А почему? Потому что у нас законы такие. Я говорю им, что они не могут начать здесь новую жизнь. Я разбиваю их надежды. Даже тех, кто лжет, кто не заслуживает того, чтобы быть здесь, таких, кого, возможно, считают подонками в собственной стране. Я разбиваю даже их надежды. А потом с этим тяжким грузом иду домой.

Я подумал, что на том и пора закончить наш разговор. И уйти. Но не ушел. Мне вдруг захотелось открыть Джейсону всю правду. Объяснить, почему я отправился за тридевять земель на вечеринку, на которой могу пробыть всего лишь один час. Конечно, мое решение не шло ни в какое сравнение с теми, какие вынужден принимать он, и все же, возможно, в нем крылся некий смысл. Я хотел рассказать Джейсону обо всем, на что я ответил согласием... и о том, что из этого вышло. И о хорошем, и о плохом. Я не собирался утаивать от него плохое. Ведь плохое столь же важно. Я не собирался вводить Джейсона в заблуждение, а хотел доказать ему... что у него есть выбор. Он мог бы поступить, как Том, — уйти, бросить работу, продать свой автомобиль и отправиться на поиски новой жизни. Он мог бы поступить, как я. Он мог бы сказать «да», если б захотел. "Да" самому себе.

Он мог бы чаще говорить «да».

— Послушай, возможно, то, что я намерен рассказать тебе, покажется тебе глупостью. Или абсурдом. Или ребячеством. Но я хочу, чтобы ты меня выслушал, ибо для меня это стало очень важно. Однако то, о чем ты узнаешь, ты не должен использовать против меня, договорились?

— Я не даю обещаний, приятель. .

— Нет, серьезно. Ты никому не должен рассказывать то, что я хочу тебе сообщить. Иначе ты разрушишь мою жизнь.

Если это станет известно Тому и он расскажет кому-нибудь из тех, с кем мы с ним были недавно на вечеринке, а те поделятся с кем-то еще, у меня будут большие неприятности. Так что пусть это останется между нами, ладно?

Джейсон вскинул брови, обдумывая мои слова, потом кивнул.

И вот совершенно незнакомому человеку я рассказал про то, какое я принял решение, и что сделал, выполняя его, и к чему это меня привело, и к чему, я надеялся, это меня приведет, — рассказал, по ошибке полагая, что мой опыт как-то ему поможет.

А когда закончил свой рассказ, этот совершенно незнакомый мне человек встал, выругался на меня и пошел к бару.

— Том... тот твой приятель... — заметил я, — Джейсон.

— Ах, да, Джейс. Не держи на него зла. Он... понимаешь... он весь мир взвалил на свои плечи.

— Почему он не бросит все? Не займется чем-то еще?

— Ему кажется, что он за все в ответе. И оттого чувствует себя в тупике. Говорить с ним бесполезно. Он не станет слушать. Думаю, ему завидно, что у меня есть возможность уехать, а у него... ну... такой возможности нет.

— Очевидно, у него такая работа, которую так просто не бросишь.

Том кивнул. А потом посмотрел на часы.

— Разве тебе...

Черт. 7.24.

— Да, надо идти.

Домой я возвращался в весьма необычном настроении.

Мне хотелось остаться на вечеринке, вновь наладить отношения с Джейсоном, объяснить ему свою позицию. Но я знал правила игры. Если я пообещал быть завтра на встрече, значит, мне надо ехать.

И, что хуже всего, я не мог отделаться от ощущения, что Джейсон прав. Я наивен. И глуп. Мне необходимо повзрослеть. Как я живу? В самом-то деле? Какой во всем этом смысл? Ради чего я сегодня шесть часов трясся в поезде? Ради чего поперся в Амстердам и проснулся в голландской гостинице сконфуженный и недоумевающий? Ради чего обидел свою бывшую возлюбленную? Чего я всем этим добился? Разве что приобрел дурацкую машину да нарвался на оскорбления. Ну да, я продолжаю занимать себя, чаще бываю на людях, вкушаю новых впечатлений... Но теперь мне преподали хороший урок. Может, не стоит так уж строго придерживаться тактики согласия? Может, вообще отказаться от нее, прийти к Иану с повинной головой и с достоинством вытерпеть придуманное им наказание, зная, что я предпринял попытку.

Вернулся я в пустую холодную квартиру. Я даже чаю не мог выпить, потому что не было молока. Я не стал проверять электронную почту.

Сразу лег спать.

На следующее утро я лежал в кровати, глядя в потолок. Я спал долго и крепко. В окно я увидел, что день выдался солнечный, и только это чуть приподняло мне настроение. С минуту я пытался убедить себя, что я болен и мне вообще не следует сегодня вставать с постели. Но потом вспомнил, что я обещал быть на встрече. Я был не вправе подвести людей.

Через некоторое время я уже был в офисе телекомпании «Кактус» в Кеннингтоне. Приехал (да, приехал!) туда на своем Да-мобиле. Шесть миль преодолел всего за полтора часа. Значит, машину я стал водить лучше. Вскоре смогу даже до Ливерпуля доехать меньше чем за день! Да, жизнь сильно изменилась со времен господства гужевого транспорта.

Гарет встретил меня у ворот.

— Проходи, — сказал он. — Ты встретишься с Дином, одним из наших продюсеров. Хочешь чего-нибудь выпить? Чаю, например?

— Да, с удовольствием. — Тактика согласия была здесь ни при чем. Просто от чая я никогда не отказываюсь.

Мы прошли через производственный отдел, набитый занятыми молодыми людьми. Они готовили к съемке студии, записывали гостей, изучали разные темы. Вид у всех был деловой, выглядели все элегантно. На полу лежали ярко-зеленые ковры, на каждом углу стояли кактусы.

Гарет завел меня в кабинет и пошел за чаем. Я сел. Мне пока еще не сказали, зачем меня пригласили сюда но я особо не переживал, потому что — ха! — меня же угостят чаем.

— Дэнни, я — Дин, — представился высокий мужчина, решительным шагом входя в кабинет. Я поднялся, чтобы пожать ему руку. Его рукопожатие было тверже моего, и я попытался сильнее стиснуть его ладонь, но сделал это с некоторым запозданием, так что он, очевидно, подумал, будто я просто не хотел отпускать его руку.

Следом вошел Гарет с чаем. Дин стал рыться в своих записях.

— В общем, так... — начал Гарет. — Мы вот зачем тебя пригласили... мы задумали несколько новых рубрик в рамках шоу, и... в общем... нам в команде нужны новые люди, и... послушай... ты никогда не думал о том, чтобы стать ведущим телевизионной рубрики?

Э-э?

— Э-э? — произнес я.

— Дело в том, что мы, по всей вероятности, будем делать рубрику, для которой ты, возможно, подойдешь.

— Что? Мне предлагают... что мне предлагают?

— Ну, во-первых, ты исповедуешь очень интересный культ. И потом, все, что, ты рассказывал мне на днях — про Христа на Брик-лейн, про пирамиды и вообще... эта твоя теория с закупоркой родовых путей... все это перекликается с нашими идеями, которые мы разрабатываем уже некоторое время.

— По сути, — вмешался Дин, — мы хотим сделать рубрику о передовых взглядах и спиритизме. И когда Гарет рассказал мне, будто ты веришь в то, что пирамиды по строили инопланетяне...

— Э... подождите, это не я верю...

— И что ты считаешь, будто мужчины могут рожать детей...

— Хм... нет, я просто говорил...

— И что ты думаешь, будто встретил в автобусе Христа...

— Ну да, это, возможно, так...

— В общем... мы подумали, что ты для этого подходящая кандидатура. Нам нужен человек, который что-то знает об этой стороне жизни. И нам не хватает ведущих. Вот мы и решили, что, может, стоит попробовать тебя.

Я в изумлении покачал головой. Господи помилуй! Меня спросили, думал ли я когда-нибудь о том, чтобы стать ведущим! А я не думал. Меня вполне устраивает то, что я нахожусь за камерой, делаю записи, держу папку и изображаю из себя занятого человека. Я продюсер, а не ведущий!

— Послушай, не исключено, что у нас вообще ничего не выйдет, — сказал Гарет. — А если что-то и получится, то далеко не завтра. Однако мы хотели бы пару раз устроить тебе спиритические выходные. Чтобы ты побывал на сеансе исцеления по системе Воргекс, деревья пообнимал, подключил свои сверхъестественные способности и попытался исцелить цветок, — в общем, все такое.

— Как Инопланетянин⁵⁴ в фильме, что ли?

— Да, примерно, — сказал Дин. — Возможно, мы назовем твою рубрику «Дэнни на пути к просветлению».

Мы уже обсуждали это с Ричардом и Джуди, и они обещали подумать. Ричард сказал... как он выразился?

— Что ты эксцентрик, — пришел на помощь Дину Гарет.

— В хорошем смысле, — заверил меня Дин.

— Да, — подтвердил Гарет. — Он сказал, что ты эксцентрик в хорошем смысле.

— Что ж, — произнес я. — Я не уверен, что смогу быть вам полезен, но...

— Ты не волнуйся, с монтажом мы способны творить чудеса. Главное, ты должен определиться: согласен ты участвовать в этом проекте, если мы дадим ему ход?

Гарет и Дин пристально смотрели на меня.

Я пожал плечами.

— Да.

Чтоб мне провалиться! Я стану телевизионным ведущим! Буду вести передачу на центральном телеканале! Мою рубрику будут показывать во время вечернего чая! Меня ждет мир домохозяек и студентов!

— Прекрасно! — обрадовался Дин. — Что ж... полагаю, будем на связи!

В тот вечер пили за мой счет.

Я встретился в пабе «Йоркшир грей» с Уэгом и Ианом и поделился с ними хорошими новостями. Конечно, маловероятно, что это когда-нибудь произойдет. И все же дела мои пошли в гору. Казалось, недавняя череда постигших меня неудач наконец-то прервалась. Возможно, меня примут в команду создателей шоу «Ричард и Джуди», где я буду выполнять потрясающую работу — выступать в роли телеведущего — то, чего я никогда прежде не делал и о чем, конечно, не мог бы и мечтать, если б не моя тактика согласия. Словами не передать, как это поднимало настроение и вселяло уверенность.

Я снова радовался жизни.

А вот Уэга что-то беспокоило. Он только что вернулся из Германии, но не выглядел отдохнувшим и раскованным. Пожалуй, виду него был... напряженный. Очень напряженный. К тому же постоянно трезвонил его телефон.

Когда раздавался звонок, мы с Ианом умолкали, ожидая, когда Уэг ответит. Но он не отвечал. Посмотрит на экран, выругается и сбросит звонок.

— Уэг... у тебя... неприятности? — спросил Иан.

— Не хочу об этом говорить.

Телефон опять зазвонил.

— Ответь, Уэг...

— Не хочу.

— Кто тебе звонит?

— Я же сказал: не хочу об этом говорить.

Телефон перестал сигналить, и мы все глотнули пива, но продолжали молчать, зная, что телефон вот-вот снова зазвонит.

Потом заговорили о футболе, с запозданием сообразив, что никто из нас толком в футболе не разбирается. И тут опять зазвонил телефон — на этот раз кстати, — что позволило каждому из нас сохранить свое мужское лицо.

— Ладно... отвечу, — сказал Уэг и ответил.

Мы с Ианом молча ждали, делая вид, что даже не пытаемся подслушивать.

— Нет, — рявкнул в трубку Уэг и нажал на сброс.

— Кто звонил? — спросил Иан. — Что случилось?

— Эта фигня не прекратится, я знаю, — буркнул Уэг. — Отключу телефон.

— Да кто звонил-то? — тоже поинтересовался я.

— Никто. Не берите в голову. Пустяки.

— Да будет тебе, Уэг, — сказал Иан. — Кто это был? Кто не дает тебе покоя?

Телефон опять зазвонил Уэг в ярости смотрел на аппарат.

— Он. Не. За-ткнет-ся, — процедил он сквозь зубы. — Так и будет звонить!

— Это значит, что кому-то ты нужен, — резонно заметил я.

Может, Уэг еще не разобрался со своим мобильником. Может, он думает, если телефон звонит, значит, его нужно подзарядить.

— Погодите...

Уэг взял телефон, опять рявкнул «Нет» кому-то на другом конце линии и отключился.

— Боже, какой кошмар, — устало произнес он. — У меня уже нет сил. Звонит беспрестанно с тех пор, как я вернулся. Каждую минуту, будь оно все проклято. Они от меня не отстанут.

— Кто? — спросил Иан.

Уэг глубоко вздохнул и ответил:

— Немцы.

Я внимательно посмотрел на него. Создавалось впечатление, что у Уэга нечто похожее на приступ паранойи. Мы с Ианом обменялись озабоченными взглядами.

— Немцы не оставят меня в покое, — сказал Уэг, будто это было исчерпывающее объяснение.

Приняв сочувственный вид, я попытался успокоить его.

— Оставят, Уэг. Немцы оставят тебя в покое.

Он нахмурился.

— Что ты смотришь на меня, как на душевнобольного? Зачем поглаживаешь мое плечо?

— А ты расскажи, почему тебя преследуют немцы? — предложил Иан.

— Они меня не преследуют. Просто все время звонят.

— Почему?! — в отчаянии хором воскликнули мы с Ианом.

Уэг опять сделал глубокий вдох. Было видно, что в жизни Уэга наступил какой-то поворотный момент. И еще было видно, что ему необходимо что-то нам сообщить.

— Потому что немцы думают, будто я «Сломанный».

Его слова повисли в воздухе. Моргая, мы смотрели друг на друга, потом мы с Уэгом, хлопая глазами, глянули на Иана, потом, все так же хлопая глазами, опять все посмотрели друг на друга.

— Немцы думают, что ты сломанный? То есть у тебя что-то сломано?

— Хуже.

Что может быть хуже?

О...

— Не может быть! — в шоке воскликнул я. — Они думают, что ты «Сломанный»... музыкант из поп-группы?

Уэг прикусил губу, закатил глаза к потолку и молча кивнул. Его телефон опять зазвонил. Иан в ужасе прикрыл рот обеими руками.

— Боже, — выдохнул он. — Смотри...

Он показал мне телефон. На экране высвечивался номер. Причем не британский.

— Еще один! — раздраженно сказал Уэг. — Опять немец!

Он крикнул в трубку «Nein!» и нажал на сброс.

— Послушай, — обратился к нему я, — давай-ка расскажи все с самого начала. Почему немцы решили, что ты один из трио «Сломанные»? Я не первый день тебя знаю. В этой группе ты никогда не выступал...

— Я ведь работал с ними в последнее время, верно? Помог записать пару песен. Мы все четверо вполне прилично ладили. Во всяком случае, мне так казалось. Они — отличные ребята. А во время недавнего турне, как-то вечером... — Уэг глотнул пива, чтобы успокоить нервы. — Как-то вечером они давали интервью в какой-то передаче на немецком телевидении, так?

— И что? — спросил я.

— Я находился за кулисами, занимался аппаратурой. И один из них решил пошутить, назвал номер моего мобильного в прямом эфире.

Я попытался подавить улыбку. Иан тоже. У нас не получилось.

— Они сказали, что это их телефон и что их поклонники могут звонить по нему в любое время дня и ночи, делиться своими мыслями и задавать вопросы.

Его телефон опять зазвонил.

— Простите. — Уэг взял телефон, посмотрел на экран и со стуком положил его опять на стол.

— Теперь, черт бы их побрал, они стали слать сообщения.

Иан засмеялся. Уэг был очень расстроен.

— Я пытаюсь объяснить им, что я не из трио, но мне не верят. Спрашивают: «Это Чарли?» Я отвечаю: «Нет, это Уэг», а они опять: «Это ты, Чарли?» Я говорю: «Нет, это Уэг», а они опять: «Чарли? Чарли?» Этот телефон мне нужен. Это мой рабочий номер! Я не могу его поменять. А это значит, что меня будут доставать двадцать четыре часа в сутки!

— Не переживай, — сказал я. — Когда-нибудь они перестанут звонить. Сколько еще «Сломанные» протянут? Лет пять, ну, может, шесть.

— И шесть лет меня будут принимать за «Сломанного», Дэн! Это ж сущий кошмар! Мой телефон известен всей Германии! Мне звонят и говорят, что нашли мой телефон в Интернете!

Я не сдержался и захохотал.

— Заткнись! Это не смешно!

— Чертовски смешно, Чарли! — воскликнул Иан.

— Не смешно!

Уэг покраснел и опять набросился на меня:

— Посмотрим, как тебе это понравится, Дэн. Какой у тебя телефон?

— Э? Ты что, собрался дать мой телефон чокнутым подросткам из Германии?

— Угадал. Посмотрим, как ты запоешь, когда тебе начнут звонить все подряд, думая, что ты «Сломанный». Хочешь побыть в моей шкуре?

Мне стало дурно. Смех замер на моих губах. Это что — предложение? Я должен ответить согласием? Иан тоже это понял и просиял. Но Уэг еще не закончил.

— Ну что, готов сообщить свой телефон всему свету? — продолжал он. — Хочешь побыть в моей шкуре?

Он начал набирать мой номер на своем телефоне, готовясь отправить сообщение.

— Подожди... ты что...

— Пошлю твой телефон немцам, Дэн. Скажу, что это новый телефон Международного фан-клуба группы

«Сломанные», по которому можно звонить в любое время...

— Погоди... — перебил я его. — Секундочку...

— Что, уже не смешно, да? — съязвил Уэг. — Давай посмотрим, как тебе понравится быть «кумиром» подростков. Давай посмотрим, как ты будешь реагировать на постоянные звонки от людей, которых ты в глаза не видел. От людей, которые преследуют тебя, ждут с тобой встречи, так как думают, что ты — популярный музыкант...

Он сунул мне под нос свой телефон, показывая набранный им текст.

— Я ведь не шучу, Дэнни... Если хочешь что-то сказать или извиниться...

Я побледнел, не зная, как мне быть. Прочитал сообщение.

ЗВОНИТЕ МНЕ. ЭТО НОВЫЙ ТЕЛЕФОН ГРУППЫ «СЛОМАННЫЕ»

ЗВОНИТЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ. 0044 7802 *** **

О Боже.

Что делать — остановить его? Это идет вразрез с моим новым образом жизни? Или воспринять это как еще один шанс?

— Значит, не хочешь извиняться? Прекрасно. Тогда поставим вопрос так: нажать на кнопку «Отправить» или ты сам хочешь это сделать?

Проклятье. Два «да». На каком остановиться? Что делать? Я беспомощно пожал плечами.

Уэг угрожающе подался вперед.

— Дэн... ты в самом деле хочешь сообщить свой номер всему свету?

Господи помилуй. Вот оно. Я обязан ответить «да». Я глянул на Иана. Тот ухмылялся, медленно кивая головой. По его глазам я видел: он точно знает, как я поступлю. Уэг не сводил с меня взгляд.

— Ну так как, Дэн?

Я взял у Уэга телефон и, невозмутимо глядя на него, отослал сообщение.

Он пришел в ужас.

— И, отвечая на второй вопрос... говорю: да. Да, я хочу сообщить свой телефон всему свету.

Секундой позже пикнул телефон Иана. Уэг блефовал. Он отправил мой номер Иану, а не тысячам введенных в заблуждение немцев.

А я... я не блефовал.

И я знал, как должен поступить.

Мне вновь предстояло испытать себя на Уровне 5.

ГЛАВА 10

В которой Дэниел предпринимает самые необычные поиски

Только поймите меня правильно. Я полностью отдавал отчет своим словам.

Я сознавал, что согласился сообщить свой телефон «всему свету». Но это было в то время, когда я сидел в пабе. Подвыпивший, расхорохорившийся, демонстрируя свое мужское «я». В таком состоянии все кажется возможным, любое дело представляется пустяком. А вот когда я вернулся домой и стал обдумывать свой следующий шаг, я понял, что не смогу дать свой телефон каждому человеку на Земле. Это было бы безумием. Я бы целую вечность сидел на телефоне, обзванивая всех и каждого и говоря: «Привет, мы с вами не знакомы, но вот вам мой номер — на тот случай, если вам захочется поболтать». Это просто нереально. Я потратил бы на беседы с народонаселением всего мира большую часть своей жизни.

Нет, если уж я намерен выполнить данное Уэгу обещание и предать всеобщей огласке свой номер телефона, делать это следует иначе — более умным способом. Придется развесить свой телефон на улицах, где каждый его может увидеть, переписать и затем решить для себя, нужно ли по нему звонить. По сути, я должен расклеить толковые объявления. И чем больше я размышлял, тем больше мне нравилась сама эта идея. Какой чудесный способ завести новых друзей! Какой чудесный способ общения! Говорят, незнакомые люди — это друзья, которых ты еще не нашел. В принципе, в какой-то степени это преувеличение (по статистике некоторые из них непременно являются грабителями), но я старался сохранять оптимизм, заказывая 2000 объявлений следующего содержания:

ПОЗВОНИ МНЕ

Побеседуем!

07802 *** **

Прежде однажды я уже проводил подобную кампанию, и она сотворила чудеса. Я познакомился с чудесными людьми, получил много чудесных впечатлений — именно таких впечатлений, каких мне так не хватало в последнее время. Однако эту свою кампанию я продумал более тщательно. Например, средняя строчка в моем объявлении, я надеялся, оттолкнет грабителей и прочих подонков общества и, напротив, привлечет внимание

таких людей, как амстердамский Ян, — людей прогрессивных и непредубежденных. Людей, которые могут меня чему-нибудь научить. А под этой средней строчкой, внизу, я указал номер своего мобильного. Номер, на который я возлагал большие надежды. Номер, который, благодаря случайно сорвавшемуся с языка Уэга предложению, я сообщу «всему свету». Расклейку объявлений мы с Ианом начали с Ист-Энда.

— Если подумать, — сказал он, шагая подле меня, — это чистая психология.

— Что? — спросил я, наклеивая объявление на телефонную будку.

— Вот это. Тебе кажется, что в твоей жизни есть брешь. Верно? Брешь в форме Лиззи. И ты пытаешься заполнить эту брешь. Но не одним человеком, а всем человечеством сразу. Отсутствие Лиззи для тебя лишь благовидный предлог.

— Что значит «предлог»? Я не искал никаких предлогов! Думаешь, я годами ждал, томился надеждой, что кто-то скажет или сделает что-то такое, что позволит мне напечатать тысячи объявлений, в которых я предлагаю всем и каждому позвонить мне и мило побеседовать? По-твоему, в этом для меня заключается смысл жизни?

— В общем-то, да.

В тот день мы обклеили Боу, Майл-Энд и Бентал-Грин. В кармане у меня тоже лежала пачка объявлений, — на тот случай, если я еще куда-нибудь захочу пойти.

День пролетел, но никто не позвонил.

Мне оставалось только ждать.

Вечер следующего дня. В большом помещении на Оулд-Кент-роуд ровными рядами расставлены десятки стульев. Какая-то женщина в кардигане возится с видеокамерой, направленной на стол, за которым, очевидно, следующие два часа будет сидеть всемирно известный специалист по Майтрее Элиас Браун.

Утром мне позвонил Пит. Он сказал, что проверил несколько сайтов и выяснил, что мистер Браун находится в городе и намерен выступить с лекцией. Насколько я понял из слов Пита, он надеялся услышать там что-то важное, и, поскольку люди из передачи «Ричард и Джуди» сочли, что я смог бы стать крупным специалистом в вопросах спиритизма, я решил, что мне стоит сходить на эту лекцию. Тем более что я все равно был не вправе ответить отказом.

Правда, мне казалось странным, что Пит все время стремился убедить меня, будто сам он не верит в то, что Майтрея, Всемирный Учитель, ходит по улицам и ищет таких людей, как я... но он начал говорить о нем с таким благоговением... что мы оба пришли в глубокое волнение, предвкушая встречу с человеком, который решил, что именно меня — меня! — он должен направлять и вести по жизни. Впрочем, сам я тоже в это не верил. Нет, нет.

В помещении уже собралось человек сорок. Большинство заняли свои места, но некоторые покупали открытки с изображением Майтреи, книги о нем или аудиозаписи предыдущих лекций Элиаса Брауна. Еще несколько месяцев назад я даже не слышал о Майтрее, и меня удивляло, что вокруг его имени развернута столь масштабная индустрия.

— У меня есть несколько таких книг, — сказал Пит. — И я подписался на вестник мистера Брауна. Кстати, этот вестник весьма информативный.

— У него есть свой собственный вестник?

— Да. Он — авторитетный человек и при этом вполне приятный. Очень приятный. Все это делается с одной целью — чтобы мир стал лучше...

Больше Пит ничего не успел сказать. Как раз в эту минуту в помещение вошел человек, на которого мы пришли посмотреть. Гул голосов мгновенно стих.

— Это он! — прошептал мне на ухо Пит. — Браун!

Вошедший непринужденно сел и поприветствовал всех широкой, радостной улыбкой. Для человека, которому за восемьдесят, он выглядел прямо-таки красавцем. А вы не часто услышите, чтобы я о ком-то так отзывался.

— Добрый вечер, — с лаской и теплотой в голосе произнес Элиас Браун.

— Добрый вечер, — почти в унисон ответила ему вся аудитория, в том числе Пит. Меня поразила эта слаженность.

— Кто из вас бывал уже на моих лекциях?

Пит и все остальные подняли руки.

— Об одном прошу, — сказал Элиас. У него было доброе лицо. — Когда я буду говорить, постарайтесь сохранять непредубежденность. — Я не требую, чтобы вы верили в то, во что не желаете верить. Просто будьте восприимчивы. Людей воистину широких взглядов встретишь не часто. Цифры я вам позже назову, если не забуду.

Меня это рассмешило. Женщина в пашмине сурово глянула на меня, и я умолк.

— Итак, сегодня нас ожидает следующее, — продолжал Элиас. — Через несколько мгновений в меня вселится сам Майтрея. Он будет здесь, с нами.

Пит в возбуждении толкнул меня локтем.

— Пока это будет происходить, мы прокрутим вам пленку с некоторыми из его заветов. Потом я расскажу немного о Майтрее и его миссии здесь, на Земле. И напоследок на меня опять снизойдет тень Майтреи, более осязаемая, чем в первый раз. Это будет необычайное зрелище.

На этой его фразе микрофон отключился. Женщина в пашмине шепнула своей подруге что-то о злых силах. Элиас продолжал говорить, но теперь его голос звучал гораздо тише, так что один раздосадованный мужчина во втором ряду не выдержал и, сложив ладони рупором, крикнул:

— КАЖЕТСЯ, У ВАС БАТАРЕЙКА СЕЛА.

В общем-то, ему вовсе незачем было кричать, ведь он сидел во втором ряду.

— Ох, — опомнился Элиас. — Приношу свои извинения. Уверяю вас, прежде такого ни разу не случалось. Обычно, мы очень хорошо подготовлены.

Улыбнувшись, он оглядел аудиторию. Все рассмеялись. Вне сомнения, он был очень обаятельный оратор, и мне нравилось его общество. Одна из его помощниц, густо покраснев, пыталась раскрутить микрофон, чтобы заменить батарейку.

— Простите, — промямлила она. — Это... ой... о Боже...

Мгновением позже к ней подскочил довольно рослый

детина. В руках он держал новую батарейку. Он быстро заменил ее и поставил микрофон на место, перед Элиасом. Тот постучал по нему и сказал:

— Алло?

Микрофон работал.

— ЧУДЕСА! — воскликнул тот же мужчина из второго ряда, и, что самое ужасное, по-моему, он и впрямь думал, что свершилось чудо.

— Ну что, продолжим... — сказал Элиас.

Свет приглушили.

— Сейчас я исследую чакру55 каждого из вас. Буду смотреть на всех по очереди. Если вас не видно и вам покажется, что я вас случайно не заметил, не переживайте: я никого не пропущу.

Элиас смежил веки, сделал глубокий вдох, потом — неожиданно — издал какой-то очень странный горловой звук и вновь — резко — открыл глаза. Очевидно, в этот момент в него вселился дух Майтреи. В противном случае нам следовало молиться, чтобы в доме оказался врач.

Я невольно выпрямился на стуле, вероятно, подсознательно пытаюсь произвести хорошее впечатление на Майтрею. Кто-то где-то включил магнитофон, и помещение огласила нечеткая, шипящая любительская звукозапись.

— ПРИГОТОВЬТЕСЬ... УВИДЕТЬ МЕНЯ! — с расстановкой произносил звучный голос, а Элиас Браун, с блаженной улыбкой на лице и добротой в глазах, по очереди рассматривал присутствующих.

— ПРИГОТОВЬТЕСЬ... УСЛЫШАТЬ МОЕ ПОСЛАНИЕ!

Я приготовился. Как и все остальные. Правда, по-моему, только я один из аудитории сидел с несцепленными руками и открытыми глазами. Инстинктивно я сцепил ладони.

— Я — НЕЗНАКОМЕЦ У ПОРОГА. Я — ТОТ, КТО СТУЧИТ. Я — ВАШ ДРУГ.

Продолжая улыбаться, Элиас переводил взгляд с одного слушателя на другого. Кто-то где-то за моей спиной издал вздох наслаждения.

— СКОРО ВЫ УВИДИТЕ МЕНЯ, ВОЗМОЖНО... ВЫ УЖЕ УВИДЕЛИ МЕНЯ.

Мне вдруг стало не по себе. Я поежился. Элиас Браун смотрел прямо на меня. Прямо на меня, а голос на магнитофонной пленке сообщил мне, что я уже встретил Майтрею.

— ТЕ, КТО ИЩУТ МЕНЯ...

Элиас Браун по-прежнему не сводил с меня взгляд.

— ...ЭТО ТЕ, КТО НАЙДЕТ МЕНЯ...

Я стал теревить свои часы.

Он все так же смотрел на меня.

Я нервно улыбнулся.

А потом он перестал смотреть на меня и обратил взгляд на сидящую рядом со мной полную женщину.

— Учители окружают нас, — сказал Элиас Браун чуть позже. — Это смелое утверждение. И доказать его никак нельзя. Но поверьте мне на слово: это так.

Где-то в середине лекции я вдруг начал сознавать, что многое из того, что слышал, вынужден принимать на веру.

— Вскоре вы ощутите их присутствие, они передадут вам свою мудрость. Когда Майтрея придет, его появление одновременно будут транслировать по телевидению во всех странах мира. Спутниковые системы созданы именно для того, чтобы освещать его пришествие. Вы увидите его лицо. Лицо, которое узнаете. Лицо, которое вы уже видели. Но он не станет говорить. Он не скажет ни слова. Но его мысли проникнут в вас. Каждый из вас услышит его на своем родном языке. Самопроизвольно свершатся тысячи чудес.

Лекция шла уже полчася. Какая-то пожилая женщина, сидевшая в первых рядах, сфотографировала Элиаса. Пит сидел с закрытыми глазами и медленно кивал.

— Все те, кто развивал идеи гуманизма, последователи Учителя. Да Винчи... Эйнштейн... Шекспир... Ньютон... Фрейд... Юнг... они распространяли свои знания и вдохновляющие идеи. Учители знают, что нужно каждому из нас, и они постоянно трудятся во имя нашего блага. Нам повезло, что они у нас есть.

Элиас заговорил о взглядах и философских воззрениях Май греи относительно таких международных проблем. как голод, война на Ближнем Востока, «лерная мощь, бедность, нищета и болезни, а также о его

отношении к ООН, Джорджу Бушу, развитым странам, встречам «большой восьмерки». Но он ни словом не упомянул о том, как Майтрея добирается домой по вечерам, и бывает ли, что он предпочитает ехать на автобусе, а не на метро. Ч начал испытывать разочарование. Меня так и подмывало крикнуть: «Ближе к делу, Браун! Зачем обсуждать политику, когда можно поговорить об автобусных маршрутах?!»

— Когда-нибудь мы все станем бессмертны. Обещаю вам. — сказал он.

Но даже это не помогло.

Если подумать, трудно не согласиться с общими принципами Майтреи. Чтобы спасти мир, заявлял он, нужно драться. Сегодня на Земле более 30 миллионов человек умирают с голоду... а кладовые Запада забиты продуктами. Как раз над этим я и размышлял, когда передо мной взметнулась вверх чья-то рука. Она принадлежала Питу. Интересно, что он задумал?

— Да? — спросил Элиас Браун.

— А сейчас Майтрея здесь? — поинтересовался Пит. Я пришел в замешательство. — В этой комнате? Элиас улыбнулся и несколько минут рассматривал аудиторию. Вероятно, он перехватил взгляд кого-то невидимого, ибо затем он повернулся к Питу и кивнул.

— Да. Он здесь.

Пит ткнул меня локтем под ребра и расплылся в улыбке.

— Наверное, потому что ты пришел, — шепнул он.

Я начал подумывать о том, что Пит и в самом деле верит во все это.

— А где живет Майтрея? — спросил мужчина, сидевший в другом конце комнаты, и я преисполнился самодовольства, потому что это я уже знал.

— Он живет в азиатской общине на Бриклейн. Он не спит, он не ест, у него нет кровати. Он работает двадцать четыре часа в сутки на благо нашей планеты Земля. На благо каждого из вас.

И Элиас Браун вновь посмотрел мне прямо в лицо.

— Говорю же тебе, Иан, он посмотрел прямо на меня, — сказал я, когда мы шли по Майл-Энд-роуд. — Даже жутко стало.

— Старик в кремовом костюме посмотрел тебе в лицо, и ты чуть не помер со страху. А чего, спрашивается, ты испугался? Того, что какой-то старик просто посмотрел на тебя?

— Но он смотрел так, словно ему известно что-то. У меня в голове будто что-то щелкнуло, когда я увидел то выражение его лица; я на мир стал глядеть по-другому. Словно Майтрея сидел рядом с ним и, показывая на меня, говорил: «Вот он... вот тот, кому я помогаю!»

— Ты сознаешь, что это — слова самонадеянного человека? — спросил Иан, пока я наклеивал на таксофон объявление «Позвони мне». — «Золотым мальчиком»56 себя возомнил, что ли? Думаешь, вот-вот в комнату ворвется разыскивающий тебя Эдди Мерфи?

— А по-твоему, это так уж немыслимо? Почему ты считаешь, что я не могу быть неким «золотым мальчиком»? Люди вроде тебя откажутся верить своим глазам, даже когда воочию увидят второе пришествие Христа.

Зазвонил мой сотовый. Я ответил. В трубке тут же раздалась гудки. За последние 24 часа, должно быть, немало лондонцев ознакомились с моим объявлением, потому что теперь мой телефон почти не смолкал.

— Послушай, Дэн, — сказал Иан. — Честно говоря, я не думаю, что человек, с которым ты познакомился в автобусе, был Христом, Майтреей и т. д. Это я спьяну выдвинул такое предположение. И, думаю, маловероятно, что ты, мой друг, являешься золотым мальчиком или медным или еще из какого-нибудь металла.

— А ребята из «Звездного взрыва» считают, что это возможно.

— Ребята из «Звездного взрыва» считают, что пирамиды построили инопланетяне, — заметил Иан, и я понял, к чему он клонит.

— Есть только один способ разобраться во всем этом... — Иан помолчал для пущего эффекта и добавил: — Ты должен найти своего попутчика.

Не знаю, случалось ли вам бродить по Брик-лейн в поисках просветленного существа из другого измерения, но, уверяю вас, это задача не из легких.

Иан, конечно, был прав: мне следовало отыскать своего знакомого из автобуса, дабы раз и навсегда убедиться, что он — не Майтрея. Хотя сам Иан не горел желанием сопровождать меня в этом предприятии. Я его и без того уже утомил, таская за собой, пока расклеивал свои объявления. Нет, лучше уж я уговорю его накормить меня блюдом с карри за свой счет.

— Так какой у тебя план? — спросил он, когда мы выходили из станции метро в Олдгейте.

Я улыбнулся и открыл свой рюкзак.

— Вот...

Я вытащил пачку плакатов, сфотокопированных на листах формата А4, с кричащим, но весьма спорным заголовком: «ЭТО ВЫ?»

Я провожу уже вторую кампанию в качестве Согласного, причем всего за одну неделю! Мною владело глубокое волнение... Вот он я, открываюсь миру, выставляю себя на всеобщее обозрение, — причем уже во второй раз! Держу данное себе слово! Я не только расклеил объявления с предложением звонить мне, сообщив всему свету свой номер телефона, но теперь еще собираюсь развесить плакаты с портретом моего попутчика в

автобусе — с портретом человека, который вытащил меня из бездны депрессии. Плохо, что я не умею рисовать, да и память на лица у меня не очень хорошая. Я лишь запомнил, что мой попутчик был азиат с бородой, а этого, конечно же, недостаточно. Поэтому под портретом я дал подробное объяснение, написав:

«Вы УЧИТЕЛЬ, проживающий в районе ОЛДГЕЙТ в восточной части Лондона? 6-го, в пятницу, когда на время закрыли метро, вы ехали В АВТОБУСЕ от Оксфорд-серкус в направлении Ист-Энда? Если да, то я тот, с кем вы разговаривали в автобусе! Пожалуйста, свяжитесь со мной. Мне нужно что-то вам рассказать! Либо пришлите сообщение на адрес электронной почты: danny@dannywallace.com, либо позвоните по телефону: 07802 **** ** Это не шутка! Пожалуйста, позвоните мне! Дэнни»

Я был утерей, что мое обращение заинтригует того моего попутчика, и он мне позвонит — если увидит плакат. Лучшее, что я мог сделать — это обклеить Брик-лейн — центр местной общины — своими плакатами и ждать...

И вот, второй раз за неделю, мы начали расклеивать плакаты. Вешали их на фонарные столбы, поверх рекламных плакатов, в таксофонах и вообще везде, где только можно... а рядом от случая к случаю лепили еще и объявления «Позвони мне». Признаюсь честно: в тот день некоторые прохожие поглядывали на нас с удивлением. Может, причиной тому были мои художественные таланты, или же их поражала наша старательность. Что бы это ни было, я знал, что, по крайней мере, мы привлекли внимание к моим плакатам. Кто-нибудь да узнает этого человека. Кто-то должен его узнать. Пусть даже единственная опознавательная черта на моем рисунке — это борода.

Но потом прозвенел звонок, и из мечети на противоположной стороне улицы высыпали сотни бородатых мужчин. И я понял, что, пожалуй, найти моего знакомого будет гораздо труднее, чем я думал.

Мы с Ианом ели карри и рассуждали о том, к каким чудесным последствиям может привести то, что мы только что осуществили. Точнее, это я думал, что последствия будут чудесными. А Иан все так же был убежден, что, кроме ерунды, рассчитывать не на что.

— С ума сойти, если подумать, да? — сказал я. — Ну, знаешь... если мой попутчик и впрямь оказался бы Богом.

Иан расхохотался.

— Ты чего? — обиделся я. — Нет, правда, сам посуди: что, если вся эта история с «да»... что, если это все было предопределено?

— Что предопределено? Пустая трата времени?

— Нет... как бы тебе объяснить? Что если это судьба так распорядилась? Возможно, все это неспроста.

— Если тот твой попутчик был Бог, тогда какого черта он ехал в автобусе?

— Это как в той песне. «Что, если Бог — один из нас, такой же, как мы, охламон, в автобусах ездит, как мы, ла-ла-ла-ла-лалала»⁵⁷. По сути, так оно и есть. Вплоть до охламона и ла-ла-ла.

— Это в корне порочная концепция, — возразил Иан, тыкая в меня вилкой. С нее слетел маленький кусочек куриного мяса, но мы оба из вежливости сделали вид, будто ничего не заметили. — Во-первых, Бог не стал бы ездить в автобусе. Ни один Бог. И уж, во всяком случае, не Христос и не Будда. Они имеют неплохой доход от одной только продажи своих статуэток и не стали бы мараться о таких, как ты, пользуясь общественным транспортом. Даже у папы римского есть специальный автомобиль, из которого он обращается к толпе. Что до охламона... не думаю. Бог обязан блюсти себя. Ты только представь, как мерзко чувствовали бы себя люди, когда, встретив Бога в образе охламона у жемчужных врат, вдруг начинали понимать, что они всю свою жизнь поклонялись, по сути, Ворзелью Гаммиджу⁵⁸. Нет, нет, Бог ходил бы в костюме или в красивом свитере — как-нибудь так.

Я откусил наан. Зазвонил телефон. Я ответил. На другом конце линии повесили трубку.

— Может, ты и прав. Пожалуй, слишком много совпадений. Сначала незнакомец передает мне свою мудрость, потом я узнаю, что Всемирный Учитель живет неподалеку.

Иан чуть не подавился своей курицей в соусе тикка.

— Совпадение? Дэн... какое, к черту, совпадение? Эти два события никак не связаны одно с другим. Ты только послушай себя. «Я сидел в автобусе рядом с одним человеком, а через месяц узнал, что Бог живет на Брик-лейн». И ты утверждаешь, что это совпадение? С таким же успехом можно сказать: «Смотри, вот яблоко, а еще вчера я плавал на лодке!» — и назвать это совпадением. Ты занимаешься самообманом, мой друг...

Я глотнул пива и со спокойствием мудреца во взоре посмотрел на Иана.

— Возможно, тебе самой судьбой было предназначено сказать это.

В тот вечер, вернувшись домой, я стал разрабатывать план поиска моего попутчика в автобусе. Он был учителем и, возможно, преподавал в какой-нибудь школе неподалеку. А что, если найти список местных школ и колледжей, рассуждал я, и разослать по ним мои плакаты? Или, может быть, купить фальшивую бороду и объявить местной прессе, что я намерен провести собственный следственный эксперимент. Я знал, что Иан был прав, когда сказал, что мне необходимо встретиться с тем человеком. И не только для того, чтоб убедиться в том, что он Майтрея, либо в обратном. Я должен был поведать ему о своих намерениях и про то, как он изменил мою жизнь.

Спать я лег в возбужденном состоянии. Но я не догадывался, по крайней мере, некоторое время, что поиски моего попугайчика из автобуса отойдут на второй план. Потому что, как выяснилось, кто-то искал меня. Возникла реальная угроза того, что моя тайна — тайна, которую я должен был хранить в строжайшем секрете — будет раскрыта. Потому что кто-то узнал ее. И этот кто-то преследовал меня.

ГЛАВА 11

В которой Дэниел неожиданно для себя самого оказывается в очень неприятном положении

Поначалу я даже не знал, что думать. Честное слово, не знал. Я предположил, когда вскрыл пакет, что это, должно быть, случайное совпадение. Или если уж не совпадение, то наверняка розыгрыш. Но теперь... теперь это казалось зловещим. Я вновь взял пакет, внимательно изучил его содержимое. Коротенькая записка:

«Если намерен все время дакать, побереги голос».

И темно-синяя бейсболка, на которой вышито всего одно слово: ДА. Пакет был послан из Лондонского района с индексом W1. Адрес на пакете, равно как и сама записка, были напечатаны. Я внимательно рассматривал кепку, ища ключи к разгадке, а потом понял, что зацепиться не за что. Я просто занимался глупостями: сидел и разглядывал кепку. На секунду меня охватила паранойя. А что, если моя тайна раскрыта? Что, если Иан проболтался? Или кто-то подслушал наш с ним разговор? Вдруг кто-то замыслил что-то дурное против меня? Может, у меня появился мститель? Злой усатый негодяй, задумавший меня погубить! Или...

Стоп.

Иан.

Ну, конечно, это Иан.

Все очень просто. Загадка разрешена.

Иан не только посвящен в мои планы; он — заинтересованное лицо. Ему известно про мою затею, причем с самого начала. И он уже пообещал «наказать» меня. Это Иан Коллинз, чтоб ему пусто было.

Я рассмеялся и покачал головой, как я надеялся, с сожалением в глазах.

Ну да, он считает себя чемпионом по розыгрышам. Думает, сумеет выиграть пари. Решил, что, пошлав мне эту кепку — аналог лошадиной головы, — испугает меня. Напустит на меня страху. Заставит усомниться в своей правоте и признать, что я поступаю дурно или бессмысленно.

Но я знаю, как поставить его на место. Я не буду реагировать на его посылку. Сделаю вид, будто я ничего не получал.

Рано или поздно он попытается выяснить мое отношение к его «подарку». Точно так было, когда он прислал мне валентинку — якобы от Лайонела Ричи. Скоро Иан не выдержит и скажет: «Послушай, ты наденешь когда-нибудь эту чертову кепку или нет?» И тогда я посмотрю на него — с грустным сожалением во взгляде, кивну и отвечу: «Да»

И ему станет досадно, ведь это будет еще одно «да» в моем багаже.

И победа останется за мной.

Хотя, надо признать, про валентинку от Лайонела Ричи он никогда не упоминал.

Я шел по Риджент-стрит59. Опять зазвонил мой телефон. Я ответил.

— Ты кто, приятель? — спросил голос на другом конце линии.

— Дэнни. А ты кто?

— Я нашел объявление, в котором сказано, чтобы я тебе позвонил. Зачем?

— А, нуда. Не хочешь мило побеседовать?

Звонивший помолчал, потом расхохотался и, обзавая меня придурком, повесил трубку.

Я вздохнул. Пока кампания «Позвони мне» не приносила больших успехов. Звонили многие, но почему-то никто из них не пожелал развлечься «милой беседой».

Это был уже следующий день, и мне не терпелось встретиться с Ианом. Я хотел посмотреть, надолго ли его хватит, прежде чем он заведет разговор про кепку.

Мы договорились встретиться после обеда в пабе «Йоркшир грей».

Я вышел из дому чуть пораньше. Наметил для себя еще одно дело: нужно было попытаться как-то объясниться с Ханной. Прошло уже некоторое время с тех пор, как я испортил ей свидание, и я надеялся, что

сумею как-нибудь сгладить свою вину.

— Простите? — обратился ко мне высокий мужчина лет шестидесяти пяти в твидовой шляпе и синей куртке. Он стоял у пиццерии, сжимая в руке пачку листовок. — Не желаете ознакомиться...

У мужчины было доброе лицо, поэтому я взял у него одну листовку и начал читать плотный текст, набранный мелким аккуратным шрифтом.

«Привет

Вам известно, что судьба западного мира находится непосредственно в моих руках?»

Я глянул на мужчину, моргнул пару раз. Если судьба западного мира находится непосредственно у него в руках, то мне, пожалуй, лучше отправиться на восток.

«Я, седьмой сын шестого герцога Портленда, родился в 1938 году. Природа наградила меня необыкновенными интеллектуальными способностями, которые начали проявляться уже в раннем возрасте. В 1939 году уже сумел написать свой первый сборник знаменитых сонетов».

Я не знал, как на это реагировать. Если верить тому, что я прочитал, стоявший передо мной мужчина написал сборник сонетов, когда ему был всего один год. Полагаю, такое возможно. Но ведь его сонеты — шедевры. А те, что я писал, когда мне был один год, сплошная дрянь.

«Мне удалось быстро сделать карьеру на политическом поприще, но в целях соблюдения секретности и во избежание политического шпионажа, мое влияние никогда не афишировалось. Благодаря моим решениям мир дважды был спасен: первый раз во время Карибского кризиса, второй — в 1987 году, когда у Северной Кореи появилась атомная бомба. Я нес ответственность за все действия Черчилля во время Второй мировой войны, а также за действия многих его предшественников».

Если выражаться словами активной сторонницы борьбы за мир Кэтрин, все это в буквальном смысле невероятно. Этот человек, будучи ребенком, в период от одного года до шести лет не только нашел время на то, чтобы написать сборник знаменитых сонетов, но еще и направлял Черчилля в вопросах военной стратегии.

«Вряд ли вы поверите, сколь огромным влиянием я пользуюсь в мире политики».

Резонное замечание.

«Вам, вероятно, также трудно будет поверить и в то, что я не получаю никакого вознаграждения за оказываемую помощь. Более того, правительство, в целях осуществления своих заговорщицких планов, платит мне социальное пособие более чем вдвое меньше обычного».

Ага. Теперь ясно, к чему он клонит...

«Я по-прежнему содействую обеспечению стабильности в мире. Если вы считаете, что это помогает вам в вашей жизни, то, возможно, пожелаете сделать небольшое пожертвование...»

Потрясающе, думал я. Так... необычно.

— Значит... — произнес я, глядя мужчине прямо в глаза, — это все... чистая правда?

— Да, — деловито ответил тот. — Только мне не верят. Вот и пришлось это напечатать.

Мужчина улыбнулся, словно поражаясь недалекости людей, отказывающихся верить ему на слово, в связи с чем ему пришлось приложить массу усилий, дабы доказать простой факт. Я смотрел на листок бумаги, который держал в руке. Хм, весьма сомнительное доказательство.

— Вы в самом деле консультировали Черчилля в вопросах военной стратегии, когда были ребенком?

— Да, примерно в том самом возрасте.

Признаюсь честно. Я не поверил ему совершенно,

о чем, подозреваю, вы и сами уже догадались. Опыт общения с Омаром, Альбертом Хейджном и доктором Молли Ван Брейн научил меня не принимать за чистую монету какие бы то ни было объяснения, если речь идет о деньгах. Но я хотел дать этому человеку шанс проявить себя.

— И вы действительно спасли мир?

Мужчина кивнул и ответил:

— Не сомневайтесь.

Я еще раз пробежал глазами листовку, пытаюсь найти какую-нибудь зацепку, чтобы не давать ему денег. Зацепиться было не за что.

— В общем, по сути, вы просите, чтобы я дал вам денег, потому что вы спасли мир и продолжаете его спасать? Ваша просьба в этом?

Я надеялся, что, вкратце изложив суть его обращения, я заставлю мужчину пойти на попятную. Что он вдруг

устыдится своей лжи и скажет: «Ну хорошо, вы меня подловили. Я все выдумал про свои заслуги. Черчилль принимал все решения сам. Ох уж и дотошный вы человек». Но ничего такого мужчина не сказал. Просто кивнул и ответил:

— Ну да. Только если, на ваш взгляд, это целесообразно.

Я вздохнул и достал бумажник.

— Найдется сдача с десяти? — спросил я.

— Нет, — сказал мужчина.

Я дал ему десять фунтов.

Полагаю, это один из недостатков тактики согласия. Говоря «да», ты становишься уязвимым для причуд внешнего мира. Но, будучи сторонником позитивного мышления, я попытался придумать, как бы мне извлечь из встречи с политиком ясельного возраста подарок для Ханны. Как-никак эта встреча обошлась мне в десять фунтов — ровно в ту самую сумму, какую я рассчитывал потратить на нее. По зрелом размышлении я пришел к выводу, что ничего не получится. Только осложнит наши с ней отношения. Не мог же я ей сказать: «Послушай, Ханна, на днях так неудобно вышло. Извини. Правда, я только что отдал десять фунтов человеку, который имел самое прямое отношение к Карибскому кризису. Ну что — мир?»

Однако несколько минут спустя идеальный подарок сам попался мне на глаза. В витрине цветочного магазина я увидел ламинированную вывеску формата А4, которая гласила: «ВАМ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ? СКАЖИТЕ ЭТО ЯЗЫКОМ ЦВЕТОВ!»

Так и сделаю!

Только... что сказать?

Иан не выдавал себя.

Мы уже минуты четыре сидели в пабе «Йоркшир грей», а он ни разу не упомянул ни про шапки, ни про кепки, ни про головные уборы вообще. Я улыбнулся про себя. Хитрый пес. Выжидает. А я тоже не стану заводить разговор про шапки. Прочту его.

— Ты чего лыбишься? — спросил Иан.

— Да так.

— Как-то странно ты себя ведешь.

— Я? Серьезно? — удивился я и добавил: — Вообще-то, некоторые сказали бы, что это ты ведешь себя странно.

— Нет, — возразил Иан. — Почти все скажут, что странно ведешь себя ты.

— В самом деле? — не уступал я, потому что в подобных перепалках важно, чтобы последнее слово осталось за тобой. — Ты уверен?

— Да что с тобой? — спросил Иан. — Ты кому-то пообещал, что будешь изображать из себя идиота?

Мне было жаль Иана. Я его раскусил, а он о том даже не догадывался. Он надеялся, что его кепка с символикой «Да» пошатнет мою решимость, а получилось наоборот: я только окреп духом.

— Кстати, я и Уэга тоже пригласил, — небрежно бросил я. — Подойдет, как только получит мое сообщение.

— Сообщение?

— Да, я написал ему, что мы в пабе и ждем его.

— Хорошо. Ладно. Как твой проект? — поинтересовался Иан.

— Неплохо.

— Кому-нибудь ответил отказом?

— Нет, — улыбнулся я. — Откликаюсь на каждую возможность, какая только мне представляется. И при этом обхожусь без кепок.

Я внимательно наблюдал за ним, ожидая реакции на мой тонкий намек. В лице Иана не дрогнул ни один мускул. Черт, молодцом держится.

Зазвонил мой телефон. Я ответил. Звонивший повесил трубку.

— Принес свой дневник? — спросил Иан.

— Мой дневник ты получишь, когда придет время, мой друг.

— Ну, тогда рассказывай...

— Я избрал коробку автоматической самоперемотки видеокассет и подал заявку на участие в конкурсе «Британец с самой немецкой внешностью».

В эту минуту в паб вошел Уэг.

— Помни: Уэгу ни слова, — предупредил я, прижав к губам палец. Иан кивнул.

— Что это такое, черт побери? — сердито спросил Уэг. От злости он даже побагровел.

— Ты о чем? — удивился я, в самом деле не понимая, отчего он злится.

Уэг расстегнул свой рюкзак и ткнул пальцем на что-то внутри. В рюкзаке лежал букет смятых и сломанных цветов, к которому была прикреплена маленькая карточка.

— А-а, получил мою записку.

— Мог бы и позвонить! Зачем посылать цветы с запиской «Я в пабе»? Представляешь, что подумали парни, с которыми я работаю? Почему просто не прислал SMS-сообщение?

— Я хотел сказать это языком цветов! — объяснил я. Иан почти сразу понял, что побудило меня послать Уэгу цветы, и едва не поперхнулся арахисом.

— Больше не надо! — рявкнул Уэг. — Я иду за пивом. — Он пошел к бару.
— Я хотел это сказать языком цветов, — виновато повторил я.
Засигналил мой телефон.
Это Ханна прислала сообщение.

«СПАСИБО ЗА ЦВЕТЫ. И ВСЕ ЖЕ ПРЕКРАТИ ДОСТАВАТЬ МЕНЯ. ЭТО НЕНОРМАЛЬНО. ЖИВИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ».

— О Боже! — воскликнул я. — Это же была гениальная идея. Я просто хотел кое-что сказать Ханне, причем языком цветов, а она решила, что я на ней помешался.

— Значит, сначала ты испортил ей свидание, а потом послал цветы, так? Никогда не посылай цветы бывшим возлюбленным. Тебя не так поймут.

— Будем надеяться, что она не узнает про маленького африканского мальчика.

— Какого еще африканского мальчика? Неужели ты послал ей еще и маленького африканского мальчика?

— Нет. Эта идея возникла у меня раньше. Я дал десятку старику, который в младенческом возрасте написал сборник сонетов, и я подумал, что мне тоже бы надо написать сонеты в честь Ханны. Но потом решил, что нет, не буду, нужно придумать что-то получше. И вдруг в газете «Большой вопрос» — кстати, это был уже третий номер, что я купил на этой неделе — я увидел объявление об оказании спонсорской поддержки детям. Я позвонил по указанному номеру и от ее имени дал денег на одного из малышей. В качестве извинения.

— Что случилось? — спросил Уэг, возвратившись к столику.

— Дэнни должен извиниться перед Ханной.

— Да? За что?

— Да так, пустяки, — сказал я, надеясь положить конец разговору о Ханне.

— Дэнни запретил Ханне встречаться с другим парнем, — объяснил Иан. — А потом, когда у них было первое свидание, он увязался за ними и проторчал с ними весь вечер.

Уэг прибалдел.

— Я не увязался, — возразил я. — Меня пригласили. Себ пригласил. Мы с ним неплохо поладили.

— И ты торчал с ними весь вечер? — спросил Уэг.

— До тех пор, пока меня вежливо не попросили удалиться.

— Ему сказали, чтоб он отвалил, — услужливо добавил Иан.

— Ты преследуешь Ханну? — Уэг вытаращил глаза. — Потрясающе. Среди моих знакомых еще не было преследователей!

— Я не преследую Ханну, — сказал я.

— Ханна думает, что он на ней помешался, — доложил Иан. — Он и ей тоже только что послал цветы.

— Ты преследуешь Ханну!

— Я ведь и тебе послал цветы, придурок. Но это же не значит, что я тебя преследую!

— Ты давай не увиливай от разговора, не переводы стрелки на меня! — заявил Уэг. — Бывшим возлюбленным цветы не посылают! Это может быть неверно истолковано!

— А еще, — вставил Иан, — он от ее имени спонсировал маленького африканского мальчика.

У Уэга отвисла челюсть.

— Нельзя спонсировать африканских мальчиков от имени бывших возлюбленных! Тогда тебя точно не так поймут! Никогда этого не делай! Это неписаное правило!

Уэг глянул на Иана. Тот, закрыв глаза, кивнул в знак согласия.

— Нужно найти тебе подружку, — сказал Иан. — А то ты можешь стать опасен для общества.

Он дразнил меня. А вот Уэг не дразнил. Он думал, что я уже опасен для общества.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — решительно сказала я.

И минут через десять-двадцать мы заговорили о другом.

Прошло два дня. Я стал больше времени проводить дома. Не потому, что перестал говорить «да» — просто не так упорно гонялся за возможностями ответить согласием. Ханна злилась на меня, а Иан явно пытался меня напугать, прислав мне кепку со словом «Да». Уэг тоже дулся, и, вообще, я устал от всей этой суеты. Несколько раз мне звонили незнакомые люди, и одного мне почти удалось втянуть в милую беседу, но потом тот потерял терпение и повесил трубку, как и все остальные. К тому же Ханна, судя по всему, получила благодарственное письмо от организаторов проекта «Окажи финансовую помощь ребенку», так как она прислала мне по электронной почте сообщение, спрашивая, не я ли спонсировал маленького мальчика от ее имени. Я в ответном сообщении нехотя признался ей в том, что это действительно сделал я, и спросил, не дать ли денег на другого ребенка, от имени Себа. Ханна сказала нет.

Я бесцельно слонялся по квартире. Зазвонил телефон. Я ответил. Звонивший повесил трубку. Я решил принять ванну.

Интересно, чего надеялся добиться Иан, посылая мне кепку? Неужели он думал, что я сломаюсь под его нажимом? Надеялся заставить меня врасплох и вынудить сказать «нет», чтобы потом выскочить из засады и наказать меня, как обещал? Хотя в чем заключается его наказание, он пока так и не сказал. Что ж, я должен всегда опережать его на шаг — тут двух мнений быть не может.

Через час я вылез из ванны и увидел, что в ящике электронной почты меня ждет новое сообщение. Оно было

от Тома, работавшего на Би-би-си, Его интересовали мои планы относительно Эдинбургского фестиваля⁶⁰. Намерен ли я поехать туда в августе и, если у меня нет определенных планов, хочу ли поработать в его команде? Ему требовалась лишняя пара глаз — человек, который смотрел бы представления, искал таланты, генерировал идеи.

Том спрашивал, не хочу ли я заскочить к нему и обсудить этот вопрос? Конечно, хочу!

Я много лет подряд ездил на Эдинбургский фестиваль — крупнейший в мире фестиваль искусств, но в этом году не планировал. Слишком много всего происходило в последнее время... Однако раз теперь у меня появилась возможность побывать там, я не должен упустить ее. Тем более что эту возможность предоставляет мне «Да».

Эдинбург — это здорово. Я узнаю обо всем, что происходит в мире культуры. И в плане карьеры мне это сулит неплохие дивиденды. Приятно, что Том помнит обо мне. Да и вообще, хорошо на время уехать из Лондона. Я улыбнулся. Благодаря своей тактике согласия я уеду из Лондона. Благодаря своей тактике согласия я попаду в Эдинбург. Может быть... стоп...

Еще одно сообщение.

Но...

Э-э?

Кому: Дэнни Уоллес

От кого: ktoprovokator@hotmail.com

Тема: Понравилась кепка?

Привет, Дэнни...

Это опять я... надеюсь, ты получил кепку...

Хочу кое-что тебе предложить...

Почему бы...

Тебе...

Я стал перемещать курсор в низ страницы.

Не поехать...

Что за ерунда?

Я продолжал опускать курсор.

В...

Вниз.

Еще.

Еще.

Ага, вот.

Одно слово. Одно сбивающее с толку слово.

Стоунхендж⁶¹?

Конец сообщения.

Стоунхендж?

Что-о? Что мне делать в Стоунхендже? Кому пришла такая идея? Кто этот Провокатор? Значит, Иан теперь величает себя Провокатором? Выдвигает «предложения» от имени безымянного автора, да? Предложения, на которые, он знает, я вынужден отвечать согласием. Поднимает ставки? Переступает черту? Помыкает мной? Делает именно то, что я запретил ему делать?

Я перечитал сообщение. «Почему бы тебе не поехать в Стоунхендж?» Почему именно в Стоунхендж?

Меня вдруг охватил гнев. Черт возьми, кем он себя возомнил? Посылает сообщения бесплатной электронной почтой, не со своего адреса. Называет себя Провокатором. Думает, ему удастся меня одолеть? Надеется, что я сдамся, перестану соглашаться и позволю ему наказать себя?

Надо его удивить. Шокировать. Продемонстрировать свои способности. Доказать свою приверженность новому образу жизни, который я избрал для себя. Я приму его предложение — поеду в Стоунхендж. Причем не завтра. И не на следующей неделе. Я поеду прямо сейчас. Обернусь туда-обратно часов за пять, если будет попутный ветер и дороги окажутся пустыми. А потом найду Иана, представлю ему доказательства, поставлю его на колени, положу конец глупым выходкам великовозрастного дитяти, называющего себя «Провокатором».

— Провокатор, — бормотал я себе под нос, направляясь к своей машине. — Кто называет себя Провокатором?

Я абсолютно прав, думал я. Это недостойное поведение для взрослого человека.

Я запрыгнул в свой «Да-мобиль» и тронулся в путь.

ГЛАВА 12

В которой дружба поставлена под сомнение и Дэниел покупает новые очки

Назад в Лондон я гнал автомобиль на полной скорости.

Я приехал в Стоунхендж. Вылез из машины. Сфотографировался. И теперь возвращался в Лондон, чтобы разыскать Иана, припереть его к стенке, предъявить доказательства и сказать, чтобы он не путался под ногами.

Его вмешательство меня бесило. Ведь он знал, почему я это делаю. Знал, что это важно для меня, что это не глупый мальчишеский проект... Не спорю, мне и самому порой казалось, что я занимаюсь ерундой... но только потому, что пока я и сам еще не понял, в чем заключается смысл моего нового образа жизни. Хотя как я это пойму, если Иан ходит гоголем у себя по квартире, изображая из себя Провокатора, и, возможно, придумывает разные эмблемы со словом «Провокатор» и шьет из лайкры специальный костюм Провокатора? Ума не приложу, зачем ему вздумалось испытывать меня таким образом.

Я остановился на бензозаправочной станции где-то в Уилтшире, достал свой телефон и послал Иану SMS-сообщение.

«ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА?»

Я провел за рулем своего маленького зеленого автомобиля уже несколько часов, и мне хотелось вытянуть ноги. И я их вытянул — до минимаркета. Это вовсе не значит, что мои ноги обладают чудодейственной способностью вытягиваться на любую длину — просто я прошелся по площадке до магазина.

Сидевший за прилавком мужчина отложил газету и поприветствовал меня. Я тоже с ним поздоровался.

— Это ваша машина? — спросил он, хотя других автомобилистов, кроме меня, на заправке не было, и он только что своими глазами видел, как я вышел из своей машины.

— Да, — подтвердил я.

— Необычная, да?

— Да.

— Простите за любопытство, но где вы ее приобрели?

— На одной вечеринке купил, — несколько раздраженно буркнул я.

— А-а. На автомобильной вечеринке?

Я понятия не имел, что он подразумевал под «автомобильной вечеринкой».

Я выбрал пирожок, сунул его на полминуты в микроволновку, стоявшую на бензозаправке, и задумался о том, что меня ждет. Из раздумий меня вывел сигнал моего телефона, оповещавший о поступлении сообщения.

«В «СТАРБАКСЕ» НА КАРНАБИ-СТРИТ. А ЧТО?»

Времени на ответ не было. Передо мной стояла важная цель. Действовать нужно было быстро. Я выскочил из магазина и сел за руль еще до того, как запищала микроволновка.

— Простите, — обратился ко мне мужчина, неожиданно оказавшийся справа от меня. — У вас есть несколько свободных минут, чтобы поговорить о спасении китов?

Я шел по Карнаби-стрит к «Старбаксу», и у меня не было ни малейшего желания тратить время на разговоры с незнакомцами.

— Да, да, есть. — Я остановился как вкопанный. Этому ли типу со мной тягаться? — Только можно, я первый начну?

— Э... что вы имеете в виду... — недоуменно начал он.

— Вам известно, что Великобритания — одна из богатейших стран на земле, по этому показателю занимает четвертое место в мире, и тем не менее более двух миллионов пенсионеров у нас живут за чертой бедности?

— Мм...

— Вам известно, что в нашей стране более одиннадцати миллионов пенсионеров?

— Простите, вы...

— Вам известно, что в двухтысячном году треть пенсионеров жили в нищете?

— Э... нет...

— Всего несколько фунтов в месяц, отчисляемые в фонд пенсионеров, позволят каждому старику жить в тепле и не умереть с голоду. Не хотите помочь старикам?

— Э... да... пожалуй...

— Видите вон того человека в зеленом нагруднике с надписью «Возьми шефство над бабушкой»?

— Да?

— Он даст вам соответствующие бланки.

С этими словами я зашагал прочь от обескураженного, озадаченного спасителя китов. Зашагал к Иану. Чтобы отомстить.

Иан сидел за столиком кафе — мировой парень, воплощенная безмятежность. Пил кофе с молоком, ел сладкую булочку.

— Ну вот, я вернулся, — заявил я, подходя к нему. — Привез тебе доказательства.

Я дал ему цифровой фотоаппарат. Иан отложил газету, посмотрел снимок.

— Насколько я могу судить, на этой фотографии запечатлен ты с небольшой табличкой, на которой написано: «Доволен?»

— Совершенно верно. Так как? Ты теперь доволен?

— Это Стоунхендж?

— Разумеется, это Стоунхендж. Так ты теперь доволен?

— Доволен ли я тем, что ты побывал в Стоунхендже?

— Да.

— С какой стати? Твое посещение Стоунхенджа — не то событие, которое могло бы осчастливить меня, если только ты не выиграл эту поездку в лотерею.

— Ага, значит, я тебя не осчастливил? Очевидно, потому, что на мне нет кепки, да? Что ж, я могу ее надеть, если хочешь. Могу надеть прямо сейчас.

Я вытащил из куртки бейсболку и нахлобучил ее на голову. Потом, глядя на Иана, показал на кепку. Он изучающе посмотрел на меня.

— Если зрение меня не подводит, у тебя на голове кепка с эмблемой «ДА».

— Так и есть. Молодец. Должно быть, у тебя сегодня великий день. Ты, наверное, на седьмом небе от счастья.

Иан откинулся на спинку стула.

— Дэнни... объясни, пожалуйста, к чему ты клонишь.

Я посмотрел ему в глаза.

И, как это ни досадно, поверил ему.

— Так если Провокатор не ты, тогда кто же? — спросил я.

Мы теперь сидели в пабе, находившемся напротив «Старбакса».

— Не знаю, — ответил Иан. — И вообще, зачем кому-то вздумалось посылать тебя в Стоунхендж? Прямо загадка какая-то. Должно быть, ключ к разгадке — сам Стоунхендж.

Я задумался. Встретил ли я друидов по пути? Может, ребята из «Звездного взрыва» догадались, что я не все им выложил про свою тактику согласия, что я не такой «открытый», каким хочу казаться. Или, возможно, они думают, что Стоунхендж тоже воздвигли инопланетяне и захотели узнать мое мнение?

— Ты кому-нибудь говорил, Иан? Кому-нибудь?

— Нет.

— Даже Уэгу? И Уэгу не говорил, да?

— Нет. А ты?

— Зачем бы я стал спрашивать тебя, если б сам ему уже сказал?

— Не знаю, Дэн. Странно все это. Такое впечатление, что кто-то устроил охоту на тебя. Пожалуй, это мог бы быть Уэг. Он наверняка подозревает что-то.

— С чего бы это?

— С чего? Да потому что он наблюдает твой эксперимент с самого начала, с тех самых пор, как ты сказал тому парню, что пляшишь на его девушку. Ты всегда соглашаешься, когда он предлагает выпить пива, хотя до этого почти целый год упорно отказывался. Ты послал ему цветы, потому что увидел рекламу «Скажи это языком цветов». Ему известно про все твои неприятности с Ханной, возникшие по вине твоих «да». Это вполне может быть он, Дэн. Серьезно.

О Боже.

Это точно Уэг.

— И что теперь делать?

— Ну, у тебя два варианта. Либо поговори с ним откровенно, либо запудри мозги.

Иан прав, рассудил я. Либо я должен рискнуть и сообщить человеку, который, может, и есть Провокатор, а может, и нет, — что я Согласный... либо я посвящаю его в свои планы. Показываю ему, насколько серьезен я в своих намерениях. Демонстрирую свои недавно обретенные способности, широту взглядов, объясняю, как одно короткое слово может полностью перевернуть всю твою жизнь...

— Пожалуй, озадачу его, — решил я. — Раскрою суть тактики согласия.

— Суть «да», — добавил Иан.

— Наставлю его на путь истинный.

— На путь «да». Преподай ему хороший урок. Научи уму-разуму!

Я взял свой мобильник, набрал номер Уэга и беспечным тоном предложил ему прогуляться сегодня вечером. Уэг согласился.

Мы договорились, что встретимся в шесть в маленьком пабе «Гордость Спиталфилдза», расположенном почти на Брик-лейн, — в заведении, где обычно собираются старики и лондонские битники, — а потом где-нибудь поедим. С ужином проблемы не должно было возникнуть. На Брик-лейн полно ресторанчиков индийской кухни. Здесь зазывалы стоят на каждом шагу. Они приглашают вас посетить их заведения, обещая бесплатное вино и скидки, про которые никто и не вспоминает, когда вручают вам счет.

На одного такого зазывалу мы наткнулись почти сразу, как вышли из паба.

— Входите, друзья мои..., — обратился он к нам, сопровождая свои слова излишне радушными жестами. — Здесь фантастическая еда...

Что ж, повеселимся, подумал я. Испытаю на прочность самого Провокатора — эту темную коварную душу. Пусть покажет себя. Только на моих условиях. И на моей территории.

Мы приняли приглашение, вошли в ресторан и заняли столик. Я, как и полагается, заказал, дансак. Уэг, недоделанный кретин, взял блюдо с соусом бхуда. Набив животы, мы попросили счет.

— Я заплачу, Уэг. — Я специально раскрыл под носом у Уэга свой бумажник, набитый кредитными картами нового типа, которые я приобрел благодаря своей тактике согласия. Это произвело на него впечатление. Мы расплатились и ушли.

К нам тут же подскочил еще один зазывала.

— Кушать? Сюда заходите, очень хорошие скидки...

Уэг похлопал себя по животу — на всех языках это

означает: «Я уже сыт, спасибо...», — но я не собирался устраивать Уэгу легкую жизнь.

— Да! — крикнул я, втащил его в очередной рестораник и с ходу заказал поппадом⁶². Уэг попросил пива.

— Боже, — изумился он. — Ты как будто сто лет не ел.

— Я вовсе не голоден. — С загадочным видом я разломил пополам поппадом. — Совсем не голоден. — Уэг как-то странно посмотрел на меня.

Покинув второй ресторан, мы сели в черное такси и поехали в город. Я приготовил для Уэга небольшой сюрприз.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Билеты.

— Куда?

— На мюзикл.

— На мюзикл? — с беспокойством в голосе переспросил Уэг. — На какой еще мюзикл? Зачем?

— Сегодня я шел через Лестер-сквер, и там мне предложили купить два билета по цене одного на сегодняшнее вечернее представление. Вот туда мы и идем.

— Я не хочу на мюзикл! Что это за мюзикл?

— «Мы вас потрясем».

— Мюзикл «Куин»? Я не хочу идти на мюзикл «Куин»!

— Мы посмотрим мюзикл «Куин», потому что я уже дал на это согласие, а потом будем делать, что хочешь. Ясно? Все, что тебе угодно...

Спустя три часа мы вышли из театра и направились в Сохо. Я начал напевать попури из песен «Куин». Уэг меня не поддерживал. Под воздействием мощной энергетики сегодняшнего вечернего представления он, повидимому, утратил дар речи.

— Так чем ты теперь хочешь заняться, Уэг? — спросил я, останавливаясь, чтобы отдать бродяге свою футболку с символикой «Мы вас потрясем». — Предложи что-нибудь! Хоть что-нибудь.

— Даже не знаю. Может, пойдем в паб? Куда хочешь.

Мы зашли в первый попавшийся паб, выпили там по пинте пива и тут же ушли. Я стремился показать Уэгу все возможности, какие только может предоставить вечерний Лондон.

Мы перешли через дорогу, пересекли площадь Сохо.

— Ты чего такой веселый? — спросил Уэг. — И куда ты меня ведешь?

Я опять стал напевать одну из мелодий «Куин». Проходя мимо какого-то человека, стоявшего в тени, я услышал, как тот быстро и тихо повторяет:

— Гашиш, кокаин? Гашиш, кокаин?

Я замер на месте. Уэг продолжал идти, но потом заметил, что я остановился, и обернулся.

— Хочешь гашиш, кокаин? — спросил мужчина.

— Давай! — громко, с театральной напыщенностью в голосе, ответил я, чтобы слышал Уэг. Я хотел дать ему понять, что «Да» расширило мои горизонты, превратило меня в бывалого человека. Я уже раз выкурил сигарету с марихуаной в Брикстоне, раз попробовал психотропную «бомбу для мозгов». Я знал, что делаю!

— Дэн, ты что? — громко прошипел Уэг, и я растерялся. И впрямь, что это я?

— Сколько тебе? — спросил торговец наркотиками.

— Мм... не знаю, — ответил я, вдруг почувствовав себя не в своей тарелке. — На фунт?

— Дэнни! — крикнул Уэг, зашагав ко мне. Мужчина занервничал и попятился еще глубже в тень.

— Уэг, я пытаюсь купить наркотиков на один фунт.

— Зачем?

— Потому что этот милый господин предложил.

— Дэнни. В паб. Сейчас же.

Через несколько минут мы уже сидели в одном из пабов на Пятой улице. Прибыли туда, раскрасневшиеся, взлохмаченные, на быстроходном рикше — потому что водитель предложил подвезти.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Уэг. — Что ты носишься, как заводной? Зачем затащил меня в коляску рикши?

Я загадочно улыбнулся. Теперь я состязался с Уэгом в количестве выпитого пива, — причем демонстративно, не уступая ему ни бокала. Я показывал Уэгу, как надо жить. Брать от жизни все, что она предлагает.

Когда наступило время закрытия, мы покинули паб. Каждый из нас нес по воздушному шару — непонятно откуда они взялись. И мы оба пели, — к сожалению, разные песни.

— Ну что, Уэг... идем в другой бар... да?

— Нет, Дэн. С меня хватит... «развлечений».

— Да ладно тебе! Будет здорово! Встанем где-нибудь в уголке, будем глазеть на девчонок! Нужно говорить «да» жизни!

— Не дави на меня! Мне нехорошо...

— Еще один бар, Уэг! Да?

Вид у Уэга был неважный. Я преподал ему хороший урок.

— Еще один, — согласился он.

Теперь мы находились в баре «У мадам Йо-Йо», расположенном в самом сердце Сохо. Пили пиво из банок. Уэга качало.

Я вообще чуть не падал. Только адреналин, начинавший бурлить в крови каждый раз, когда я на что-то соглашался, помогал мне держаться на ногах. Здесь тоже промышлял торговец текилой, и мы с Уэгом выпили по стаканчику, но потом он схватил меня за руку и сказал:

— Хватит... довольно... прошу тебя...

Что это — крик о помощи? Или — что более вероятно — признание собственной вины? Я понял, что вот-вот наступит момент истины.

Спустя несколько минут мы, шатаясь, шли по улице к веренице такси. У Уэга не ворочался язык. Я мог четко видеть только тогда, когда закрывал один глаз.

— Итак... — невнятно произнес я. — Интересный получился вечер, да? Какие твои выводы? Тебе есть что сказать? Хочешь за что-нибудь извиниться?

Честно говоря, Уэг, находившийся в состоянии, близком к психическому расстройству, вряд ли был способен сообразить, за что ему нужно извиняться.

А потом мы услышали слова, которые нам лучше было бы не слышать...

— Хотите развлечься, мальчики?

Я поднял голову и увидел женщину, сидевшую на табурете под вывеской «МОДЕЛИ». Я попытался сфокусировать взгляд. На ней был весьма откровенный наряд, на голове — некое замысловатое сооружение из волос.

—Внизу у нас занимательное шоу. Пять фунтов с человека.

Черт.

Я глянул на Уэга. Он замотал головой. Я кивнул. На секунду мне показалось, что он сейчас расплачется.

Я не горжусь своим поступком. Тем более что не вправе винить алкоголь.

Но я дал женщине десять фунтов и потащил Уэга за собой. Мы прошли через красные бархатные занавеси и оказались в каком-то сомнительном притоне.

Это должно было окончательно убедить Уэга в моей приверженности своему новому кредо.

Проснувшись на следующее утро, я попытался понять, что происходит. Я лежал в каком-то немыслимом положении. Уверен, никому еще не удавалось так сложиться, — по крайней мере, по собственному желанию, да и в процессе борьбы тоже.

Я знал, что один в квартире, но почему-то вокруг меня было слишком много рук. Я лежал на диване лицом вниз, с обшлепанными щеками. Телевизор и радио работали. А также мой компьютер. И всюду горел свет. Сияли все светильники — на потолке, на стенах, маленькая настольная лампа... Уверен, если б я полез в шкафы, то увидел бы, что включены все фонари и даже гирлянды. Очевидно, я пришел домой пьяный, счастливый и захотел, чтоб веселье продолжалось, хотя на самом деле я просто всюду зажег свет, проверил электронную почту и отвалился на диване.

Я был полностью одет, во рту ощущалась невероятная сухость, все тело болело. И я весь кипел... В окна светило солнце, а я был накрыт пуховым одеялом. Интересно, почему я оказался на диване? Может, ночью подрался сам с собой и прогнал себя в гостиную? Какая несправедливость! Обычно я отправлялся спать на диван, когда проводил ночь с девушкой. Но поскольку я жил один, значит, у меня должна быть кровать. Ко мне постепенно начала возвращаться память. Кажется, вчера я спяну решил, что в моем состоянии не стоит пытаться подниматься по лестнице в спальню, но меня беспокоило, что ночью я могу замерзнуть, и я подумал, что надо бы принести одеяло. И побежал наверх за одеялом. Мне почему-то и в голову не пришло, что незачем опять спускаться вниз. Я даже сходил за вторым одеялом. Оно было спрятано в глубине стенового шкафа, так что мне пришлось встать на стул, дабы достать его. Хуже того, помнится, я испытывал непомерную гордость за свое благоразумие, когда, спотыкаясь, спускался по лестнице с одеялом в руке.

Перед глазами по-прежнему все расплывалось, поэтому я протянул руку за очками, но схватил ручку. Я опять протянул руку, схватил еще что-то. Оказалось, пульт. Постепенно до меня дошло: чтобы найти очки, сначала надо найти очки. Что бы обо мне ни говорили, но я чертовски хорошо умею решать проблемы.

Правда, эту проблему решить было нелегко. Я знал, что мои очки должны быть где-то, где-то здесь. Я стал искать на журнальном столике, загибая руками, словно пловец. Безрезультатно. Я обшарил диван, пристенный

столик, пол, хватая всякий предмет, который мне удавалось разглядеть, почти вплотную приближая к нему свое лицо. Предметы, которые человек с мало-мальски приличным зрением в жизни не спутал бы с очками, я внимательно рассматривал, ощупывал и брал в руки. В какой-то момент я вообразил, что мои очки — это туфля. Обознался. Это были не очки, а туфля. Спустя несколько мгновений я уже рассматривал вырезанного из дерева маленького слоника — на тот случай, если у него есть пара дужек, которые я сумел бы зацепить за уши. Если б сегодня мойщик окон решил помыть мои окна, даже страшно подумать, что он рассказал бы своим приятелям, увидев, как взрослый мужчина, во взрослых брюках, ползает на четвереньках, носом водя по полу, хватая разные предметы и вплотную поднося их к лицу. А может быть, он и мыл сегодня окна. Я все равно не смог бы его заметить.

Меня охватила паника. Очки были для меня насущной необходимостью, без них я не мог функционировать. Без очков я был как без рук. Только благодаря своим очкам я не наткнулся на незнакомцев и сохранял вид истинного британца. Неужели я так вчера напился? Неужели ответил согласием кому-то, кто попросил мои очки? Или, может, я их съел? А вдруг я их потерял и даже этого не заметил? Может, я плохо видел вчера вовсе не потому, что был пьян, а оттого, что потерял очки? Или кто-то украл их ночью? Залез ко мне в квартиру вор-домушник и украл мои очки, выполняя чей-то заказ, как Николас Кейдж, угонявший дорогие автомобили в фильме «Угнать за 60 секунд»? Нет, маловероятно. Сейчас об этом уже писали бы все газеты. Хотя мало кто из жертв ограбления был бы в состоянии читать газеты.

Все больше приходя в отчаяние, с гудящей головой, я обыскал ванную, лестницу и еще раз гостиную. Попытался восстановить каждый свой шаг накануне вечером, что грозило мне головокружением, ведь я спяну ходил кругами по квартире, а в моем нынешнем состоянии головокружение мне было совсем ни к чему. Если вам когда-либо случалось вертеть-крутить слепого человека, вы поймете, что я имею в виду.

Я в очередной раз проверил ванную, спальню и гостиную. Это был утомительный процесс, на который я потратил почти все утро. Наконец, растерянный и обескураженный, я с сожалением был вынужден признать, что потерял свои очки. Я потерял очки!

А для человека с плохим зрением, как вам подтвердит каждый, кто носит очки, потеря очков — настоящая катастрофа. Мир огромен. И в нем много... ну... всяких там... объектов. Больших, расплывчатых объектов. Человек с плохим зрением, оставшись без очков, может легко потеряться в таком мире. Станет принимать автобусы за драконов. Коротышек — за гоблинов. Бородатых мужчин — за колдунов. Это будет сущий кошмар! Как я узнаю, что на мне надето? Как я узнаю, что готовлю себе на ужин? Как смогу сделать вид, что я размышляю над важной проблемой, если у меня нет очков и я не могу сунуть в уголок рта дужку, пока невидящим взглядом смотрю в пустоту перед собой. Нет, очки непременно надо найти!

Зазвонил телефон. Меня опять охватила паника. Телефон! О Боже, телефон! Как я найду телефон?!

А потом вспомнил, что телефон там, где он всегда был. Я подбежал к аппарату и взял трубку.

— Алло?

— Дэн, это Иан.

— О, Иан, слава Богу!

— Что случилось?

— Что случилось? А ты не догадался? Я потерял очки!

— А-а, это. Не беда.

— Не беда?! — возмущился я. Типичный комментарий человека со стопроцентным зрением. Типичное отношение общества в целом к людям с физическими недостатками. — Что значит «не беда»? Мне через два дня ехать в Эдинбург! Как я поеду туда без очков? Я даже из Лондона не смогу выбраться!

— Купи новые.

— «Купи новые»? — Ну и нахал. Как он... Вообще-то, это идея.

— Заодно изменишь свою внешность! — сказал Иан. — Иди в оптику и возьми первые очки, которые тебе предложат примерить!

— Я не хочу изменять внешность! Мне нужны мои очки! Они — часть моего существа, Иан!

— Где ты их видел в последний раз?

— На своем лице.

— Может, они и сейчас там? Ты проверял?

— Проверял ли я свое лицо?

— Все лицо.

— Нет, все не проверял. Только губы. Постой. Сейчас проверю все остальное.

— Ну хорошо, хорошо... когда последний раз они были у тебя?

— Полагаю, вчера вечером. Если, конечно, я брал их с собой. У меня голова идет кругом. Они были на мне, когда ты видел меня в последний раз?

— Не помню.

— Как это не помнишь? Ты наверняка заметил бы, что я без очков?

— А ты сам почему не помнишь?

— Я — другое дело. Я же себя не вижу.

— Ну а ты помнишь, что видел меня?

— Да.

— Значит, ты был в очках.

Резонно, согласился я, поразмыслив над доводами Иана.

— Так где они? — спросил я. — На тебе?

— Нет.

— Проверь.

— Дэн, я абсолютно уверен, что на мне нет очков. Ты в квартире смотрел?

А чем же я занимался все утро?

— Да! Иан, это катастрофа. Я не хочу, чтобы мне являлись драконы, гоблины и колдуны. Мне нужны мои очки.

Без них я ни черта не вижу. Даже не уверен, что сейчас держу в руке телефон. С таким же успехом я вместо трубки мог взять любую вещь и начать говорить в нее.

— Дэн, у тебя есть запасные очки?

— Нет. Хотя погоди...

Нет, запасных очков у меня не было. Но еще одни очки были. Те, что я носил в детстве. Вряд ли мое зрение так уж сильно изменилось за последние двадцать лет. Они должны подойти. Несколько лет назад мама мне их завезла вместе с коробкой со всякой всячиной, что я оставил в доме у родителей...

— Иан, ты — гений.

—

Я сидел на стуле перед зеркалом, размышляя над своей проблемой.

Вроде бы я взрослый человек, в брюках хожу — не в штанишках, а надел детские очки.

Если и впрямь существует загробная жизнь и наши предки, как утверждают некоторые, время от времени заглядывают в наш мир, дабы проверить, как мы живем,

хотелось бы надеяться, что сейчас они меня не видят. Меньше всего я хочу, чтобы эта моя проблема стала достоянием всего загробного мира. «Как там Дэнни?» — спросит один из моих почивших предков. —

«Прекрасно, — ответит ему другой. — Только, по-моему, он у нас теперь дурачок». А Майтрея что подумает, если вдруг заскочит ко мне? Вряд ли ему захочется направлять по жизни дурачка.

Зазвонил телефон. Это опять был Иан.

— Я только что говорил с Уэгом, — доложил он. — Что ты с ним сделал вчера вечером?

— Ничего! Просто показал ему путь Согласия.

— Он утверждает, что ты затащил его в стриптиз-клуб, где вас обоих ограбили.

— Нас туда пригласили. И это был не стриптиз-клуб, а «салон для джентльменов», Очень классный.

— Где такой нашли ?

— На одной тихой улочке.

Иан негодуяще прищелкнул языком.

— И вас ограбили?

— Нас никто не грабил. Мы просто вошли и, удостоверившись, что там не происходит ничего незаконного и аморального, сели в небольшой комнатке, где женщина в неглиже налила нам два теплых пива, а потом вошел толстый марокканец в костюме и сказал, что пиво стоит пятьдесят фунтов за бокал и мы должны уйти, потому что шоу уже закончилось.

— Это притон-обираловка! Для туристов! А не для вас!

— Ничего не понимаю. Зачем же нас пригласили, если хотели просто забрать наши деньги и опять выставить нас на улицу ?

— Уэг считает, что ты на грани срыва.

— Ничего подобного!

— Я-то знаю, а вот он — нет. Говорит, ты поел карри в одном ресторане, а потом пошел в соседний и заказал еще.

— Врет! Там я ел поппадом.

— Он также говорит, что ты, кажется... запал на него.

— Запал?

— По его мнению, твоя одержимость Ханной — это просто прикрытие. Говорит, впервые он заподозрил, что ты не ровно к нему дышишь, когда ты послал ему цветы. Говорит, ты теперь с ним всегда соглашаешься и стараешься все время быть рядом с ним.

— Ну, это еще не повод, чтобы ставить под сомнение мои сексуальные наклонности.

— Он также утверждает, что ты увлекся мюзиклами и не раз заводил разговор про то, что мужчины могут рожать детей.

— О.

— В общем, — продолжал Иан, — Уэг думает, что ты хочешь завести с ним ребенка.

— Хм.

— Помоему, Уэг не Провокатор.

— Да, я тоже так думаю.

—

Итак, Уэг был вычеркнут из списка подозреваемых. Причем совершенно справедливо. Он вел себя просто как обескураженный друг в ходе моей борьбы с призрачным тайным врагом. Ну ладно, Бог с ним.

Двумя часами позже, поборов похмелье, я уже в оптике выбирал новые очки, моля Бога, чтобы женщина за

прилавком не предложила мне примерить какую-нибудь модную детскую оправу.

— Итак, — произнесла она. — Для начала я задам вам несколько вопросов. Ваше имя...

— Уоллес.

Она медленно напечатала на компьютере «Уоллес».

— Так... Уоллес... а фамилия?

— Ой, простите. То была моя фамилия. Вернее, она и сейчас такая. А зовут меня Дэнни.

Женщина вздохнула и с показной неохотой медленно шесть раз нажала на кнопку «стереть».

— Ладно. Начнем сначала. Имя?

— Дэнни.

«Дэнни», — напечатала она.

— Фамилия?

— Э... Уоллес.

У меня было такое чувство, будто я сдаю экзамен, посему я испытал облегчение, когда она молча кивнула, впечатывая мои ответы. У-уф. Меня и впрямь звали Дэнни Уоллес.

— Так, теперь... — произнесла она, явно переходя к следующему вопросу анкеты. — Вы мистер?

Ээ? Разумеется, мистер. Взгляни на меня, женщина. По-моему, я не самый женоподобный мужчина на свете. Разве что вам нравятся небритые женщины. И... мужского пола.

— Простите? — сказал я.

— Вы — «мистер» Уоллес?

Женщина не поднимала головы. Но ведь она видела меня, когда я вошел, недоумевал я. Слышала мой голос. Как она может не знать? Или боится строить предположения? Я был возмущен, но тщательно обдумал ее вопрос, прежде чем ответить:

— Да, я — мистер Уоллес.

Может, ее смутили мои детские очки? Или она думала, я скажу: «Нет, я — мастер63 Уоллес, но я уже взрослый мальчик, ибо мама одного посылает меня в магазин»?

— Хорошо... мистер Уоллес. И вам нужны очки?

Боже. Я похож на человека, который доволен теми

очками, что сейчас на мне? Нет, ни чуточки. Хотя откуда ей знать, если она не отрывает глаз от монитора.

Женщина щелкнула по окошку с пометкой «Да», изображение на экране сменилось, и затем она задала свой самый лучший вопрос...

— Вы уже носите очки?

Ношу ли я очки? ПОСМОТРИ НА МЕНЯ. Я в очках! Не заметить этого невозможно. Я ношу очки, и я — мистер. Можешь называть меня «мистер Четырехглазый», «Мальчик• мужчина мужского пола, который носит очки».

Либо это женщина никогда раньше не видела человека мужского пола, либо впервые видит человека в очках. Кого она привыкла видеть? Собак с моноклем?

— Ношу ли я уже очки? — уточнил я — на всякий случай. А вдруг я ослышался и зря представлял себе собак с моноклями на мордах?

— Это для системы, — объяснила женщина, впервые глянув на меня с тех пор, как она села за компьютер. Но, повидимому, до ее сознания пока еще не дошло, что вся информация, которая ей требовалась «для системы», буквально смотрит ей в лицо.

— Да, я уже ношу очки.

— Что ж, прекрасно, — сказала она, поднимаясь из-за компьютера. — Тогда давайте подберем вам очки.

Мне сказали, что мои новые очки будут готовы часа через два, и, следуя своему новому кредо, я также согласился на тридцатидневный эксперимент: мне предлагалось испытать новые контактные линзы, которые мне дали бесплатно. У меня образовалось свободное время, и я, воспользовавшись возможностью, побежал покупать все необходимое для поездки в Эдинбург,

Купил витамины, шесть пар черных носков, а также пару белых — на тот случай, если мне неожиданно придется заняться спортом. Какое-то время я бродил по магазину «Топмэн», поглядывая в зеркала, и, когда видел свое отражение, мне становилось немного не по себе. Поэтому я решил осуществить еще одно дело. Благо, оно не требовало, чтобы я носил детские очки. В общем, я решил постричься.

Дошел до парикмахерской на Грейт-Портленд-стрит и только собрался войти, как получил SMS-сообщение весьма неприятного содержания.

«ТЫ ДОЛЖЕН МНЕ ПЯТЬДЕСЯТ ФУНТОВ».

Сообщение прислал Уэг. До сей минуты я не хотел ему звонить, понимая, что разговор получился бы неловкий, поскольку Уэг думал, будто я запал на него, и я теперь это знал. Да и вообще, после первого свидания обычно нужно выждать пару дней, прежде чем снова позвонить объекту вашего внимания.

С другой стороны, я обязан был вернуть Уэгу пятьдесят фунтов — те пятьдесят фунтов, что я заставил его истратить на теплое пиво в одном из притонов Сохо. Казалось бы, ему оведует простить мне этот долг, ведь я купил ему билет на мюзикл и заплатил за его ужин, но, полагаю, если ты Согласный, приходится идти на такой риск. Я послал Уэгу ответное сообщение, и мы договорились встретиться ненадолго во второй половине дня.

- Итак... — сказал Скотт, парикмахер-новозеландец. — Вопрос следующий: что мы будем делать сегодня?
- По сути, ту же стрижку, что и всегда, — ответил я, — только желательнее чуть покороче.
- Ясно. Это легче легкого.

Но потом Скотт сделал нечто очень странное. Он обеими руками взял меня за плечи и пригнулся до уровня моей головы. Мы встретились взглядами в зеркале.

- Э... — произнес он. — А не хочешь попробовать что-нибудь новенькое?

Скотт работал самозабвенно. Чувствовалось, что в мою стрижку он вкладывает всю душу. Пока он бритвой выстригал что-то модное на моей голове, я сидел без очков — снял их с превеликим удовольствием, — на несколько драгоценных минут погрузившись в раздумья. В этом одно из преимуществ близоруких. Когда кто-то снимает с тебя очки, тебе остается только размышлять. Конечно, во время драки без очков плохо, но в кресле парикмахера — в самый раз. В общем, я сидел и размышлял — о новых персонажах, вошедших в мою жизнь. Некоторых из них я знал, с другими... знаком не был.

Если Уэг не Провокатор, рассуждал я, тогда кто же? Кто посылает мне странные вещи и издевается надо мной? С какой целью? Чтобы подразнить меня? Напугать? Этот кто-то и впрямь ожидал, что я отправлюсь в Стоунхендж? Он знает, что я там был? Может, я зря вычеркнул Иана из списка подозреваемых? И как вписывается во все это мой попутчик из автобуса? Если он — Майтрея, как предполагают Брайан, Пит и ребята из «Звездного взрыва», так может быть, это он и есть Провокатор? Может, я просто пешка в чьей-то очень странной игре? Может, в этом и кроется объяснение? Хотя кому известно про мой жизненно важный эксперимент. Кому я...

- Все, готово!

Скотт отступил от меня, и я потянулся за очками.

- Прекрасно, — сказал я, надевая очки. И больше не произнес ни слова.

Молча смотрел.

Теперь по бокам у меня были очень короткие волосы, на макушке — нечто похожее на индейский гребень, только более колючий, чем всегда, и что-то щекотало мне шею... Но через пару минут я попривык к своей новой прическе и решил, что она мне нравится. Более или менее.

— Вот, посмотри, как сзади, — сказал Скотт. Он подставил к затылку зеркало и тут же его убрал, так что я даже не успел рассмотреть, что у меня там.

- Э... можно еще раз взглянуть?

- Конечно. — Скотт опять подставил зеркало к моему затылку, на этот раз подержав его чуть дольше.

И я едва не проглотил язык.

Скотт сделал мне... нет, не может быть...

Или может?

Я подумал, что...

Господи помилуй.

Скотт изобразил на моей голове...

Рыбку.

Теперь я был взрослый мужчина со стрижкой «рыбка» и детскими очками на лице.

Я ждал Уэга в пабе «Йоркшир грей». Слава Богу, свои новые очки я забрал, а потом пошел в туалет и намочил всю голову, пытаясь несколько облагородить свою новую прическу. К сожалению, от воды воск, при помощи которого Скотт делал укладку, растекся по волосам, отчего моя стрижка приобрела еще более неприглядный вид.

Я поморщился. Каким-то чудом мне удалось найти в Великобритании парикмахера, который, как и Уэг считает, что «рыбка» — вполне нормальная стрижка.

О Господи! Уэг!

Спустя несколько минут он вошел в паб и... обалдело уставился на меня.

- Черт возьми, что с тобой стряслось?

- Я... постригся.

- Дай посмотрю. — Я неохотно показал Уэгу свою новую прическу.

- Ну, что скажешь? — спросил я.

Возникла неловкая пауза.

- Значит, ты решил сделать себе «рыбку»?

Я смущенно кивнул.

- Выходит так.

- Ладно. Только... ведь... я так стригусь.

Проклятье. Все-таки заметил. Заметил, что мы с ним пострижены одинаково.

- Да... — промолвил я. — Знаю.

- Значит, теперь у нас с тобой одинаковые прически. Мы оба пострижены одинаково.

Я сконфуженно улыбнулся. Может, он все-таки решит, что это хорошо. Не знаю, доводилось ли вам являться на вечеринку с такой же прической, как у кого-то из гостей. Это равносильно тому, что вы пытаетесь кому-то

подражать.

— Ну... вообще-то, у меня другая стрижка, — стал оправдываться. — Твоя... да... у тебя «рыбка». Самая настоящая. А у меня не «рыбка». Не совсем.

— Да? А что же у тебя? На вид она точно такая, как моя.

— Нет, не точно такая. Поверь мне. Похожа на твою, но это не «рыбка». Моя называется «звездочка».

Уэг молчал.

Я прокашлялся.

Где-то скрипнула половица.

Во взгляде Уэга сквозила глубокая озабоченность. Я вспомнил слова Иана. Представляю, что должен думать парень, который и так уже подозревает, что я к нему равнодушен.

— Это не значит, что я хочу иметь от тебя детей, — сказал я.

Ответом мне по-прежнему было молчание.

— Мне пора, — наконец произнес Уэг.

Вернувшись домой в тот вечер, я мгновенно нашел свои очки. Они лежали на полу возле дивана.

Через несколько минут я получил SMS-сообщение от Иана.

«ТОЛЬКО ЧТО ЗВОНИЛ УЭГ. РАССКАЗАЛ ПРО ТВОЙ НОВЫЙ ИМИДЖ. ЧТО, ВЫШЕЛ НА ОХОТУ?»

О Боже.

Ладно, плевать. Уэг какое-то время отдохнет от меня. Завтра утром я уезжаю в Эдинбург, и слава Богу. Билет у меня забронирован, носки уложены. Скорей бы уж добраться туда и приступить к работе на благо Би-би-си.

Но у меня был еще один повод для радости. По возвращении домой накануне вечером я обнаружил у своей двери небольшую белую коробку. Небольшую белую коробку, доставленную в мою квартиру в славном Ист-Энде Лондона аж из самого Тусона в штате Аризона. Я вскрыл ее и увидел пять чудес света... видео, компакт-диск, благовония, ламинированное пристегивающееся удостоверение и сборник проповедей на все случаи жизни.

Наконец-то... я — священник!

Священник Церкви всемирной жизни преподобная Эми И. Лонг прислала мне все необходимое для того, чтобы я мог основать свою собственную церковь, — в том числе маленькую наклейку с надписью «ВОДИТЕЛЬ ЭТОЙ МАШИНЫ — СВЯЩЕННИК ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ», которую я мог прикрепить на свой автомобиль! Вот здорово! Теперь я могу нарушать правила дорожного движения, когда захочу! Благодарю тебя, Господи!

У меня теперь даже были свои собственные свидетельства о верности, заключении брака и наречении именем младенца, которые я мог выдавать людям по отправлении особых обрядов! Не помню, чтобы я когда-то был так сильно взволнован. Я могу нарекать именами детей! Блеск! Но какие имена им давать? Кто должен выбирать имена — я или родители? Вправе я нарекать младенцев именами по своему усмотрению? Это было бы потрясающе!

— Нарекаю тебя Пузатиком!

— Но его зовут Тим!

— Теперь уже нет. А малыш рядом с ним будет носить имя... Шао-Ли — Дитя Звезд...

Я буду парковаться где захочу, нарекать именами кого захочу... буду священник-оригинал на рогах.

Мне захотелось побольше узнать о Церкви всемирной жизни, и я включил компьютер.

Через десять минут я решил, что надо бы сходить купить сугану. Я чувствовал себя глубоко духовным человеком. Но всю мою духовность как рукой сняло, едва я проверил свою электронную почту.

Мне было приятно, что я получил сообщение от Лиззи, однако смысла его я не понимал.

>Кому: Дэнни

>От кого: Лиззи

>Тема: RE: сохо-хо-хо-хо

Дэнни,

Хорошо! Я верю тебе! Купи мне билет!

Л
х

Э?

Что это значит? Чему это она верит? Наверно, послала сообщение другому Дэнни... Лично я ни во что не просил ее верить...

Я уже хотел уничтожить сообщение, и вдруг мой палец застыл над кнопкой «стереть». Я заново перечитал строчку, в которой указывалась тема. Сохо-хо-хо-хо? А в начале еще стоят буквы RE. Это же ответ. Она не могла направить ответное письмо другому Дэнни.

Но на что она отвечает?

Когда я последний раз посылал сообщение Лиззи? И о чем?

О Боже, что я наделал? У меня заплыли щеки.

Это ощущение было мне знакомо, и я его ненавидел — подозрение, постепенно охватывающее тебя вместе с похмельем... подозрение, что ты, возможно, принялся слать электронные сообщения в самое неподходящее для этого время... когда был пьян. Сообщения, в которых в 9 часов утра в понедельник уже не чувствуется настроения субботнего вечера. Сообщения, которые были смешными и интригующими, когда ты отсылал их в четыре часа утра, в ту же секунду, как отосланы, теряют свою актуальность и занимательность. Что я написал? Что сказал? Излил свою душу? Поклялся в любви до гроба? Довел ее до слез своим занудством?

Нет. Нет, не может быть.

Я открыл папку «Отправленные сообщения».

О, черт.

Будь я проклят.

Еще как *может*. Я *отправил* ей сообщение по электронной почте. Отослал под утро, в 04. 26... Когда приполз домой из притона в Сохо, куда попал после того, как пробузил весь вечер и добрую половину ночи, отвечая согласием на все что ни попадя...

Я открыл свое сообщение и затаил дыхание, готовя себя к самому худшему. И мгновенно понял, что хуже не бывает...

>Кому: Лиззи

>От кого: Дэнни

>Тема: Сохо-хо-хо-хо

Лиззиииии!

Как австралия австралия хороша? Наверное, по-австралийски это было бы здорово. Ты уже познакомилась с австралийцами хахахаха.

Я тащусь здесь в английском Лондоне и только что прогулял весь вечер с уэгом помнишь уэга у него все в порядке. Мы посетили одно местечко, это салон для джентльменов если кто-то спросит тебя и один марокканец сказал, чтоб мы валили по добру по здоровью старые клячи.

кстати слушай я еду на эдинбургский фестиваль поработаю там немного тебе там понравится. Это большой веселый город с кучей народу, почему бы тебе не приехать, это было бы здорово ты можешь сесть на поезд как я. у вас в австралии есть поезда.

ладно может увидимся в эдинбурге там хорошо дай мне знать ты по-настоящему классная и красивая и я по тебе скучаю

дэнни

Боже. Неудивительно, что я не понял сообщения от Лиззи. Я и свое собственное не понимаю.

Моей первой реакцией был стыд. Стыд за свой пьяный, бессмысленный вздор. А потом мне стало дурно, ибо я начал осознавать...

Медленно, постепенно связывая воедино...

Я предложил Лиззи приехать в Эдинбург.

И Лиззи... согласилась.

Согласилась, хотя в настоящий момент находится в Австралии.

Причем она не просто сказала «Да».

Она сказала: «Хорошо! Я верю тебе! Купи мне билет!»

Что, по сути, является просьбой.

Пусть это шуточная просьба, дурацкая — но все равно просьба.

Давайте рассуждать здраво. Лиззи никак не могла подумать, что я говорю серьезно. Я ведь был пьян, когда предложил ей поехать на поезде — на поезде! — из Австралии, на том основании, что в Эдинбурге «хорошо», потому что это «большой веселый город с кучей народу».

Она смеется надо мной. По-доброму, мягко, но смеется.

Я стал мерить шагами комнату.

И что мне теперь делать?

Ну хорошо, хорошо. Допустим, я выполню ее просьбу — куплю ей билет. Но ведь она ни за что не сядет в самолет. С какой стати? Она едва меня знает. Однажды она почти узнала меня, но то было несколько месяцев назад, и тогда она жила не за тысячи миль. А теперь она на другом континенте. У нее другая жизнь. Да и вообще, учитывая, что уже два человека — Ханна и Уэг — думают, будто я помешан на них, мне только для полного счастья не хватает, чтобы еще и Лиззи на меня взъелась.

Так как же быть?

Что, если я куплю Лиззи билет, а ей и в самом деле взбредет в голову приехать? Что тогда? Между нами сложились прекрасные дружеские отношения. Зачем их рушить? Да, однажды между нами могло возникнуть нечто большее, но теперь поезд ушел. А вдруг, если она приедет, мы не сумеем поладить, как прежде, что я

стану делать?

Все это глупость, глупость и еще раз глупость.

Но она же *попросила*.

Нет. Дохлый номер. Билет из Австралии! Не слабо, да? А потом она, возможно, и обратный потребует. Нет, такие расходы я не потяну. Это исключено. Эти билеты... сколько они стоят?

Я нашел информацию в Интернете.

545 фунтов! Как минимум!

Я не могу тратить по 545 фунтов на девушек, с которыми я даже не встречаюсь! Впрочем, и на тех, с кем встречаюсь, такие деньги я тоже не могу тратить!

Где-нибудь, когда-нибудь мне придется отказаться от своей тактики согласия. Я начал переступать через финансовые и эмоциональные барьеры. Причем не только свои. Как все это отразится на Лиззи? Это ж для нее такой напряг.

В общем, все просто.

Не могу я удовлетворить ее просьбу.

Я вздохнул.

Я потерпел фиаско.

Так и скажу Иану утром. Скажу, что он оказался прав. Что я испугался. Что в некоторых случаях просто невозможно ответить согласием — каковы бы ни были последствия.

Я застегнул свою дорожную сумку, положил в бумажник свое удостоверение священника размером с кредитную карту — на тот случай, если в Шотландии вдруг возникнет необходимость дать имя какому-нибудь ребенку — и, с тяжелым сердцем, сунул его в карман.

А потом...

... потом вновь достал.

Кое-что в бумажнике привлекло мое внимание.

Серебристая, сияющая, блестящая кредитная карта.

Кредитная карта нового типа.

Нетронутая, незамусоленная, ни разу не использованная кредитная карта. С довольно существенным расходным лимитом. Без начисления процентов за первые полгода.

Я вытащил эту карту из бумажника и посмотрел на нее.

ГЛАВА 13 В которой Дэниел получает весьма приятное известие

Эдинбург наполнил на меня из окна поезда. Я убрал книгу, свои записи и надел куртку.

Книга, доставленная мне утром, называлась «ВСТАНЬ НА ПУТЬ СОГЛАСИЯ: Сила духовного утверждения». Прислал ее неизвестный человек, — наверное, тот самый «Провокатор», — очевидно, с той целью, чтобы я образумился и перестал дакать. У меня сжалось сердце, когда я открыл эту книгу. В ней лежала записка, в которой говорилось: «Может, найдешь для себя умные советы» Я почитал какое-то время, пока не понял, что начинаю сходить с ума. В аннотации, помещенной на задней обложке, эта книга была охарактеризована как «познание самой сути принципа согласия и всего сущего посредством утверждения» и «возможность подумать и поразмыслить об утверждающей действительности и жить по принципу "не упускай свой шанс"». Хм, премного благодарен. Я уже исповедую подобный подход. Я отложил книгу и стал думать о том, кто мог бы ее прислать.

Пока мы катили через Берик-апон-Туид, я составил список.

Подозреваемые

Иан (не исключено, что он обманом втерся ко мне в доверие)

Брайан и ребята из «Звездного взрыва»

Мой попутчик в автобусе/Майтрея/младенец Христос

Элиас Браун, если он экстрасенс или что-то вроде того

Люди, которые, возможно, имеют на меня зуб

Новый парень Ханны — Себ (?)

Мужик, которому тогда в клубе я утер нос (если можно так выразиться)

Ханна (за то, что я испортил ей свидание)

Уэг (возможно, он считает, что ему принадлежит авторское право на стрижку «рыбка»)

Снова Иан (чтобы заставить меня оступить, а потом наказать)

И все же, как я ни старался, мне было трудно представить, что кто-то из этих людей является Провокатором. День выдался прохладный, ветреный, и, сойдя с поезда, я тут же сел в такси. От вокзала Уэверли мы поехали в гостиницу «Трейвлодж», где у меня на две недели был забронирован номер.

Сидя в такси, я смотрел в окно и ел себя поедом. Провокатор умен, хитер. Провокатор использует психологию, чтобы запутать меня. Провокатор мстителен, жесток и активно настроен против меня. Провокатор обладает информацией, с помощью которой он стремится обрести власть надо мной. Провокатору нравится Стоунхендж.

В общем и целом это был обескураживающий случай, но я вознамерился во что бы то ни стало найти ключ к разгадке. Какая несправедливость, возмущался я. Мой эксперимент не длится еще и двух месяцев, а я уже нажил себе смертельного врага.

Но не только это меня тревожило.

Как... как... я поступил с Лиззи?

Ну... разумеется, я купил ей билет. Пришлось. Билет из Мельбурна в Эдинбург через Лондон. Он ждал ее в кассе — на тот случай, если она пожелает им воспользоваться. Теперь уже решать должна она, Лиззи. Я снимаю с себя всякую ответственность за чужую безответственность. По электронной почте я направил ей подтверждение авиакомпании, а ниже подписал: «Счастливого пути...» Потом запер квартиру и отправился на вокзал, обуреваемый истинно британским чувством — смущением. Шутка ли, опять скакнул на уровень 5.

Нуда, я прекрасно сознаю, что это был глупый поступок. Глупее я еще не совершал, если не считать поездки в Амстердам на встречу с доктором Молли Ван Брейн. Пожалуй, этот мой поступок можно было бы назвать романтическим, решился я на него по собственному почину. Но я знал, что нам с Лиззи ничего не светит. Знал с самого начала. И потратил 545 фунтов на то, чтобы доказать это самому себе. Но «да» есть «да», и в каком-то смысле, сказав одно это короткое слово, я снял с себя всякую ответственность за последствия. Мне больше не придется думать об этом. Все остальное теперь ее проблема. Теперь она должна решать, что ей делать... сесть на самолет или навсегда забыть обо мне, как-то мягко сообщить мне о своем нежелании ехать или потешаться надо мной со своими друзьями до конца жизни, которую она собиралась провести в девственной Австралии. Мне казалось, что я совершил подвиг, когда воспользовался своей кредитной картой нового типа, но я заблуждался. Если уж на то пошло, это был типично мужской поступок: я просто переложил ответственность на ее плечи. Так обычно ведут себя бестолковые юнцы — начинают плохо относиться к своим подружкам в надежде, что те сами бросят их.

Я чувствовал себя трусом, но помимо стыда за собственное малодушие я испытывал еще... как бы поточнее выразиться... гадливость. Увы, «крутой» парень — это не про меня. Я оплатил поездку в Великобританию девушке, которую едва знал. Теперь она будет думать, что я либо безмозглый богатенький транжира, либо невероятно ленивый поклонник — из тех, кто говорит объекту своего внимания: «Хм, послушай, я сейчас немного занят. Может, на этот раз ты сама ко мне придешь?»

Нелепая ситуация.

Но факт остается фактом... это ее проблема.

А мне лучше забыть про все это.

Я уже в Эдинбурге, еду в черном такси в гостиницу и, по крайней мере, на какое-то время могу сделать вид, что все мои неприятности остались позади. Здесь нет Иана, следящего за каждым моим шагом; нет Ханны и Себа, на которых можно случайно натолкнуться; нет Уэга, конфликтующего со мной из-за стрижки; нет Элиаса и Пита, утверждающих, что Христа видели во дворце Пилау, чтоб ему пусто было; нет Провокатора — как бы не взглянуть, — дышащего мне в затылок. В отсутствие всех этих людей я могу применять свою тактику согласия так, как это делал вначале. Могу заново начать свой эксперимент с «да» в совершенно другом городе.

— Дэнни! Садись, приятель!

Вместе с Томом мы находились во дворике театра «Плезанс». Вокруг стоял гул. Шли первые дни фестиваля, нас окружали театралы, журналисты, любители комедии, актеры, художники и — главным образом — пьяные. Погода несколько улучшилась, стало теплее.

— В общем, план такой. Ищем следующее поколение эстрадных артистов. Ясно, да? Но те, кто уже на виду, нам не нужны. Подбираем людей, с которыми можно работать. Из которых можно что-то слепить. Посмотри, сколько сможешь, Ищи... чудное.

— Чудное? Ладно.

— Походи по представлениям, которые обычно ты не стал бы смотреть. Шоу, которые другие телекомпании игнорируют. Мы хотим найти таланты в глухих местечках, а потом попробовать что-то из них слепить. У тебя есть программа?

— Нет, еще не...

— Вот, держи мою... Пролистай, посмотри, что тебя заинтересует. Все, я в театр. Мой телефон у тебя есть...

— Да.

— Ладно. До встречи...

С этими словами Том удалился. Я направился к бару за пивом, потом сел, чтобы ознакомиться с программой и решить, как мне спланировать свой день. Моя миссия заключалась в том, чтобы смотреть представления. Неплохая миссия, бывает и хуже. Я живо раскрыл программу на первой попавшейся странице и пробежал глазами краткое содержание одного из спектаклей.

«Смерть есть смерть, но и жизнь — смерть! Вы уже мертвы! Или умираете от чего-то! В жизни много что несет смерть! Жизнь — это борьба; горе — омут, в котором вы тонете. В мире процветают безрассудство и

жестокость любви. Безумие борьбы. Победа смерти».

Пожалуй, необычный спектакль и вместе с тем очень страшный. Но нам вряд ли подойдет. Хотя, уверен, я сумею найти что-нибудь подходящее.

Я перевернул страницу.

«Мы вместе, и все же вместе мы не можем быть. Вместе и сообща они все как один. Но вместе и сообща они стремятся постичь не суть единства, а общность двойственности... суть пьесы, состоящей из двух частей, сведенных воедино и представленных как одно целое. Физическое и метафорическое в одном флаконе».

Я решил, что лучше съем запеченный картофель.

Но только я хотел встать, кто-то шлепнул на стол передо мной рекламный листок.

— Хотите посмотреть интересное шоу?

На меня с надеждой в глазах глядела девушка с афрокосичками на голове и блестками на лице.

— Да, — ответил я.

— «Золоченые шары», пять тридцать. «Скотсмен»⁶⁴ присудил нам три звезды.

— Впечатляет, — сказал я. — Необычный спектакль?

— Про надежду, любовь, предательство, насилие и смерть.

— Ну да, обо всем понемногу, — заключил я.

— Ну... главным образом про предательство, насилие и смерть.

— Хмм. Вообще-то я ищу что-то более... легкое.

— Это очень легкий спектакль, — заверила меня девушка. — И очень смешной.

— В самом деле?

— И да... и нет.

Я глянул на часы. Пять вечера. Как раз успею поесть, подумал я. Заскочу в «Темптинг Татти» на Джеффри-стрит, а потом, сытый и довольный, отправлюсь смотреть спектакль, который буквально через несколько минут девушка охарактеризовала как воистину веселое представление. Я сложил рекламный листок, сунул его в карман и поблагодарил девушку, но только собрался встать из-за стола, как до меня, теперь уже с другой стороны, донеслись слова:

— Привет. Хотите посмотреть интересный спектакль?

О Боже.

Рекламные листки. Помилуй меня, Господи.

Мне удалось унести ноги из театра «Плезанс» всего лишь с шестью проспектами в кармане, но теперь, приближаясь к Ройял-Майл⁶⁵, я увидел их.

Распространителей рекламы. Они были всюду. словно огромная стая свирепых волков.

Я уж и забыл, каким бывает Эдинбург. На один месяц весь мир стекается в этот город, где в это время проводится крупнейший на планете фестиваль искусств. Здесь идут тысячи спектаклей, и каждый показывают более двадцати пяти раз. Нужно продать огромное количество билетов. И их пытаются продать огромное количество распространителей рекламных листов.

В воздухе витало безумие. Куда ни кинь взгляд, на целые мили вокруг одни только распространители... распространители с рекламными листками. Некоторые выражены под собак, другие — под балерин, один изображал гигантское смеющееся яблоко. Они надвигались на меня со всех сторон. Я испытывал такой же ужас, как в Лондоне, когда видел членов благотворительных организаций в нагрудниках, но эти распространители, напирая на тебя, даже не удосуживались придумать какой-нибудь благовидный предлог вроде «Это ради детей. Простите, я имею в виду комиссионное вознаграждение».

«Хотите посмотреть интересный спектакль? Десять минут девятого в Общественном центре. Это примерно...»

«Ищите, что бы посмотреть? «Клоунада» и «Русские танцы»! Шесть сорок в...»

«Не желаете послушать про мое представление? Яркий спектакль с одним персонажем — женщиной. О...»

Опустив голову, я быстро шагал по Ройял-Майл, хватал каждый листок, который мне предлагали, распахивал их по карманам, наблюдая, как свободное время, которое у меня могло бы быть в Эдинбурге, растворяется буквально на глазах. Я также начал сознавать, что если хочу пережить этот фестиваль, то должен быть очень и очень осторожным, — тщательно разрабатывать свои маршруты на то или иное время дня. Иначе я стану первым человеком, которого раздавили насмерть тысячи рекламных листов. Я решил, что мне нужно сесть со своим дневником и придумать, как посмотреть по возможности больше спектаклей, разрекламированных в тех проспектах, что у меня есть. А потом придумать, как бы мне не набрать новых рекламных листов. И как объяснить людям из Би-би-си, чем я руководствовался в выборе спектаклей, которые ходил смотреть? За это они мне платят?

Наконец я добрался до ресторана «Темптинг Татти», где поел запеченный картофель с сыром. А потом пошел смотреть спектакль о светлой стороне насилия.

Было поздно. В баре Общественного центра я делился впечатлениями с Томом.

— Ну как? Что посмотрел?

Я сделал глубокий вдох.

— Неприятную пьесу о предательстве и смерти, яркий спектакль о поисках собственного «я» в мире безликости с одним-единственным персонажем — женщиной, клоунаду и ночное шоу оригинального жанра, поставленное неким неумелым голландцем. Аты?

Том прикинул в голове.

— Росса Ноублабб.

Я довольно быстро составил свой план работы в Эдинбурге и был вполне доволен собой. Я заметил, что в газете «Скотсмен» ежедневно печатается рубрика «Пять спектаклей, рекомендуемых для просмотра». Это, решил я, и будет моя система. Буду смотреть то, что рекомендовано, если позволит расписание, и одновременно посещать спектакли, представленные в проспектах, которые я набрал. Я также разработал новую систему защиты от засилья распространителей рекламных листовок. Конечно, это не совсем в духе Согласного, но я не нанимался по 18 часов в день сидеть в крошечных темных залах, наблюдая, как американские студенты инсценируют Шекспира в стиле «бхангра»⁶⁷. Так что за систему я придумал? Я купил пару дешевых черных наушников фирмы «Аргос» и постоянно носил их в кармане, решив, что, при виде распространителей, сразу буду их надевать, и те поймут, что лезть ко мне бесполезно, ибо я погружен в мир громкой непроницаемой музыки. Система «ниппель», думал я, не подведет.

Увы, подвела.

— Что сегодня смотрел? — поинтересовался Том вечером следующего дня, когда мы опять встретились в баре Общественного центра.

— Пьесу о голоде, полуторачасовой монолог о пенсионной книжке, выступление канадской танцевальной труппы, которая, по-моему, вышла на сцену с перепоя, выступление одного мужика, который просто сидел и говорил, что мы должны размышлять, «Оксфорд-ревю»⁶⁸ и каких-то ребят из Невады, исполнявших пьесу Шекспира в стиле «бхангра».

Я очень устал, и вид у меня был утомленный.

— А ты?

Том показал мне билет.

— Адама Хиллза⁶⁹.

О.

— Как насчет завтра, Дэнни? Наметил что-нибудь?

— Да, — с трудом произнес я. — И билеты купил. На семь спектаклей. Пять из тех, что рекомендует «Скотсмен». Первый в десять.

— Семь спектаклей, — изумленно выдохнул Том. — Ничего себе.

— А у тебя какие планы? — спросил я.

— Даже не знаю, — отвечал он. — Думал, может, передохну.

Разумеется, была еще одна причина, побудившая меня с энтузиазмом погрузиться в круговерть Эдинбургского фестиваля. Пока я тихонько сидел в глубине паба, наблюдая выступление артистов Баварского физического театра («ключевое событие», как выразилась «Таймс»), я не мог бродить по городу, ввязываясь в неприятности. И, что более важно, я не мог пойти в Интернет-кафе, рискуя навлечь на себя гнев Провокатора и... получить отказ от Лиззи.

Последнее меня особенно волновало. Гнев Провокатора — это еще куда ни шло, я бы как-нибудь пережил, а вот отказ Лиззи — это тяжелый удар...

Как она отреагировала? Что теперь обо мне думает? Неужели я все испортил? Ситуация сложилась следующая: если Лиззи напишет мне в ответ, у меня душа уйдет в пятки; если не напишет... вполне вероятно, что мое сердце будет разбито.

Неожиданно зазвонил телефон.

— Дэн? Это Иан.

— Привет, Иан.

— Нравится в Эдинбурге?

— Да, спасибо.

— Посмотрел уже что-нибудь?

— Да, пару спектаклей.

— Молодец. Слушай, я вот что подумал...

— Выкладывай...

— Я тут покумекал малость и, кажется, вычислил Провокатора.

Через пару минут Иан уже изложил мне ход своих рассуждений.

И я полностью согласился с его доводами.

Я попрощался с Ианом, взял свой дневник, нашел листок, на котором я уже пытался разрешить загадку, и пополнил список подозреваемых еще одним кандидатом.

«Джейсон — парень, с которым я познакомился на прощальной вечеринке».

Джейсон!

Ну конечно, это Джейсон! Мой случайный знакомый! Он запросто мог взять у Тома мои координаты! Он не только был в курсе моего эксперимента... он к тому же еще и презирал меня за это! Этого человека распырил безудержный гнев, и он был бы только рад обрушить его на меня! Этот человек, зарабатывавший на жизнь словом «нет», был моим антиподом! Леке Лютер70 против моего

Супермена! Человек, который всегда говорит «Нет», против меня, Согласного!

Точно Джейсон!

Теперь я знал, как мне быть дальше. Я ведь еще так и не ответил на самое первое послание Джейсона — на то, в котором он отправил меня в Стоунхендж. Но само письмо сохранилось в моей почте. Я могу отправить Джейсону ответное сообщение. И отправлю!

Я был преисполнен уверенности, чувствовал себя сильным человеком. Пора нанести ответный удар, пока Джейсон не поднял ставки. Я нашел Интернет-кафе — оно находилось на углу Принсез-стрит71 — и заказал себе чашку чая.

Пришло время проверить свою электронную почту и отправить несколько сообщений. Если Джейсон выставит новые требования или даст новые указания, рассудил я, то теперь у меня достанет сил, чтобы поставить его на место.

Скоро диктовать условия буду я. Ибо я намерен сорвать с него маску. Больше не будет ни кепок, ни книг, ни неожиданных поездок в Стоунхендж. Останется лишь один сконфуженный человек в лайкромвом костюме Провокатора.

Правда, без эмоционального риска не обойтись. Проверяя электронную почту, я стану уязвим для Лиззи. Если она в ответном послании скажет мне, что я кретин и она больше не желает иметь со мной дело... ну... даже не знаю, как я это вынесу.

Я открыл свою почту и мгновенно заметил две вещи: Провокатор не прислал ничего, а от Лиззи было одно сообщение.

Сердце мое съезжилось.

Нет, не могу, думал я. Не сейчас. Потом.

Поэтому я написал Джейсону.

> Кому: *ktoprovokator@hotmail.com*

> От кого: Дэнни

> Тема: Я знаю, кто ты

Привет, «Провокатор»

Можешь не продолжать. Игра окончена. Я знаю, кто ты и почему на меня злишься. Извини, но этому надо положить конец.

*Спасибо,
Дэнни*

Однако для надежности я также отправил сообщение Тому — человеку, который неумышленно подставил меня...

Том!

Это Дэнни. Парень, купивший у тебя автомобиль.

Послушай... прости, буду краток, но нужно, чтобы ты мне ответил. Не знаю, остался ли у тебя этот твой адрес электронной почты, ты ведь теперь в Новой Зеландии, но, если мое послание дойдет до тебя, пожалуйста, ответь мне.

Мне нужен телефон Джейсона — парня, с которым я познакомился на твоей прощальной вечеринке. Того госслужащего. Кажется, я чем-то его обидел, когда мы общались, и теперь он наказывает меня каким-то очень странным, непонятным образом. Ты давал ему мои координаты? Пожалуйста, ответь мне как можно скорее.

Дэнни

Ох, Джейсон.

Стоило ли заваривать эту кашу?

Впрочем, я сам виноват. Впечатления от встречи с Джейсоном запихнул в дальний уголок сознания, надеясь, что со временем и вовсе забуду их. Оконфузился перед ним, поведав ему про свой новый образ жизни, который в его глазах был проявлением полнейшей незрелости. Хуже того, я выказал невероятную бестактность, посоветовав ему «чаще говорить "да"». Разве может он позволить себе подобное? На его плечах лежит тяжелый груз ответственности. Да, он ненавидит свою работу, но он также доказал мне, что порой просто приходится

мириться с существующим положением вещей — с улыбкой или без улыбки на лице. Порой ты принимаешь решение, которое после уже никак нельзя изменить. И вследствие этого до конца жизни ты вынужден говорить... «нет». Порой это просто образ жизни. Вот этому и научил меня Джейсон.

Я вновь открыл папку с полученными сообщениями, понимая, что теперь я обязан разобраться с Лиззи. Что она написала? Как такая девушка может отреагировать на проявление ребяческой глупости и поведение на грани одержимости?

Я открыл ее письмо и поморщился, прочитав...

Что?!

И все.

Одно только слово.

У меня упало сердце. Слава Богу, не разорвалось.

Я написал в ответ: «Знаю. Извини». И пошел искать паб.

Вечерний Эдинбург — город воодушевляющей красоты.

Освещенный замок, восседающий на скале. Площадь Парламента. «Балморал» — самый роскошный отель, в котором я никогда не останавливался; каждое его освещенное окно — это признак богатства, стекающегося в город. Кэнонгейт-голбут⁷², Феттес-Колледж⁷³, здания Рамзи-гарденз⁷⁴...

Но меня эта красота больше не волновала. Вызывала не более сильные чувства, чем сооружения из конструктора «Лего».

Я был раздражен, испытывал неловкость и уже сожалел, что решил срезать путь через переулок Флешмаркет-клоуз — пожалуй, единственный в мире кратчайший маршрут, позволяющий сократить расстояние, но требующий на его преодоление гораздо больших затрат усилий и времени. Наконец, тяжело отдуваясь, я залез на самый верх лестницы, состоящей, наверное, из миллиона чудовищно крутых ступеней, и увидел женщину, протягивающую мне рекламный листок.

— На спектакль сходить не желаете?

Я послушно взял у нее рекламу...

— Это пьеса о предательстве, насилии и смерти.

Проклятье.

Спустя некоторое время я потягивал пиво в пабе «Грейфрайарзский Бобби», названном в честь маленького песика, который, согласно шотландской легенде, преданно лежал на могиле своего почившего хозяина, пока сам не умер. Вполне подходящее грустное местечко для тех, кто желает утопить свое горе в алкоголе. Я поднял тост за верного песика.

Кроме меня, здесь были студенты, шатающиеся по пабам, парочка регбистов, кучка туристов, а также высокий загорелый мужчина, который только что посмотрел на меня и вдруг направился в мою сторону...

— Дэнни?

Я вздрогнул.

— Да?

Хм, знакомое лицо.

— Дэнни Уоллес?

— Да. Привет.

— Я — Хью. Хью Леннон.

Хью Леннон! Гипнотизер! Гипнотизер Хью Леннон!

Тем и хорош Эдинбургский фестиваль, что здесь можно натолкнуться на людей, с которыми обычно не встречаешься. Хью Леннона я не видел сто лет — с тех самых пор, как мы вместе выпили, когда «Скотсмен» поместила на своих страницах мой критический отзыв на его шоу...

О Боже. Надеюсь, отзыв был хорошим.

— Какая встреча! — воскликнул я. — Рад, очень рад.

Я не кривил душой.

— Давненько не виделись, — добавил я.

— Должно быть... с девяносто шестого? Не ожидал тебя здесь встретить!

Хью — гипнотизер и владелец единственной в мире гипнотизирующей собаки — Мерфи. Вместе они путешествуют по свету, вместе гипнотизируют людей. Примерно как Шагги и Скуби⁷⁵.

— Мерфи уже на месте. Через минуту и я побегу. Заскочил сюда, чтоб выпить кока-колы и помочиться. Как дела? Какими судьбами?

— Работать приехал. Смотрю спектакли — по заданию Би-би-си.

— Видел что-нибудь интересное?

Хм, лучше поговорить о чем-нибудь другом.

— А ты что здесь делаешь? Выступаешь?

— Не совсем... То есть сегодня вечером я даю одно представление... гипноз и прочее... Кстати... не хочешь посмотреть? Это так, разминка... Я готовлю программу для фестиваля в Лидсе. Скоро буду там выступать...

- Ммм...
- А потом посидим, выпьем по бокальчику...
- Да, хорошая мысль.

Я допил свое пиво, и мы покинули паб. А что, хорошо, думал я. Какая-никакая компания. Автомобиль Хью трудно было не заметить. На нем сбоку большими буквами было выведено «ГИПНОПЕС». Пожалуй, и мне надо бы написать что-нибудь на своем «да-мобиле».

Хью давал представление в одном из пабов на окраине города. Ему едва за пятьдесят, но выглядит он лет на тридцать моложе, и энергии в нем хоть отбавляй. В Великобританию он приехал из Маврикия, когда ему было восемнадцать, и его слабый акцент и смуглая кожа добавляют загадочности его сценическому образу. Честно говоря, я был не в настроении смотреть комический сеанс гипноза, что для меня не совсем типично. Но, когда Хью начал заводить аудиторию, рассказывая смешные истории и отбирая добровольцев для своего шоу, я увлекся и позабыл обо всем, что еще недавно меня тревожило.

На сцену вышли двенадцать человек — молодые, старые, мужчины и женщины, — все, очарованные Хью. Более часа я смотрел, как он лепил из них представление. Это было весело. Поднимало настроение. Создавало атмосферу единения в зале. Я начисто позабыл про свои неприятности и хохотал до упаду, наблюдая, как добровольцы Хью воображают себя Мадонной и невидимками или начинают доказывать, что какая-то уточка крадет у них напитки. Честно вам скажу: если вам грустно, если вы устали или в подавленном настроении... попытайтесь найти толстого шотландца, которому кажется, что он способен летать. Жаль, что этот совет никогда не появляется в газетных рубриках «Рекомендации психолога».

Но особенно сильное впечатление на аудиторию произвела концовка шоу Хью.

— А теперь я попрошу всех успокоиться, — сказал он, принимая серьезный вид. — Поскольку я хочу пригласить на сцену исключительного гостя...

Я знал, где Хью нашел этого своего «исключительного гостя». Однажды много лет назад Хью случайно познакомился со старым мудрым фермером, который таинственным благоговейным шепотом поведал ему про щенка породы лабрадор, не похожего на остальных своих сородичей. Песик держится особняком, сказал фермер, и обладает одной примечательной способностью. Заинтригованный Хью пошел посмотреть на щенка... на щенка, который впоследствии станет... Гипносом.

Заиграла музыка. Мелодия из фильма «Космическая Одиссея 2001 года»⁷⁶. Публика затихла. Хью исчез со сцены и вскоре вернулся с Мерфи.

А еще через десять минут аудитория ликовала, видя, как все двенадцать шотландских добровольцев заснули на сцене, заглянув в самую глубину шоколадно-коричневых глаз Мерфи.

После представления Хью подсел ко мне с кофе.

- Замечательное шоу, — похвалил я.
- Спасибо. Мерфи им сегодня понравился, да?

Словно по сигналу, Мерфи вошел в зал, побродил немного, принохиваясь, и вновь вышел. Вполне безобидный пес, когда не усыпляет людей взглядом.

— Был год, когда я его потерял, — сказал Хью. — Ушел куда-то, и я никак не мог его отыскать. Известие об этом попало в газеты. Народ в Шотландии был в ужасе. «Не приближайтесь к этому псу!» — кричали газетные заголовки. Журналисты искренне полагали, что Мерфи гуляет по округе, смотрит на людей, убеждая их в том, что они цыплята. Я думал, на том все и кончится, но нам стали звонить из европейских информационных агентств, а потом из Америки, Японии. Телефон разрывался. Исчезновение Мерфи стало большой новостью в Китае. «Пес-гипнотизер разгуливает один по Шотландии!». Мы прославились больше, чем Несси.

Неожиданно нашу беседу прервали. К Хью обратилась женщина, присутствовавшая на шоу.

- Мистер Леннон... мм... понимаете, я боюсь пауков. Вы могли бы мне помочь?
- Да, — ответил Хью. — Гипнозом можно вылечить почти все. Если это связано с головой. А фактически все наши проблемы идут от головы.
- Правда? Значит, мне нужно обратиться к гипнотизеру?
- Если ваша проблема связана с головой, гипнотизер вам обязательно поможет. Вот, возьмите... — Хью вручил женщине рекламу своего шоу «Гипнопес», в которой был указан его телефон. — Уверен, мы с Мерфи сумеем вам помочь.

Женщина улыбнулась, взяла проспект и, удовлетворенная, пошла прочь.

- И ты позволишь ей прийти к тебе в дом? — спросил я.
- Да пусть приходит, — ответил Хью. — Но только сначала я наряжусь пауком. И прямо на вокзале наброшусь на нее. И нет проблемы!

Я рассмеялся.

- А вообще-то, — добавил Хью, — приятно, когда можешь помочь людям.

Его слова меня покорили.

- Боже, как поздно уже... Мне пора, Дэнни, — сказал Хью. — Впереди у нас долгий путь. Кстати, держи... — Он вытащил еще одну рекламу своего шоу и дал мне. — Будешь в Уэльсе, позвони, хорошо?
- Непременно, — пообещал я. — Спасибо, Хью.

Он улыбнулся, глядя на меня. Мне показалось, что мы смотрим друг на друга чуть дольше, чем следовало бы, и на секунду я испугался, что Хью меня гипнотизирует. Я отвел глаза и глянул на Мерфи. Пес тоже смотрел на

меня.

— Ладно, до встречи, — попрощался я и поспешил удалиться.

В ту ночь я спал крепко.

По дороге в гостиницу я купил пакет чипсов, рассудив, что в общем и целом жизнь — хорошая штука. Заснул я с включенным телевизором и, наверное, проспал бы несколько дней, если б в четыре часа утра меня не разбудил какой-то странный сигнал.

Я обвел взглядом комнату и увидел, что мой телефон светится. Мне пришло сообщение.

Зевая, я выключил телевизор, нашел очки и взял свой телефон как раз в ту секунду, когда погас дисплей. Очевидно, от Уэга, решил я. Спяну заблудился в Лондоне, вот и написал мне — на тот случай, если я нахожусь где-нибудь поблизости.

Щурясь, я стал читать сообщение. Подписи под ним не стояло. И номер был незнакомый.

0061?

Это еще от кого?

Я перечитал сообщение.

И подскочил на кровати.

«ПОЗВОНИ МНЕ. Я ЕДУ В ЭДИНБУРГ»

Сообщение прислала Лиззи.

Спустя четыре дня, взволнованный, с цветком в руке, я ждал ее в зале прилета Эдинбургского международного аэропорта.

А потом увидел ее. Улыбаясь, она направлялась ко мне, везя за собой свой чемодан.

Я не верил своим глазам. Это была Лиззи.

— Привет, — поздоровался я.

— Привет, — сказала она в ответ.

Мы обнялись. А потом рассмеялись и посмотрели друг на друга.

А потом она произнесла слова, которые я мечтал услышать.

— Что у тебя за прическа?

ГЛАВА 14

В которой Дэниел и Лиззи взбираются на гору, посещают Центр копирования рисунков по меди и смотрят плохой спектакль

Я ждал — казалось, уже несколько дней, — когда Лиззи проснется.

Осознав, что она и впрямь намерена принять мое предложение, я немедленно ей позвонил. Спросил, уверена ли она. Действительно ли может приехать? Лиззи призналась, что она уже некоторое время подумывала о том, чтобы вернуться в Англию, и мое предложение пришлось как нельзя кстати — идеальный предлог. С работой она все уладила и теперь принадлежит сама себе. Да, приехать она может. Тем более что билет уже есть.

Я пребывал в благоговении. И нервничал. Кто так поступает? Не всякая девушка способна поддаться порыву. Не всякая девушка рискнет с бухты-барахты бросить все, сказав себе: «А что, и поеду. Почему бы нет?»

— Я получила твою открытку из Амстердама, — сообщила Лиззи, когда мы в такси направлялись в гостиницу. — Ту, в которой ты написал, что порой необходимо куда-нибудь съездить, развеяться. Думаю, ты прав.

Она целые сутки добиралась до Лондона и потом более часа — до Эдинбурга. И вот теперь она здесь, со мной, спит в номере несколько мрачноватой гостиницы «Трейв-лодж», расположенной в центре города. Вот какое чудо способна сотворить одна простая открытка.

Лиззи приехала утром, а теперь уже было почти девять вечера. За окном Эдинбург переливался огнями. Через запотевшее стекло я видел красноватое сияние уличных фонарей. Я смотрел новости по телевизору, убрав звук. И в итоге тоже заснул.

— Даже не верится, что ты купил мне билет, — сказала Лиззи, намазывая сливочное масло на тост.

Это было на следующее утро. Мы сидели в кафе «Сити», находившемся сразу же за углом от нашей гостиницы, и ели яичницу. Я был несказанно счастлив.

— А я до сих пор не могу поверить, что ты здесь, — признался я.

Все было так, как восемь месяцев назад, в Лондоне. Казалось, ничто не изменилось. В обществе друг друга мы чувствовали себя... непринужденно. И в то же время оба были охвачены возбуждением.

— Как-то необычно... это все... ты не находишь?

— Что... что я села на самолет или что ты купил мне билет?

- Пожалуй... и то, и другое.
- Да. Очень, очень необычно, — подтвердила Лиззи. — Но здорово, да? Жизнь должна быть необычной. Я поразмыслил над ее словами. И согласился.
- Я привезла тебе подарок.
- Что это?

Лиззи открыла сумочку и достала фотографию. На ней была запечатлена Большая креветка.

— Большая креветка! Потрясающе!

— Дурь, — возразила Лиззи.

Очевидно, громадины оценить по достоинству способны только мужчины. Полагаю, в Мельбурне, Аделаи-де или Канберре они привлекают мужчин — больших и малых — со всей округи, на много миль окрест, а девушки сидят в автомобилях и недоумевают, на что те растрачивают свою жизнь.

— Итак... что мы сегодня делаем? — спросила Лиззи.

— Все, что захочешь, — ответил я. — Весь фестиваль целиком к нашим услугам.

Мы пошли в зоопарк.

Дни быстро сменяли один другой. Мы проводили их замечательно — лучше не бывает.

Делали все, что только приходило нам в голову, причем не откладывая: захотели что-то сделать и тут же делали. Бродили по Принсез-стрит и случайно присоединились к пешеходной экскурсии по следам призраков... Гуляли по берегу в Лейте, дошли до моря, Лиззи заставила меня купить треску. Из гостиницы «Трейвлодж» перебрались в роскошный старинный «Балморал», — просто потому что захотелось, — где ходили в халатах и потягивали виски, а вечером следующего дня опять вернулись в «Трейвлодж». Лиззи пожелала отведать хаггис⁷⁷ и жареный пирожок с начинкой. Правда, съев немного того и другого, она почувствовала себя не очень хорошо. В общем, мы развлекались.

«Да» — волшебное слово. Я не переставал изумляться его могуществу.

Однажды, когда мы сели выпить какао, Лиззи вытащила программу дополнительных мероприятий фестиваля, пролистала ее, что-то почитала, потом закрыла брошюру и бросила ее на стол.

— Знаешь, как мы поступим? — спросила она.

— Как?

— Выйдем сейчас в эту дверь и отправимся на первое же представление, которое нам предложат посмотреть. На любое. Даже если у него ужасное название.

Я рассмеялся. Собственно, именно по такому принципу я и выбирал спектакли, но теперь я воспринимал это как развлечение. Потому что мы вместе следовали тактике согласия.

— Ладно, — сказал я.

Через два часа я уже в третий и, надеюсь, последний раз посмотрел спектакль о предательстве, насилии и смерти.

Шагая по Клерк-стрит, мы взяли еще один рекламный листок и купили билеты на спектакль «Транссексуалы Бангкока», который должны были давать вечером этого же дня в большой палатке на поляне.

Дни шли. Мы посетили все два миллиона эдинбургских пабов, в каждом отведали пива. Как-то поднялись на башню Вальтера Скотта, пешком, преодолев 16 тысяч ступенек. Однажды дождливым утром купили путеводитель и после того, как Лиззи ознакомилась с разделом о музеях, посетили Музей старинных клавишных инструментов на Каугейт, где провели целый час. Потом зашли в бар «Оксфорд» и выпили чаю. Сидя там, мы почему-то чувствовали себя персонажами одного из романов Иана Ранкина⁷⁸. Мы ели чипсы на ступеньках замка и в торговом центре «Куки-Хилл» накупили массу ненужных вещей. Мы заскочили в Центр копирования рисунков по меди, для виду повосхищались экспонатами и быстренько ушли. Купили билеты на спектакли «Жаркий жаркий зной» и «Франц Фердинанд». Читали газеты в бистро «Барабан и Обезьяна». Я научил Лиззи таким словам, как «stushie», «bampot», «weeje» и «youze»⁷⁹, а она меня познакомила со словами из австралийского сленга — «barrack» и «doodle»⁸⁰.

А однажды, когда в пять часов утра, неся с собой полупустую бутылку вина, мы возвращались в гостиницу, петляя по пустынным улицам города, я вдруг проникся твердой уверенностью, что смогу сделать пребывание Лиззи в Эдинбурге еще более особенным. Почему-то мне подумалось, что на вершине Трона Аргура⁸¹ — потухшего вулкана, возвышающегося над Эдинбургом, — должен лежать снег. Конечно, я был пьян, но при этом полон решимости и сказал Лиззи, что у меня для нее есть сюрприз и что ей придется сейчас же последовать за мной. Не замечая, как летит время, мы более часа со смехом взбирались вверх, пока не оказались на высоте 800 футов, на вершине холма, с которого открывался вид на залив Ферт-оф-Форт, Файф⁸² и город, столь восхитительный в лучах восходящего солнца, что я даже утратил дар речи. Снега, конечно, там не было. Да и откуда ему взяться в конце-то августа? Но это не имело значения. Мы оба рты пораскрывали от изумления.

1а

И я вдруг осознал, что, регулярно бывая в Эдинбурге на протяжении многих лет, я ни разу не поднимался на вершину Трона Артура. Не был ни в одной художественной галерее, ни в одном музее. По сути, я ничего не видел в этом городе. Все его достопримечательности только и ждали, чтобы я их посетил, посмотрел, но я их не замечал. Никогда не использовал возможности, которые, я считал, никуда от меня не денутся. И вот теперь, благодаря Лиззи, я открывал для себя новый Эдинбург. Но в том, что происходило, крылся и более глубокий

смысл.

Создавалось впечатление, что мир сплошь состоит из одних только позитивных моментов. Но вы должны понять — это важно, — что я говорил «да» не из чувства долга, выполняя данное себе обещание. Я даже не вспоминал про свою тактику согласия. Не пытался ничего доказать — ни себе, ни Иану, ни кому другому. Я соглашался, потому что таково было мое собственное желание. У меня это получалось само собой, естественно. Я говорил «да», потому что влюбленный человек смотрит на мир с оптимизмом и стремится использовать каждую возможность, которую преподносит ему жизнь.

В общем, так замысловато и коряво я пытаюсь сказать... э-э... что я... ну вы понимаете...

Влюбился.

— Влюбился? — переспросил Иан по телефону.

— Да, — промямлил я. — Влюбился.

— Круто, — задумчиво произнес Иан.

— То есть мне так кажется. Я только и делаю, что дакаю.

— Ничего себе поворот.

— Причем даже не задумываюсь об этом, когда я с ней. Соглашаюсь по собственному желанию. Мне любое предложение представляется хорошей идеей, когда она рядом. Словно я запрограммирован на согласие.

— Значит... ты у нас теперь согласномыслящий.

— Господи, ну и словечко!

— Да, не очень удачное. Но все равно здорово все это, да?

— Да, — подтвердил я. — Так, может, тактика согласия имеет смысл, когда исповедуешь ее вместе с кем-то. Может, как раз в этом суть. Вероятно, смысл жизни заключается в том, чтобы искать возможности и использовать их вместе с кем-то. Если подумать, так оно, наверное, и есть. Жизнь — это череда возможностей, которые предоставляются тебе для того, чтобы ты использовал их с кем-нибудь вместе.

Очевидно, мои доводы Иана не убедили, ибо он промолвил:

— Ну ты и идиот.

Но, возможно, Лиззи думает по-другому. Не про то, что я идиот — надеюсь, идиотом она все же меня не считает, — а по поводу всего остального. Даже не знаю. Может, она по жизни такая. Импульсивная. Хватается за любую возможность. Всегда готова пойти, поехать куда угодно, сделать что угодно. Может, она всегда настроена позитивно. Со мной и без меня.

Через несколько дней мы с Лиззи самолетом вернулись в Лондон. Я отвез ее в тот же аэропорт, откуда провожал в прошлый раз, когда она возвращалась в Австралию. Мы обнялись.

А потом она опять улетела — так же быстро, как приехала, и я понял, что больше никогда ее не увижу.

Моя тактика согласия подарила мне еще десять дней с Лиззи. Десять дней, которых, если бы не «да», у меня никогда бы не было.

Но на этот раз я терял больше. Тогда я прощался с девушкой, которая мне нравилась, теперь — с той, которую любил. Но это я осознаю только на следующий день, когда Лиззи будет от меня за тысячи миль, а я про-снусь, обведу взглядом комнату и впервые пойму, насколько же я, в сущности, одинок.

ГЛАВА 15

В которой Дэниел получает неожиданное известие

Следующие две недели и еще один день я почти ничего не делал.

У меня было такое ощущение, будто я отброшен далеко назад — к тому, с чего начал.

Больше ничего не происходило. Встреча с Лиззи выбила меня из колеи. Говорят, лучше любить и потерять, чем не любить вовсе. Да, возможно. Но, черт возьми, когда теряешь так быстро, что в том хорошего?

Я стал больше времени посвящать Би-би-си. С головой ушел в работу. Написал подробный исчерпывающий отчет обо всех виденных на фестивале спектаклях, употребляя такие эпитеты, как «яркий» и «глубокий». Сказал Тому, на кого из актеров, по моему мнению, ему стоит обратить внимание. Я посещал все совещания, на которые меня приглашали, — и вовсе не потому, что считал своим долгом принять приглашение. Я хотел добросовестно трудиться на благо хорошей компании. Я являлся на работу даже в те дни, в которые, согласно контракту, мог бы сидеть и развлекаться дома. Работа стала для меня смыслом жизни. Потому что, пока я работал... я был... как бы точнее выразиться... в безопасности. Работа не могла мне навредить. Вот я и работал.

Провокатор, казалось, исчез с лица земли. Очевидно, письмо, что я послал Джейсону по электронной почте, сделало свое дело. Сообщение, которое я отправил Тому, не вернулось, но он и не ответил на него. И мобильник его был отключен, — вероятно, у Тома теперь новозеландский номер. Но это было неважно: Согласный победил. Правда, мне казалось, что я должен бы чувствовать себя счастливее. В принципе, я даже был несколько разочарован, что победа досталась мне так легко. Теперь у меня не было ни любимой, ни мстительного врага. А без врагов жизнь скучна.

Однако работа на Би-би-си с лихвой восполняла все мои потери. Благодаря своей тактике согласия, которой я

строго следовал вот уже на протяжении двух месяцев, и полной самоотдаче, которую я продемонстрировал, работая на Эдинбургском фестивале, я зарекомендовал себя добросовестным работником с позитивным настроем, искренне преданным своему делу. Том спросил, не желаю ли я зайти к нему и поговорить о новой вакансии, появившейся на телецентре. Он сказал, что, на его

взгляд, я вполне подхожу на эту должность, но сначала он просто хочет со мной побеседовать.

Я ответил согласием.

В те выходные Иан отчаянно пытался выяснить, чем бы мне хотелось заняться. Небритый, в тренировочных штанах и футболке, я горбился на диване, а он сидел на стуле напротив меня — одетый с иголки, благоухающий лосьоном после бритья.

— Так... пойдём в паб? — спросил он.

— Пойдем, — ответил я, пожимая плечами.

— Или... может, в кино?

— Давай, — кивнул я.

— А может, пойдём сыграем на бильярде?

— Прекрасно, — вяло отозвался я.

— Значит, и на это согласен. Ладно. Ну... может... не знаю... давай пробежимся, что ли?

Я опять пожал плечами.

— Давай. Я на все готов. Выбирай.

Иан разволновался.

— Боже, Дэн. Ну что ты все талдычишь «да», «да»? Это же я.

— Ммм-хмм.

— Я просто пытаюсь выяснить, чем ты хотел бы заняться.

— Здорово.

— Так что... паб, кино, бильярд или пробежка?

— Угу, — отозвался я. — Хорошая мысль. Выбор за тобой. Пойдем.

Сколь бы я ни был рассеян, я по-прежнему продолжал отвечать согласием на любое предложение. Просто мне это больше не доставляло удовольствия. Словно во мне кончился заряд. Я говорил «да» машинально, не видя смысла в своей тактике согласия, хотя прежде был уверен, что каждое мое «да» открывает передо мной новые горизонты, и надеялся, что так будет всегда. Теперь же я вообще не хотел думать об этом.

— Полагаю, сейчас не самое подходящее время сообщить тебе, что я придумал для тебя идеальное наказание, если ты нарушишь взятое обязательство? — предположил Иан.

Я сердито зыркнул на него. В лице Иана отразился испуг.

— Твое даканье еще хуже, чем когда ты все время некал, — добавил он. — По крайней мере, тогда мне хоть не приходилось постоянно торчать рядом с тобой.

Мы пошли играть в бильярд.

Иан загонял в лузы один шар за другим. Мне было трудно найти в себе силы, чтобы противостоять ему.

— Дэн... надеюсь, ты не собираешься завести старую песенку?

Я перестал прицеливаться и посмотрел на него.

— Это ты о чем?

— Ну... ты ведь не станешь опять таким, каким был несколько месяцев назад? Ведь если ты возьмешься за старое, мне придется наказать тебя чуть раньше, чем я планировал...

— Ну тебя с твоим наказанием. Ты его еще даже не придумал.

Иан обиделся.

— А вот и придумал.

— Да? Ну и что это за наказание?

— Ну хорошо, не придумал. Но придумаю. Ты у меня попляшешь.

Я присел на бильярдный стол, думая, что бы сказать.

— Знаешь, когда я выиграл двадцать пять тысяч фунтов и сразу их потерял, я совсем не расстроился?

Иан кивнул.

— Ибо я выиграл благодаря тому, что сказал «да». То, что я потерял эти деньги, не имело значения. Но потом, благодаря «да», я получил кое-что получше, чем двадцать пять тысяч. Лиззи. И со стороны «да» это было жестоко, ибо я не смог удержать ее. «Да» свело с меня с девушкой, которая живет на другом краю света, и я в нее влюбился. А потом эта девушка уехала. И у меня теперь мерзкое настроение, и я считаю, что моя тактика согласия — это чистейшая глупость. Потому, играя сейчас с тобой в бильярд, в этом пабе, я думаю, что жизнь — фиговая штука, ничего не приносит, кроме неприятностей. Лучше б я чаще говорил «нет». Говорить «нет» — это все, что я теперь хочу, Иан. Я не хочу быть таким, каким был, но от даканья меня уже тошнит. Я устал на все соглашаться. Тактика согласия была призвана помочь мне. Взбодрить.

Иан положил кий и с невеселым видом кивнул.

— Все, что «да» дарит, оно же и отнимает, — заключил он.

Должно быть, Иан рассказал Ханне о том, что произошло.

На следующий день она назначила мне встречу в кафе возле Олд-стрит.

— Привет, — поздоровался я, усаживаясь за столик.

Я опоздал на двадцать минут, но Ханна меня не упрекнула. Судя по всему, она была настроена благодушно.

— Привет, — тихо сказала в ответ Ханна. — Я просто подумала, что нам не мешало бы встретиться. Давно не виделись. Хотела узнать, как ты.

— Нормально.

— Точно? Выглядишь-то ты неважно.

— Все хорошо, честное слово. Просто немного рассеян в последнее время.

— Сдается мне, дело не только в рассеянности. Я же вижу.

— Ни черта ты не видишь. У меня все хорошо.

— Неправда. У тебя это на лице написано, Дэн. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой.

— Просто много забот, вот и все.

— Послушай... я знаю, тебе немного неприятно — из-за меня и Себа. Но...

— Ханна, честное слово, вы с Себом тут ни при чем. Не волнуйся. Я абсолютно на тебе не помешан, и я не хотел портить вам свидание, чтоб ему пусто было. И хочу извиниться перед тобой за цветы и за африканского мальчика. Признаю, я вел себя странно, но, прошу тебя... если не возражаешь, давай оставим это в прошлом. Я уже давно об этом забыл. Серьезно. Вы с Себом — замечательная пара. Очень подходите друг другу. Что касается тебя и меня... ну, мы с тобой друзья. Хорошие друзья.

В эту минуту зазвонил телефон Ханны. Она хотела сбросить звонок, но я, обрадовавшись тому, что нас прервали, жестом показал, чтобы она ответила. Звонили из ее компании сотовой связи. Со своего места я слышал звучащий в трубке громкий металлический голос. Ханну спросили, может ли она уделить несколько минут на то, чтобы обсудить счет ее мобильного телефона. Она ответила, что вообще-то в настоящий момент у нее нет времени. Я улыбнулся: должно быть, приятно, когда ты вправе сказать «нет». Но опять жестом дал ей знак, чтобы она продолжала разговор. Сам я никуда не торопился. В этот день я еще встречался с Томом на Би-би-си, но в запасе у меня было несколько часов.

— Ну хорошо... — согласилась Ханна и, отвечая на вопросы, беззвучно, одними губами извинилась передо мной. — Фамилия — Кнудсен, — сказала она, затем назвала свой адрес, дату рождения и пароль. — Норвегия. Н-О-Р-В-Е-Г-И-Я. — Она закатила глаза. — Да. Как страна.

Интересно, а что еще это может быть? Цвет, что ли?

— Да, замечательно. Хорошо, спасибо, — поблагодарила в трубку Ханна и отключила телефон. — Меня перевели на более выгодный тариф, — доложила она мне. — Бесплатные эсэмэски, абонентская плата со скидкой двадцать процентов. Хорошо, что я ответила на звонок...

Хоть кому-то от «да» есть польза.

— Так слушай... — вновь начала Ханна.

— У меня все будет хорошо, — решительно перебил я ее. — Просто в настоящий момент жизнь... немного странная.

— Странная? В смысле?

— Ну, одно время вообще ничего не происходило. Потом стало происходить очень много всякого. А теперь... опять... ничего. Но мне так больше нравится. Я просто устал, Ханна.

Она поморщила носик, силясь ухватить суть в моем маловразумительном объяснении.

— Никогда не думала, что скажу это, но... по-моему, тебе нужно чем-то занять себя. Придумай какой-нибудь глупый мальчишеский проект. — Вот уж и впрямь смешно слышать такое из уст Ханны. — Тебе ведь теперь никто это не запрещает, верно? Ты волен делать что угодно. Ты — свободный человек! Ну, например... начни опять считать волоски на своих ногах. Ты лет сто этого не делал. Проверь, может, у тебя новые выросли. Сфотографируй их. В общем, что-нибудь в этом роде.

Я кивнул. Хорошая мысль.

— Не волнуйся за меня, Ханна. Как-нибудь переживу. Кстати, как Себ?

— Нормально. До сих пор в толк не возьмет, зачем ты тогда потащился с нами ужинать?

— Он же сам предложил! Мне пришлось согласиться!

— Ну конечно, пришлось. А если б он предложил тебе прыгнуть со скалы, тоже не смог бы ему отказать?

На этот вопрос я решил не отвечать.

— Я ведь вот еще зачем пригласила тебя...

— Зачем?

— Хочу свести тебя кое с кем.

— Вот как?

— С одной моей знакомой.

О нет, только не это.

— Ханна, мне и так хорошо...

— Ты же сам сказал, что тебе скучно!

— Я не говорил, что мне скучно. Я просто сказал, что в моей жизни сейчас ничего не происходит.

— Ну послушай, сделай это ради меня. Просто посидите с ней, выпьете по бокальчику. Что ты теряешь?

— Ханна, бывшим подружкам не положено устраивать свидания своим бывшим кавалерам.

— Дэнни, а бывшим кавалерам не положено спонсировать африканских мальчиков от имени своих бывших подружек. Однако они это делают. Причем постоянно. Как будто так и надо.

Я покраснел.

— Но я не хочу ни с кем знакомиться.

Я понимал, что говорю, как ребенок.

— Да ладно тебе. Надо радоваться жизни. И какое-то время, до совсем уже недавней поры, ты вроде бы снова стал жить, как все нормальные люди. Взбодрился, встряхнулся.

— Так и было.

— Тогда познакомься с Кристен. Посидите, выпьете. Мне кажется, вы поладите. И ты сразу повеселеешь. Может, Ханна и права. Наверное, я должен согласиться. Возможно, мне и впрямь это пойдет на пользу.

Ведь сейчас положение у меня незавидное. И, в общем-то, я знаю, как из него выбраться. Нужно забыть. А как можно такое забыть? Надо продолжать жить. Назад не оглядываться. Смотреть только вперед.

— Ладно. Я выпью чего-нибудь с Кристен. Позвоню ей.

Ханна как-то чудно — чувствовалось, что она довольна — улыбнулась и на салфетке написала телефон своей знакомой.

— Чудесно, — сказала она. — Правда, здорово. Да, послушай... можешь послать меня подальше, если считаешь, что я лезу не в свое дело... просто я тут с Ианом говорила, и... только ты не сердись... мне кажется, тебе следует сходить кое к кому.

— Еще бы тебе не казалось. То-то ты пытаешься устроить мне свидание со своей подругой.

— Нет, ты не понял. Тебе следует показаться кое-кому. Психологу. Психиатру. Врачу-консультанту. Хотя бы... кому-нибудь.

Уф.

— Что, черт побери, ты сказал Ханне? — спросил я у Иана.

— В смысле?

— Ты сказал ей, что я с некоторых пор на все отвечаю согласием?

— Нет, конечно. А что?

— А то, что она советует мне показаться врачу! Психиатру!

— Если честно, думаю, она советует тебе показаться врачу потому, что не знает про твой эксперимент.

Вероятно, она думает, что ты свихнулся.

— Я не свихнулся! — воскликнул я, пожалуй, громче, чем следовало бы.

— Потихе, — сказал Иан. — Когда человек кричит, что он не свихнулся, это, как правило, означает обратное. И потом, взгляни на себя ее глазами. Ты месяцами пребываешь в угнетенном состоянии, не выходя из своей квартиры, затем вдруг начинаешь гулять напропалую — и днем, и ночью, покупаешь чудную машину, ведешь себя так, будто весь мир у твоих ног, а потом — бах! — опять впадаешь в депрессию. Это ж похоже на шизофрению! Или на кризис среднего возраста! Неудивительно, что она послала тебя к психиатру. Пора с этим кончать. Уже несколько недель прошло с тех пор, как ты вернулся из Эдинбурга. Велика опасность, что ты спустишь на нет все наши труды.

— Наши труды?

— Послушай... ты должен взять себя в руки. Боже... ты только подумай, как изменила тебя твоя тактика согласия. Вспомни о том, что хорошего произошло, если оно было. Сделай выводы и забудь, если иначе нельзя.

— Забыть?

— Да. Я не стану тебя наказывать. Ты можешь отказаться от своей тактики прямо сейчас, и все будет кончено. Никаких последствий. Дальше живи как знаешь. Радуйся жизни.

Я поразмыслил над словами Иана. Вспомнил, чего я достиг. Да, то был весьма примечательный период в моей жизни. Я познакомился с интересными людьми, сделал что-то новое и, в общем и целом, вполне успешно справлялся с поставленной целью. Но это было в самом начале, когда последствия для меня не имели большого значения. Теперь наступил спад. Мне хотелось, чтобы моя жизнь вернулась в нормальное русло. А ведь еще только начало октября, господи помилуй. Октябрь! Мне еще пилить и пилить, если я намерен довести начатое до конца и придерживаться «Манифеста Согласного» до конца года. Ведь до конца года еще целая вечность. Неужели я еще только на полпути? Мне хотелось плакать. Хотелось схватить кого-нибудь — кого угодно — и рассказать этому человеку про мою затею, от начала до конца... но я уже знал, что мне не понравится конец моей истории. Если она закончится именно так. Ханна сказала, что мне следует показаться врачу. Может, она и права. Она бы такое никогда не посоветовала, если б это не имело значения.

В тот вечер я лежал в постели и думал, думал, думал. Ну что, бросить все к черту? Или пройти до конца? В каком направлении мне следовать?

Хорошо, если б мне было какое-нибудь знамение.

На следующее утро раздался телефонный звонок. Я ответил. Трубку не повесили.

И я получил знак, в котором так остро нуждался.

— Бутылку шампанского, пожалуйста. Самого дешевого.

— Сколько вы намерены потратить, сэр?

— Мм... пятерку?

— У нас есть «Дом Периньон» со скидкой в два фунта. Стоит 26.88 фунта. Будете брать?

— Да! — с огромным наслаждением произнес я.

— Ведерко для льда в придачу возьмете?

— Да! — ответил я. — Все, что пожелаете!

— Что празднуем? — спросил Иан, стоя в дверях. — И почему у тебя рот до ушей?

— Отмечаем одну шокирующую новость, — сказал я, проходя мимо него. — И новое начало.

— Что за новость?

— Меня повысили, — ответил я.

— Тебя повысили?!

— Да, повысили.

— Так ты же никогда не работаешь!

Проиgnорировав ребяческое замечание Иана, я достал две кружки из его буфета.

— Черт... «Дом Периньон»... пошиковать решил, да?

— Не совсем. Я просил что-нибудь подешевле, но мне предложили это.

— А штопор зачем притащил?

— Мне его продали вместе с шампанским.

— Итак...

— Угу. «Когда я уже думал, что песенка моя спета, «Да» вернуло меня в строй». Кто первый это сказал?

Алан Пачино.

Я разлил в кружки шампанское, а Иан открыл пакет с орешками.

— Так что за работа?

— Ну... в одном небольшом — можно сказать, крошечном — отделе на телецентре. Разработка новых идей, поиск новых талантов, развитие — все такое.

— И как называется твоя должность?

Я сделал глубокий вдох.

— Начальник отдела развития.

Я улыбался во весь рот. Сиял, как майская роза.

— Начальник отдела развития?! — изумился Иан. — Что-о? Ты? Начальник? Глупость какая-то!

— Знаю. Но, если тебе станет легче, скажу, что подчиненных у меня нет. Это все равно что меня назначили бы начальником канцелярии просто потому, что у меня есть свой карандаш.

— Насколько я могу судить, — сказал Иан, покачав головой, — тебя только что назначили на руководящую должность в Би-би-си, самой уважаемой телевизионной вещательной компании в мире, грубо говоря, потому, что ты постоянно дакаешь.

Мы чокнулись кружками.

— Да, — подтвердил я.

— Значит, ты продолжаешь дакать?

— Да!

Иан не уловил самого главного.

Мое повышение произошло не само по себе. Я был в том уверен. Меня повысили очень вовремя — как раз в тот момент, когда я засомневался в правильности своих действий и стал подумывать о том, чтобы взять другой курс. Курс на благоразумие. На предсказуемость. На надежность. И мое повышение свидетельствовало о том, что это правильный выбор.

Оптимист сказал бы, что «Да» предоставило мне еще один хороший шанс и что мне следует придерживаться тактики согласия. Пару месяцев назад я сказал бы то же самое. Совершенно верно: согласившись прийти на то первое совещание, я спровоцировал череду событий, которые в итоге привели к тому, что я купил бутылку шампанского, дабы отпраздновать наступление нового этапа в моей жизни. А вот реалист сразу бы сообразил, что это означает на самом деле.

Теперь и я осознал, понял четко, что нельзя прожить жизнь абсолютным оптимистом. Мне стала ясна подоплека моего назначения. Скрытая причина. Меня побуждали распрощаться с ребячеством и беспечностью. Склоняли к тому, чтобы я начал воспринимать жизнь не только как развлечение, озорство и приключение. В какой-то момент приходится взрослеть, двигаться вперед. Ханна мне это всегда говорила. А теперь и я наконец-то это понял. И Джейсон тоже был прав — тогда, на вечеринке. Ответственность настигает каждого из нас. Жизнь — это не только удовольствия. Порой, чтобы чего-то достичь, приходится жертвовать свободой. Я непременно еще раз напишу Джейсону. Поблагодарю его за урок, который он мне преподал. Кто бы мог подумать? Как ни крути, а победа осталась за Провокатором. Выходит, «нет» — самый верный ответ.

И что я подразумеваю под фразой «"Нет" — самый верный ответ»? Я имею в виду, что «Нет» — это власть. «Нет» говорит: «Я все держу под контролем». Вспомните, сколько раз за минувший год вы сказали «да» и сколько раз предпочли бы вместо этого ответить отказом. Может быть, способность сказать «нет» — это то, что позволяет нам сохранять здравомыслие. Некоторые всю свою жизнь только и делают, что говорят «да» — соглашаются на то, что они не хотят делать, но делают из чувства долга. Отвечают согласием на то, что дает возможность другим использовать их в своих интересах — просто потому, что таково положение вещей, потому что так было всегда. Некоторым нужно научиться говорить «нет». Потому что каждый раз, когда они говорят «да», они говорят «нет» самим себе.

Все те случаи, когда я делал то, что, в общем-то, не хотел делать... все эти случаи... они ведь ни к чему не

привели, не дали мне ничего... А если б я тогда отвечал отказом? Это означало бы, что я мог бы согласиться сделать то, что хотел сделать... Слово «нет» инициирует процесс устранения, который ведет к успеху. Если б я сказал «нет» той части моего существа, что настроена тратить время на то, чем мне не следовало бы заниматься, я соответственно сказал бы «да» той части моего существа, которая стремится развиваться, идти вперед.

Все это я объяснил Иану, и он в кои-то веки со мной согласился.

— Полагаю, ты прав. Сейчас с тобой впервые произошло что-то по-настоящему хорошее с тех пор, как ты избрал свою тактику согласия. До этого ведь как было... Ты выиграл деньги и тут же потерял свой выигрыш, что, по-моему, хуже, чем вообще не выиграть. Ты влюбился и потерял свою возлюбленную, что, на мой взгляд, ничуть не лучше, чем вообще не любить. Ты надеялся, что станешь телеведущим, но и эта твоя надежда не осуществилась, а если б ты об этом не думал, разочаровываться не пришлось бы. Ты задолжал тысячи фунтов по своим кредитным картам, которые тебе вообще не следовало бы брать. Тебе постоянно звонят какие-то незнакомцы, которые тут же вешают трубку, едва ты отвечаешь на звонок. Ты купил автомобиль, который тебе не нужен, и сделал себе стрижку, которая была в моде в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. В Венгрии. Твои изобретения — полнейшая чушь. Тв...

Я вдруг обиделся.

— А чем плохи мои изобретения? С ложкой, возможно, я и перемудрил, зато коробка для автоматической перемотки видеокассет — хорошая идея.

— Согласно твоей задумке, перемотка осуществляется за счет помещенного в коробку магнита, верно? А магнит при перемотке уничтожит изображение на пленке. Это элементарно. Как бы то ни было, через пять лет видеокассеты устареют и про них даже вспоминать не будут.

Боже... оказывается, все гораздо хуже, чем я предполагал. Ведь на перематывающее устройство я возлагал большие надежды. Что ж, это послужит мне еще одним уроком.

В тот вечер, расставшись с Ианом, я думал, что пессимизм — это тоже вполне продуктивный настрой. Без причины ничего не случается. Слава Богу, мне было знамение. Возможно, все-таки некий великий промысел существует.

Мне вдруг вспомнился мой попутчик в автобусе, а потом я подумал о Майтрее. Странно, что мне лезут в голову подобные мысли, рассуждал я, но, возможно, во всем этом что-то есть. Возможно, тогда в автобусе я и впрямь повстречал Майтрею — человека, который дал толчок всему, что происходит теперь. Возможно, за мной и впрямь наблюдает некая высшая сила. Некое верховное существо, которое хочет, чтобы я повзрослел. А что? Такое тоже возможно. Почему бы нет?

Ведь я прибег к тактике согласия, чтобы вернуться к своему прежнему беззаботному существованию. А на проверку вышло, что эта моя тактика заставила меня осознать недостатки моего прежнего образа жизни. Она ознаменовала завершение затянувшегося периода взросления. И наверное... это хорошо? Безусловно.

Итак, решено. Я откажусь от тактики согласия. Покончу с ней и двинусь дальше. С января приступлю к работе в новой должности. А потом подведу черту под этой главой моей жизни — подведу черту и под тактикой согласия, и под всем, что ей сопутствует. Но важно довести до конца начатое... Мне никогда не хотелось думать, что я сделал шаг вперед только потому, что не справился с поставленной задачей.

А пока я буду жить, как жил в последнее время, зная наверняка, что это будет самая последняя глупость в моей жизни. Путь передо мной расчищен. Это будет легче, чем когда-либо.

Увы, не прошло и недели, как я получил еще одну посылку.

ГЛАВА 16

В которой Дэниела искушает дьявол

Провокатор объявился вновь. Я был в бешенстве.

Ведь я уже во всем разобрался. Наметил свой дальнейший путь.

Меня до глубины души возмущало, что Джейсон усыпил мою бдительность, а потом исподтишка залепил пощечину, прислав еще одну посылку. Я руководствовался чистейшими, благороднейшими помыслами, когда принял решение до конца пройти по пути согласия, чтобы раз и навсегда распрощаться с глупым ребячеством и беззаботным существованием, а он очернил мои намерения. Все испортил. Представил все так, будто это он меня направляет. Планировалось, что это будет работа по самоусовершенствованию, а не игра в кошки-мышки, в которой роль мышки отведена мне.

Злой, как собака, с побелевшим от гнева лицом, я несся от станции метро «Оксфорд-серкус» в паб «Йоркшир грей». Мне требовалось в очередной раз срочно переговорить с Ианом.

— «Большой вопрос», приятель? — обратился ко мне мужчина, стоявший возле аптеки Буга.

— Нет! — рявкнул я на ходу, глянув на него.

Да. Вот так. Нет.

Особенно бесило то, что Провокатор опять поднял ставки. Тем более было обидно, что произошло это по моей вине. По электронной почте я сообщил Джейсону про свое новое умонастроение, сказал, что он был изначально прав, что я понял, какую опасность таит в себе тактика согласия, и что я наконец-то по достоинству оценил силу слова «нет». А он в ответ... прислал мне вон что.

Когда я шел мимо «Макдональдса», какой-то мужчина спросил, нет ли у меня лишней мелочи. Мне некогда было останавливаться, но я нашел, что ответить — не раздумывая, рывкнул: «Нет!» Мужчина несколько опешил, но мне было все равно, — я торопился в «Грей».

Влетев в паб, я увидел, что Иан сидит в углу у камина. Я остановился у бара, пытаюсь успокоиться и отдышаться.

— Что будете пить? — спросила девушка за стойкой.

Я поймал взгляд Иана и громко ответил:

— Ничего. Я ничего не хочу пить.

Иан выпучил глаза. Услышав мои слова, он понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Я подсел к нему за столик. Он не заговаривал — просто смотрел на меня.

Я сунул руку в карман и достал письмо. В нем была только одна печатная строчка. Я положил письмо на столик и пододвинул его Иану.

Он склонился над письмом и вслух прочитал:

«Я увидел это и подумал о тебе».

Иан вновь взглянул на меня, пожал плечами и как-то непонятно дернул головой — реакция недоумевающего человека.

— Кто это прислал? — спросил он.

— Догадайся...

Иан, конечно, сразу сообразил, кто автор письма.

— И что это значит? Что он увидел?

Я расстегнул куртку и показал надетую на мне яркосинюю футболку.

На ней выделялись три слова.

ПРОСТО СКАЖИ «НЕТ»

Иан в ужасе смотрел на меня.

Он узнал лозунг давней кампании против наркотиков, проводившейся в восьмидесятых... тот, что обычно помещают под фотографией обкуренного подростка или рядом с искусно выписанным углем портретом человека с крошечной собачкой на плече... Но он также понял, что это значит для меня...

— Не может быть!

Я кивнул и спросил:

— Удивлен?

— Я думал, они оставили тебя в покое!

— Я тоже.

— Так что, по-твоему, это значит? — спросил Иан.

— Это значит, что я должен говорить «нет».

— Вместо «да»? —

— В том-то и загвоздка. Я отвечаю согласиём на то, чтобы говорить «нет», или я просто отказываюсь говорить «нет»? Я бросаю вызов и говорю «нет» или это именно то, чего они добиваются?

— Или это значит, что ты должен отказаться говорить «да»?

— Да. Нет. Не знаю.

— Но если ты начнешь отказываться от того, на что прежде отвечал согласиём, ты проиграешь! — в отчаянии воскликнул Иан. — Это идет вразрез со всем, за что ратует «Манифест Согласного»! Мне ли не знать! Этот манифест висит у меня на холодильнике! Я чашку чая не могу выпить без того, чтобы не вспомнить про твое положение!

— Мой отказ отвечать отказом равносителен тому, что я согласился отвечать отказом, ведь я сказал «нет». Может, просто отказаться отвечать отказом, и тогда получится, что один отказ нейтрализует второй?

— То есть отказаться отказываться?

— Ну да, двойной отказ равносителен согласию.

— Нет, я имею в виду, что ты не вправе отказаться отказываться. Тебе все равно придется согласиться отказаться, иначе получится, что ты ответил отказом!

— Значит, отныне я должен говорить «нет» и ждать, когда Провокатор пришлет мне футболку с надписью: «Ладно, теперь опять можешь говорить "да"»? Этого не будет!

Я уже жалел, что не взял себе что-нибудь выпить, и с вожделием поглядывал на пиво Иана. Тот, разумеется, это заметил.

— По пинте?

Я вздохнул.

— Нет.

Двадцать минут мы с Ианом напряженно обсуждали мое нелегкое положение и наконец нашли выход из

тупика.

На мой взгляд, это было правильное и достойное решение весьма необычной и щекотливой проблемы. Мне было совершенно очевидно, что я обязан подчиниться требованию Провокатора... тем более что теперь Иан знал все подробности сложившейся ситуации. Я не мог отделаться от подозрения, что он находится в сговоре с Джейсоном. Да, Джейсон преподал мне хороший урок, нарушив размеренный ход моей жизни, но кому на самом деле это может быть выгодно? Кто грозил мне наказанием? Откуда Джейсон черпает необходимую информацию? Как он узнает, что я выполняю его требования? Однако не стоит поспешно выдвигать необоснованные обвинения, рассудил я. Нужно занять выжидательную позицию и посмотреть, как будут развиваться события.

Итак, решение следующее: один день я на все буду отвечать отказом. Собственно, именно так начинался мой эксперимент с «да» — я решил на все соглашаться только один день. Теперь я сделаю то же самое: буду целый день говорить «нет», отклоняя любое предложение, любую просьбу. Покажу Провокатору что почем.

Уверенным шагом я вышел из паба «Йоркшир грей», готовясь пуститься в новое приключение. Конечно, отвечать отказом будет менее приятно, чем говорить «да», но это часть сделки. Удовольствия мне это не доставит, слово «нет» будет резать слух, но...

— Простите, сэр...

Ко мне обращался человек в зеленом нагруднике.

— Не уделите мне пару минут, чтобы поговорить об оказании помощи престарелым?

Я улыбнулся.

— Нет.

Ха-ха.

А ведь ощущение... чертовски приятное.

Я сидел дома один и чуть ли не гоготал от удовольствия.

Почему я прежде не понимал, как это здорово — отвечать отказом? Почему всегда считал, что отказ — это плохо? Почему не сознавал, какая сила таится в коротком слове «нет»? Самом могучем слове на свете?

По прибытии домой я тотчас же вскрыл все остальные письма, доставленные мне с утренней почтой, — письма, про которые я забыл в ту же секунду, как увидел посылку от Провокатора. Люди из «Американ экспресс» предлагали мне приобрести новую кредитную карту. Я отправил им открытку с отрицательным ответом. Я умышленно не стал звонить по указанному в рекламе «Блюстителей веса»⁸³ телефону, чтобы выяснить, где поблизости от моего дома проводят свои встречи их приверженцы. Пол Льюис на выходные приглашал меня на свой мальчишник. Воя от радости, я ответил ему, что не смогу быть на его вечеринке, так что пусть он и его дружки по армии бесятся без меня, взрывая баржи и ровняя с землей целые города, — правда, написал я все это в более мягких выражениях (я же не идиот). Я отказался купить «Пять самых великолепных альбомов, которые у каждого должны быть». Я не стал обращаться в компанию «Китченз дайрект», предлагавшую мне бесплатно рассчитать стоимость моей новой кухни, я с восторгом выкрикнул «нет!» на вопрос в рекламе кабельного телевидения: «Не пора ли вам научиться готовить макаронные блюда так, как это умеют профессионалы?»

Со мной что-то происходило. Что-то странное. Я искренне радовался жизни.

Пришло SMS-сообщение от Ханны.

«У меня есть лишний билет на сегодняшний концерт Дэмиена Райса⁸⁴. Хочешь пойти?»

Дэмиен Райс! Я обожаю Дэмиена Райса!

Но я с радостью написал в ответ:

«НЕТ!»

Через несколько минут я получил от Ханны еще одно сообщение:

«ХАМ».

Хам. Не спорю. Но мне плевать. Потому что теперь я Несогласный. И меня это вполне устраивает.

Мною словно управляла Темная сторона Великой Силы⁸⁵.

Провокатор, этакий Дарт Вайдер⁸⁶, снова высунул свою голову с черной маской вместо лица, — но на этот раз он меня раззадорил. Во мне разгоралась борьба между добром и злом. Хотя, пожалуй, зло — это слишком громко сказано. Скорее, это было недовольство. Ну да, точно: меня поглотила борьба между добром и недовольством. Я вдруг проникся симпатией к слову «нет». «Нет» — это хорошо. «Нет» — это здорово. Теперь я это чувствую. Но вправе ли я отдаться во власть слова «нет»? Заманчиво. А что, если продлить период неканья? С «да» ведь я на это решил... это было бы вполне справедливо. Хочу ли я сегодня в полночь вернуться к доброму началу или намерен посмотреть, к чему приведет меня солидная доза негативности? Разумеется, это опасно, да и в январе, когда я приступил к работе в новой должности, тактика отказа мне уже будет ни к чему... однако мысль интригующая. Конечно, не хотелось бы возвращаться к старому... но ведь тогда я не контролировал ситуацию. А теперь я ни в коем случае не окажусь в подчинении у «нет» — буду сам себе хозяин. В конце концов, теперь я знаю, как правильно оперировать этим словом, умею им управлять. И могу прекратить некасть в любую минуту, когда захочу.

Иан предположил, что я, возможно, слишком остро отреагировал на требования Провокатора. Сказал, что я раздуваю из мухи слона, иду на поводу у Провокатора, возводя его в ранг злого гения, хотя на самом деле это

наверняка кто-то из моих знакомых разыгрывает меня, не подозревая о том, какие последствия имеют его шутки.

«Злой гений, — думал я. — Наверняка кто-то из моих знакомых... Интересно ты выражаешься, Иан. Бывал ли ты в Ливерпуле?»

Я по-прежнему подозревал Джейсона. Нет — не подозревал.. Точно знал, что это он. Прежде в Джейсоне я видел только врага, но теперь, когда он оказал мне столь ценную услугу, я считал, что обязан относиться к нему, как к союзнику. Я разозлил его, заметив, что он ведет нездоровый образ жизни, и он заставил меня попробовать жить так, как он. И, оказывается, это здорово. Я опять напишу ему по электронке... напишу в третий раз. Скажу, что скоро он начнет мне нравиться. Скоро я пополнию ряды тех, кто придерживается тактики отказа. Скоро я вновь научусь говорить «нет». Скоро перейду в стан приверженцев Темной стороны Великой Силы.

Мною владело возбуждение. Я включил телевизор как раз в тот момент, когда Грэм Нортон⁸⁷ сказал: «Присоединяйтесь ко мне после перерыва...»

— Нет, Грэм, и не жди! — крикнул я и выключил телевизор.

До чего же здорово!

В тот вечер я никуда не пошел. Ничто не могло выгнать меня из дому. Любую затею, что приходила мне в голову, я приветствовал энергичным звучным «Нет». Прекрасно. Замечательно. То, что нужно.

Какое-то время я смотрел в окно, наблюдая за бегущими мимо поездами и гуляющими людьми. Когда по радио пошла реклама фирмы «Доминос Пицца» и голосом Тони Хокса⁸⁸ мне предложили попробовать новый комплекс — два обеда по цене одного, я просто выключил радио и постарался не думать о том, что я голоден.

Сидя в спальне, я взял свой дневник, ручку и записал все случаи, когда я согласился ответить отказом.

Сегодня вечером не пошел на концерт Дэмиена Райса. Чудесно.

Не купил какие-то рекомендуемые альбомы, которые могли поразить мое воображение, доставить мне радость, обогатить мою жизнь, изменить мой вкус к лучшему. Слава Богу. Я знаю, что мне нравится, и предпочитаю довольствоваться тем, что люблю.

Не пригласил к себе домой Уэга, Ханну и Иана, дабы продемонстрировать им свое умение готовить макаронные блюда, как профессионал. А потом бы мы болтали, смеялись и ели до поздней ночи — что тоже было бы... чудесно.

А ведь и в самом деле.

Я сидел и смотрел на часы. Смотрел с 11.37 вечера... ожидая... ожидая наступления полуночи.

А полночь все никак не наступала.

Я просмотрел свои записи, проанализировал их значение и мгновенно понял, что в них... нет ничего. Никаких достижений. Никаких событий. Ничего. Я попытался убедить себя, что мне от этого хорошо. Напомнил себе, что отказ — это свобода, выбор, благоразумие. Но я тосковал по былому. По тем дням, когда все было так просто. Когда я выигрывал в лотерею, с удовольствием выпивал лишний бокальчик пива и встречался с друзьями. С какого момента все пошло наперекосяк? Когда я купил автомобиль? Когда поехал в Ливерпуль? Почему это так много значило для меня? Почему я должен был продолжать? Разве не мог я удовольствоваться тем, что новая работа и новая жизнь ждут меня буквально за углом? Разве не мог я просто остановиться... и подождать?

Я налил себе чаю, сел на кровать и задумался.

Я знал — теперь лучше, чем когда бы то ни было, — что этот период моей жизни должен закончиться. Но неужели вот так? Я сижу в своей спальне, один, и изо всех сил пытаюсь не унывать.

Тактика отказа — неверный путь. Порочный путь. Коварный, хитрый способ отвлечь меня от настоящей работы. В которой я должен преуспеть. Иначе я просто не смогу двинуться вперед. Но я также начал сознавать, что, пожалуй, мне и впрямь необходима помощь. Причем не та помощь, которую может предложить Иан. Мне нужна помощь профессионала.

Именно это посоветовала Ханна. Она хотела, чтобы я обратился к психиатру или врачу-консультанту, к кому-нибудь, кто мог бы направить меня.

Что ж, я обращаюсь за помощью. Ибо у меня есть идея. Я придумал, как выйти из положения, добиться успеха малой кровью. Благодаря этому человеку я буду застрахован от неудачи. Я воспряну духом. Преисполнюсь энтузиазма. Наберусь сил для борьбы и дам свой последний бой. В качестве Согласного.

Я опять открыл свой дневник и вытащил рекламный листок, на котором этот человек написал свой телефон. Утром я позвоню ему и затем закажу билет.

Решено: я еду на встречу с тем человеком и его собакой.

ГЛАВА 17

В которой Аэниел встречается с Хью Невероятным, маленьким солдатиком и псом-чародеем в шляпе

Гипнотизера Хью Леннона я предупредил, что он будет иметь дело с труднейшим случаем в его профессиональной карьере. Мы договорились, что после обеда он встретит меня на центральном

железнодорожном вокзале Кардиффа и тотчас же займется врачеванием таких тонкий материй моего существа, как душа и разум. Хью в свою очередь решил, что для этого нам кое-что понадобится.

— Нужно будет взять с собой что-нибудь поесть.

И вот, сойдя с поезда, я увидел, что он ждет меня с небольшой коробочкой вонтонов⁸⁹ в руке, которые он купил по пути в одной из китайских закусокных.

— Подкрепимся попозже! — с энтузиазмом в голосе произнес он. — На голодный желудок сложные психологические проблемы не решают. Нам нужно быть в тонусе. И для этой цели вонтоны — самая подходящая пища. Лично я люблю вонтоны. Особенно с начинкой из свинины. По мне, так вкуснее блюда нет.

Я кивнул, соглашаясь с ним. Я считал, что для успешного решения моих проблем мы с ним должны проявлять полное единодушие во всех вопросах.

— Хотя тост с креветками тоже объеденье.

Я опять кивнул — еще более энергично. Я нуждался в помощи этого человека и готов был согласиться с любыми его замечаниями относительно китайской кухни, сколь бы противоречивыми они ни были.

Хью проанализирует мою проблему, разложит ее по полочкам. В конце концов, он уже повязан со мной. Сам того не ведая, он невольно стал участником моей авантюры. «Да» привело меня к нему в тот вечер в Эдинбурге, привело и теперь. Он должен помочь мне собраться с мыслями. Разобраться в природе вещей.

Я залез в его «рено», и мы поехали из Кардиффа в Маунтин-Эш — бывший шахтерский городок, в котором теперь жил Хью.

— Итак... — сказал он, когда мы покатали по взъерошенным, изрытым оврагами равнинам. — Пока мне известно только то, что тебе нужна моя помощь. В чем?

— Ну... это трудно объяснить, — отвечал я. — Я принял решение кое-что сделать. И, думаю, я должен продолжать. Уверен. До конца этого года. Но я утратил силу воли.

— Ага, — протянул Хью. — Сила воли.

Эти два слова он произнес так, как бывалый морской волк зачастую, глядя куда-то вдаль, произносит слово «ветер», — будто это его извечный враг.

— Сила воли, — с задумчивостью в голосе повторил Хью. — Так что тебя беспокоит... курение? Я могу избавить тебя от этой привычки за пять минут.

— Нет, не курение.

— Алкоголь? Ты много пьешь?

— Нет. Не алкоголь.

— И... что же тогда?

Хм, как бы поточнее выразиться?

— Мне нужно чаще говорить «да».

Хью кивнул.

— Понятно.

— Не хочешь сначала сыграть в снукер⁹⁰? — спросил Хью, когда мы въехали в Маунтин-Эш. — Перед сеансом гипноза желательно достичь состояния расслабленности. Тут неподалеку есть рабочий клуб.

— Мм... ладно, — согласился я, подозревая, что Хью предложил мне заскочить в рабочий клуб просто потому, что он сам любит играть в снукер.

Мы припарковались на автостоянке рабочего клуба, находившегося рядом с главной улицей. Пока мы ехали по городку, я не заметил на улицах большого оживления. На автобусной остановке стояла короткая очередь из пенсионеров, какой-то мужчина в куртке поливал из шланга свой палисад, а так Маунтин-Эш, казалось, будто... вымер.

— Я выступаю здесь по пятницам, — сообщил Хью. — Обычно у них только музыканты играют, а теперь вот я стал давать сеансы гипноза и магии, и, знаешь, народ доволен.

Хью толкнул дверь, и мы стали спускаться по ступенькам к бару. Сначала я услышал шум, потом учуял запах пива... и только тогда заметил, что передо мной сидят и пьют пиво практически все жители городка. Я глянул на часы. Время без десяти час. Вторник. А все взрослое население — все без исключения — торчит в пабе.

В пабе царил атмосфера оживления и веселья, и причиной тому, подозреваю, был тот печальный факт, что некогда Маунтин-Эш считался центром прибыльной процветающей индустрии. Рабочие со всего Уэльса приезжали сюда добывать черное золото в каменноугольных коях. Приток рабочих прекратился в 1980 году, когда была закрыта последняя угольная шахта. Люди остались без работы, а отсутствие работы неминуемо порождает скуку. Естественно, от скуки все — и стар, и мал — потянулись в паб.

Не успели мы сделать по залу и трех шагов, как произошло нечто странное. На самом деле так бывает только в кино, но в Маунтин-Эш, судя по всему, издало подобное случается каждый день.

Кто-то из сидящих в зале, заметив Хью, издал радостный вопль. Ему вторил кто-то еще. Потом и другие разразились приветственными криками. Раздались аплодисменты, свист, и вскоре весь зал стоял на ногах, бурно приветствуя неожиданное появление гипнотизера Хью Леннона. Когда мы шли сквозь расступающуюся толпу, я заметил, что рослые мужчины хлопали Хью по спине, миниатюрные женщины махали ему. Я уверен, даже дети, коих в пабе было немало, подняли бы в его честь бокалы, если бы таковые у них были. Разумеется, я слышал фразу «народный герой», но сейчас впервые наблюдал, как народ чувствует своего любимца. Это было потрясающе.

Наконец мы укрылись в бильярдной, и я спросил у Хью, неужели его появление на людях всегда производит такой фурор.

— Ну... понимаешь, не в каждом городе есть свой гипнотизер. Не многие имеют возможность посмотреть на него вблизи, так что...

В комнату ворвался мужчина лет тридцати.

— Хью, покажи, как ты летаешь, ладно? Ради меня.

Мужчину отличал сильный валлийский акцент, на нем

были очки с толстыми стеклами, — что говорило само за себя, — в руке он сжимал мобильный телефон — совсем крошечный, будто игрушечный.

— Э... не сейчас, Томми...

— Ну, Хью, пожалуйста, ради меня? Я сказал ребятам за столиком, что ты умеешь летать, а они не верят.

Пойдем, покажи им, прошу тебя.

Хью взял парня за плечи и посмотрел ему прямо в глаза.

— Может, чуть позже. Я сейчас не в форме.

Казалось, на парня будто снизошло озарение. В его лице отразилось понимание. Почтительно кланяясь, он попятился из бильярдной.

— Ты не говорил мне, что умеешь летать! — воскликнул я, когда дверь за мужчиной закрылась.

— А я и не умею. Такие штучки под силу только Дэвиду Блейну⁹¹. Просто, когда стоишь на одной ноге под определенным углом, создается впечатление, что ты паришь в воздухе. Как-то раз я показал бедняге этот трюк и теперь не хочу его расстраивать.

Как мило, подумал я.

Хью опустил в стол 20 пенсов, и из него выкатились шары. Я начал их расставлять.

— Так... полагаю, здесь у вас что-то вроде культурного центра? — спросил я,

— Да. Прежде тут только музыканты играли, да от случая к случаю караоке развлекались, так что, думаю, народу нравится, что вечерами по пятницам у них есть возможность посмотреть, как гипнотизируют их приятелей. Изначально я пошел на это, чтобы познакомиться с народом. Я ведь, когда сюда переехал, никого в городке не знал. А однажды разговорился с телемастером — у меня забарахлил телевизор, и я его вызвал — и сказал ему, что умею читать чужие мысли. Специально сболтнул — не хотел, чтоб он с меня лишнее взял. Ну а он предложил, чтобы я устроил телепатическое шоу в городе. И мы организовали «Вечер чтения мыслей и гипноза». Пообещали, что все вырученные деньги пойдут на благотворительность. Даже небольшой транспарант в городе повесили. В тот вечер на шоу пришли все. Весь город. А на следующее утро я уже был местной знаменитостью. Теперь это немного раздражает. Стоит в магазин выйти, а тебе уже все начинают махать, кивать. Но, в общем, приятно.

Мне понравилось, как живет Хью. Понравился рабочий клуб. Это уютное, милое, гостеприимное местечко в самом центре Маунтин-Эш пользовалось огромной популярностью у местных жителей.

— В принципе, тут бытуют старомодные нравы. — Хью показал на дверь за моей спиной. — То помещение предназначено только для мужчин.

— Туалет, что ли?

— Нет, нет. Это мужской зал. Туда пускают только мужчин.

— Надо же. И что там делают?

— Ну... Да, в общем, ничего особенного, — ответил Хью.

— Никогда бы не подумал, что где-то еще существуют залы только для мужчин. А женщины как на это смотрят?

— Мирятся. Знают, что все равно не смогут переубедить совет клуба. Там очень упертые ребята. В прошлом году один из них ушел в отставку прямо-таки в бешенстве.

— Из-за чего?

— Из-за того, что клуб приобрел музыкальный автомат.

— А-а.

— Как будто нас пинками и криками затащили в шестидесятые.

Я начинал понимать, что Хью подразумевал под словом «старомодные».

— Можно заглянуть в мужской зал? — спросил я. — Хочется посмотреть, чем там занимаются мужчины.

Хью кивнул. Я открыл дверь и заглянул в комнату. Там сидели четверо стариков — каждый за отдельным столиком. Они не переговаривались — просто сидели и молча смотрели перед собой. Один из них кашлянул. Выглядели они не очень счастливыми, но, полагаю, раз заявив о своем нежелании терпеть подле себя докучливых женщин, они теперь были вынуждены придерживаться занятой позиции.

Я тихо закрыл дверь в мужской зал и повернулся — как раз в тот момент, когда в бильярдную опять явился Томми.

— Ну что, набрал форму, Хью?

— Вся моя энергия сейчас направлена на игру в снукер, Томми. — Тот глянул на меня и рассмеялся. Он знал, что у меня нет шансов против Хью и его магических шаров. Надо же, никогда не думал, что напишу такое предложение.

— Яркие у вас здесь персонажи, — заметил я. И сказал это не для красного словца: когда мы проходили по

главному залу, я невольно обратил внимание, что все, на кого натыкались мои глаза, выглядели так, будто они сошли со страниц альбома эксцентричных актеров массовой культуры.

— В этом городе все такие. Невероятно. Но, надо признать, очень милые люди. И Томми этот, и Безумный Гарольд.

— А кто это Безумный Гарольд? — любопытно спросил я.

— Каждое воскресенье Безумный Гарольд приходит в кафе выпить чаю. После он целый день стоит на углу улицы и машет автомобилям. В будни его можно найти в библиотеке, где он сидит за столом и вслух читает Библию всем, кто желает его слушать. На прошлой неделе он пылесосил дорогу и, когда я проезжал мимо, помахал мне. Веселый парень.

Хм, веселый? Можно сказать и так.

— Хью. — В дверях бильярдной в третий раз появился Томми. — Арлин здесь.

В бильярдную вошла Арлин, подруга Хью.

— Арлин, это Дэнни, — представил меня Хью.

— Привет! — Я пожал ей руку.

— В снукер играете? — У Арлин, как и у Томми, был певучий валлийский акцент.

Я кивнул и спросил:

— Не хотите сыграть?

Арлин рассмеялась и покачала головой.

— Женщинам не позволено играть в снукер.

Усмехнувшись, я протянул ей кий.

— Нет... серьезно. — Арлин выставила вперед ладонь, отказываясь брать кий. — Женщинам не позволено играть в снукер.

Я посмотрел на Хью. Тот пожал плечами и кивнул.

— Женщинам не позволено играть в снукер? — изумленно протянул я. — Но... почему?

— Официальная формулировка: «Женщинам не позволено играть в снукер, потому что они могут порвать сукно».

— Женщинам не позволено играть в снукер, потому что они могут порвать сукно? — зачем-то повторил я. — Но это же... абсурд!

Арлин рассмеялась.

— А с чего вдруг появилось это правило? — спросил я. — Кто-то из женщин порвал сукно?

— Не думаю, — ответила Арлин. — Но, в принципе... кто-нибудь из нас мог бы порвать сукно.

— Но ведь и мужчины от этого не застрахованы! — ошеломленно воскликнул я.

Арлин поразмыслила над моими словами.

— Сказать по правде, Дэнни, я все равно не очень хорошо играю в снукер.

— А если бы оказалось, что вы созданы для игры в снукер, и вас пригласили бы на крупный женский турнир по снукеру в Токио или еще куда-нибудь, а вам негде тренироваться, потому что ваш совет считает, что вы можете порвать сукно?

Арлин опять задумалась.

— Вообще-то, в Токио я бы съездила.

Мы с Хью доиграли партию, осушили свои бокалы и собрались уходить. Я все еще стремился поговорить с ним о том, как мне разрешить мои затруднения. Есть ли способ облегчить мое положение? Избавить меня от нервозности, сожалений, страха и доказать, что тактика согласия для меня единственно разумный выбор? Мне о многом хотелось его спросить. Я огляделся и осознал, что до сих пор не могу поверить в то, что оказался в другой эпохе. Но я подозревал, что перемены не за горами. Через пару лет в зале для мужчин, возможно, будет сидеть уже не четыре человека, а три. А еще через какое-то время — всего два. Потом — один. И в один прекрасный день в этом рабочем клубе, возможно — почему бы нет? — заработает музыкальный автомат, и женщин допустят в мужской зал и позволят им плясать на бильярдных столах, умышленно рвать сукно и шить из него зеленые платья, и резаться в снукер. Некогда Маунтин-Эш был городом мужчин, но с вымиранием угольной промышленности некоторые мужчины, вероятно, вдруг поняли, что, кроме традиций, у них больше ничего не осталось... Возможно, потому эти традиции здесь так почитают. Причем не только старики, но и молодежь, видевшая, как их отцы в 1980 году потеряли работу.

Мы с Хью покинули рабочий клуб с черного хода и у машины стали ждать Арлин. Ей пришлось идти кружным путем.

Правила есть правила.

— Я пока разогрею вонтоны, — сказала Арлин, — а вы, мальчики, поговорите, о чем хотели.

— Пойдем, Дэнни, — позвал меня Хью, — обсудим твои проблемы...

— Кстати, Хью... наверное, нужно задернуть шторы...

Арлин заговорщицки посмотрела на Хью. Зачем им понадобилось задвигать шторы? Еще только два часа дня, погода чудесная.

— Хорошая мысль, — согласился Хью, следуя совету Арлин.

Я решил не проявлять любопытства. Может, Арлин намеревалась выдвинуть потайной бильярдный стол и хотела избежать наказания.

Я прошел в гостиную.

— Когда в клубе ты схватил Томми за плечи и сказал, что сейчас не в форме... ты его гипнотизировал? — спросил я.

— Нет, — ответил Хью. — Просто говорил медленно. Иногда это лучше всего помогает.

— Мне показалось, что ты используешь методику контроля за разумом по системе джедаев⁹².

Хью рассмеялся.

— А знаешь, я ведь там снимался.

Хм, что он имеет в виду?

— Извини, не понял. Где снимался?

— В «Звездных войнах».

Я выпучил глаза.

— Ты снимался в «Звездных войнах»? — переспросил я. — Врешь. Правда, что ли? Не может быть!

— Правда. Раньше я был профессиональным актером массовок.

— И снимался в «Звездных войнах»?!

Невероятно! Человек, стоящий передо мной, играл в самом знаменитом фильме моего детства. По сути, он был частью моего детства!

— И кого же ты играл в «Звездных войнах»? — осведомился я.

— А, знаешь... одного из тех парней в белом.

— Штурмовика?⁹³ — почти выкрикнул я срывающимся, как у подростка, голосом. — Черт возьми, ты был штурмовиком?

В фильме это были самые крутые ребята!

— Да, кажется, так их называли. Среди них я был одним из главных. Хотя сам фильм ни разу не видел.

У меня мозги чуть не лопались.

— Ты никогда не смотрел «Звездные войны»? И сам снимался в этом фильме?

Я не верил своим ушам. Теперь я всем и каждому буду рассказывать об этом! Сошью себе наряд штурмовика и стану в нем разгуливать! Сделаю визитки, на которых будет напечатано: «Дэнни Уоллес — Я был штурмовиком»!

— Нет, ни разу не видел.

Мне нужно было присесть.

— Помнится, — продолжал Хью, — мы снимали сцену, в которой герои находятся в большом ангаре, пытаюсь улететь на своем космическом корабле, и вдруг туда на лифте прибывают два штурмовика и начинают стрелять в них из лазерного оружия...

— Я хорошо знаю эту сцену! — перебил его я. — Хан Соло и остальные пытаются улететь на «Тысячелетнем соколе»...

— Э... да... возможно...

— А потом Оби ван Кеноби достает свой световой меч!

— Ну да. Его, кажется, убивают. Это произошло у меня на глазах.

Кто еще может похвастать тем, что он видел, как убили Оби Ван Кеноби? Особенно если учесть, что его убили тысячи лет назад в далеком уголке вселенной.

— В общем, вокруг планировалось произвести несколько взрывов, но что-то не так соединили, и взрывы раздались в непосредственной близости от нас. Одного парня ранило, а у меня чуть барабанные перепонки не полопались. Нас троих отвезли в больницу, но, поскольку никто никогда прежде штурмовиков в глаза не видел, мы не могли разгуливать по больнице в форме штурмовиков.

Так вот... эту форму с нас сняли, и нам пришлось ходить в больнице в леотардах и больших белых веллингтонах.

— Наряд, недостойный штурмовика, — заметил я, все еще не в силах прийти в себя от услышанного.

— Да, пожалуй... Пойду-ка приведу Мерфи...

С этими словами человек, которого, оказывается, я впервые увидел двадцать лет назад в одном из величайших детских фильмов, покинул комнату, чтобы привести единственного в мире пса-гипнотизера.

Вот уж и впрямь необычный выдался денек.

Спустя несколько минут Хью вернулся в комнату. Следом за ним шел гипнопес Мерфи.

Большой черный лабрадор уселся на полу передо мной и стал нюхать мои ноги. Я все еще улыбался, дивясь тому, что узнал о «Звездных войнах» и Хью, но не мог не заметить в облике пса нечто странное.

— Мм... Хью, — сказал я, — твой гипнопес Мерфи... в феске.

— Да? — рассеянно отозвался Хью. — Он всегда ее носит.

Я опять глянул на Мерфи. Тот сидел в своей феске и смотрел на меня. На мой взгляд, это было противостественно.

— Ты надел на него феску пять минут назад, да?

— Ага, да. Просто подумал, что тебе должно понравиться.

Мне понравилось. День становится все чудней и чудней думал я.

— Да, интересная проблема, — сказал Хью, пережевывая вонтон. — Обычно меня просят, чтобы я помог научиться отвечать отказом. Понятно, да?... Бросить дурные привычки. Ты уверен, что хочешь слепо отвечать

на все согласием?

Я задумался. Даже без помощи гипноза я уже накопил огромные долги по кредитным картам, которые мне не следовало заказывать, не то что использовать. Приобрел себе тайного врага, который намерен замучить и погубить меня. Сделал себе стрижку, как у деревенщины Купил автомобиль. Влюбился и потерял возлюбленную.

— Да, — ответил я, пожав плечами. — Мне нужно знать, можно ли проще относиться к жизни. Ясно, да? Чтобы не переживать из-за каждого своего «да». Мне еще два месяца «дакать», и я думал, что каждое «да» будет мне даваться все легче и легче. Но кое-что... произошло, и все значительно осложнилось.

— Что произошло?

— Появилась девушка. Например.

— А-а, — кивнул Хью.

— И... э... мститель.

— Мститель?

— Мститель. Кто-то упорно раззадоривает меня, провоцирует то на одно, то на другое, ибо знает, что я соглашусь. Сам я понятия не имею, кто эти люди, и боюсь, что, если отвечу им отказом, это сведет на нет все мои труды.

— То есть ты хочешь говорить «да», дабы не свести на нет все свои труды?

Я кивнул Зазвонил мой мобильник. Я ответил. Звонивший повесил трубку. Это вежливое молчание мне уже начинало порядком надоедать. Люди что — разучились вести беседу?

— Да, интересный случай, — промолвил Хью. Склонившись над столом, он делал самокрутку. — Полагаю, в какой-то степени все это связано со стремлением побороть страх. Многие всю жизнь живут в страхе, даже не догадываясь, что от страха навсегда можно избавиться всего за несколько минут. Люди всегда на что-то отвечают отказом, верно? Они боятся перемен, привыкли к рутине, к определенному порядку вещей. И в бизнесе рискуют только те, кто не боится перемен и в конечном итоге добивается успеха.

— Пожалуй, в эту мою авантюру меня побудил пуститься страх, — признал я. — Одно время я превратился в затворника, ото всего отказывался. Наверное, я испугался, что жизнь может пройти стороной. Что я каждый божий день что-то упускаю

— Значит, в твоём случае это страх неизведанного, — сделал вывод Хью, проводя языком по папиросной бумаге «Ризла». — Это негативная форма мышления. Люди теряют очень многое, когда не раздумывая отвечают отказом... они не осознают, что запикивают свою жизнь в жесткие рамки... Взять хотя бы Арлин. Когда мы познакомились, я предложил ей отведать вонтон. Она сказала: «Ни за что». А потом попробовала, и ей понравилось.

— Так и было! — крикнула Арлин из какой-то другой комнаты. — Теперь я люблю вонтоны!

Я не знал, как отреагировать на высказывание человека, находящегося в другой комнате. Обычно достаточно улыбнуться, но Арлин не увидела бы моей улыбки, поэтому я громко произнес:

— Я тоже люблю вонтоны.

Хью прикурил свою самокрутку.

— То же самое с путешествиями. Некоторых из дома калачом не выманишь. «Зачем ехать в Испанию? — говорят они. — Чего я там не видел? Все, что мне нужно, я могу найти здесь, в Понтипридде», И лишают себя новых чудесных впечатлений. Довольствуются тем, что имеют. Просто говорят «нет».

Я задумался над словами Хью.

— В Понти жил Том Джонс, — крикнула Арлин. — Он ходил по пабам и пением зарабатывал себе на пиво. Моя бабушка однажды его прогнала.

Я улыбнулся и, сообразив, что Арлин не видит моей улыбки, сказал:

— Том Джонс — хороший певец.

Хью кивнул и подтвердил:

— Чертовски хороший.

Феска свалилась с Мерфи, но пес даже не подумал поднять ее и вновь нахлобучить себе на голову. Что взять с собак? Ленивые.

Мерфи сидел, положив лапы мне на колени, и смотрел на меня огромными карими глазами, которые и сделали его звездой международного сообщества животных. Я сидел в мягком кресле, приготовившись погрузиться в транс. Мы смотрели видеозаписи выступлений Мерфи и Хью в различных телепередачах по всему миру. Хью хотел показать мне, что меня ждет, если я соглашусь подвергнуться гипнозу.

Мы уже посмотрели их выступление в американских низкопробных шоу «Жесткая копия» и «Секретное издание» и теперь смотрели шоу канала «Дискавери» под названием «Животное Икс».

«Перед вами... Гипнонес! — вопил американский телеведущий, комментируя замедленные кадры, на которых слюнявый лабрадор трусил к телекамере. — Мало кто способен выдержать его загадочный взгляд!»

Заиграла зловещая музыка. А потом на экране появился Хью. Он сидел на диване, в мягком освещении; на коленях у него лежал его пес.

«Должен признать... это очень необычно», — произнес Хью.

«Очень необычно! — громко вторил ему американец. (Полагаю, сидеть у него за спиной в кинотеатре — настоящая пытка.) — Мы отыскали Гипнопса... в английском городе Лутоне!»

— Вообще-то, это было в Харроу, — заметил Хью.

Наверное, по мнению американца, Лугон — более загадочное название.

«Говорят, другие собаки тоже обладают сверхъестественными способностями! — продолжал американец. — Этот терьер... — на экране появилась фотография маленького терьера, — ...прославился на все Соединенные Штаты тем, что вывел из комы одного юношу!»

— Каким образом? — спросил я. — На яйца ему, что ли, прыгнул?

Мы с Хью разразились хохотом и долго не могли остановиться, потому что шутка, что уж говорить, была классная.

«Но Гипнопес, говорят, наделен одной очень необычной способностью... способностью контролировать человеческий разум! Зоолог доктор Роджер Магфорд встречал и других животных с аналогичной способностью...»

На экране появился доктор Роджер Магфорд.

«Мангуст гипнотизирует змей! — бодро заговорил он. — А тигр может загипнотизировать обезьяну!»

Я мысленно отметил, что нужно бы запомнить эти фразы, дабы было чем похвастать на вечеринке, когда гостей просят поделиться занятными фактами.

«Говорят, Гипнопес взглядом заставил человека отдать ему свой обед. И те, кого он околдовывает, рассыпаются, как костяшки домино, под напряженным взглядом его карих глаз...»

Я глянул на Мерфи. Я не был уверен, что хочу рассыпаться, как костяшки домино. Во-первых, я в единственном числе, а значит, мне пришлось бы подниматься и вновь сшибать себя самого. Мерфи продолжал смотреть на меня. Мне вдруг стало немного не по себе. Вне сомнения, я заглянул в самую глубину его огромных карих глаз. Что теперь со мной будет?

Неожиданно Хью оказался возле меня.

— Если все еще нервничаешь, прочти это...

Он дал альбом с газетными вырезками. В нем были сотни статей из газет самых разных стран.

«Лапы для размышлений!» — кричала «Нью-Йорк пост». «В трансе с волками!» — писала «Мейл».

— Не волнуйся. Мы с Мерфи столько гипнотизировали, даже не счесть. Ты в надежных руках.

Меня как раз беспокоили не руки, а лапы.

И вообще, это-то что, черт побери?

— Подожди, — сказал я. — А вот эта статья о чем?

Я показал на заголовок заинтересовавшей меня статьи. «Гипнотизер увеличивает женскую грудь!»

— Ах, да. Я увеличил грудь одной немке.

В подробности Хью вдаваться не стал.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы помогли тебе стать более восприимчивым... — уточнил он, кладя ладонь на мое плечо.

— Э... Да. И еще, пожалуй... чтобы я начисто утратил способность отвечать отказом. Хотя бы на пару месяцев. До тридцать первого декабря.

Хью потоптался на месте и сделал шаг назад.

— Так. Хорошо. Ну и ну. Понимаешь, с большей легкостью отвечать согласием — это одно, а не уметь сказать «нет» — это совсем другое... За два месяца ты можешь навлечь на себя кучу неприятностей.

— Ну а... мог бы ты заложить какой-то ограничитель? — спросил я. — Чтобы я, допустим, не пошел на убийство или ограбление?

— Ты не сделаешь ничего такого, что идет вразрез с твоими понятиями о нравственности... гипноз на это не программирует. Но ты утратишь самоконтроль... мне придется проникнуть в твоё подсознание.

— Это опасно?

— Ну... подсознание — удивительный механизм. Люди не понимают, что фактически подсознанию можно задать любой вопрос и получить на него ответ, находясь в состоянии полной расслабленности. Ты вслух задаешь вопрос, отключаешься, и твоё подсознание уже само ищет ответ.

— И ты это делаешь?

— Постоянно. Вот... например, на прошлой неделе. Я пытался придумать название для конкурса среди собак, чтобы найти еще одного пса-гипнотизера... то есть такого, который способен гипнотизировать людей, как Мерфи. Но, сколько я ни думал, в голову ничего не лезло. И тогда я задал вопрос своему подсознанию.

— И?

— Ну, порой ответ приходит не сразу.

— А-а.

— Так вот, проникнув в твоё подсознание, я избавлю тебя от неуверенности в себе. От страха, мешающего тебе сказать «да».

— Понимаешь, не то чтобы страх побуждал меня говорить «нет»... иногда меня просто ломало. Кто-нибудь предлагает: «Пойдем сегодня на концерт», а я, даже если не занят, говорю: «Нет, не могу, у меня дела». А потом иду домой и смотрю «Соседей».

— Значит, нужно, чтобы к тебе вновь вернулся твой детский энтузиазм... прекрасно. Это в наших силах. Полагаю, в какой-то степени нам придется найти твою... кнопку возврата.

— Ладно... э... и как мы это сделаем? — Резким движением я сцепил ладони, давая понять, что настроен серьезно. На самом деле я нервничал все больше и больше. Мерфи положил голову мне на колени. Это он

специально? Если Хью сделает то же самое, тогда я в беде.

— Я поставлю музыку — обычно я выбираю музыку барокко, потому что ее ритм соответствует ритму сердца — шестьдесят ударов в минуту. Ну а если ничего не получится, поставлю компакт-диск Ричарда Клайдермана⁹⁴. Ты расслабишься, по моему знаку станешь смотреть в глаза Мерфи, ну и отсюда мы начнем... Я попытаюсь избавить тебя от твоих предубеждений. Чтобы ты снова мог с радостью отвечать согласием.

Интересно, о каких предубеждениях он ведет речь, ведь я уже согласился на гипноз? Хью, вероятно, заметил недоумение в моем взгляде.

— Понимаешь... это своего рода избавление от чувства опасности. Если перекинуть деревянную планку от одного дома на другой, по ней никто не пойдет. Положи ту же самую планку на землю, и любой легко пройдет по ней. Так вот, фигурально выражаясь, я намерен спустить тебя на землю.

Теперь мне стало ясно, что он имеет в виду. Я стану с большей охотой откликаться на каждое предложение и каждую возможность, если буду воспринимать их как беспроигрышное пари. Мне хотелось еще расспросить Хью о том, как он собирается лечить меня, но я отвлекся. Мерфи начал обнюхивать меня, и я немного испугался. К тому же я вовсе не желал по пробуждении обнаружить у себя большую немецкую грудь, которую Хью нарастит мне, пока я буду спать. Хотя, полагаю, у меня, по крайней мере, появится шанс выиграть конкурс среди англичан с самой немецкой внешностью. Кстати, организаторы этого конкурса мне ведь пока так и не позвонили.

Мерфи заскулил, и вдруг во мне зародились сомнения. Конечно, помощь мне необходима, и в данном случае гипноз — самое лучшее средство, чтобы исцелиться от моих предубеждений, но... правильно ли я поступаю? Не обман ли это? Буду ли я сам отвечать согласием, или это Хью будет за меня соглашаться? Если я не смогу не отвечать согласием, значит, это не мой выбор, так ведь? Или все же мой?

Хью выключил видеомагнитофон и стал искать пульт от телевизора. Нужный компакт-диск он уже нашел и свет тоже приглушил.

Что я делаю? Меня сейчас будут гипнотизировать штурмовик и его космический пес! Нет, я еще не готов... Я обвел взглядом комнату, отчаянно пытаюсь придумать, как бы мне оттянуть время.

— Хью... а эту картину ты написал?

Я показал на репродукцию, висящую на стене.

— Нет... — ответил Хью. — Это Рембрандт.

Что еще здесь есть? Чем еще я мог бы воспользоваться? И вдруг я заметил нечто любопытное... на экране телевизора. То, что меня по-настоящему заинтриговало. Очень знакомый вид. Когда Хью выключил видеомагнитофон, на телеэкране появилось изображение...

— Хью... что это? — спросил я.

— Ты о чем?

— Картинка в телевизоре... — Я показал на телевизор. — Это же вид из твоего окна, да?

Пусть я пытался всего лишь выиграть время, но мне и впрямь это казалось очень странным. Зачем загромождаться шторами от улицы и смотреть на этот же самый вид по телевизору? Это скорее в духе какого-нибудь рэппера, приглашающего в свой дом съемочную группу реалити-шоу «Дома» канала MTV. Может быть, Хью сильнее увяз в шоу-бизнесе, чем я полагал.

— А-а, это, — протянула Арлин, неожиданно появляясь в комнате. — Там на подоконнике видеокамера.

— Система охраны, что ли?

Я был рад ее появлению. Благодаря Арлин сеанс гипноза на некоторое время откладывался.

— Нет, что ты. Здесь очень спокойно.

— Тогда зачем?

— Тут по соседству живет один мальчишка, — стал объяснять Хью, рассматривая еще один компакт-диск. — Зовут его Дин. Забавный парень, но постоянно ломится к нам в дом. Постоянно. Всегда знает, когда мы дома. Поэтому мы закрываем шторы и включаем камеру, чтобы знать, он ли это стучит к нам в дверь. Иначе мне пришлось бы давать сеансы магии изо дня в день с утра до вечера. Обычно, услышав стук в дверь, мы включаем телевизор, и на экране крупным планом появляется его лицо. Он специально поднимает голову, чтобы мы его хорошо видели.

— Значит, ему известно про камеру? — спросил я. Разговор о мальчишке служил прекрасным отвлекающим маневром.

— Конечно, — ответила Арлин. — Но его это не останавливает. Он обожает сеансы магии, и Хью просто не может прогнать его.

— Воспитание не позволяет. Вот потому мы и установили видеокамеру.

Потрясающе. По сути, они установили видеокамеру на своем окне, чтобы не встречаться с соседским мальчишкой, но встречаться им приходится, потому что воспитание не позволяет им его прогнать. Они оказались пленниками в своем собственном доме только потому, что не могут ответить отказом.

— А нельзя ему сказать, чтобы он пришел в другой раз? — спросил я, по-прежнему пытаюсь оттянуть время начала сеанса гипноза.

— Он хитрый парень, — сказал Хью. — Стоит отворить ему дверь, он тут же просовывает ногу в коридор, не давая ее закрыть. Иногда нам приходится прятаться за диваном. Мы затаимся там, чтобы он думал, будто мы просто забыли задвинуть шторы, но хитрец прижмется лицом к оконному стеклу и минут десять ждет в надежде, что мы выйдем из укрытия.

— На прошлой неделе, — добавила Арлин, — он постучал к нам и, когда мы включили камеру, поднес к ней свой табель успеваемости, чтобы мы могли с ним ознакомиться. Ну разве можно прогнать такого сорванца?

Я восхищался Хью и Арлин. Мне нравилось, что их, по сути, терроризирует ребенок, который просто хочет с ними дружить. Мне нравилось, что они не прогоняли его, не жаловались его родителям, не старались отвадить его раз и навсегда. И мне нравилось, что, рассказывая о нем, они широко улыбались, и их голоса наполнились подлинной симпатией и восторгом. Они любили этого соседского мальчишку. Просто хотели, чтоб он не лез им постоянно на глаза.

— Смотри, что он дал мне на днях...

Хью достал из выдвижного ящика какое-то свидетельство формата А4 и стал читать его:

— Это «Диплом лучшего друга». В нем говорится: «Трудно найти такого друга, как ты. Это удастся только счастливицам. Но, вообще-то, хорошие друзья — редкость. А ты всегда рядом!»

— Разве ты рядом?! — воскликнул я. — Ты обычно прячешься от него за диваном!

Неожиданно раздался стук в дверь. Громкий стук.

— Тсс! — Арлин приложила палец к губам.

Стук повторился.

Бух.

Бух, бух.

Хью застыл на месте. Арлин замерла. Я тоже сидел не шелохнувшись. Мы все смотрели на экран телевизора. И вот он появился. Мальчишка лет одиннадцати-двенадцати с короткими белокурыми волосами и большими голубыми глазами. Он смотрел в камеру. Шагнул к ней почти вплотную и смотрел, смотрел. Потом постучал в окно и опять поднял лицо к камере.

Мы все молчали. Это был один из воистину ужасающих моментов в моей жизни.

А потом мальчик покачал головой, скрестил руки и пошел прочь.

— В принципе, — произнес Хью, — он хороший мальш. Правда, иногда, когда бывает у нас, специально снимает с себя свитер или одну туфлю и прячет где-нибудь в доме, чтобы потом прийти за своей вещью. И еще оставляет маленькие подарки. Подарил мне пепельницу, которую умыкнул на днях из паба.

— Мы зовем его «Вестник долины», — сообщила Арлин. — Скажешь ему что-нибудь, а к вечеру об этом знает уже вся долина.

— Перед Рождеством, — продолжал Хью, — я сказал ему, что он меня замучил и потому я отправляюсь в Боснию. На следующий день он принес мне печенье в дорогу и открытку с надписью «Счастливого пути». Правда, потом, как только я выходил из дому, весь город ко мне подходил и желал удачи в Боснии.

Неожиданно, без всякого предупреждения, открылся, с лязгом, почтовый ящик. Это опять появился Дин. Пытался застать нас врасплох. Крышка ящика оставалась открытой секунд десять-двадцать. Мы все трое замерли, вытаращив глаза. Крышка начала опускаться, но тут Мерфи чихнул, и ящик вновь резко открылся. У меня было такое ощущение, будто я попал в парк юрского периода. Я затаил дыхание. Спустя несколько мгновений крышка опять захлопнулась, и мы увидели на экране телевизора, как маленький мальчик, явно стараясь не попа

дать под глаз видеокамеры, бочком отошел от дома и, недовольный, зашагал прочь по дороге.

— Так что — будем тебя гипнотизировать или нет? — спросил Хью.

И тут меня осенило.

— Хью! Я придумал название для твоего шоу! — взволнованно крикнул я.

— Какого еще шоу?

— Ну, тот конкурс среди собак на выявление еще одного пса-гипнотизера!

— И?

— Назови его «Щенок-идол».

Хью просиял.

— «Щенок-идол»! Блестяще! Я же говорил! Подсознание! Концентрируешься на чем-то другом, и ответ приходит сам собой! Так, подожди немного, мне нужно позвонить...

Прошел час. Я только что проснулся.

Моя идея с названием собачьего шоу подарила мне немного времени... но только немного.

Меня загипнотизировали.

Не могу сказать, проходил ли сеанс гипноза с участием пса, — что неизменно вызывает беспокойство, когда просыпаешься в чужом доме, — но сейчас Мерфи, вне сомнения, смотрел на меня. И вместе с ним... маленький солдатик.

Самый маленький солдатик, какого мне когда-либо доводилось видеть.

Я узнал его почти сразу. Это был Дин. Соседский мальчик. Он сидел на диване напротив меня.

— Привет, — поздоровался я.

— Привет, — ответил Дин.

На нем были большой черный берет, камуфляжная военная форма и блестящие черные сапоги. Честно говоря, я не мог сообразить, что происходит. Было такое ощущение, будто, пока я спал, дом оккупировали соседи.

— Эй, Дэнни, я решил, что ты должен проснуться сам, — сказал Хью, входя в комнату. Он бросил Мерфи оставшийся вонтон. — С Дином уже познакомился?

— Да, — ответил я. — Ты загипнотизировал меня для того, чтобы дети мне представлялись солдатами? Если так, немедленно разгипнотизируй меня.

— Дин у нас поступает в АКК.

— АКК? — недоуменно промолвил я.

— Армейский кадетский корпус, — расшифровал Дин.

— Ишь ты, — восторженно произнес я и зевнул. — И какое у тебя оружие?

— Никакого.

— Мозги! — сказал Хью. — Этот ребенок тырит все мои шутки.

— Они не твои, а Томми Купера⁹⁵, — заметил Дин.

— Мы любим смотреть Томми Купера по видео, верно?

Дин кивнул и улыбнулся. Тут наконец я понял, откуда возникла идея с феской. Мне нравилось наблюдать, как эти двое — мужчина и мальчик — подшучивают друг над другом. Было видно, что они добрые приятели.

Между тем на уме у меня было только одно: сделал ли свое дело гипноз? Теперь я Согласный независимо от своих желаний? Пытаясь проверить это, я мысленно задал себе вопрос: «А не выпить ли мне чуть позже чаю? Непременно». Да, похоже, гипноз помог.

— Дэнни, а ты знал, что Том Купер жил тут неподалеку, в Карфилли⁹⁶? — осведомился Хью. — У нас здесь в округе проживали немало знаменитостей. Томми Купер, Том Джонс...

Неожиданно в дверь просунула голову Арлин.

— Я тут на днях в городе видела Дона Эстеллу⁹⁷, — помнишь, был такой в семидесятые годы? Он пел караоке и продавал записанные дома кассеты со своими песнями. — Она помолчала. — Никто не покупал.

В ее голосе слышалась столь пронзительная грусть, что я едва не заплакал.

— Ладно, Дин, — сказала Арлин, — тебе пора отправляться в АКК...

Дин кивнул, отсалютовал нам и сказал, что он еще вернется. Хью незаметно для мальчика закатил глаза.

Дин направился к выходу, и я уже собрался было спросить у Хью, как прошел сеанс гипноза, но мальчик вдруг обернулся и укоризненным тоном произнес:

— Кстати, я раньше приходил, но вы мне не открыли.

— Меня не было дома, — солгал Хью.

— А машина стояла на месте.

— Я... уходил без машины.

— Неправда. Ты был дома.

— Почему ты так решил?

— Потому что через отверстие в почтовом ящике я видел твои ключи в дверях.

Хью покраснел.

— Ладно. Я был дома. А теперь чеши отсюда.

Дин закрыл за собой дверь.

— Значит, ты его все-таки впустил? — спросил я.

— Арлин выносила мусор, и он прошмыгнул у нее за спиной.

— Милый малыш.

— Чудесный.

В разговоре возникла заминка. Я не знал, как выразить, то, что я хотел сказать.

— Понимаешь... э... я не... чувствую разницы.

— Нет?

— Не-а. То есть после... после того, как ты...

— После того, как ты заснул?

— Да. То есть нет. Я хотел сказать, после того, как ты поставил диск Ричарда Клайдермана и... загипнотизировал меня.

Хью сел.

— Дэнни... послушай... только не сердись... Дело в том, что я не стал тебя гипнотизировать. Вернее, гипнотизировал, но не занимался внушением.

— Как это? Почему? Я думал, ты проводил сеанс гипноза. Ты и Мерфи.

— Главным образом, я, конечно. Ведь Мерфи все-таки пес. И я решил, что внушение тебе ни к чему.

— Но почему?

— Я беседовал с тобой, пока ты спал, и... понимаешь, тебе это не нужно. Судя по тому, что я услышал от тебя, ты делаешь это по собственному желанию, а не по принуждению. А когда человек пускается во все тяжкие по собственному желанию, значит, он в какой-то степени привержен своей идее... и что более важно, ты готов к тому, что можешь потерпеть неудачу. А если человек готов к тому, что он может потерпеть неудачу, значит, он способен и добиться успеха. Как я это вижу, твои достижения будут иметь булыжную ценность, если они станут результатом твоих собственных действий и твоего выбора. Мы, люди, прилагаем больше усилий к тому, чтобы избегать неприятностей и боли, а не к тому, чтобы что-то улучшить. Мы предпочитаем избегать, а не действовать. Я правильно рассуждаю?

— Пожалуй, — согласился я, зная, что Хью прав. Если я намерен пройти до конца по пути согласия, если намерен дожить до конца декабря, я должен рассчитывать только на собственные силы. Какой смысл приводить в порядок свою жизнь чужими руками? Разве можно назвать своими успехами результаты, которых

достиг по чьей-то указке? Какой урок ты вынес из всего этого? Что кто-то всегда окажется рядом и поможет? Если я намерен действовать безответственно, по крайней мере, я сам буду отвечать за свои поступки.

Получасом позже Хью привез меня на вокзал. Какое-то время мы сидели в машине, наблюдая, как по ветровому стеклу текут струи дождя. Пока ждали прибытия моего поезда, Хью предложил мне пакет напитка «Райбина»⁹⁸.

— Если подумать, — сказал он, — возможно, все лучшее в жизни происходит именно потому, что человек ответил на что-то согласием. В противном случае, по большому счету, ничего не меняется.

Мы оба задумались над его словами.

— Взять хотя бы Арлин. Теперь она без вонтонов жить не может. Попросила, чтоб я еще купил по дороге домой.

Я улыбнулся. Никогда не думал, что для кого-то вонтоны могут стать символом надежды.

— Но есть вещи, которые мы должны делать сами, — продолжал Хью. — Вот я, например. Некогда меня тоже мучил страх. Жуткий страх. Но я его поборол. Путем упорной работы над собой и верой в себя. А не при помощи гипноза.

— Да? А чего ты боялся?

Хью покраснел.

— Собак.

— Собак?!

Он кивнул.

— Собак.

Я поехал домой в Лондон, собираясь с силами для финального броска.

ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА СОГЛАСНОГО: 3

28 сентября

На днях, возвращаясь домой из Уэльса, я увидел в газете рекламу: «Хочешь стать писателем?». Я, как и предлагалось, обратился за подробной информацией. Мне ответили, что я должен представить образец своего сочинения из 300 слов в любом жанре. Я остановил свой выбор на научной фантастике и сегодня утром написал отрывок под зловещим названием «Война будущего».

«Текс Макбеллами обратил свой взор к небу и победоносно улыбнулся. Он справился. В одиночку, при поддержке одного лишь своего верного друга-робота Фигги5000, разгромил все племя краксонов.

— Теперь вряд ли сунутся, — сказал Текс. Его предположение было как никогда верно, ибо все его враги приказали долго жить.

— БИП думаю, что БИП нам следует отправиться БИП... — начал Фигги5000 и умолк, потому что вдалеке неожиданно раздался взрыв.

— Что за... — произнес Текс по инерции, и не думая заканчивать фразу.

— БИП, БИП, — пропищал Фигги5000.

Это был геликоптер — футуристический гибрид вертолета и ножа. Транспортное средство сенатора Гринглава — злодея, который некогда, много лет назад, держал Текса в плену.

— Гринглав, — промолвил Текс. — Значит, явился сюда, чтобы самолично закончить работу...

— Макбеллами! — крикнул Гринглав в огромный рупор из кабины своего геликоптера, потрясая кулаком в зеленой перчатке — его визитной карточкой. — Вот мы и снова встретились! Приготовься умереть! В нашем двадцатимиллионном столетии преступно иметь собственные мысли и идеи! А у тебя их слишком много! Ничего, больше не будет ни одной! Ты вернешься в ледяную тюрьму, которую я выстроил для тебя!

Текс застонал. Он ненавидел ту огромную ледяную тюрьму.

— Тупица недоделанный! — закричал он в ответ. — Ты вместе со своей ледяной тюрьмой можешь гореть в аду! Я туда не вернусь!

— Вернешься, куда денешься! — парировал сенатор Гринглав.

— Фигги5000, — прошептал Текс. — По моему приказу измени полярность на своих позитроновых деактиваторах.

— БИП слушаюсь, — ответил Фигги5000, который, между прочим, был сконструирован в облике прекрасной женщины.

— Что ж, сенатор Гринглав, полагаю, в таком случае мне придется действовать тихо... — сказал Текс, но Гринглав не слышал его, поскольку все еще находился на удалении нескольких миль, а у Текса, в отличие от него, не было большого рупора».

Я приложил к своему сочинению записку, в которой написал: «Продолжение следует...» и указал, что это всего лишь небольшой отрывок эпической саги-трилогии о Тексе Макбеллами, над которой я сейчас работаю. Бог даст, мое произведение понравится, и мы сможем опубликовать его в начале следующего года.

5 октября

В школе Пол Льюис был задирой, никому не давал проходу. Он только что отыскал меня на встрече выпускников и предложил как-нибудь посидеть в пабе. Я согласился.

Я до сих живо помню, как в школе ежедневно по окончании занятий Пол Льюис раскручивал инвалидное кресло, в котором сидел Энил Пейтел — просто потому, что ему нравилось смотреть, как тот «ездит кругами».

Мы договорились встретиться в следующий четверг в Бате.

7 октября

В газете «Стандард» увидел следующее объявление: «НЕ ЖЕЛАЕТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ИСПЫТАНИЯХ, ПРОВОДИМЫХ С ЦЕЛЬЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИБИДО У ЖЕНЩИН ПОСЛЕ МЕНОПАУЗЫ?»

Я позвонил по указанному номеру, но оказалась, что я — неподходящая кандидатура.

Порой меня удивляет, что в нашей стране дискриминация пустила столь глубокие корни.

8 октября

Мама прислала мне статью, которая, по ее мнению, могла меня заинтересовать. Девушка по имени Лора, которую я знал, когда мне было 12 лет, в свои двадцать шесть открыла в Трубридже магазин засушенных цветов. Развернув статью, в нижней половине страницы я увидел рекламу, напечатанную крупным жирным шрифтом: ОТКРОЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ МИДСОМЕР-НОРТОН!

Рекламу поместили три местных предприятия — «Кулинария Доки» («Помимо широкого ассортимента сыров, в продаже имеются также багеты»), «Салон красоты» («Проработав в бизнесе 16 лет, Эмма — душа и сердце салона — заметила на рынке свободную нишу и решила открыть в Мидсомер-Нортоне салон красоты для мужчин») и «Катона каст стоун лтд.» («Посетите «Катона каст стоун лтд.». В ассортименте цветочные горшки, декоративные садовые украшения, ванночки для птиц, урны и т. п.»).

Мидсомер-Нортон — небольшой городок, расположенный неподалеку от Бата. Я посещу все три магазина в четверг, перед встречей с Полом.

13 октября

Пол Льюис считает, что мы должны поддерживать связь и стать добрыми друзьями. Сейчас он служит в территориальной армии⁹⁹. Говорит, что служба в армии изменила его жизнь, наполнила ее новым смыслом и содержанием. По его мнению, мне тоже следует вступить в ряды вооруженных сил; в этом случае мы будем не только добрыми друзьями, но еще и коллегами. Он пригласил меня на свой мальчишник, который устраивал со своими армейскими друзьями на барже. Не исключено, что Пол Льюис замыслил похитить меня и убить.

Я посетил Мидсомер-Нортон. Хороший городок. Правда, у Доки багетов не оказалось.

14 октября

По электронке получил послание от известного забияки Пола Льюиса, в котором он напоминает мне о том, чтобы я пошел служить в территориальную армию. Для этого нужно заполнить помещенный в Интернете бланк заявления, из которого я почерпну более подробную информацию. Я зашел на сайт территориальной армии и заполнил анкету. Один из вопросов гласил, есть ли у меня навыки, которые могли бы пригодиться ТА. Я щелкнул по окошку «Да», и мне открылся огромный перечень различных вариантов. Я выбрал пункт «регистратор».

15 октября

На груди у меня три волоска — но скоро их не будет. Сегодня я дал согласие на предложение от фирмы «Волосы в прошлом» принять участие в тридцатидневных испытаниях, гарантирующих отсутствие риска для здоровья и возврат денег. Я опробую «чудесное новое средство по удалению волос, избавляющее от необходимости пользоваться бритвой, пинцетом и воском!». В ближайшем будущем я получу два своих тюбика с кремом по удалению волос и спрей, замедляющий рост волос. Правда, я не заметил никаких рекомендаций врачей и указаний по мерам предосторожности, так что одному Богу известно, как это отразится на моих волосах. В таких случаях я жалею, что у меня нет настоящего кота Стюарта. Я знаю, что проводить опыты на животных нежелательно, но, что делать, если я такой волосатый.

И еще один результат! Если я соглашусь поменять свой мобильник на новую модную модель марки «Сименс», моя компания сотовой связи предоставит мне бесплатный авиабилет в оба конца в любой крупный город Европы! Как тут не согласиться?!

Я также попросил, чтобы мне прислали информационные материалы по курсу изучения фламандского языка за 28 дней. Наверное, можно было бы выбрать и другой язык, но я вчера ел вафли, и, очевидно, впечатление еще не стерлось.

14 октября

Пол Льюис опять прислал сообщение. Просто напомнил о себе.

15 октября

Еще одно сообщение от Пола Льюиса. Предлагает вновь встретиться как-нибудь на днях. Его настойчивость

меня немного пугает.

ГЛАВА 18

В которой Дэниелу наконец-то удается мило побеседовать

В семь часов утра зазвонил мой телефон. Что это за общество, в котором мы живем, если здесь любой считает себя вправе позвонить кому-либо в семь утра? Должны же быть какие-то правила.

— Алло? — Спросонья голос у меня был хриплый, в глазах стояла пелена.

Ответа не последовало.

— Алло? — повторил я.

Я слышал в трубке шум вокзала — шипение поездов и призывающие к вниманию сигналы, раздававшиеся из громкоговорителя.

— Кто это? — спросил я. Мне по-прежнему не отвечали. Я уже хотел повесить трубку, и вдруг...

— Пол, — настороженно произнес мужской голос с северным акцентом. — А что? С кем я говорю?

— С Дэни.

— Так... И что тебе надо?

Я пришел в замешательство. Что мне надо? Не знаю, думал я. С какой стати я говорю с каким-то Полом? Что мне надо?

— Не знаю, — ответил я. — Это же ты мне позвонил.

— Позвонил, — подтвердил Пол. — Чтобы узнать, что тебе надо.

Я не привык вести подобные разговоры в семь часов утра.

— Боюсь, я тебя не совсем понимаю, — сказал я. — Боюсь, я не знаю, что мне надо. А с чего ты вдруг спрашиваешь? Ты-то сам чего хочешь?

— Э... ну, я увидел объявление, в котором говорится: «Позвони мне» и указан этот телефон. Он засел у меня в голове, вот я...

— О! — Мгновенно сообразив, в чем дело, я резко сел в кровати. Упоминание о моем объявлении подействовало на меня, как пощечина. — Да! Это я написал! Не вешай трубку!

Поразительно! Наконец-то нашелся человек, которому захотелось мило побеседовать!

— Ладно... так... в чем дело?

Я объяснил.

Как оказалось, Пол не был заинтересован в приятной беседе. По крайней мере, в данный момент. Он готов поболтать со мной, сказал он, но позже. А сейчас ему надо садиться в поезд и ехать на работу, где, в первую очередь, он должен принять участие в совещании по вопросам европейской стратегии и интеграции в сфере бизнеса, причем пропустить это совещание он никак не может, так как следующее совещание предстоит вести ему самому, и он хочет усвоить стиль и протокол, поскольку в той компании, где он работал прежде, практиковался совсем иной подход. Но, может, мы могли бы побеседовать, когда он вернется с работы. Его поезд прибывает в четверть седьмого, хотя исключено, что и в четверть еще Бог знает какого часа, ибо в наши дни то одно не слава Богу, то другое. Правда, у него накопилось много сверхурочных часов, так что он не намерен задерживаться на работе, а вот и его поезд подошел. Все, он побежал.

Честно говоря, у меня было такое ощущение, что я уже раз шесть мило побеседовал с Полом. Но, судя по разговору, он был приятный человек, которому просто хотелось поболтать. Ну а сам я очень обрадовался, что все-таки не зря расклеил объявления. В общем, мы договорились встретиться.

Я был счастлив. Именно так я и должен жить. Открывать двери нараспашку. Смотреть, кто входит. Обретать новых друзей.

В последние дни я много думал о подобных вещах.

В немалой степени благодаря тому, что сказал мне Хью.

«Если подумать, возможно, все лучшее в жизни происходит именно потому, что человек ответил на что-то согласием. В противном случае по большому счету ничего не меняется».

Очень верное наблюдение. И чем больше я об этом размышлял, тем больше убеждался, что почти все самое лучшее, что случилось со мной, произошло потому, что изначально я сказал «да». Возможно, так же было и с вами. Вспомните про самое лучшее событие в вашей жизни и вспомните, как получилось так, что оно произошло.

Я попытался это выяснить однажды у Уэга, когда мы сидели и пили пиво.

— Уэг, дружище... какое самое лучшее событие в твоей жизни?

— Девяносто восьмой год. Ньюбери. Было поздно. «Доминос» прислала нам не наш заказ. Нам доставили четыре пиццы вместо...

— А кроме этого?

Уэг подумал немного.

- Моя девушка.
- Твоя девушка. Как ты с ней познакомился?
- Счастливая случайность. Я выступал на одном концерте, а она тоже была там. Вот мы и познакомились.
- А как получилось, что ты выступал на том концерте?
- Меня попросили подменить одного парня. Я играл на бас-гитаре.
- Ясно. И ты согласился?
- Да.
- А ты и в самом деле хотел играть там?
- Нет. Просто оказал услугу.
- Уровень три. Понятно. И кто тебя попросил?
- Бен.
- Это кто такой?
- Один парень. Я с ним на вечеринке познакомился.
- Кто пригласил тебя на ту вечеринку?
- Нил.
- А с Нилом ты как познакомился?
- В университете.
- Ты же почти не ходил в университет, так ведь?
- Ну... да... но...
- Значит, согласившись пойти в университет, ты в итоге познакомился с Нилом, а он в свою очередь поспособствовал тому, чтобы произошло, по твоим словам, лучшее событие в твоей жизни.
- Мой вывод поразил Уэга.
- Может, послать ему открытку?

Я мгновенно понял, что Уэг свое знакомство с любимой девушкой относил за счет везения. Но благодарить за свое везение ему следовало самого себя. Он просто этого не сознавал. Несколько раз подряд он сделал «правильный» выбор, что и привело его, с бас-гитарой в руках, к его девушке. Наверное, каждый человек — кузнец своего счастья. Наверное, каждый способен изменить свою судьбу. Возможно, нет такого понятия, как «удача» — есть просто ряд возможностей, которые мы сами для себя создаем. Пожалуй, только став свидетелем того, как отрицательный ответ на что-то изменил к худшему твою жизнь, начинаешь осознавать ценность позитива — малюсенькие, пустяковые возможности ответить на что-то согласиём, которые представляются нам каждый день.

Это был момент откровения. Возможно, мы и в самом деле способны менять свою жизнь к лучшему с помощью одного простого слова «да». «Да» свело меня с Лиззи, так, может, вместо того, чтобы предаваться унынию и оплакивать несбывшуюся мечту, мне стоит опять обратиться к помощи «да». А вдруг благодаря «да» я сумею забыть ее. Может быть, «да» еще раз спасет меня. С утратой Лиззи в моей жизни образовалась пустота, которую необходимо заполнить. Я обязан сделать выбор.

Я нашел телефон Кристен, который дала мне Ханна, сделал глубокий вдох и позвонил.

В ту ночь я никак не мог заснуть. Меня снедало беспокойство. Тому было несколько причин. У меня состоялся довольно неловкий разговор с Кристен, она назначила время и место встречи, и я сказал: «Да, чудесно, так и сделаем». Но правильно ли я поступаю? Я еще ни разу, ни разу в жизни не ходил на свидание с незнакомой девушкой. Ханна считает, что мне знакомство с Кристен пойдет на пользу. С другой стороны, Ханна, например, считает, что вполне допустимо жужжать в 5 утра самым громким миксером. А Лиззи как к этому отнесется? Верно, у нас с ней нет будущего, но не слишком ли я... тороплюсь? И еще кое-что не давало мне покоя. Я был уверен, что Провокатор приготовил мне очередную пакость. Мне не терпелось вывести его на чистую воду. Каждые две недели он придумывал что-нибудь новенькое — что-то все более и более мерзкое, и я знал, что очередная его каверза не заставит себя ждать. К тому же Джейсон — если это и в самом деле Джейсон — постоянно поднимал ставки. Сначала было «надень это», потом — «съезди туда», затем — «измени правила»... Я должен найти его как можно скорее, пока он не начал играть по-крупному. Каким будет его следующее распоряжение? «Лети туда»? «Беги сюда»? «Убей того-то»? Пора принять упреждающие меры. Хватит потакать его прихотям. Его нужно остановить.

Я встал и включил свой компьютер. Первым делом я направил еще одно сообщение на адрес бесплатной электронной почты.

>Кому: *ktoprovokator@hotmail.com*

>От кого: *Дэнни*

>Тема: *Хорошего понемножку*

Послушай,

Почему ты мне не отвечаешь? Я точно знаю, кто ты и что у тебя на уме. Я сделал все, как ты просил, но, как только я сорву с тебя маску, у тебя не останется выбора: тебе придется бросить свои штучки. Так что лучше остановись и не зли меня, ибо в гневе я страшен.

Так-то вот.

Дэнни

А потом, дабы быть уверенным, что я прикрыл все углы, я отправил очередное сообщение Тому.

Том!

Это опять Дэнни. Извини за беспокойство. Если можешь, дай знать, получил ли ты это мое послание. А предыдущее? По-моему, твой приятель Джейсон продолжает меня разыгрывать. Мне нужно с ним связаться, но я не знаю как.

Пожалуйста, ответь мне!

Дэнни

Я отослал сообщение и со вздохом откинулся на спинку стула. Мне необходимо разрешить эту загадку.

Два дня спустя вечером я сидел в пабе на углу Оксфорд-стрит с Полом. Это был тот самый человек, что позвонил мне на днях утром и выразил желание мило со мной побеседовать.

Полу было за сорок. Симпатичный мужик с симпатичной аккуратной стрижкой, в синем костюме. Мне бросились в глаза его массивные часы и туфли с тиснением на коже. Наша приятная беседа началась хорошо, но потом приобрела некий странный характер.

— О бордер-терьерах столько всякой чуши болтают, — сказал он.

Здесь я вынужден немного отвлечься. Весь вечер мы с Полом говорили об одних лишь бордер-терьерах... точнее, говорил один только Пол. Фраза «давайте мило побеседуем» подразумевает — и, я надеюсь, в этом вы со мной согласитесь — диалог двух человек. В понимании же Пола эта фраза, очевидно, означала следующее: «Я готов слушать твой нескончаемый монолог на тему, в которой разбираешься ты один». В общем, он говорил и говорил.

— Во-первых, — продолжал Пол, что меня мгновенно повергло в ужас, ибо я знал, что он не заткнется, пока не перечислит всю ту «чушь», которую «болтают», — многие утверждают, что бордер-терьеры не линяют. И глубоко заблуждаются. Бордер-терьеры линяют, причем некоторые линяют очень сильно. Вопреки бытующему мнению они не относятся к нелиняющим породам.

— Ладно, понял, — сказал я.

Но Пол еще не закончил.

— Во-вторых, — продолжал он, энергично ткнув пальцем перед собой, — многие утверждают, что бордер-терьеры легко поддаются натаске. Что мы подразумеваем под словом «легко»?

Пол рассмеялся так, будто среди начинающих собачников это была самая распространенная и нелепая ошибка в отношении бордер-терьеров. Рассмеялся и вновь спросил:

— Знаешь, что я имею в виду, Дэнни? Что мы подразумеваем под словом «легко»?

— Конечно, — ответил я. — Это может означать что угодно.

— Вот именно, Дэнни. Совершенно верно. Трактовок много.

«Это может означать что угодно» — моя коронная дежурная фраза, позволяющая сохранить лицо в ходе разговора, когда не знаешь, что отвечать. Читайте, что я вам ее подарил.

— В-третьих, бордер-терьеры хорошо играют с малышами. До определенной степени это верно. Но, Дэнни... ни одну собаку нельзя оставлять без присмотра рядом с ребенком. Ни в коем случае.

— Разумеется.

— Знаешь, почему?

К этому моменту я не знал даже, как меня зовут.

— Э... может означать что угодно?

Пол просто посмотрел на меня. Не стоило надеяться, что моя дежурная фраза окажется к месту и во второй раз.

— Ну... пожалуй.

Надо же. Подошла.

— Еще по пинте, Дэнни?

Я упал духом, хотя внешне это никак не выразил.

— Конечно.

— Тогда твоя очередь угощать, маэстро!

Я пошел за пивом.

Мне нравился Пол, — милый, мягкий человек, — но должен признать, что через десять минут общения с ним я хотел одного: чтобы он забыл про бордер-терьеров.

Мы договорились встретиться еще раз — через недельку-другую. Он сказал, что позвонит. Я в том не сомневался. Теперь я был вторым в мире ведущим экспертом по бордер-терьерам. Кто же откажется дружить со мной?

В тот вечер, вернувшись домой, я впал в эйфорию. По двум причинам.

Во-первых, на автоответчике для меня было оставлено сообщение. От Гарета из шоу «Ричард и Джуди». Он извинился за задержку и сказал, что им наконец-то дали добро на съемки шоу «Дэнни на пути к просветлению»! Гарет спрашивал, есть ли у меня время на то, чтобы в эту субботу съездить в Йоркшир и снять репортаж о буддистских монахах! Конечно, есть, черт возьми! Хотя я решил не выказывать бурной радости и по электронной почте направил ему ответное сообщение следующего содержания: «Да, время есть, я готов поехать, вскоре поговорим».

Но ведь это круто! Не зря я дакаю! Представляете, меня ждет встреча с монахами! В телевизионной передаче! Во-вторых, на мои письма наконец-то откликнулся Том.

Дэнни!

Как автомобиль?! Получил твои сообщения относительно Джейсона. Прости, что не ответил сразу: заматался из-за переезда. Пытался связаться с Джейсоном по электронке, но он, похоже, куда-то уехал. Обидно! Попробую поискать его по другим каналам. Кажется, его сестра работает в Ланкастерском университете. О результатах сообщу. Кстати, какой у тебя адрес? И что натворил Джейсон? Чувствуется, он тебя достал!

Том

Это были потрясающие новости. Правда, я по-прежнему был далек от того, чтобы поквитаться с Джейсоном, зато у меня появился союзник. Том теперь в курсе событий и поможет мне вывести Джейсона на чистую воду. Деньки Провокатора сочтены.

Я чувствовал себя на седьмом небе от счастья, когда укладывался спать. Наконец-то дела мои пошли в гору.

Думаю, Кристен с удовольствием ждала нашего свидания. А вместе с ней и все ее друзья.

— Я Кристен, — представилась высокая привлекательная, на вид весьма состоятельная девушка, когда я вошел в паб. — А это Дэн, Майкл, Бри, Джейн, Руди и Ник.

— Приветствую... всех, — поздоровался я.

— Привет, — ответили мне.

Кристен сама назначила время и место свидания. Мы встретились в несколько обшарпанном пабе в Ислингтоне, где она знала всех, кто там был. По телевизору как раз шла прямая трансляция футбольного матча между клубами «Арсенал» и «Тоттенхэм». Скажем так: не самая подходящая обстановка для классического свидания.

— Когда Ханна предложила, чтобы мы с тобой встретилась и выпили чего-нибудь, я сначала... эй, вы, чертовы придурки! — заорала Кристен на телевизор, вскакивая на ноги. Дэн, Майкл, Бри, Джейн, Руди и Ник теперь тоже стояли и вопили. «Арсенал» только что забил гол.

— ...а потом подумала, — продолжала она, усаживаясь на место, — и, знаешь, мне кажется, порой...

— Ты давай нормально суди, глаза раскрой, сволочь! — гаркнул сидевший подле нее Ник. Кристен потрепала его по коленке.

Поверьте, меня мало что страшит так, как девушки в пабе, по-настоящему увлеченные футболом. Во-первых, это самые шумные и агрессивные женщины на свете. Они вскакивают со своих мест столь стремительно, что я даже глазом не успеваю моргнуть. Много раз мне казалось, что сидящая подле меня девушка просто-напросто испарилась, хотя на самом деле она стояла и выкрикивала ругательства, от которых уши вянут; я и не знал, что кто-то может так грязно сквернословить. Как вы, наверное, догадались, я не большой любитель футбола. Международные матчи я смотрю охотно, а вот заурядные, между местными командами, которые обожают завсегдатаи паба, я обычно пропускаю. Возможно, у меня это пошло от отца. Тот болел за «Карлайл юнайтед» — команду, которая лишь один раз забила гол, где-то в 80-х. Этого одного гола за всю историю клуба, по-видимому, оказалось недостаточно, чтобы пробудить во мне интерес к матчам внутреннего первенства, хотя тот случай мне хорошо запомнился, ибо отец купил домой печенье, дабы отпраздновать победу любимой команды. Его и по сей день можно видеть на пустых, продуваемых ветрами стадионах в том или ином уголке страны, где, промокший и молчаливый, он стоит и смотрит матчи с полудужиной других стариков, которые еще помнят славные дни и, будучи болельщиками со стажем, прекрасно понимают, что только зря тратят время.

Кристен и ее приятели напряженно смотрели на экран, а я сидел и молчал, не в силах стряхнуть с себя ощущение неловкости. У меня было такое чувство, будто я... обманываю. Хотя, собственно, что произошло? Я просто согласился встретиться с девушкой, чтобы вместе попить пива. Потому что меня попросили. И тут я кое-что вспомнил. Я ведь могу настроиться на то, чтобы мне было хорошо. Я повернулся к Кристен и завел с ней разговор.

— Значит, красные против белых? — полушутя спросил я.

Кристен взглянула на меня.

— Выходит, ты не любишь футбол?

— Не очень. А кто этот тип в черном? Папаша кого-то из игроков?

Кристен улыбнулась. Улыбка у нее была приятная. Оказывается, не все так плохо.

— Арбитр, — ответила она. — Но, думаю, ты и так это знал. Говоря по правде, я тоже не фанатка футбола... болею по привычке, от отца досталась.

— А-а. Мой случай. А чем занимается твой отец?

— В следующем году уйдет на пенсию.

— Ясно. Придется искать нового?

Кристен рассмеялась. Очко в мою пользу.

— Эй, ну же, давайте, недоноски! — неожиданно закричала Кристен. Полагаю, если она не фанатка футбола, значит, ей просто нравится сквернословить на людях.

— Дурь все это, — сказала Кристен. — Может, пойдём отсюда?

Мы с Кристен сидели в баре на Аппер-стрит.

Зазвонил мой сотовый. Я ответил. Звонивший повесил трубку.

Кристен подалась вперед.

— Ты не находишь немного странным, что Ханна устроила тебе свидание? — спросила она.

— Нахожу, — ответил я, отключив свой телефон. — А ты?

Кристен глотнула вина.

— Весьма. Так почему ты согласился?

— Считаю, что мне захотелось... новых впечатлений.

— Новые впечатления — это хорошо, — заметила Кристен. — Хорошо, когда человек стремится объять необъятное.

В разговоре возникла пауза, но мы не испытывали неловкости. Я взял хлебную палочку.

— Взаимоотношения между мужчиной и женщиной — тонкая вещь, — внезапно сказала Кристен. — Порой ты знаешь, на что рассчитывать, или думаешь, что знаешь, а в один прекрасный день вдруг выясняется, что ловить тебе нечего. Неожиданно. Как гром среди ясного неба. С тобой так не бывает?

— Бывает, — ответил я. — Иногда.

— Мой последний парень. Бен... у нас все было тип-топ. Мы встречались с университета. А потом однажды он познакомился с другой девушкой. И все. В один вечер все четыре года — коту под хвост.

— О, — произнес я. — Сочувствую. Должно быть, тебе было...

— Было. Дерьмово. Но... пожалуй, это и к лучшему. Пусть лучше бросил сейчас, чем тогда, когда у нас уже были бы дети.

Я кивнул.

— Просто мне... даже не знаю... теперь я одна, и меня беспокоит, что я постоянно упускаю что-то... Прежде у меня было более полное чувство удовлетворенности. Наверное, просто потому, что я не...

— Тебе кажется, что ты не используешь возможности? Те, что могли бы привести к чему-то? Хотя к чему, ты не знаешь?

— Точно! — воскликнула Кристен. — Да... как будто я упускаю что-то важное.

Я не знал, что сказать. Мне было абсолютно ясно, что она имеет в виду, но, если бы я признался в том, что понимаю ее, это снизило бы ценность ее чувств. Лишило бы их уникальности в ее глазах. Ибо до сей минуты я считал, что это чувство присуще только мне одному.

— А у тебя как? — спросила она. — Кто была твоя последняя девушка? Ханна?

— Ну... в общем, да. Потом я опять влюбился. Но с той девушкой ничего не вышло. Она далеко. Хотя, наверное, могло бы получиться... но...

— Понятно, — сказала Кристен. — Это по-своему тоже тяжело. Неведение. В каком-то смысле это еще хуже, чем когда ты знаешь, на что можешь рассчитывать. Пусть у тебя целая куча друзей, но порой хочется быть только с одним человеком.

Мне нравилась Кристен. Я ей сочувствовал. Она все еще сильно переживала свой разрыв с возлюбленным. А я? Я уверен, меня она тоже жалела. Я взял еще одну хлебную палочку и понял, что не лежит у меня душа — к свиданию, а не к хлебной палочке. Кристен оказалась права. Порой хочется быть только с одним человеком.

А потом она улыбнулась.

— Хочешь есть?

Мне казалось, что в Кристен я обрел нового друга. Так приятно пообщаться с человеком, который тебя... понимает. Я был рад, что согласился встретиться с ней.

Мы заказали по вкусному макаронному блюду и вино, а потом болтали, смеялись, не замечая, как летит время. Отправились в другой бар и вскоре позабыли про свои печали, прошлое и вообще про все на свете. Когда бар закрылся и мы собрались разбежаться в разные стороны, Кристен вдруг предложила:

— Может, попьём кофе?

Боже. Что она имеет в виду? Однако надо соглашаться. Хватать быка за рога, как сказала бы Кристен.

— Мм... — только и успел произнести я.

— Пойдем, — перебила меня Кристен. — Я действительно имею в виду только кофе. Я живу здесь, близко. Выпьём кофе, а потом вызовешь такси. Если тебе повезет, может, и печенье найдется.

— Классно, — с улыбкой сказал я. И мы зашагали к ее дому.

Я слышал, как Кристен на кухне откупорила бутылку вина, и рассмеялся, когда она с вином пришла в комнату. Мы поговорили еще — об отпуске, о детстве, о наших родных. Она сообщила, что хочет пойти на концерт одной группы, который состоится в Камдене100, и спросила, достать ли билет на мою долю. Я никогда не слышал об этой группе, но улыбнулся и ответил:

— Да.

А потом, когда я надевал пальто, собираясь идти домой, она склонила голову набок и сказала:

— Знаешь, обычно я так не поступаю...

У меня екнуло сердце и напряглись плечи, ибо я догадался, что последует дальше.

— Не хотел бы ты остаться со мной сегодня?

ГЛАВА 19 В которой читателю придется читать между строк

Пожалуй, мне не стоит об этом рассказывать.

Да и не уверен я, что хочу рассказывать об этом. Пока.

В данный момент.

Простите.

ГЛАВА 20 В которой Дэниел едет в красивый замок Добройд и случайно узнает нечто новое из мудрого учения Майтреи

Каждый из нас что-то вынес из школы — кто-то больше, кто-то меньше, — но все однозначно запомнили, что города и селения западного района Йоркшира образуют всемирный центр международной буддистской деятельности.

И вот теперь я направлялся туда на встречу с монахами.

Мои новые работодатели из программы «Ричард и Джуди», свалившиеся на меня, как снег на голову, поручили мне волнующую миссию — съездить в Западный Йоркшир, пообщаться с монахами и снять о них короткий репортаж. Казалось бы, задание несложное. И интересное. Мне до сих пор не верилось, что именно мне его поручили. Ведь есть масса людей, которые справились бы с этим заданием гораздо лучше, чем я. Хотя бы Сью Поллард. Бог мой, ведь она рекламирует пароочистители — значит, в данный момент она не занята. Одно могу предположить: очевидно, после встречи со мной Гарет с Дином решили, что из всех тех, кто мог бы извлечь выгоду из этих курсов просветления, я нуждаюсь в них больше остальных.

Из Лондона в Йоркшир ехать долго. Я сидел в машине с консультантом Робинем и звукооператором Джеффом. Мы были в пути уже несколько часов. Большую часть времени ползли по узкой дороге за синим автомобилем с кузовом «универсал», на стекле которого было объявление «В машине ребенок». Я только минут через сорок сообразил, что, если ребенок не сидит за рулем, то мне эта информация совершенно ни к чему. В конце концов нам удалось обогнать эту машину, и, к всеобщей великой радости, мы увидели указатель с надписью «Тодморден».

С режиссером и кинооператором передачи «Ричард и Джуди» я должен был встретиться в уединенном замке, расположенном в этом маленьком городке. Но я немного нервничал. Дело в том, что до меня постепенно дошло, что название Тодморден состоит из двух немецких слов: «Tod» и «Mord». Первое означает «смерть», второе — «убийство». Не знаю, как вам, а мне не очень-то улыбалось целый день торчать в уединенном замке, находившемся в городке под названием Смертоубийство. Я решил, что, если, не приведи Господи, ко мне приблизится монах, которого зовут профессор Слива или полковник Горчица, я пулей выскочу из замка и укачу прочь, только меня и видели. Пожалуй, такой сценарий развития событий детективной игрой «Ключ к разгадке» не предусмотрен.

— Так это ты у нас ищешь просветления? — спросил Джим, режиссер программы.

— Наверное, — ответил я, покачав головой. — Если таковое можно найти. Это, что ли, место съемок?

Мы стояли у замка Добройд — величественного, но ничуть не грозного сооружения, высившегося в окружении леса. Замок был построен в 1865 году как символ любви мужа к жене, но что-то там не сложилось. Он был сыном богатого фабриканта, она — простой работницей на фабрике. Он влюбился в нее, и она сказала, что выйдет замуж за него, если он в подарок выстроит для нее замок. Стараясь угодить любимой, он выполнил ее пожелание. Замок ей не очень понравился. Она переселилась в маленький домик на его территории. Он был убит горем, она умерла алкоголичкой. И вскоре после этого кто-то придумал подарочные купоны — вряд ли это простое совпадение.

— Итак, — сказал Джим, — вот как мы поступим... — Он отвел меня в сторону. — Я походил здесь, нашел несколько великолепных мест для съемок. Трудностей не должно возникнуть. Значит, мы сделаем так: заснимем твое прибытие, потом как ты встречаешься с парочкой монахов и твой отъезд.

— Хорошо. И впрямь ничего сложного.

— Да. Работы на шесть-семь часов, не больше.

— О.

— Ты много снимался на телевидении?

— Нет. Первый раз.

Джим побледнел.

— Ладно. Значит, часов за девять-десять управимся. Робин расскажет тебе в двух словах, что мы будем делать. Джефф прикрепит тебе микрофон.

— По сути, — начал Робин — он был в бейсболке и имел подбородок, как у супергероя, — нужно, чтобы ты залез в душу к буддистскому монаху. И выяснил, буддизм — это твое или нет. Чем живет монах. А еще мы должны снять материал о том, чем они тут занимаются: обучающие программы. чему тут можно научиться, люди, с которыми ты встретишься. Понятно?

— Да. Покажи мне монаха, и за дело.

Звукооператор Джефф тут же засуетился. Оттянул на мне свитер и клейкой лентой прикрепил на моей груди микрофон.

— Хорошо. Грудь гладкая, — заметил он. — Волосы выдирать не придется.

— Это все благодаря фирме «Волосы в прошлом», — объяснил я. Он расхохотался, потому что, думаю, не поверил мне.

— Так, — сказал Робин. — Мы устроили тебе встречу с... — он помолчал, — ...Самтенем.

— Это кто такой?

— Монах. Самый главный в общине. Всем здесь заправляет. Он согласился с тобой побеседовать.

— Чудесно.

— Но, может, сначала походишь здесь немного? Посмотришь, что к чему?

Замок Добройд монахи купили в 1995 году за несколько сот тысяч фунтов. Он находился в полнейшем запустении. Монахи решили создать в нем свой центр — центр имени Лозанга Драгпы101, — где за символическую плату обучали основам своей веры, традициям и медитированию всех, кто в том нуждался, что было весьма великодушно с их стороны, ведь взамен от своих учеников они требовали, чтобы те помогли им восстановить замок. Двери центра были открыты для всех, в любое время года. Если вы не знаете, чем занять себя, но стремитесь

приносить пользу, настоятельно рекомендую вам обратиться в этот центр.

— О. — Передо мной неожиданно вырос мужчина с бритой головой в длинном красном одеянии. Очевидно, монах, предположил я. — Привет.

— Привет, — поздоровался я. — Милое местечко.

— Спасибо. Ты с телевидения?

— Да.

— Добро пожаловать.

И он пошел вместе со мной.

Звали его Лайам, и ему нравилось в замке.

— Сюда приходят, чтобы обрести внутренний покой, — объяснил он. — Любой может найти здесь пристанище. Причем не обязательно быть буддистом. Люди просто могут жить с нами, освобождая свое сознание от негатива. Наша задача — способствовать тому, чтобы люди на земле жили в мире и счастья.

Беседуя, мы с Лайамом гуляли вокруг замка. Потом нашли скамью и сели.

— Здесь мы постигаем простые вещи... например... что нужно ценить каждое мгновение своей жизни, — продолжал Лайам. — И жить каждый день так, будто это последний день твоей жизни на этом свете. Нет, пожалуй, я выразился слишком сильно. Попробую сказать иначе. Понимаешь, мы должны постоянно сознать, что сегодня мы можем умереть.

Я удивленно вскинул брови. Лайам размышлял.

— Хотя это еще более сильно сказано, да? Я имею в виду вот что: мы должны сознать, что, возможно, ты и я умрем сегодня.

Проклятье. Я нахожусь в уединенном замке в городе под названием Смертоубийство с человеком, который на-стойчиво меня убеждает, что, возможно, сегодня я умру.

— Это не значит, что мы сегодня умрем, — добавил он, поднимая палец. — Но... это не исключено.

Признаюсь честно, от его слов мне легче не стало, но Лайама уже было не остановить. Мы находились на пути к экзистенциализму.

— Оба утверждения — что, возможно, мы не умрем сегодня и, возможно, что мы сегодня умрем — абсолютно верны. Но первое более существенно, ибо в этом случае мы понимаем, что должны ценить каждое мгновение своей жизни.

— Вообще-то от таких утверждений становится страшновато, — сказал я. И не кривил душой. Не спорю, я буду ценить каждое мгновение своей жизни, но, скорее всего, спрятавшись под кроватью.

— Да, пожалуй. Но понимаешь, в чем дело, Дэнни, человек очень легко приобретает такую черту, как самодовольство. Если человек сознает, что он смертен, как говорит Самтен, он становится более восприимчивым и, как ни смешно это звучит, чувствует себя более живым. Ладно, давай пройдем туда...

Следующие полтора часа съёмочная группа программы «Ричард и Джуди» снимала, как я вместе с монахами

рублю сельдерей, убираю туалеты, блуждаю по саду и, вообще, делаю все, что делают монахи. Я чудесно проводил время. Везде, куда бы я ни пришел, обритые наголо монахи принимали меня с распростертыми объятиями, и я постепенно проникался любовью к их образу жизни. Это трудно объяснить, но здесь от всего исходило... тепло. Было видно, что они по-настоящему счастливы. И безмятежны. Меня научили медитировать, накормили шикарным обедом, я познакомился с их учением.

Наконец режиссер объявил перерыв.

— Вы сняли, что хотели? — спросил я.

— Да, — подтвердил Джим. — Хотя нам нужно что-то... еще.

Я энергично кивнул.

— Что же?

— Сам не знаю... просто... получается как-то все очень... положительно.

— Но монахи — положительные люди. Вообще все монахи. А буддийские в особенности. Они славятся своей положительностью.

Что верно, то верно. Редко услышишь о том, что буддийский монах попытался похитить кого-то или обмануть пенсионера. В чем бы ни обвиняли буддийских монахов, но в одном им надо отдать должное: они совершенно не способны обманывать стариков. Я называю это слабостью.

— Да, монахи — симпатичные люди, — согласился Джим. — Просто мне кажется... э... что ты уже увлекся буддизмом...

— Замечательная религия!

— Да, но... понимаешь, если ты уже решил пойти по пути буддизма, тогда, пожалуй, нет смысла снимать тебя дальше. Потому что ты уже сделал свой выбор. Так что постарайся глубже вникнуть в их жизнь... покажи их под другим углом.

— Ладно. — Я твердо вознамерился найти нужное решение. Мне представился шанс сняться на телевидении, значит, я должен оправдать ожидания тех, кто в меня поверил.

— Сам придумай, как это сделать, — сказал Джим и пошел решать какие-то важные вопросы.

Мы с Джеффом ели печенье. Он сказал, что догадался о том, что я голоден, ибо даже за тридцать шагов слышал в наушниках, как у меня урчит в животе.

— Я должен как-то показать их под другим углом, — поделился я с ним своей проблемой. — Представить их со всех сторон. Ума не приложу, как это сделать.

Джефф откусил печенье и задумался.

— Попробуй их поддеть, — посоветовал он.

— Поддеть?

— Выведи их из себя. Они слывят самыми невозмутимыми людьми на свете. Попытайся их рассердить. Это будет сенсация, гвоздь программы.

— Рассердить монаха? — недоверчиво произнес я. — Ничего не выйдет! Они же спокойны, как слоны!

— Ну... попытка не пытка. Хоть будет что вырезать при окончательном монтаже. Придай своему репортажу остроты. Покажи более темные стороны монахов.

— У них нет темных сторон.

Честно говоря, мне эта затея не улыбалась. В конце концов, Робин предложил залезть в душу к буддийскому монаху, но не дергать же его за титьки. С другой стороны, ведь это совет профессионального телевизионщика! К тому же я знал, зачем я здесь, и вовсе не хотел строить из себя капризную примадонну. Посему я кивнул и сказал, что это хорошая идея. По сути, это был единственный выход.

Нехотя я стал думать, как бы мне рассердить буддийского монаха.

Я бродил по замку, перебирая в уме разные способы и средства.

Через некоторое время мне предстояло познакомиться с Самтенем, и я вовсе не хотел, чтобы он принял меня за извращенца, питающего ненависть к монахам. И вдруг я увидел пруд. Если все мои задумки не дадут результатов, рассудил я, всегда можно столкнуть монаха в воду. Хотя, пожалуй, это слишком. Да и негоже подавать дурной пример. Что, если в отдаленном будущем молодые люди, пожелавшие пойти по моим стопам, из моего опыта усвоят только то, что надо напиваться и сталкивать монахов в пруд?

— Значит, через некоторое время ты встречаешься с Самтенем? — спросил какой-то монах, сидевший на скамье, куда я присел на минутку, чтобы успокоиться.

— Да, надеюсь, — ответил я.

— Здорово. Тебе повезло. Он потрясающий человек. Тебе понравится. Он удивительный.

— В самом деле?

— Да. Он удивительный.

— Чем же?

— Чем? Да тем, что он удивительный. Когда говоришь с ним, кажется, что ты единственный человек на свете. Он самый духовный из всех людей, которых тебе доведется встретить. Все знает. О чем бы ты его ни спросил, у него на все есть ответ. И он потрясающе терпелив, образец терпения и выдержки для всех, с кем он общается.

— И впрямь неординарный человек, судя по твоим словам, — сказал я с искренностью в голосе.

— Да. Неординарный, — подтвердил монах. — Удивительный.

Неожиданно кто-то меня окликнул. Я повернул голову на зов и в одном из окон замка увидел Джима.

— Дэнни! Ты готов?

Я кивнул и начал собираться с мыслями.

— Вот скажи... — обратился я к монаху, сидевшему подле меня. — Я просто так спрашиваю, к делу это отношения не имеет, правда... что вызывает раздражение у таких, как вы?

Монах сделал глубокий вдох и погрузился в раздумья.

— Война, — наконец произнес он.

— Война?

— Война, — повторил монах и, обратив ко мне свое посуровевшее лицо, кивнул.

Боже. Значит, чтобы рассердить монаха, я должен развязать войну; да, сегодня будет тяжелый день.

— Итак, Дэнни, — сказал Робин. — Самтен тебя ждет. Просто возьми у него обычное интервью, хорошо?

— Ясно. Я готов.

Джефф подмигнул мне и жестом показал, чтоб я не робел. А потом в комнату вошел самый рослый монах на свете. Он улыбнулся и пожал мне руку.

— Самтен, — представился монах.

— Ну и ну! — в изумлении воскликнул я. — Вы самый высокий монах на свете! Должно быть, вы король монахов!

— Хм... спасибо, — сказал Самтен, приняв мои слова за комплимент, хотя я просто констатировал факт. — Что, может, присядем в холле и побеседуем?

Самтен говорил тихо, спокойно, так что любая его фраза вызвала доверие. Он мог бы сказать: «Давай привяжем на твое лицо кусок ветчины и приведем к тебе в дом волка?», и я бы ответил: «А что, давай! Так и сделаем!»

В общем, я сел, как и предложил Самтен, в холле замка Добройд. Съёмочная группа принялась устанавливать телекамеры и микрофоны, а мы с Самтеном тем временем вели неспешный разговор. Я мгновенно проникся к нему симпатией. У него было доброе лицо, на котором сидели круглые очки, аккуратно остриженные короткие волосы. Улыбка почти не сходила с его губ.

— Должен сразу вас предупредить, — сказал я. — Я первый раз беру интервью. Так что, возможно, не все получится.

— Все у тебя получится, — успокоил меня Самтен, и я ему поверил.

— Вы когда-нибудь видели шоу «Ричард и Джуди»? — спросил я.

— Нет, — ответил Самтен. — У нас здесь нет телевизора. Но если о нас сделают передачу, это нам очень поможет. Мы живем на пожертвования и рассчитываем на помощь людей, которые приходят к нам, на их навыки. За проживание они могут платить не деньгами, а работой, которую умеют выполнять. Например, электрик может обеспечивать надежность электропроводки. Человек, разбирающийся в садоводстве, может ухаживать за садом. А человек твоей профессии...

Самтен взглянул на меня и замолчал. Очевидно, пытался придумать, какую помощь может принести их замку такой, как я. Я попытался ему помочь.

— Я работаю на радио, готовлю радиопередачи, — сказал я. — Допустим, я мог бы... сделать получасовую развлекательную радиопрограмму о монахах и их проделках.

— Ммм, — произнес Самтен.

— Программа для монахов с участием монахов.

— Может быть.

— И мы назвали бы ее «Монашья проделки».

Самтен кивнул.

— Да. Э... а убирать ты умеешь?

Через несколько минут началось интервью.

Достоинимый и очень высокий Самтен Келсанг, как я выяснил, исповедовал буддизм с 1983 года.

— С буддизмом я познакомился в колледже, — сообщил он мне.

— Что ты изучал?

— Ну... сначала математику и статистику... а потом понял, что это не мое, и занялся зоологией.

— Значит, ты изучал зоологию? — Я был поражен. Не слабо он скакнул: из математика в зоологию.

— Да. Изучал зоологию. Но потом решил, что это не совсем то, чем я хотел бы заниматься, и перешел на психологию.

— Психологию? Надо же! Значит, ты психолог?

— Психологию я изучал не очень долго. В конце концов оставил и это занятие.

— О-о. А потом?

— Мм... — Самтен кашлянул. — Потом я занялся гончарным делом.

Я обалдел.

— Из математика превратился в гончара?

— Прежде побыв немного зоологом и психологом.

Да уж, классический путь развития личности.

— Можно сказать, мне повезло. В результате всех этих моих шатаний я лишился шанса поступить в университет, ибо было ясно, что я не поступлю. И мне пришлось сойти с дистанции. Обычно после колледжа — прямая дорога в университет, потом — на работу по специальности... А я не был обременен такими обязательствами. Зато у меня было время. Время подумать, чему я хочу посвятить свою жизнь. Думаю, каждый после школы должен взять годичную передышку, прежде чем поступать в университет. Важно, чтобы у тебя было время подумать и решить, чем бы ты хотел заниматься. Потому что в жизни каждого человека есть ключевые моменты... ключевые периоды, когда он должен принять решение, которое определит его путь на следующие двадцать лет. И только потом ты волен сделать другой выбор, от которого будут зависеть следующие двадцать лет твоей жизни.

Эти слова Самтена вызвали глубокий отклик в моей душе. В моем случае таким поворотным моментом стало решение заняться новой работой на Би-би-си. Оно ознаменовало конец моей трудовой активности ради заработка... и начало настоящей профессиональной деятельности, которая, возможно, будет служить определяющим фактором на протяжении следующих двадцати лет моей жизни. Мне невольно вспомнился Джейсон. Поприще, которое он избрал, озлобило его. Не хотелось бы, чтоб я загнал себя в такую же ловушку.

— Да, — добавил Самтен. — Нужно очень осторожно принимать важные решения в жизни.

— Ну... ошибки можно исправить в следующей жизни, — пошутил я, намекая на переселение душ.

Мой приятель-буддист поразмыслил над моими словами... и согласился:

— Да, пожалуй.

— Так, — вмешался Джим, — давайте прервемся на минутку. Дэнни... спроси Самтена, что обычно заставляет людей приходить к вам.

— Будет сделано, — сказал я, все еще пребывая в эйфории. А что, неплохо я сострил по поводу реинкарнации.

Джим вновь включил камеру.

— Самтен... что обычно заставляет людей приходить к вам?

— Это может быть что угодно. Я часто разговариваю с людьми о том, что привело их сюда, что указало им путь к нам. Иногда это переживания. Иногда чистая случайность. Иногда брошенное мимоходом замечание незнакомого человека. Иногда столкновение с каким-то неодушевленным предметом или животным.

У меня екнуло сердце.

— Ну-ка... подожди. Что вы там говорили про незнакомцев и брошенные мимоходом замечания?

Я чувствовал, что Джим как-то странно смотрит на меня из-за камеры, но я уже старался не для программы «Ричард и Джуди» — я старался ради себя.

— Ты будешь удивлен, — отвечал Самтен, — но иногда люди оказываются здесь из-за того, что кто-то что-то сказал. Что-то такое, что задело их за живое или открыло им глаза. Что-то, что нашло отклик в их душе. Зачастую тот, кто это сказал, даже не подозревает, какой эффект произвели его слова. Но иногда это деяние... э... просветленного существа...

Я оторопел. Что он сказал?

— Просветленного существа? — переспросил я.

— Да, — ответил Самтен.

— Как... Майтрея?

— Да, — кивнул монах. — Ты слышал про Майтрею?

Слышал ли я про Майтрею? Чудеса да и только. Если подумать, я здесь оказался как раз потому, что однажды незнакомый мне человек бросил фразу, которая задела меня за живое. И, возможно, этот человек, как полагают некоторые, был... просветленным существом. Невероятно. У меня голова шла кругом.

— Да, я слышал про Майтрею! Я все знаю про Майтр...

— Стоп, — крикнул Джим. — Мм... По-моему, ребята, вы перегибаете палку. Аудитория вас не поймет. Еще раз задаем этот же вопрос, но разговор ведем в более общем ключе... и... мотор...

Я был растерян. Испытывал досаду. Казалось, Майтрея и тут, и там — всюду. Что, полагаю, весьма кстати для того, чья цель — вездесущность. Сейчас мне хотелось говорить только о Майтрее, о моем попутчике в автобусе и о том, что все это может значить. Обо всех, на первых взгляд, случайных событиях, которые привели меня сюда, к Самтену. Но Джим был прав: я приехал в Добройд работать, а не болтать в свое удовольствие, поэтому мы с Самтенем, прогуливаясь по замку, продолжали беседовать о программах обучения, которые предлагали монахи. Здесь было здорово, и я все больше проникался искренней симпатией к своему долговязому приятелю. Он водил меня по комнатам, рассказывал разные истории, представил другим монахам, и только после того, как он объяснил, что ему нужно перебинтовать палец, съемка была приостановлена.

— Что у вас с пальцем? — любопытно спросил я.

— Упал недавно на лестнице. По глупости. Скоро вернусь...

Съемочная группа отправилась искать новые места съемок. А я вдруг осознал, что получаю огромное удовольствие от своей новой работы. Оказывается, брать интервью так просто. Беседуешь с людьми, и все.

— Помни, Дэнни, — напутствовал меня Джим, прежде чем уйти вслед за своей командой. — Попытайся его спровоцировать. Добейся от него неадекватной реакции. Комай глубже в буддизм. Работа на телевидении — дело непростое. Светской болтовни тут недостаточно.

Джим улыбнулся. Вне сомнения, ему не терпелось посмотреть, как я буду злить монахов. Удрученный, я кивнул ему и, стоя на одном месте, стал думать, как бы мне выполнить эту непростую и неприятную задачу.

Через несколько секунд я заметил выходящего из-за угла Лайама.

— Привет, Лайам.

— Привет. Как съемки?

— Здорово. — Мы пошли по саду.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы стать монахом, Дэнни?

Я улыбнулся.

— Ну... пожалуй, в детстве. У меня были несколько видеокассет о боевых искусствах. Про монахов Шаолиня, которые все дни напролет то медитировали, то прыгали по столам и разбивали о головы кирпичи. Весьма увлекательное зрелище. Наверное, тогда я тоже представлял себя монахом.

— Кино и действительность — разные вещи, — сказал Лайам. Говоря по чести, об этом я и сам догадался.

Лайам нагнулся, разглядывая цветок, а я продолжал:

— У меня был фильм «Шаолинь против ниндзя», где все монахи Шаолиня сражались с могущественными воинами-ниндзя.

Лайам поднял голову от цветка и посмотрел на меня.

— Да? И как это было?

Я пожал плечами.

— Дрались и все такое. Кто-то перепрыгнул через стол и разбил о чью-то голову кирпич.

— Кто победил?

— Не помню. Либо ниндзя, либо монахи. Но, думаю, в конце они, по крайней мере, прониклись уважением друг к другу.

Лайаму мой вывод понравился.

— Это хорошо. Нравоучительный фильм.

Я повернулся к нему.

— Лайам... а ты когда-нибудь дрался с ниндзя?

Он с грустью покачал головой.

— Нет.

Я снова был с Самтенем и не чаял скорее закончить интервью, а потом надеялся обсудить с ним жизненно важные вопросы, которые занимали все мои мысли. Мы находились в кафе на территории замка под названием «Мир во всем мире», ожидая, когда съемочная группа подготовит площадку для съемок завершающей части интервью.

Я говорил мало. Больше нервничал. Это был мой последний шанс выполнить то, что, в моем представлении, требовали от меня создатели шоу «Ричард и Джуди». Рассердить буддиста.

— Так, начинаем, — объявил Джим.

Самтен выпрямился на стуле. Я тоже приготовился... Пришло время воплотить в жизнь мою единственную идею.

— Итак... Самтен... считаете ли вы, что, с тех пор, как вы начали исповедовать буддизм, вы стали гораздо более спокойным человеком?

— Да, пожалуй...

— Прекрасно. Ведь это главная черта буддистов, да? Вы очень спокойные люди?

— Да, верно...

— А что, например, может вас рассердить?

— Видишь ли, каждый буддист учится контролировать свои чувства и понимать: то, что происходит вокруг нас...

И тут я сделал свой ход.

Сам не знаю, почему я решил, что это должно подействовать, но ничего лучше я не придумал.

Я начал кулаком бить Самтена по плечу: тук-тук-тук-тук-тук...

Он вздрогнул, умолк на полуслове.

— Э... вот это вас раздражает? — спросил я. — Когда я вас пихаю?

Самтен растерянно смотрел на меня. Я продолжал колотить его.

— Ведь это раздражает, да? — не унимался я.

Я чувствовал, как кровь прилила к моему лицу. Шутка ли, я колотил монаха.

— Ну... — К Самтену наконец-то вернулось самообладание. — Нет, это...

— Раздражает, да? А если сильнее?

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук...

Самтен вытаращил глаза. Я поднял голову. У Джима глаза так вообще вылезли из орбит. У Робина отвисла челюсть.

Я уже наносил удары очень быстро.

— Вы сердитесь? Ну же, скажите, что вы сердитесь.

Я почти умолял его. Мне очень, очень хотелось, чтобы он рассердился, но я затруднялся определить, удался ли мой номер. Не мог сказать, удалось ли мне его рассердить. Разозлился он или нет. Одно я знал: чувствую себя отвратительно.

Я обратил взгляд на режиссера, надеясь, что Джим крикнет: «Снято». Но он не кричал. Просто смотрел. Даже оператор отстранился от объектива и выглядывал из-за камеры, задрав брови под самую кромку волос на голове. На съемочной площадке царил тишина. Слышно было только, как я тарабанил — тук-тук-тук — по плечу монаха.

— Дэнни, — наконец произнес Самтен. — Вот что.

Я сбавил темп.

Самтен пристально посмотрел на меня.

— Я очень вспыльчивый человек, Дэнни... и мое терпение уже на исходе.

Я перестал колотить по нему.

— Итак... расскажите мне еще о вашем центре...

— Ну что, Джим, доволен? — спросил я. — По-моему, я его немного разозлил.

— Да, пожалуй. Хотя, Дэнни, если честно, я имел в виду несколько иное. Думал, ты спровоцируешь его словами. Поставишь под сомнение его веру. Я не рассчитывал, что ты станешь... его колотить.

— О.

Самтен, конечно, пошутил, когда сказал, что он очень вспыльчивый человек. Таким образом он уладил весьма щекотливую ситуацию.

Съемочный день был окончен, и наша группа принялась паковать оборудование. В Лондон я возвращался в одной машине с Джеффом и Робинотом. Но прежде мне хотелось поговорить с Самтеном, обсудить один важный вопрос. Я нашел его у пруда. Он стоял и смотрел на воду. Я подавил в себе порыв хлопнуть его по плечу. Решил, что он уже получил свое.

— Самтен, — обратился я к нему. — Можно с вами поговорить? Наедине?

Не знаю, зачем я ляпнул про «наедине». Мы и так были совершенно одни. Самтен подозрительно посмотрел на меня.

— Надеюсь, ты не станешь опять распускать руки?

— Нет, с этим покончено. Извините. Клянусь, в жизни больше не ударю ни вас, ни любого другого монаха. Теперь я знаю, что бить монаха — крайне безответственное поведение.

Самтен медленно кивнул, а потом поманил меня за собой в замок. Мы остановились у одной из дверей, он толкнул ее, и мы вошли в залитую солнцем комнату.

— Поставлю чайник. — Самтен приподнял полы своего одеяния и стал снимать обувь. Я несколько удивился, увидев на нем массивные ботинки для пешей ходьбы. Хотя — что в этом необычного? Возможно, такие ботинки — стандартный элемент снаряжения монахов. Наверное, я ожидал увидеть мокасины из тонкой кожи или тапочки из мешковины, но никак не массивные ботинки для ходьбы по пересеченной местности. Под длинным балахоном. Мне вдруг подумалось, что, возможно, Самтен поклонник экстрима. Не исключено, что у него и дельтаплан есть.

Самтен включил чайник и открыл холодильник.

— Чай с молоком?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. Хотя... я могу сделать тебе черный чай или с йогуртом.

— Ммм... а йогурт какой?

Самтен заглянул в холодильник и опять выпрямился.

— Клубничный.

Я подумал...

— Черный, пожалуйста.

Самтен налил чай и сел в кресло подле меня. Устроившись удобнее, он дружелюбно улыбнулся мне и кивнул, давая понять, что я могу изложить ему свой вопрос.

Я не знал, с чего начать. Но деваться было некуда.

— Самтен, беседуя с вами в холле, мы заговорили о... Майтрее.

Самтен сдержанно кивнул.

— Вот скажите... кто он? Я... так много о нем слышал.

— Майтрея — это Будда любви. Грядущий Всемирный Учитель.

— Да... это понятно... Меня вот что интересует... Может так быть, что я встретил его недавно в автобусе? Я поморщился. Может, я слишком быстро перешел к делу? Хотя Самтен не возражал.

— Ну... полагаю, это возможно. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что, по большому счету, из-за этого я и оказался здесь и говорю сейчас с вами. Ведь это мой дебют на телевидении. Я — не телеведущий. Просто мне предложили такую возможность, и я, вместо того чтобы отказаться, объяснить, что не могу, что я никогда прежде этого не делал... согласился. А возможность согласиться у меня появилась потому, что я посетил вечеринку, на которую полугодом раньше я даже и не подумал бы пойти. Я рискнул. Причем не один раз. И, по мнению некоторых из тех людей, с которыми я

познакомился тоже благодаря тому, что ответил на что-то согласием, обязан я всем происходящим своей встрече с Майтреей, в автобусе.

Самтен кивнул с таким видом, будто ему все ясно. Но я прокрутил в голове свои слова и решил, что, вероятно, он все же не понял меня.

А потом Самтен и сам признался:

— Я не уверен, что понимаю тебя,

И тогда меня прорвало. Я рассказал ему все. Поведал, как в начале этого года жил, замкнувшись в себе, отказываясь от маленьких возможностей повседневного существования, и как потом испугался того, что от всего отказываюсь, и начал сожалеть, что жизнь проходит стороной. А однажды вечером, сев в автобус в районе Ист-Энда, я услышал фразу, произнесенную незнакомым человеком. Фразу, которая перевернула всю мою жизнь. Это была столь простая и очевидная житейская мудрость, что до той минуты я и за мудрость-то ее не признавал. Чаще говорю «да». И я сказал монаху, что с тех пор я стараюсь следовать совету своего попугайчика — чаще говорю «да». И извлекаю из этого уроки. И замечательно провожу время. И... живу в полном смысле этого слова.

Самтен задумался над тем, что я рассказал. В его присутствии я ощущал, как тишина давит на меня, но при этом создавалось впечатление, что именно так и должно быть.

Наконец он улыбнулся и еще через секунду произнес:

— Похоже, ты уже нашел свой путь к просветлению.

Члены съемочной группы закончили паковать аппаратуру и теперь перекусывали перед дальней дорогой домой. Джефф жевал сельдерей. Робин пытался найти туалет.

Мы с Самтеном гуляли по территории замка и рассуждали о моей тактике согласия. Солнце все еще светило. Кроме нас, вокруг никого не было. Разве иногда какой-нибудь монах на велосипеде проезжал мимо, направляясь в город или из города.

— Мне особенно интересной показалась идея пустить все на самотек, — сказал Самтен. — Положиться на волю случая, как ты выразился. На самом деле мы вообще не контролируем свою жизнь. Это миф. В жизни может случиться абсолютно все.

— Как, например, в твоем случае, когда ты травмировал палец.

— Именно. Я не знал, что это произойдет.

— Да, я тоже.

Наверное, мне не стоило это говорить.

— Но я травмировал палец и вынужден это принять и приспособиться к сложившимся обстоятельствам. Если мы верим, что некие высшие силы, некие просветленные существа, помогают нам развиваться духовно, тогда мы начинаем воспринимать жизнь совершенно иначе. Она приобретает для нас особое очарование. Каждый представившийся нам шанс мы рассматриваем как возможность чему-то научиться. Мы должны с открытой душой принимать все, что происходит — и плохое, и хорошее. Ибо любое событие в нашей жизни дает нам возможность стать мудрее, дальше продвинуться по пути просветления. Опоздал на автобус — получил урок. Заболел — тоже получил возможность научиться чему-то новому, например, состраданию.

— А вы какой урок извлекли, когда травмировали палец?

— Понял, что не следует спотыкаться на лестнице.

Я рассмеялся.

— Хотя на самом деле... из-за травмы пальца я пока почти ничего не могу делать руками. В результате у меня появилось много времени на размышления. А это — бесценная возможность.

— Нет худа без добра.

— И то верно.

— Значит, вам надо чаще ломать пальцы.

— Не думаю, что это идеальное решение.

Мы нашли скамейку и сели.

— Это примерно то же самое, как ваш случай с математикой. Вы поняли, что эта наука не для вас, и занялись гончарным делом. В результате в университет вы не поступили, но это было только к лучшему, ведь так? У вас появилась возможность заниматься тем, что вам по-настоящему небезразлично.

— Правильно.

— Наверное, вы теперь и кружки умеете делать.

— Ну... вообще-то, гончар из меня никудышный.

— О.

Поднялся ветер. Мы оба с минуту молчали, слушая, как шелестит листва.

— Расскажи, что с тобой произошло. В результате тех случаев, когда ты ответил согласием.

Я задумался. Про что бы ему рассказать? И вдруг понял. Это ж очевидно. Все, что случилось со мной плохого, по-своему было благом.

— Как-то мне попался на глаза лотерейный билет с выскребным сектором. Обычно я в лотереи не играю. Но на билете было сказано, чтобы я соскребу номер, и я повиновался. И выиграл 25 000 фунтов.

— Здорово, — восхитился Самтен.

— А потом потерял свой выигрыш.

— Хм, — произнес Самтен.

— Но для меня это лишь послужило доказательством того, что я на верном пути. Дело не в том, что я потерял деньги — важно, что я их выиграл. У меня не было двадцати пяти тысяч, когда я нашел лотерейный билет, и у меня их не оказалось, когда я использовал этот билет. Фактически я ничего не потерял. Но у меня было такое чувство, будто я что-то приобрел.

Самтен поразмыслил над моими словами и сказал:

— Что ж, нет худа без добра.

— Верно.

— Значит, тебе чаще надо терять крупные суммы денег.

— Не думаю, что это идеальное решение.

Я ждал дальнейших комментариев Самтена. Мне не терпелось узнать, как он оценивает мою историю с лотерейным билетом. Но он ушел в себя, погрузился в раздумья. А когда наконец заговорил, то произнес фразу, которая при любых других обстоятельствах, наверно, привела бы к потасовке и разбитым носам.

— Ты павлин.

Что-о?

— Кто я?

— Павлин. Видишь ли, имея позитивный настрой, можно видоизменить любую ситуацию. Как павлины. От ядовитых ягод они только красивее и здоровее становятся, а другие животные болеют. Если тебе свойственно с предубеждением смотреть на вещи, ты не сможешь объективно, со всех сторон оценить ту или иную ситуацию, пребывая в состоянии уныния или депрессии. А человек, мыслящий широко, всегда сумеет извлечь пользу из трудного положения, в котором он оказался.

— Как вы, например, когда травмировали свой палец?

— Или как ты, когда лишился выигрыша. Что ты из этого вынес? Что нового узнал с тех пор, как стал говорить «да»?

— Ну... вообще-то, много чего. Что мужчины могут рожать детей. Что египетские пирамиды построили инопланетяне. Что мужчины не должны выгуливать кошек. И что я павлин.

В лице Самтена отразилось сомнение. Видимо, он не считал очень уж ценными те уроки, что я извлек из своих «да». И, говоря по чести, я его понимал. Если б подобные выводы кто-то сделал после просмотра одной из серий фильмов «Качественный скачок» или «Дорога на небеса», это было бы немного досадно. Но дело в том, что я и сам не знал, какие уроки я извлек. Точно не знал. Пока.

— Н-да... как бы то ни было, — заговорил Самтен, — мы очень многое можем почерпнуть, принимая себя такими, какие мы есть, а не такими, какими хотели бы быть.

Самтен прав, думал я. Все правильно. Мудрец, что и говорить. Сам я человек не религиозный, но, если когда-нибудь решу стать таковым, думаю, это именно в результате общения с такими людьми, как он. К тому же я экономлю целое состояние на средствах ухода за волосами.

— Можно тебя спросить... — обратился ко мне Самтен, когда мы пошли назад, к съемочной группе. — Ты чаще сталкиваешься с такими явлениями, как случайное стечение обстоятельств, с тех пор как ты положился на волю судьбы и стал более позитивно смотреть на жизнь?

— Да... пожалуй, — ответил я. — Взять хотя бы тот факт, что все вокруг меня в одночасье заговорили о Майтрее, а потом, благодаря «да», я оказался здесь, и вы, как выяснилось, все о нем знаете...

— Что ж, давай поговорим о Майтрее.

Мы остановились, и я задал ему свой вопрос:

— Самтен... на ваш взгляд, это и впрямь возможно, что в тот вечер в автобусе я встретил Майтрея?

— Об этом я знаю столько же, сколько и ты. Но в принципе, да, возможно.

Я был потрясен. О том, что, возможно, я встретил Майтрея, мне теперь говорил не Брайан. Не его друг Пит. И даже не Элиас Браун. Это сказал совершенно другой человек. Четыре человека считали, что я, возможно, встретил Майтрея. А четыре человека — это уже группа.

Мы с Самтенем подошли к замку.

— Ты вот о чем должен спросить себя, — добавил он. — Что побудило того человека сказать тебе это? Что заставило его произнести слова «Чаще говори "да"» человеку, который нуждался в этом совете?

Я кивнул, широко раскрыв глаза. Услышал, как Джефф меня зовет. Они уже были готовы ехать. Я махнул рукой: да, сейчас.

— С буддистской точки зрения, — продолжал Самтен, — мы говорим о вдохновении, исходящем от источника просветления. Порой в порыве вдохновения мы скажем что-то, а потом думаем, что побудило нас это сказать. В действительности вдохновение ниспосылают нам просветленные существа.

— Просветленные существа — такие, как...

— Майтрея, да. Любое просветленное существо — такое, как Майтрея, — постоянно трудится на благо всего человечества. Он ходит среди нас. Он постоянно с нами, помогает всем нам.

— Как Супермен?

— Да. Примерно. Только он помогает нам независимо от того, знаем мы о его присутствии или нет. Равно как солнце светит всем без исключения. Слепой не видит солнца... но это не значит, что солнце на него не светит...

Робин засигналил мне из машины.

— Если в автобусе с тобой говорил Майтрея, — сказал Самтен, — тогда, надо признать, он объявился

несколько рановато. Предположительно он должен прийти не раньше, чем через несколько тысяч лет... хотя, не исключено, что он пришел на разведку. Так что, возможно, это был он. И также возможно, что тебе на твоём пути к просветлению будут помогать другие просветленные существа. Или просто окружающие. Люди, от которых ты не ждешь помощи. Прислушивайся к тому, что они говорят. Иногда вдохновение посещает нас в самых неожиданных местах. Даже в обыденном может таиться волшебство. Смотри, не пройди мимо.

— Хорошо, — пообещал я и сказал это совершенно искренне. Я намеревался последовать его совету.

— Думаю, у тебя все будет хорошо, Дэнни. Ты во многом свободная личность. Детское простодушие — это прекрасно.

Я тепло улыбнулся Самтену. А потом сообразил, что, по сути, он назвал меня дурачком. Я уже хотел было что-нибудь связать в ответ, но потом вспомнил, что Самтен, по его словам, вспыльчивый человек, и прикусил язык — на всякий случай.

На обратном пути мы сделали остановку на станции техобслуживания и все трое направились в близкое обшарпанное кафе. Джефф хотел выпить молочный коктейль, Робин — помочиться. С того времени, как мы выехали из замка, он ходил в туалет уже в третий раз. Наверное, мочевого пузыря у него был, как у мотылька.

Я сел за столик, и через несколько минут ко мне присоединился Джефф.

— Интересная поездка, — сказал он. — Я почти что стал буддистом. Покойно у них, все счастливы. Тебе-то самому понравилось?

— Да, еще бы, — ответил я. — Кстати, спасибо за совет. По-моему, мне все-таки удалось его расшевелить.

— Всегда к твоим услугам. — Джефф помешал свой молочный коктейль. — Значит, это был твой дебют?

Как же ты попал в программу?

— Просто сказал «да». На одной вечеринке познакомился с Гаретом, мы с ним поговорили о том, о сем.

Потом меня пригласили на встречу и предложили попробовать себя в роли ведущего. Я согласился.

— Надо ж как просто.

— Угу. Просто сказал «да».

Джефф улыбнулся и что-то пробормотал себе под нос.

— Что ты сказал? — спросил я.

— Si! — громче повторил он. — Si a Todo!

Я моргнул пару раз.

— Не понял.

— Si a Todo. Это означает... хм, интересно, что же? «На все отвечай согласием». Это по-испански.

— «На все отвечай согласием»?

— Да. Si.

Джефф стал потягивать коктейль, производя ужасный шум.

— Но откуда это взялось? То есть это просто чья-то фраза, высказывание? Или, может, пословица?

— Не знаю. Пару лет назад я помогал делать одно праздничное шоу для Би-би-си-2. Мы были в Барселоне и там познакомился с одним парнем. Его звали Марк или Марко, как-то так. И это был его девиз. На все отвечай согласием! Si a Todo!

— Si a Todo, — повторил я.

— Ага. У него своя закусочная, и он всю жизнь следует этому принципу.

— Так ведь он... Согласный! — воскликнул я.

Джефф смешался:

— В каком... смысле?

— В самом прямом. Раз он на все соглашается, значит, он — Согласный!

Невероятно. А я-то думал, что я один такой. Ан нет. Где-то... живет человек, который мыслит так же, как я!

Джефф улыбнулся и сказал:

— Да, пожалуй.

— И этот парень... он счастлив? — Более счастливого человека я не встречал.

Я откинулся на стуле и огляделся. Уборщики уже

начали мыть полы. Какой-то толстяк уплетал гамбургер. Я вновь обратил взгляд на Джеффа. Он пальцами собирал остатки коктейля со стенок бокала. Я покачал головой. И впрямь вдохновение порой посещает тебя в самых необычных местах. Порой и в самом обычном кроется магия.

— Ты бывал в Барселоне? — спросил Джефф, облизывая пальцы.

— Нет, — ответил я. — Никогда.

— Тебе понравится этот город. Там здорово в это время года.

К нам подошел Робин. Джефф поднялся.

— Съезди туда как-нибудь.

Я кивнул.

Непреренно.

ГЛАВА 21 В которой Дэниел знакомится

СО СВОИМ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОМ

Я сидел в автобусе, когда зазвонил мой сотовый.

— Алло?

— Дэнни? Привет... это Гарет из шоу «Ричарди Джуди».

— Привет, Гарет!

— Вот решил известить тебя о том, как идут дела...

— Валяй.

— В понедельник мы показали твой репортаж, и он... э... вызвал необычную реакцию...

— Необычную?

— Да... к нам поступило... э-э... огромное количество жалоб.

— Что-о? Серьезно?

— Наверное, потому, что большую часть интервью ты колотил монаха.

— А-а.

— Ты где сейчас?

— В автобусе.

— Позвони, когда будешь дома. Мы хотели бы заняться подготовкой следующего сюжета.

— О-о. Э... Вообще-то, я буду дома только завтра вечером.

— Ладно... тогда позвони, как приедешь.

— Непременно. Кстати, не мог бы ты передать кое-что Джеффу?

— Конечно. Что?

— Скажи, что я еду в Барселону...

Прошло три дня с тех пор, как я колотил монаха, но за это время столько всего произошло.

Мне было трудно поверить, что где-то есть человек, для которого слово «да» — не вариант ответа, а образ жизни. Но из того, что Джефф рассказал мне о нем, следовало, что этот человек, в отличие от меня, не временный Согласный. Он взял на вооружение тактику согласия не на период до Нового года, не потому, что в нем вдруг возникла потребность соглашаться, не потому, что он не может избавиться от дурной привычки говорить «да». Он по жизни Согласный, родился таким. Он всегда отвечает согласием. На все.

Даже если б Джефф не предложил мне поехать в Барселону, я все равно захотел бы познакомиться с этим человеком. Однако это оказалось не так-то просто: я не мог его найти. И тогда Джефф дал мне адрес электронной почты Марка, по которому, как он считал, я мог бы связаться с ним. И я попытался.

Я изложил Марку истинную причину своего желания повидаться с ним. Объяснил, что я хочу поговорить о его кредо «Sí a Todo». Я понимаю, что ему это, должно быть, кажется странным, писал я, ведь он меня совсем не знает, но мне о нем рассказал человек, с которым я познакомился благодаря избранной мной тактике согласия... Он барселонский Согласный, я — лондонский... По-моему, будет вполне логично, если мы обменяемся впечатлениями.

Марк ответил мне в тот же день.

Разумеется, он согласился на встречу!

querido дэнни,

сейчас я на ривьере (в италии), на горе, природа вокруг — закачаешься; в ясные дни отсюда видно корейку, свинья приходит в сад есть фрукты...

я два раза сходил в поход и в четверг возвращаюсь в барселону — мы могли бы поесть shock proteico de gambas и морепродукты в taller de tapas и спалить часть Барселоны...

si a encontrarnos, si al shock proteico у SIA TODO!!!

будет очень приятно познакомиться с тобой... можешь приехать в четверг??

Saludos cordials, me parece atomico el encuentro,

марк

Четверг! Могу ли я приехать в четверг?

Какой же я буду Согласный, если скажу «нет»?

И вот в четверг утром, взволнованный и возбужденный, я сидел в автобусе, который вез меня в аэропорт.

Все было устроено. Одна ночь в Барселоне — любезность со стороны добрых людей из компании «Сименс», пообещавших предоставить мне бесплатный авиабилет в оба конца в любой город Европы за то, что я откликнулся на их предложение приобрести сотовый телефон новой модели. Я не верил своему счастью. Казалось, «Да» проявляет заботу обо мне.

Я не знал, чего ждать от поездки в Барселону. Не знал, чего вообще ждать от жизни. Я прибыл в аэропорт, сел в самолет и улетел в другую страну.

Я стоял, как мы и договорились, на площади Пласадель-Хуамо и ждал Марка. Я понятия не имел, как он выглядит, не представлял, что мы будем делать вечером, не ведал, чего ждать. Я не знал, сколько ему лет, как он одет. Мне было известно только его имя и то, что он работает в сфере связей с общественностью. Я не знал, что

за человек Марк. Если ли у нас с ним что-то общее помимо склонности говорить «да». Но тревожиться об этом уже было поздно. Я огляделся по сторонам... старик в шляпе, держит руки в карманах. Может, это и есть Марк? А вон там — мужчина средних лет с трубкой. Может, это Марк? Однако ни тот, ни другой вроде бы никого не искали. Ни тот, ни другой меня не высматривали.

Прошло пять минут. Потом еще пять.

И вот я увидел, как на площадь, с противоположной стороны, с ревом влетело и резко затормозило такси. Из машины выскочил загорелый привлекательный мужчина лет тридцати пяти, в футболке и пиджаке. Через опущенное стекло он пятерней с размаху приложился к ладони водителя, затем нагнул, обнял его, махнул на прощанье и оглядел площадь. Он кого-то высматривал. Искал меня.

Это был Марк.

— Так, сначала навестим одного моего приятеля, — сказал Марк, — а потом познакомлю тебя с настоящей Барселоной! Взбодрись, Дэнни... пойдём здесь.

Марк повел меня по узким, темным улочкам Готического квартала. Энергия из него была ключом. Он насвистывал. Но не как все нормальные люди. Его свист больше напоминал... щебетанье. Звуки, что с интервалом в одну-две секунды издают счастливые маленькие птички. Звуки, которые в моем присутствии еще не издавал ни один человек. Причем свистел он почти непрерывно. Через каждые несколько предложений или когда бы мы ни завернули за угол с его губ слетало короткое резкое «фьюить». Приятный звук, но не тот, что обычно ожидаешь услышать из уст человека.

— Уже недалеко... «фьюить»... он в своем магазине...

Я едва поспевал за Марком. Он стремительным шагом шел по аллеям и улицам, словно боялся, что нам не хватит времени, дабы сделать все, что он запланировал на этот вечер.

— Hola, Марк! — неожиданно крикнул кто-то сверху. Я поднял голову и увидел высунувшегося из окна крупного лысого мужчину. Он махал Марку.

— Hola, Эмилио! — крикнул в ответ Марк, не сбавляя шаг.

Мы пробежали через площадь, на которой подростки курили сигареты и исполняли на клавиатурах какую-то какофонию. В стенах зияли дырки от пуль, которые, как объяснил Марк, остановившись лишь на долю секунды, остались со времен Гражданской войны.

— Барселона — самый замечательный город, — сказал Марк. — Я всю жизнь здесь жил — до недавнего времени. Теперь живу в Италии, в тихой деревушке, но Барселона — мой дом... особенное место... средиземноморский город Европы...

— Эй, Марк! — опять крикнул кто-то сверху. Не останавливаясь, Марк поднял руку и присвистнул в ответ.

— Ты раньше уже бывал здесь? — спросил он.

— Никогда, — ответил я. — Но мне нравится...

— Марк! — опять крикнул кто-то из окна третьего или четвертого этажа.

И тут меня осенило. Марк свистел только тогда, когда мы шли через жилые кварталы... там, где обитатели домов в открытые окна могли слышать его свист. Он свистел своим друзьям, людям, которые знали его свист. Таким образом он оповещал знакомых о своем возвращении в город.

Я тоже попытался свистнуть, как он. Получилось ужасно. Марк рассмеялся и только хотел что-то сказать, как до нас с конца переулочка опять донесся чей-то голос. Мы обернулись на оклик и увидели мужчину, который махал Марку. Он услышал знакомый посвист, но среагировал с запозданием. Едва не упустил нас. Марк сказал, что он вернется через минуту, бегом возвратился к дому, из которого его окликнули, в три-четыре стремительных движения взобрался по стене до карниза нужного окна и влез в него. Минутой позже он появился из двери стоящего напротив здания и небрежной походкой зашагал ко мне. Я ничего не понял.

— Ну что, продолжим...

— Марк, — сказал я. — Ты только что залез в окно одного дома, а вышел совершенно из другого...

— Да, — подтвердил он как ни в чем не бывало. — Должен же я был поздороваться с другом.

Очередной его друг, к которому мы заскочили, владел антикварной лавкой, спрятавшейся на одной из маленьких улочек. Звали его Олеос, по-английски он не говорил, но очень обрадовался, услышав посвист Марка. Олеос энергично пожал мне руку. Очевидно, Марк объяснил ему причину моего приезда, ибо Олеос несколько раз произнес фразу «Si a Todo!», а потом бегом принес откуда-то три старинных бокала и бутылку виски. Он протер бокалы, наполнил их и по одному подал нам с Марком.

— Si a Todo! — провозгласил он.

— Si a Todo! — вторил ему Марк.

— Si a Todo! — сказал я.

Мне было очень хорошо.

Час спустя мы сидели в тесном, но уютном баре в Старом городе. Когда мы туда вошли, все — и посетители, и обслуживающий персонал — шумно поприветствовали Марка, барселонского Согласного. Меня это поразило. Может, он тоже гипнотизер и просто не афиширует свои способности?

После того как мы выпили виски в антикварной лавке, к нам присоединились Олеос со своей маленькой собачкой по кличке Мервин, немецкий фотограф Йонас и испанская актриса Изабель, приехавшая в бар прямо со съемок очередной серии телефильма с несколько гнетущим названием «Город моей жизни, как ему больно!».

Марк еще раз всем объяснил, зачем я приехал в Испанию, что на всех произвело огромное впечатление.

— Значит, ты просто решил: да, поеду в Барселону? — спросила Изабель. — Так вот просто?

— Да, примерно.

— Просто потому, что человек, с которым ты познакомился, знаком с Марком?

— Угу.

— И ты просто сказал: Марк, я хочу с тобой встретиться?

— Именно так. И Марк не возражал.

— А потом ты просто сел в самолет и прилетел? В Испанию? На встречу с незнакомым человеком?

Я пожал плечами.

— Да. Случайное совпадение. Человек, с которым я познакомился только благодаря тому, что согласился на одну работу, познакомился с Марком года два назад, и оказалось, что он тоже всегда говорит «да»!

— La casualidad по existe, Дэнни! — заметил Марк. — Совпадений не бывает! Si a Todo! Только так.

— Si a Todo, — провозгласил Олеос, и все подняли бокалы.

— Да — это прекрасно! — воскликнула Изабель. — На все надо говорить «да»!

В этой маленькой счастливой компании я чувствовал себя желанным гостем. Здесь царил атмосфера тепла и радушия. Радушного отношения ко мне и, конечно же, к Марку. Мне казалось, что этот человек обладает почти магнетическим оптимизмом. Будто для него любая неприятность — пустяк. Он любил жизнь, и жизнь отвечала ему любовью. Может, он жил в ладу с самим собой именно потому, что знал, что для него важно — и друзья в его списке приоритетов занимали верхнюю строчку.

Но мне хотелось больше узнать о том, что значит для Марка его кредо.

— Марк... можно спросить тебя... ну, ты понимаешь... про твой девиз: «Si a Todo», — обратился я к нему. — Как это отражается...

Но Марк меня не слушал.

— Дэнни! Яйцо! — сказал он.

Не понял.

— Вот, держи...

Он вдруг произвел из свет яйцо. То есть, конечно, достал его из кармана, а не высидел.

— Яйцо? — недоуменно промолвил я.

— Держи! Это тебе!

Он стукнул яйцо об стол, покатав его и одним ловким движением очистил скорлупу.

— Яйцо для тебя!

Я не знал, как реагировать. Не часто люди, с которыми я общаюсь, достают из карманов яйца и чистят их для меня.

— Si a Todo, — сказал он. — Возьми яйцо!

— Взять?

— Возьми!

Я мог только предположить, что это некая местная традиция, которой гордятся испанцы, и что, отказавшись принять специально очищенное для меня вареное яйцо, я оскорблю их национальное достоинство. Я взял яйцо и поднял его на вытянутой руке, чувствуя девушку за стойкой бара.

— Я беру яйцо! — объявил я и сунул его в рот.

— Это что — испанская традиция? — поинтересовался я у немца Йонаса, пережевывая яйцо.

— Нет, — ответил он. — Просто Марк любит иногда съесть яйцо.

— Итак, Дэнни... — обратился ко мне Марк. — Продолжаем говорить «да». Сейчас пойдём еще в одно место... на открытие клуба. У меня есть приглашения для нас обоих.

— Здорово! — воскликнул я. Торжество. Эксклюзивная вечеринка по случаю открытия ночного клуба в хипповом первоклассном городе! Я преисполнился новых надежд. Ведь Согласный всегда стремится к чему-то новому. Марк это знал, и я теперь тоже это знаю.

— Пойдем, нам пора.

Вся остальная наша компания осталась в баре, а мы с Марком отправились на вечеринку в ночной клуб. В конто веки я не гонялся за возможностями ответить согласиём, а соглашался на предложения, на которые прежде ответил согласиём другой человек. То есть это было согласиё в квадрате!

Мы шли по городу. На пути нам встретился парень на роликовых коньках, выполнявший упражнения тай-ши.

— Послушай, Марк, — сказал я. — Давай поговорим с тобой о тактике согласиё... Я уже несколько месяцев следую ей, и это здорово, но у меня случались и провалы... я делал такие вещи, которые никогда не должен был бы делать, и...

— Какие, например?

— Ну... вообще-то мне нравится дакать. А вот последствия не всегда меня устраивают. И... — Я подумал о Лиззи, потом о Кристен, но отмахнулся от мыслей о них. — ...Я просто хочу убедиться, что делаю это правильно. Вот ты когда-нибудь...

— Пришли! Вот клуб!

Марк подошел к вышибале, показал ему на меня, сказал что-то. Вышибала кивнул, и нас впустили.

Мне не терпелось переговорить с Марком и спросить у него совета. Но, едва мы вошли в клуб, я оказался втянутым в разговор с подружкой друга его друга, которая, казалось, поставила перед собой цель посвятить меня во все подробности своей жизни.

— Мой бывший парень летом ездил в Лондон, — сообщила она, в то время как я водил взглядом по залу, пытаюсь найти Марка.

— В самом деле?

Марка я нигде не видел. Только толпы разодетых, стильных, ультрамодных испанцев в самом новом — и самом изысканном — клубе Барселоны.

— Да. Лондон ему очень понравился.

— Чудесно, — сказал я.

Мимо меня прошел мужчина в костюме. Рубашка на нем была расстегнута до пояса. Он остановился перед зеркалом и стал изучать свое отражение. По-моему, на лице у него был толстый слой грима.

— Мой бывший, он аферист, — сказала девушка. Я насторожился.

— Аферист?

— Да. Аферист, — подтвердила она.

В ее голосе не слышалось грусти, но мне стало жаль ее.

— Сочувствую.

Мужчина в расстегнутой рубашке все так же рассматривал себя в зеркало, — наверное, любовался собой.

— А почему ты говоришь, что сочувствуешь? — удивилась девушка.

— Ну... быть аферистом нехорошо.

— Очень даже хорошо! — с жаром возразила она. — Он же аферист, известный испанский аферист!

— Известный испанский аферист?

— Да. Аферист-уголовник.

К мужчине, стоявшему перед зеркалом, подошел его приятель с весьма изысканно остриженной и выбритой растительностью на лице и тоже приковался к своему отражению в зеркале.

— Он — известный испанский аферист-уголовник? Ты уверена, что это хорошо?

Мужчины перед зеркалом кивнули каждый сам себе, потом друг другу и пошли прочь, — наверное, отправились искать другое зеркало.

— Мой бывший выступал в лучших судах Испании!

— А-а, — протянул я, сообразив, что она имеет в виду. — Юрист?

— Да. Аферист. А ты как сказал?

— Я сказал: «юрист». А ты, как мне показалось, говорила «аферист».

— А какая разница?

И более циничный, чем я, человек, возможно, признал бы, что разницы и впрямь никакой.

— Дэнни! Si a Todo! — крикнул Марк, неожиданно возникнув возле меня с двумя бокалами шампанского в руках. Откуда-то на нем уже появился галстук. Он дал мне один бокал и похлопал меня по спине. Я рассмеялся. Марк мне очень, очень нравился. Это трудно объяснить. В конце концов, мы ведь только познакомились. Но в нем было столько жизнелюбия... Я до сей поры заставлял себя радоваться жизни, а у него это получалось естественно.

— Пойдем, сядем там. — Марк показал на возвышение возле танцевального круга. Там уже сидели, потягивая напитки, несколько человек — по виду, представители барселонской элиты. Мужчина с волосатыми узорами на лице смотрел в свой бокал, — вероятно, пытался поймать свое отражение в кубике льда.

— Пойдем, — согласился я. — И, может, все-таки ты расскажешь мне о своем опыте в качестве Согласного...

Я стремился упрочить свои отношения с Марком. Хотел, чтобы мы были не просто хорошими друзьями, а друзьями-единомышленниками.

— Конечно, конечно, расскажу, — пообещал он. — Но помни: это только начало! У нас куча времени!

Я счел, что сейчас не самый подходящий момент напоминать ему, что прямо завтра я возвращаюсь в Лондон. С бокалом в руке я прошел на возвышение и сел там. Марк до возвышения не дошел. На полпути его остановила какая-то роскошная женщина, которая, по-видимому, желала с ним поговорить. Через минуту после того, как я сел, компанию мне составил джентльмен в расшитом блестками костюме.

— Hola, — поздоровался он.

— Hola, — ответил я. На том наше общение закончилось. Мы просто сидели и смотрели на танцевальный круг, который постепенно заполнялся танцующими.

Я решил, что не стоит очень уж давить на Марка, требуя, чтобы он поделился со мной своим опытом Согласного. В конце концов, я ведь сам сейчас наблюдал за ним — здесь, в Барселоне. Марк, в отличие от меня,

отвечая согласием, даже не задумывался о том, что он следует какой-то тактике. Позитивный настрой и независимость были главными составляющими его отношения к жизни. Он просто плыл по течению, пожившись на волю судьбы.

По громкоговорителю что-то объявили, но, поскольку говорили по-испански, я ничего не понял. Мог предположить только, что гостей пригласили танцевать, ибо, как только объявление было сделано, пять-шесть человек, сидевших на возвышении, встали и направились к танцевальному кругу. На месте остались только я да мой сосед в блестящем костюме. Мы с ним посмотрели друг на друга и улыбнулись. Правда, я испытывал беспокойство. Может, я что-то я не понял? Проигнорировал прямое распоряжение? Упустил возможность ответить согласием? Где Марк? Он ведь должен мне переводить. Я разглядывал толпу на танцплощадке, но Марка среди них не видел. Там вдруг собралось много народу. Но никто не танцевал — все просто стояли и переговаривались. Я поднялся, чтобы лучше видеть происходящее. Мой сосед в блестящем костюме последовал моему примеру. Он склонился ко мне и что-то сказал по-испански. Я понимающе улыбнулся, скрывая свое незнание испанского. Он опять что-то сказал. Я пожал плечами и улыбнулся. А потом вдруг, без всякого предупреждения, я озарился.

Луч прожектора скользнул по залу и замер на возвышении. Заиграла музыка — громче, громче. Раздались радостные вопли. Что, черт возьми, здесь происходит? Я решил выяснить это у мужчины в блестящем костюме и только собрался хлопнуть его плечу, как, к своему ужасу увидел, что он выдернул микрофон. Господи всемогущий. Этот человек — певец. Певец в блестящем костюме. Певец, стоящий на эстраде перед толпой специально приглашенных гостей. Он начал исполнять

испанскую песню, а я — сконфуженный зритель — почему-то торчал на сцене вместе с ним.

Я тотчас же попытался сойти с эстрады и смешаться с толпой, но мужчина в блестящем костюме подошел к краю сцены, загоразживая лестницу. Чтобы добраться до нее, мне пришлось бы его оттолкнуть. Я оглянулся. Сзади — стена. Выхода не было. Я оказался в западне.

Оставалось только одно. Бочком я вернулся на свое место и сел, делая вид, будто ничего не заметил. Я смотрел на свои ноги, молясь, чтобы песня поскорее закончилась. Разок мне удалось поднять голову, но я увидел только море людей, глядящих на меня так, будто я уродец или участник шоу, смысла которого они не понимают. Вскоре защелкали фотоаппараты. Краем глаза я заметил группу репортеров. Я понятия не имел, кто этот певец, но в Испании он явно был более знаменит, чем в Англии. С возрастающим ужасом я начал сознавать, что на каждом кадре отснятого материала с выступлением этого парня на заднем плане будет фигурировать красный от смущения очкарик, жалеющий о том, что он не знает испанского и потому не смог понять смысла объявления, в котором всем, кроме испанской поп-звезды, предлагалось покинуть сцену!

Песня никак не кончалась. В жизни не слышал такой длинной песни! Но особенно по-дурацки я себя чувствовал во время ее инструментальной части. Певец хотя бы танцевал, а что было делать мне? Я мог только сидеть. Я опять глянул на публику и увидел, что большинство гостей в первом ряду смотрят на не выплясывающую перед ними знаменитость, а на его «подтанцовку». На меня.

Стараясь держаться непринужденно, я притопывал в такт музыкальному ритму, словно по какому-то странному, ошибочному стечению обстоятельств я совершенно по праву оказался на сцене. И вот наконец песня кончилась. Слава Богу! Толпа взревела. Засверкали вспышки: теперь мой конфуз навеки войдет в историю клуба. Кто-то где-то завизжал, кто-то крикнул «encore». Мужчина в блестящем костюме поклонился, поднял руку, приветствуя публику, и пошел со сцены, на ходу бросив на меня подозрительный взгляд. Прожектор погас, заиграла другая музыка. Я медленно, осторожно встал со стула и попытался покинуть сцену с достоинством, насколько таковое способен изобразить человек, едва не сорвавший — пусть и не умышленно — важное выступление.

— Дэнни! — окликнул Марк, неожиданно появляясь у меня за спиной. — Пошли! Мне только что позвонили... приятель приглашает нас к себе выпить! У него красивый дом! На вершине холма! Ты увидишь всю Барселону! Ноги в руки и вперед!

Спустя полчаса я стоял на балконе дома прославленного испанского архитектора по имени Гаспар, обозревая раскинувшуюся передо мной Барселону. Я знал, что Гаспар знаменит, потому что на его диване лежал глянцевый буклет, в котором это было напечатано прямым текстом. И я знал, что он — испанец, потому что в каждой руке он держал по большому бокалу вина.

Мы с Марком смотрели на красивый город, а Гаспар пошел за оливками. Достаточно неординарная ситуация. Еще один яркий пример того, куда может завести «да», если слепо следуешь тактике согласия.

— Дэнни... — обратился ко мне Гаспар, бородатый мужчина значительного вида. — Мне кажется, где-то я тебя видел...

— Правда? Вообще-то в Барселоне я впервые.

— Может, в Лондоне? Я недавно был в Лондоне. Но не думаю, что мы там встречались...

— Я тоже не припоминаю, — согласился я.

Где в глубине дома — большого просторного дома — зазвонил телефон. Гаспар извинился перед нами и удалился.

— Марк... — окликнул я своего нового друга. Он присвистнул в ответ. — Мне кажется невероятным, что я здесь. Теоретически я просто нахожусь в доме какого-то мужика в Испании. Но в то же время меня не покидает ощущение, что это сама судьба привела меня сюда. Я поплыл по течению... и оказался здесь.

— Не нужно противиться течению жизни, — сказал Марк. — Мир знает, что делает. «Si a Todo» — могущественное выражение...

— Но что оно значит для тебя? Понимаешь, мы с тобой оба часто отвечаем согласием, но ты, по-моему, делаешь это немного по-другому.

— В моем случае согласие — это позиция, принцип. Многие странно смотрят на меня, когда я говорю «Si a Todo»... Спрашивают, ты и войне скажешь «да»? Terrorismo? Злу? Нет. Я предпочитаю более позитивный подход... Я не говорю «Нет — войне». Я говорю «Да — миру».

Знакомые слова, подумал я. Очень знакомые.

— То же самое не так давно я слышал от других людей, — сказал я. — В Лондоне я случайно познакомился с борцами за мир. Они попросили, чтобы я помог им пропагандировать мир мелом... и, когда я согласился, они мне и сказали, что лучше говорить «Да — миру», чем «Нет — войне».

— La casualidad no existe, Дэнни! — напомнил мне Марк. — Мир знает, что делает.

На балкон вернулся Гаспар.

— Мои извинения, — сказал он. — Я готовлю большую выставку. Новые идеи. Эти мои работы еще никто не видел. В общем, дел невпроворот. А мне сейчас звонил приятель. Португальский художник. Он живет в Англии.

— Вот как, — произнес я. — Где?

— В Бате.

Я обалдел.

— Так ведь я вырос в этом городе, — сообщил я. — Там живут мои родители.

Марк присвистнул в своей особой манере.

— Случайных совпадений не бывает! La casualidad no existe!

— Как странно! — воскликнул Гаспар. — Хотя странно не только это. После того, как я поговорил с другом о своей поездке в Англию, я вспомнил, откуда я тебя знаю.

Он придвинулся ко мне ближе.

— Я видел тебя по телевизору.

О Боже. Я точно знал, в какой передаче. В девятичасовой программе новостей, в репортаже об открытии нового ночного клуба, где было показано, как я сижу за спиной у испанского поп-певца, пока тот исполняет свою песню. Но потом в лице Гаспара отразилась озабоченность, будто он силился что-то вспомнить...

— Ты делал... э... как бы это сказать? Вот так...

Гаспар изобразил удары кулаком.

Ну и ну!

Гаспар видел меня в шоу «Ричард и Джуди»!

— Но... каким образом?

— Я был в Лондоне. И у меня в гостинице был телевизор.

— Но это ж показывали только на днях!

— Да!

Пресвятая Дева Мария!

Марк захохотал и никак не мог остановиться. Все хо-хотал, хохотал.

— La casualidad no existe! — наконец произнес он. — В этом мире все взаимосвязано. Порой мы оказываемся у какой-то определенной точки, сами не зная почему...

Пораженный, я подумал о Самтене. Нелепейшее совпадение. И ведь это не какой-то там случайный человек с лондонской улицы, посмотревший мое дебютное выступление на телевидении... Это знаменитый архитектор из Испании! Человек, в доме которого я оказался только потому, что другой человек, с которым я мог бы никогда не встретиться, принимал участие в создании некоего шоу, в котором я мог бы никогда не появиться (если б не вечеринка, на которую я мог не пойти), совместно со звуко-оператором, который и рассказал мне о... Какова была вероятность того, что это произойдет?

— Самое невероятное возможно, — сказал Марк, — если ты сам позволяешь тому случиться.

Я стоял там, на балконе, под мириадами звезд.

На следующее утро у меня выдалось несколько свободных часов, и первый из них я решил провести в Интернет-кафе на Рамбле — самой туристической улице Барселоны. Мне не терпелось рассказать кому-нибудь — хоть кому-нибудь — о событиях минувшего вечера. Я хотел написать Джеффу по электронной почте и поблагодарить его за то, что он рассказал мне про Марка.

Общение с Марком, хоть и длилось оно недолго, вдохновило меня. Марк — смелый человек. Он не спорит с судьбой. Стойко держит удар. Идет туда, куда ветер дует. И он заставил меня изменить свое отношение к «да». Я начал постепенно осознать, что прежде каждую возможность ответить согласием я воспринимал, как нечто враждебное, настроенное против меня. Как испытание, которое я должен выдержать. Как нечто, с чем я могу не справиться. На самом деле все эти возможности — часть моей жизни. И если я стану воспринимать их так же, как Марк, они войдут в мою жизнь.

Я подумал, что, возможно, Майтрея — ложный след. Что, возможно, просветленные существа мы встречаем каждый день — надо только приглядеться. Ведь даже в самом обыденном таится волшебство.

Была еще одна причина, побудившая меня прийти в Интернет-кафе. Мне требовалось кое-что проверить. То,

что я увидел в журнале. И я решил, пусть это случится...

Журнал я нашел в то утро в вестибюле гостиницы. Обычный журнал, где пишут обо всем и ни о чем — о моде, о музыке, о спорте, о путешествиях... в общем, про жизнь. Я пролистал его без всякого интереса, и все же кое-что привлекло мое внимание. Одно предложение, которое мне нужно было перевести, а потом проверить информацию. И, как только я ее проверю, начну действовать...

С Марком я встречался в ресторане, находившемся на этой же улице, — чтобы попрощаться, поблагодарить и оставить подарок. Особенный подарок.

Я купил банку кока-колы, сел за компьютер, загрузил его и стал проверять электронную почту. Меня ждали два сообщения, но одно имя сразу бросилось мне в глаза.

Лиззи.

Эй, привет...

А знаешь что? Я еду в Лондон. Прилечу 2 декабря, на девять дней, по работе... прости за бесцеремонность, но... может, ты позволишь остановиться у тебя? Если нельзя, пошли меня, не стесняйся. Но было бы здорово повидаться...

Л
хх

О такой вести я и мечтать не смел. 2 декабря. Через десять дней. Потрясающе. Посмотрите, что способна сотворить жизнь, если только ей это позволить.

Разумеется, я был бодр и весел, когда встретился с Марком. Изабель, звезда сериалов, тоже пришла.

— Hola, hombre102, — поприветствовал меня Марк, и мы опять зашагали по улицам. — Пойдем, покажу тебе места, которые ты еще не видел...

На мой взгляд, времени на прогулку у нас не было, но мы все равно пошли. Марк, конечно же, по пути наткнулся на своих друзей и отвечал «Si» каждый раз, когда ему предлагали посетить очередное мероприятие...

— На следующей неделе они дают прием, — сообщил он мне после встречи с одним из приятелей. — Он красит, я ему помогаю, — объяснил он после встречи с другим.

Меня поражало не то, как быстро заполняется его записная книжка. Удивляла его общительность. Умение заводить друзей. Готовность уделить кому-то время. Вот как надо жить.

В кафе, которому кто-то додумался дать название «Толстая кишка», я заказал сэндвич, а потом посмотрел Марку в глаза.

— Марк... хочу тебя поблагодарить.

— За что?

— За то, что позволил пообщаться с тобой. Я здорово провел время.

— Эй... мы ведь не перестанем быть друзьями... это ж только начало.

— Нет, конечно. Просто... ты согласился встретиться со мной, хотя кто я тебе? Абсолютно незнакомый, чужой человек.

— Si a Todo, Дэнни. Si a Todo.

— Все равно спасибо. Вот...

Я полез в свою сумку и вытащил ее. Сам не знаю, зачем привез с собой. В качестве доказательства для Марка? Для вдохновения? Как напоминание о том, что я сделал и к каким свершениям готов?

Это была моя синяя кепка с вышитым словом «Да».

Я счел, что Марк заслуживает ее больше, чем я. Он был настоящий Согласный. Жил с огоньком, стремился объять необъятное.

Марк был доволен.

— Блеск! — восхищенно воскликнул он. — Спасибо, Дэнни!

А потом, демонстрируя, что мой подарок пришелся ему по душе, нахлобучил кепку на голову и присвистнул.

— Итак... какие у тебя планы? Сегодня возвращаешься домой в Лондон и потом будешь смотреть, что подкинет тебе жизнь?

— Ну... не совсем. То есть... я хотел спросить у тебя совета, но... что это значит?

Я полез в карман и развернул листок бумаги. Это была реклама. Реклама, которую я выдрал из журнала в вестибюле гостиницы.

Я показал на предложение, которое меня заинтересовало. Оно было напечатано крупным жирным цветным шрифтом. Рядом была помещена фотография, на которой были запечатлены самолет, улыбающаяся стюардесса, пальмы и солнце.

— Это значит «Лети в Сингапур», — перевел Марк, потом посмотрел на меня и улыбнулся.

— И что ты скажешь? — спросил я.

— Si a Todo, — ответил Марк.

ГЛАВА 22

В которой Дэниел проявляет невиданный героизм

Я чувствовал себя свободным, как птица.

То, что я сделал, было абсолютно неслыханно, — по крайней мере, для меня. Я прямиком скакнул на уровень 6. На фантастический уровень, которого, по сути, не существовало. На этом уровне я еще не бывал.

Я летел в Сингапур... потому что мог туда полететь.

Вот так-то. И разговор окончен.

Я увидел рекламу, принял предложение, и вот теперь я здесь... прихожу в себя после длительного перелета, в диковинном уголке Земли, куда я отправился без всякой причины — просто потому что жизнь так распорядилась. Жизнь подсунула мне ту рекламу. «Да» заставило ей подчиниться. Марк внушил, что я должен расслабиться и наслаждаться путешествием.

Я был в лондонском аэропорту, когда зазвонил мой мобильник.

— Дэн? Это Уэг.

— Привет, Уэг. Как дела?

— Неплохо. Ты где?

— Лечу в Сингапур.

— В Сингапур? Зачем?

Я пожал плечами.

— Просто так.

Тринадцать часов спустя я сел в такси в аэропорту Чанги, кинув свою маленькую дорожную сумку на заднее сиденье.

Я был счастлив. Жил в полном согласии с принятым решением. В Сингапуре я пробуду чуть более 48 часов — 48 часов в Сингапуре! Все выходные. Кто еще проводит выходные в Сингапуре? Кто по возвращении из Барселоны находит кредитную карту, которую он вообще не должен был бы приобретать, и берет билет на ближайший авиарейс в Юго-Восточную Азию?

— Привет! Как дела! — бросил мне водитель. Последняя фраза прозвучала как утверждение, а не как вопрос.

— Потрясающе! — воскликнул я. — А твои как?

— Хорошо, — ответил он, заводя мотор. — Ау тебя как?

Я опешил. Я был абсолютно уверен, что уже ответил на этот вопрос, хотя, может, я и заблуждался. Сингапур очень далеко от Англии, и я, считай, почти полсуток находился в воздухе.

— Нормально! — бодро отозвался я. И на том, казалось бы, обмен любезностями должен быть закончен. Но, хоть я уже и знал, каким будет ответ, я счел, что проявлю невоспитанность, если теперь не спрошу, как у него дела. Ничего тут не попишешь, привычка. Я ведь британец.

— А... как у тебя дела?

Водитель радостно посмотрел на меня.

— Хорошо.

Вот и чудненько. На том и остановимся. У нас обоих все хорошо.

— А...

Нет, только не это!

— ...у тебя?

Таксист обернулся ко мне, выжидательно вскинув брови. Так, а теперь что делать? Ведь на этот его вопрос я уже ответил и, как и полагается, поинтересовался, как у него дела. Но водитель упорно смотрел на меня, ожидая ответной реплики. Изменить тему разговора я не мог — мы состязались в воспитанности. В меня правила этикета вдолбили с детства; он их выучил по какому-то учебнику 1950-х годов.

— Замечательно, — пробормотал я и смущенно, глядя в окно, едва слышно, осведомился: — А у тебя?

— Хорошо, — быстро ответил таксист и, теперь уже явно неудовлетворенный, добавил: — Очень хорошо, спасибо.

Последовала минута молчания, за что я возблагодарил свою судьбу. Я включил свой мобильник. Он дважды пикнул, приветствуя меня в Сингапуре. Мгновением позже пиканье повторилось. Пришло сообщение от Ханны.

«ДАВНЕНЬКО НЕ ВИДЕЛИСЬ! КАК ТЫ?»

Я написал:

«Я В СИНГАПУРЕ!»

И стал ждать ответа. Через полминуты пришел ответ.

«ЧТО? ПОЧЕМУ?»

Я рассмеялся.

«ПРОСТО ТАК!»

Жара стояла несусветная, такой я еще не знал. Кондиционер в машине работал не очень исправно, выдувал нам в лица горячий тошнотворный воздух. Мы теперь ехали по центру Сингапура, по широким обрамленным деревьями улицам, мимо огромных торговых центров. Я смотрел в окно, стараясь запомнить все, что вижу — и улицу Серангун, и район Маленькая Индия, — и ликовал. Почему я здесь? Потому что мне случилось увидеть

рекламу, когда я был в Испании, куда я приехал на встречу с человеком, который всегда говорит «да» и который вдохновил меня настолько, что я решил прямоком махнуть на уровень б. Я допустил, чтобы это произошло. Монах Самтен говорил, что в жизни всякое может случиться, Это означало, что нет такого понятия, как неотвратимость. А раз такого понятия нет, значит, я могу сам строить свою жизнь так, как хочу.

— Ты откуда? — неожиданно спросил таксист.

— Из Лондона.

— А-а, — протянул он. — Хорошо. Лондон.

Вновь молчание.

— А Лондон от Англии далеко?

— Хм. Э... Лондон находится в Англии. Это город.

— Англия или Лондон город? Какая у Лондона столица?

Водитель смотрел на меня с щенячьим любопытством

в глазах. Я объяснил, что Лондон — столица Англии, и он признался, что чувствует себя дураком, но я его успокоил. В конце концов, и в самом Лондоне с трудом можно найти таксиста, который знал бы это наверняка. Оказалось, что мой водитель — его звали Онг Ши Кинг — работает таксистом вот уже шестнадцать лет. В Сингапур он приехал из Китая, чтобы жениться на своей возлюбленной.

— Мы очень счастливы, — поделился он со мной. — Двое детей, тоже очень счастливы. Сингапур — хорошее место для детей. Очень чисто. Очень красиво.

Сингапур, вне сомнения, очень чистая страна. И очень красивая. Главным образом, потому, что здесь штрафуют всех подряд за все подряд, причем штрафы берут немалые. Прошли те времена, когда длинноволосых туристов прямо в зале прилета останавливал дюжий сотрудник таможни с тупыми ножницами в руке и предлагал постричься, но на затылки здесь до сих пор косятся. Да и вообще в Сингапуре вам мало что сойдет с рук. Вас оштрафуют, если вы переходите улицу на красный свет, курите в общественном месте, бросаете мусор. По словам Онга, радикалы имели обыкновение мочиться в лифтах в знак протеста против существующего режима, пока там не установили видеокamеры. В общем, либо радикалы испугались камер, либо у них кончилась моча. И что самое важное — жевательные резинки здесь категорически, строжайше запрещены. В моем представлении Сингапур можно сравнить со страной, где живут одни религиозные тетушки: вы любите их за учтивость, взыскательность и чувство справедливости, но вам хочется, чтобы хотя бы иногда они перепили хересу и попытались совратить священника. Забавно, что путь согласия привел в меня страну, где царствует «Нет». Охота на жевательные резинки здесь ведется с особой жестокостью. Тех, кто их продает, импортирует или даже жует, ожидает штраф в размере \$ 1000. И когда Онг мне все это объяснил, я с ужасом вспомнил, что где-то на дне моей дорожной сумки валяется полупустая пачка «Ригли», которую как-то вечером дал мне Уэг. Там еще оставалось как минимум двадцать пластинок. Двадцать! По сути, в глазах закона я такой же преступник, как и наркокурьеры. Решившись встать на путь согласия, ты понимаешь, что возможны всякие неожиданности, но арест по обвинению в контрабанде, вне сомнения, не входит в твои планы.

— Так что привело тебя в Сингапур? — спросил Онг и добавил фразу, которую он явно заучил по телевизионным передачам: — Бизнес или отдых?

— Ни то, ни другое, — с улыбкой отвечал я. — Просто так... приехал.

На лице Онга отразилось недоумение.

— Отдых, — поправился я. — Просто отдых.

И задумался над своим ответом. А что, так и есть. В другие разы, когда я ездил за границу, передо мной стояла какая-никакая цель — получить выигрыш Испанской лотереи или познакомиться с другим Согласным. Те поездки были побочным результатом моих «да». Теперь же... это было мое «да» в чистом виде.

Онг высадил меня у моей гостиницы, «Трейдерз», и вручил мне свою маленькую пожелтевшую визитку, сказав, чтобы я позвонил ему, если мне понадобится куда-то поехать. Я пообещал, что в случае надобности непременно обращусь к нему, потом заселился в свой номер, бросил все пластинки «Ригли» в унитаз и надолго завалился спать.

Наутро я отправился бродить по городу. Когда я вышел из гостиницы, меня окутал уличный жар, от которого мгновенно высохли все капельки пота на моем теле. Я понятия не имел, что делаю, куда иду, зачем. У меня не было никакой конкретной цели, поэтому инстинктивно я направил свои стопы к длиннющей элегантной Орандж-роуд. Эта улица — бесстыдное торжество капитализма — состояла из десятков огромных торговых центров, соединенных между собой подземными туннелями и крытыми проходами, оборудованными системой кондиционирования.

Я нашел «Макдональдс» и купил себе завтрак. С удивлением я обнаружил, что рекомендуемое блюдо месяца называлось «куриная овсянка по-сингапурски». Овсянку я и в лучшие времена не особо жаловал, и уж тем более меня не привлекала овсянка со вкусом курицы в булочке. Не понравился мне и их рекламный лозунг: «Самый лучший завтрак». Ага, разве что в тюрьме. Правда, «куриная овсянка по-сингапурски» хотя бы броское название. Все заманчивее, чем «хуппадом» 103, который, очевидно, можно купить в закусочных «Бергер Кинг» в районе Маленькая Индия.

Радуюсь, что мне не дано прямых указаний завтракать овсянкой по-сингапурски, я купил себе «Биг Мак», согласился, чтоб мне сделали супербольшой сандвич (некоторые «да» одинаковы во всем мире), и стал изучать карту. Увы, для меня это были только слова и картинки. Как быть? Как можно идти, куда ветер дует, если нет

никакого ветра? В случае с Сингапуром в самом буквальном смысле. Я посидел в раздумьях и нашел решение. Я сам создам ветер. Онг. Надо позвонить Онгу.

— Так что ты хочешь увидеть? Туристические места или настоящий Сингапур? — спросил Онг. Он ел яблоко и одно привез для меня.

— Ну... А ты что посоветуешь? Что предлагаешь?

— Давай сначала провезу тебя по городу.

Онга и его автомобиль я нанял на пару часов за постыдно жалкую плату. Он должен был провезти меня по городу и показать достопримечательности, выступая в роли гида. В общем, вместе с ним мы поехали по классическим туристическим местам — посмотрели Центральный деловой центр, статую Рафлса 104, горделивого Мерлиона 105 из белого алебастра, китайский храм, — потом остановились у супермаркета, чтобы купить воды, и стали думать, что нам делать дальше. У меня возникла идея. Путь Согласного — это новые впечатления. Значит, вперед за новыми впечатлениями.

— А допустим, есть такие места, которые обычный турист никогда не посещает? Можешь мне их показать? Онг задумался.

— Я покажу тебе рай!

Слава Богу, что Онг был женат, иначе я неверно истолковал бы его слова.

— Рай? Что за рай?

— Рай — это кампонг Пулау-Убин.

В его предложении мне были понятны только два слова.

— Извини, не понял.

— Кампонг — это рай для людей. Пулау-Убин — это остров-рай. Для меня.

— А что такое «кампонг»?

— Типичная деревня. Там спокойно. Природа красивая. Никакой спешки и суеты. Пулау-Убин — самый лучший остров.

Я прищурился, высматривая на карте Пулау-Убин. Ага, вон он, к северу от аэропорта. Оказалось, что Онг, как и 90% сингапурцев, живет в многоквартирном доме-башне. Территория Сингапура невелика. Негде отдохнуть на природе. И виной тому — стремительная урбанизация и засилье торговых центров, которые растут, как грибы. И хотя в большинстве районов Малайзии по-прежнему сохраняется этот традиционный дух сельской идиллии, сингапурцы утратили его навеки. Пулау-Убин — их последний шанс. Их последний уголок местного рая. Единственное место, в которое пока еще не вторглась агрессивная цивилизация.

— Бизнес уже и на него замахнулся, — сказал Онг. — Скоро исчезнет. Года через два. А может, через год. Жаль.

Я положил карту.

— Ну что, хочешь посмотреть? — спросил Онг.

— Да, — ответил я. — Хочу.

Онг высадил меня у гавани, сказав, чтоб я позвонил ему по возвращении. Не спеши, не спеши, напутствовал он меня. Я сел на жесткую деревянную скамью возле не-большого судна, которое обычно доставляет провизию на корабли. Сидел, сидел, сидел. Ничего не происходило. Но меня это не напрягало. Я был абсолютно спокоен.

Просто радовался тому, что я есть. Рядом сидели другие пассажиры. Мы все молчали, глядя в пространство перед собой, и ждали, когда капитан наконец-то пригласит нас подняться на борт. Но через полчаса мне надоело просто быть, и я повернулся к сидевшей подле меня девушке.

— Простите, — обратился я к ней. Она вздрогнула от неожиданности. — Это очередь на судно, которое направляется на Пулау-Убин, да?

— Да, — ответила девушка. — Только придется подождать.

— Почему?

— Нужно дождаться, когда подойдут еще люди. Сейчас нас только пятеро. А нужно двенадцать.

Я рад, что британская система автобусных перевозок работает по другой схеме. Представьте, если б автобус на Суиндон отправлялся бы в путь только после того, как в нем набралось двенадцать пассажиров. Ждать пришлось бы месяцами.

Мы продолжали сидеть в молчании,

Наконец, слава Богу, из-за угла вышли два старика и присоединились к нам. Очевидно, к этому времени капитану и самому уже осточертело томиться от безделья, ибо он решил везти нас семерых.

И мы поплыли в рай.

Спустя двадцать пять минут мы были на острове.

Я сошел с лодки на длинный деревянный пирс. Онг оказался прав, говоря о природной красоте острова. На первый взгляд, это и впрямь был нетронутый уголок. Песчаный берег, сочная зелень, пышная растительность и лишь несколько шатких деревянных мостков, тянущихся от маленьких аккуратных домиков к крошечным рыбацким лодкам, едва ли годным для плавания. Весте с остальными пассажирами я пошел на остров. Когда мы проходили мимо деревянного щита с надписью «Добро пожаловать на Пулау-Убин», я остановился, чтобы его разглядеть. Все остальные меня переждали и вскоре исчезли из виду. Я остался один, вокруг ни души, куда

идти

— не знаю. Ощущение было потрясающее. Полная неопределенность и... свобода. Где бы я был теперь, если б не сказал «да» в тот самый первый раз, несколько месяцев назад? Сидел бы дома, в темной квартире и смотрел бы по телевизору ток-шоу «Триша», короткая зимние вечера? В общем, здесь бы меня точно не было.

Я уже хотел пойти дальше, но тут заметил указатель в форме большой направленной руки, на котором было написано: «Посетите бюро информации для туристов». Я повиновался. Бюро размещалось в большом деревянном здании, где, в моем понимании, я мог почерпнуть всю полезную информацию о том, куда можно сходить и чем заняться на острове. Я вошел и оказался в просторной пустой комнате. С одной стороны я увидел стол, за столом — дверь, и больше ничего. Я решил, что, видимо, зашел не в то бюро, и уже собрался уйти, как в дверях за столом появился мужчина. Не говоря ни слова, он швырнул на стол передо мной буклет, посмотрел на меня и снова исчез. Я взял брошюру. «Пулау-Убин: тихий островок». В буклете я нашел пару фотографий, но информации как таковой в нем не было. Не буклет, а одно недоразумение.

— Э... простите? — окликнул я мужчину жалобным голосом.

Реакции не последовало. Я попробовал позвать его громче.

— Прощу прощения?

Мужчина высунул голову в дверь.

-Да?

— Мм... у вас есть еще какие-нибудь справочные материалы о Пулау-Убине. Другие буклеты?

Мужчина посмотрел на меня так, будто я просил его спеть.

— Нет.

— Что, вообще никаких?

— Нет. Только этот буклет. В нем вы найдете все, что вам нужно знать.

Я смотрел на брошюру. Фактически в ней не было ничего. Несколько фотографий, крошечная карта и пара поэтических строф,

— Ясно. Спасибо, — сказал я и вышел. Странно как-то, думал я. Мало того, что они построили целое здание для того, чтоб положить туда одну стопку бестолковых одинаковых буклетов, сфотокопированных на розовой бумаге, так еще и наняли человека, который должен сидеть там целый день — на тот случай, если в это здание заглянет какой-нибудь шальной турист, чтобы взять один из этих буклетов. Все равно что купить автобус и использовать его в качестве коляски.

Тем не менее я был благодарен за то, что мне дали, и стал читать буклет.

ЖИЗНЬ НА ПУЛАУ-УБИН

Здесь не нужны будильники — рано утром вас разбудят петухи. Стайки птиц слетаются на фруктовые деревья, чтобы позавтракать их плодами. Просыпается и сама пристань, улицы наполняет рев мотоциклов. Все предвещает островитянам спокойное, безмятежное начало дня.

Да уж, спокойное, безмятежное начало дня. В пять часов утра будят кукареканьем петухи, потом, до самого завтрака терроризируют, чуть ли не доводя до самоубийства, мотоциклисты. Честно говоря, окончание дня тоже не особенно вдохновляло.

Когда ночь опускается на Пулау-Убин и люди ложатся спать, над островом разносится тархтенье дизель-генераторов. Насекомоядные летучие мыши неожиданно вылетают из своих гнезд и бесшумно парят в темноте, словно призраки. Но, глядя вверх, не забывайте смотреть и под ноги, ибо в траве нет-нет поползет зеленая плетевидка.

Боже! Тебя будят в несусветную рань петухи и терроризируют банды мотоциклистов, а с угасанием дня убивают летучие мыши и змеи. Неудивительно, что Пулау-Убин до сих пор остается девственным уголком природы. Благодаря столь честной рекламе этот остров еще долго не будет затронут цивилизацией.

Я хотел посмотреть Пулау-Убин и решил, что лучше всего это сделать на велосипеде. Поэтому я взял велосипед в пункте проката — человек, заведовавший этим пунктом, так обрадовался, будто я был его самым первым клиентом — и пустился колесить по острову, который, по описанию Онга, был сингапурской Утопией. Ощущение было невероятное. Я чувствовал себя отважным исследователем, открывающим новые земли. На маленьком велосипеде.

Пулау-Убин — второй по величине остров Сингапура, хотя в ширину он достигает всего полутора километров, в длину — восемь. Если верить Онгу, ныне это единственная настоящая деревня в стране; единственная деревня, на месте которой не выросли торговые центры и закусовые, где продают овсянку по-сингапурски.

Я спустился с небольшой возвышенности и поехал по извилистой дороге, пока не увидел перед собой большой холм. Но энергии и силы воли мне было не занимать, я стал яростно нажимать на педали, пока на середине склона не почувствовал, что выдохся. Было жарко, градусов тридцать пять. Я обливался потом. Мои удлиненные шорты, по-моему, пытались предпринять свою собственную экспедицию, исследуя участки моего тела, которые обычно я доверяю только умелым рукам. Я остановился, поправил на себе одежду, потом вновь вскочил на велосипед и проехал еще несколько километров.

На Убине 200 жителей, кормящихся от земли или за счет случайных туристов, желающих взять на прокат велосипед. Из них я не встретил ни одного. Я проезжал мимо покинутых ферм и собак, резвящихся возле брошенных хижин, но ни один человек не попался мне на глаза. Может, поэтому Онгу так нравилось здесь. Для человека, который живет в городе, где его постоянно окружает толпа, остров, подобный этому, и впрямь кажется раем.

Правда, через некоторое время мне стало жутковато. Особенно когда я покатыл по дороге, обрамленной с обеих сторон живыми изгородями и густыми развесистыми деревьями. Ехать я мог только вперед или назад, а рядом вдруг поднялся оглушающий шум.

Поначалу это было просто жужжание... потом нечто похожее на свист нескольких кипящих чайников... затем шум усилился, зазвучал громче, чем автомобильная сигнализация. И, главное, было непонятно, откуда исходит этот звук.

Меня охватила паранойя. Вот он я, совершенно один, вдали от людей, непонятно где, непонятно зачем, а вокруг визжат невидимые чайники. Что подумают власти, когда найдут мое тело? Как они сумеют восстановить картину моих последних передвижений? Какие установят причины?

Мною начинала овладевать паника. Я еще быстрее стал крутить педали и вдруг сообразил, что в кустах справа кто-то бежит наравне со мной. Я не видел бегуна, но он производил достаточно громкий шум в высокой траве, так что сомнений не оставалось: этот кто-то был большой и быстрый. Господи помилуй, кто это? Остановиться я не мог. Продолжал крутить педали, быстрее, быстрее, и уже отчетливо слышал, как кто-то громыхает возле меня. Кто это? За мной гонится? Сейчас я острее, чем когда бы то ни было, ощущал себя персонажем одного из романов Стивена Кинга. И, несмотря на то, что я все глубже уходил, как мне казалось, в джунгли, повернуть назад я не смел, опасаясь столкнуться с бегуном лицом к лицу — если у того, конечно, есть лицо. И кто бы это ни был, он не отставал от меня, бежал рядом, на удалении всего нескольких шагов...

Я на скорости преодолел поворот. Мой потенциальный преследователь не отставал. Мною уже владел панический ужас. На меня идет охота? А что, если этот кто-то решил меня сожрать? Кто у них здесь водится? Крокодилы? Носороги? Змеи ведь не бегают.

Не оборачиваясь, я продолжал отчаянно крутить педали, и, слава Богу, шум постепенно начал утихать, а потом и вовсе прекратился. Я был измотан, но темпа по-прежнему не сбавлял, и, лишь отъехав достаточно далеко, я остановился, достал свой буклет и слово за словом стал перечитывать напечатанный в нем небольшой текст, ища упоминание о чайниках-убийцах или о том, что могло бы преследовать ни в чем не повинных британских велосипедистов. Разумеется, ничего такого я не нашел, но легче мне не стало: дурное предчувствие лишь усилилось. Неужели «да» пытается меня убить? Ведь оно должно помогать мне жить! Другие шумы вокруг меня еще не улеглись. Я стоял на дороге в окружении огромных деревьев, которые заслоняли солнце, отчего здесь витал дух затхлой вечерней сырости.

А потом я услышал за спиной шарканье, шелест разгребаемых листьев и с перепугу вдавился голенью в педали, пытаясь тронуть велосипед с места, но никак не мог

обрести равновесие. Ноги вдруг стали непомерно длинными, а шум все усиливался. И вдруг здоровая мускулистая ящерица размером с танк пронеслась мимо меня, нырнула в брешь в кустах и там замерла. У меня бешено заколотилось сердце. На меня охотится ящерица. Ящерица, чтоб ей пусто было! Нет, тут что-то не то. Это не рай!

И вообще, если это рай, тогда почему так мало людей стремятся здесь жить? Ведь я пока не встретил ни одного человека. Или здесь живут одни ящерицы? А вдруг Дэвид Айк106 прав?!

Я продолжил путь, стараясь держаться дороги. Назад не оглядывался — боялся увидеть еще что-нибудь путающее. Я раскраснелся, изнывал от усталости, мне хотелось присесть. И тут я увидел указатель, согласно которому неподалеку находилось местечко под названием пляж Нуалонг. Ага, пляж. Замечательно. То, что нужно. Там наверняка безопасно.

Вскоре я и впрямь выехал на побережье. Стало немного пасмурно, но по-прежнему было тепло. Изнуренный, я слез с велосипеда и сел на берегу.

Вода была теплая, солнце грело. Несмотря на то что я натерпелся страху из-за ящерицы, мне вдруг стало невероятно хорошо оттого, что я приплыл на этот остров. Казалось, я как никогда далеко от Лондона, от людей. Я был один. Находился за тысячи миль от другой жизни. Я задумался о том, что привело меня сюда. На пляже острова Пулау-Убин я сидел сейчас благодаря череде случаев, когда я ответил согласием. Конечно, началось все с моего попутчика в автобусе. Но выходные в Сингапуре стали возможны только потому, что я согласился пойти на скучную вечеринку, где нужно было поделиться интересными фактами. Этими выходными я обязан Гарету. И Джеффу. И Марку. Как знать, скольким еще цепочкам я положил начало. Как знать, какую еще череду событий я спровоцировал. К чему еще все это приведет? Что меня ждет на следующей неделе, в следующем месяце в результате того, что я ответил согласием на что-то на прошлой неделе или в прошлом месяце?

Сейчас конец ноября. Скоро декабрь. Мне осталось всего лишь месяц следовать тактике согласия, а потом я начинаю жить по-новому. Более ответственно — работа с девяти до пяти, электронные таблицы, прожекторы над головой. Больше никаких поездок в Сингапур с бухты-барахты по случайным кредитным картам. Никаких спонтанных выходов. Все должно быть чин-чином, спокойно. Так же спокойно, как здесь. Но в запасе у меня еще есть парочка приятных сюрпризов. Например, Лиззи.

Я сидел на солнышке и улыбался. Мой эксперимент подходил к концу. Осталось всего несколько недель. Я их

ждал с нетерпением.

Через час я возвратился к пристани. В конце пирса собралась — непонятно откуда — большая группа людей. Они сидели в молчании и терпеливо ожидали прибытия следующего судна, которое должно было отвезти их на большую землю. С невозмутимым видом я направился к ним. Двоих я узнал. Вместе с ними я приплыл на остров. Всего собралось человек четырнадцать. Но вот что странно: все они сидели на одной скамье. Там было четыре скамьи, образующие один большой квадрат, но все эти люди почему-то сидели на одной. Сидели в рядочек и смотрели в одном направлении — на меня, приближающегося к ним туриста. Но я не испугался и не смутился. Они не выказывали ни тени страха или смущения, полагая, что сидеть рядком и молчать — абсолютно в порядке вещей. В Лондоне такого не увидишь. Мы все рассаживаемся по разным скамьям, причем стараемся выбрать ту, где народу поменьше. Мы всегда держимся особняком.

Это незамысловатое зрелище воодушевило меня. Приближаясь к ожидающим пассажирам, я поднял руку и улыбнулся. Нужно было решить, где мне сесть. Не мог же я сесть отдельно, в стороне ото всех. Тогда меня непременно сочли бы типичным неприветливым снобом с Запада. Поэтому я поборол неловкость и сделал то, что при обычных обстоятельствах ни за что бы не сделал: сел прямо в серединку между ними. И во мне вдруг проснулся философ. Это «да» меня так изменило. Избавило от чопорности. В конце концов, кто я для этих людей? Обычный незнакомец. Да, у меня белый цвет кожи и необычные шорты, но, по существу, я просто человек, присевший рядом с ними на скамью в ожидании судна. Никто не произнес ни слова. Несколько человек глянули на меня. Я тоже на них посмотрел и улыбнулся. На этой скамье царил дух взаимного уважения. Молчаливого, бессловесного уважения. Я, турист из далекой страны, уважал их. Они, простые малазийцы, спокойные и безмятежные, глядящие на чужеземца с тихим удивлением, с уважением относились ко мне. Я глубоко вздохнул, размышляя об этом неожиданно возникшем ощущении общности. Мы живем в совершенно разных мирах, в разных концах света, но нас объединяет невыразимое словами умиротворяющее родство душ. Может, в этом и заключается смысл понятия рай, думал я. Может, рай — это не Пулау-Убин... а мироощущение людей, живущих на этом острове. Может, рай не вокруг нас, а в нас самих.

А потом эти люди вдруг разом заговорили обо мне, и стало ясно, что они — одна большая семья, потому и сидят вместе, и им непонятно, кто я такой и почему сел между ними, а не на другую скамью, как поступил бы любой нормальный человек. Я покраснел.

Сделав вид, будто мне надо размяться, я встал, зевнул, прошелся до другой скамьи, словно она меня чем-то заинтересовала, потом сел и принялся разглядывать свои ноги. Прошел целый год, если не больше, прежде чем прибыл катер, и я постарался первым зайти на борт. Не хватало еще, чтобы вся эта компашка опередила меня, а потом спорила на пари, куда я сяду.

В отеле, потягивая коктейль, я отправил SMS-сообщение Марку.

«Я В СИНГАПУРЕ. МЕНЯ ПРЕСЛЕДОВАЛА ЯЩЕ-РИЦА».

Минут через десять пришел ответ.

«АТОМИСО, ДЭННИ!»

Я рассмеялся. Мне очень хотелось надеяться, что я еще встречу с Марком.

Вечерело. На следующий день я возвращался в Лондон. Я стал изучать карту, думая, как мне провести оставшееся время в Сингапуре.

Это был бесполезный труд.

Ибо все оставшееся время в Сингапуре мне предстояло провести в тревогах.

В страхе, переживаниях и волнении.

Я прошел в гостиничный бизнес-центр и проверил свою электронную почту. Я планировал отправить письмо Лиззи, сообщить ей о том, где я, что делаю, и сказать, что я с нетерпением жду с ней встречи.

Мне и в голову не могло прийти, что меня уже ждет одно послание.

> Кому: Дэнни

> От кого: ktoprovokator@hotmail.com

> Тема: Следующий...

Привет, Дэнни,

Ну что, веселишься? Все еще дакаешь?

Что ж, прекрасно.

Тогда почему бы тебе не...

Посетить Стоунхендж...2...?

У меня упало сердце. Я уехал за тысячи миль, но Провокатор следовал за мной тенью. Кто это? Все бессмысленно, пока эти люди контролируют меня. Предполагалось, что я сам буду управлять своей жизнью. Сам буду хозяином своей судьбы! Если это Джейсон, тогда он слишком напорист для человека, которому эта игра давно бы должна была наскучить... А может, не Джейсон?

И потом, Стоунхендж-2. Что это? Разве такой есть? Или мне предлагают еще раз съездить в Стоунхендж?

Я быстро открыл поисковую программу «google.com» и напечатал в поисковой строке: «Стоунхендж-2». Секундой позже на экране появился ответ на мой запрос. Стоунхендж-2 существовал. Меня намеревались отправить в Стоунхендж-2! Но что это?

«Подлинный Стоунхендж, древний памятник друидов, расположенный в Англии, окутывает тайна. А вот Стоунхендж-2, его версия, скорее просто несуразное сооружение, чем загадка. Это творение, достигающее в диаметре 92 футов, выстроено из гипса и стоит в сопровождении двух...»

Я пробежал глазами текст. Стоунхендж-2 — это памятник памятнику... но где? Ага, вот. Проклятье. В Техасе. Стоунхендж-2 находится в Техасе! Проклятье. Казалось, мир мой неожиданно рухнул. Только я признал, что нужно просто сидеть и наслаждаться ездой, дабы выжить в том мире, где правит «да», как кто-то нагло выхватил у меня руль...

ГЛАВА 23

В которой Дэниел переживает тяжелейший кризис

Домой в Лондон я вернулся, зная одно.

В Техас я ни за что не поеду. Хорошего понемножку. Провокатор переступил черту уже тогда, когда послал меня в английский Стоунхендж... Если он поймет, что я и в Техас готов отправиться по его указу, тогда в следующий раз он придумает что-нибудь похлеще.

Все, кончено. Пора дать ему отпор. Однако, отказавшись ехать в Техас или проигнорировав загадочные слова Провокатора, я подпишусь под собственным поражением. Нарушу правила. Отвечу отказом на то, на что поклялся самому себе отвечать согласием. А этого я сделать не могу.

Я знал, что к приезду Лиззи должен кое с чем разобраться. Выиграть битву, которую веду. Она будет здесь через неделю с небольшим... Я ответил ей согласием и теперь не вправе не сдержать данное обещание, а это значит, что, если я подчинюсь капризу Провокатора, мне придется организовать поездку таким образом, чтобы я обернулся очень быстро, невероятно быстро.

Но как я объясню это Лиззи? Как расскажу про свою затею? Про то, что я, по сути, веду двойную жизнь? Возможно, она воспримет это нормально (ведь мне придется поставить ее в известность). Конечно, я все тот же застенчивый радиопродюсер-очкарик, по манерам и внешне похожий на Кларка Кента¹⁰⁷... и в то же время я уже другой. Человек, ведущий более активный образ жизни. Более уверенный в себе, более открытый. Человек, который вновь, как и раньше, способен действовать спонтанно. Возможно, ей это понравится. Во всяком случае, в Эдинбурге нравилось, когда она думала, что таким я стал из-за нее.

Или... она возмутится? Равно как и Ханна, сочтет, что это ребячество, пустая трата времени и глупость? И для нее наши отношения утратят ценность, если я скажу, что не любовь побудила меня купить ей билет от Мельбурна до Эдинбурга, а сделал я это просто потому, что она меня попросила? Потому, что один бородатый мужик, с которым я однажды случайно познакомился в автобусе, сказал, будто мне это пойдет на пользу?

В любом случае я должен во всем ей признаться.

Причем как бы она ни отреагировала, нет гарантии, что все сложится так, как я хочу. Даже если я отправлюсь в Техас и успею вернуться к приезду Лиззи, это не решит абсолютно ничего. Провокатор по-прежнему будет вмешиваться в мою жизнь и строить мне козни...

В отчаянии я снова написал Тому... и он ответил мне в тот же день...

Дэнни,

Увы, Джейсона мне не удалось найти. Честно говоря, мы с ним не особенно близкие друзья. Но я попросил его сестру, чтоб она велела ему связаться со мной по электронке как можно скорее. Сообщаю его координаты...

Ниже указывались адрес места работы Джейсона и его мобильный телефон.

Отлично! Теперь-то уж он у меня в руках! Он имел власть надо мной, пока я не мог доказать, что он и есть тот самый Провокатор. Пока он сохранял анонимность, он мог заставить меня сделать что-то против своей воли. Но как только я сорву с него маску, он станет еще одним Ианом, еще одним человеком, который знает про мою затею. И я буду знать, что он это знает. Изобличив его, я лишу его власти надо мной. Изобличив его, я смогу не обращать на него внимания.

Я немедленно ринулся в бой, предпринял наступление по трем направлениям...

Во-первых, по электронной почте я послал ему резкое письмо.

Джейсон,

У меня есть твой мобильный, и я знаю, где ты работаешь. В Техас я не поеду, даже не мечтай. Я знаю, кто ты, и это значит, я знаю, что ты знаешь, а это значит, что больше ты не сможешь надо мной издеваться. Я хочу поговорить с тобой, дабы убедиться, что ты усвоил главное: **ТЫ БОЛЬШЕ НЕ ВПРАВЕ УКАЗЫВАТЬ МНЕ, ИБО Я ЗНАЮ: ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ЗНАЮ О ТОМ, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ.**

Прямо сейчас тебе позвоню.

Дэнни

Я взял телефон и позвонил ему на сотовый.

К моей огромной досаде, включился автоответчик:

«Это голосовая почта абонента 07*** *** ** компании «Водафон». Пожалуйста, оставьте сообщение после...»

— Джейсон, это Дэнни, — закричал я. — Ты раскрыт. У меня теперь есть твой телефон. Проверь свою электронную почту и больше никогда мне не пиши. Поразвлекались, и хватит. Уверен, ты вдоволь повеселился со своими друзьями в пабе. Вечеринка окончена. Спокойной ночи и пошел ты к черту...

Я повесил трубку и глянул на часы. Четыре. Все учреждения еще работают. Я набрал рабочий телефон Джейсона, который дал мне Том. Разъяренный, я приготовился к схватке, собираясь сказать этому негодяю, чтоб он шел куда подальше...

— Добро пожаловать в Бюро по делам иммиграции и гражданства, — ответил мне записанный на пленку голос. — Имейте в виду, производится запись всех телефонных разговоров...

Раздался щелчок: меня соединили с оператором...

— Доброе утро. Министерство внутренних дел. Чем могу служить?

— Будьте добры, соедините меня с человеком по имени Джейсон.

— Как его фамилия?

— Фамилии я не знаю. Мы с ним встречались всего один раз. Он работает в иммиграционной службе, решает судьбы людей...

— Если вы не знаете фамилии этого человека, боюсь, я не смогу вас с ним соединить.

— Мне нужно поговорить с ним. Срочно.

— Все жалобы и обращения подаются в письменной форме...

— Я не собираюсь жаловаться... мне нужно поговорить с Джейсоном...

— Вы получили ПСОО108?

— Я не знаю, что такое ПСОО... мне просто нужно переговорить с парнем по имени Джейсон, по личному вопросу, всего минуту... прошу вас, соедините меня с кем-нибудь, кто принимает решения...

— Подождите...

У меня неистово забилося сердце. Я уже близок к цели. Моя атака на три фронта почти достигла кульминации. Сейчас я поквитаяюсь с человеком, который насмеялся надо мной издалека.

— Слушаю... — раздался в трубке женский голос.

— Привет... позовите, пожалуйста, Джейсона.

— Какого Джейсона?

— Не знаю. Он у вас работает. Решает судьбы людей. Часто отказывает. Мне необходимо поговорить с ним...

— Минуточку...

Видимо, прикрыв ладонью трубку, она что-то спросила у кого-то.

— Он здесь больше не работает. У нас был сотрудник по имени Джейсон, но он уволился. А я работаю недавно. Простите.

Проклятье!

— Так... а куда он ушел? У вас есть номер? Я пытался звонить ему на его сотовый, но телефон отключен. Мне нужно с ним поговорить. Мне нужно поговорить с ним прямо сейчас...

— Минуточку...

С другого конца линии до меня опять донеслись приглушенные голоса.

— Нет, простите. Мы не вправе разглашать информацию частного характера.

— Но, послушайте... я не маньяк и не псих. Этот человек, он...

— Мне очень жаль.

Я вздохнул и потер глаза.

— Ну... если увидите его... передайте, что ему звонил Дэнни, хорошо?

— Непременно. Я и остальных предупрежу.

— Спасибо.

Расстроенный, я положил трубку. А я-то надеялся, что все уже на мази.

Что будет, если я не доберусь до него? Никогда? Что будет, если я не сумею найти его, схватить и крикнуть ему в лицо: «Я знаю, кто ты!» Тогда Провокатор так и будет терроризировать меня. И мне придется отправиться в Техас.

И дело было вовсе не в том, что я устал. Что я уже достаточно напутешествовался, хотел остаться дома,

увидеть Лиззи и прожить последний месяц под эгидой «да» в относительном комфорте. Дело было в том, что до сей поры я благополучно игнорировал один немаловажный аспект моих путешествий.

Затраты.

Поездка в Техас — удовольствие недешевое. Я знал, что сначала я должен буду лететь в Нью-Йорк, оттуда, вероятно, в Остин, а потом на такси, автобусом или поездом добираться до Ханта. И это мне придется делать так же, как и все остальное, — в кредит.

Теперь у меня накопилось слишком много кредитных карт — благодаря различным предложениям от добрых людей из компаний «Виза», «Барклайкард», «Американ экспресс» и прочих, — и я уже воспользовался каждой из них. Поначалу оплачивал ими пустяковые суммы — например, стоимость карри для себя и Уэга. Или пива, которым угощал Натана, Джона, Бена, Рича и прочих своих приятелей, внезапно обнаруживших, что меня, оказывается, очень легко можно выманить из дома и раскрутить на выпивку. Но потом... счета заметно выросли.

Покупка «да»-мобиля съела все мои сбережения, а в последнее время я работал не очень много — расслабился, зная, что скоро у меня будет новая работа, надеясь, что все утрясется само собой. Потом мне пришлось оплатить перелет Лиззи. Плюс страховка автомобиля и дорожный налог. Железнодорожные билеты в Ливерпуль и обратно. Поездка в Кардифф. И тысячи плакатов, которые я расклеил. Все бы ничего, но следующий счет будет включать проживание в гостинице Барселоны. Питание. Деньги, снятые с карт на проезды в такси и поездах. Перелет в Сингапур и обратно. И, возможно, теперь еще расходы — перелеты и проживание в гостиницах — на поездку в Хант в штате Техас, куда мне придется отправиться, чтобы посмотреть уменьшенную копию памятника, который и сам-то не очень большой, к тому же я видел его всего месяца два назад.

И ради чего все это? Ради чего я лез из кожи, тратил деньги, наделал долгов? Что в результате я смогу предъявить? Некое чувство. Попробуйте объяснить это судебному приставу. Стоило ли это все столь больших денег?

Началось все, конечно, с выигрыша тех 25 000 фунтов. Я тогда почувствовал себя очень богатым человеком. Решил, что все будет хорошо, «да» обо мне позаботится. Но теперь, сидя за столом, изучая счета, я уже так не думал. «Да» меня обмануло.

И тогда я поступил так, как поступает всякий человек, медленно увязавший в долгах. Смахнул все счета в ящик стола и пошел гулять. В январе я сверну за угол. Начну жизнь с чистого листа. Расплачусь с долгами после того, как привяжу себя к письменному столу, за которым просижу всю оставшуюся жизнь. У меня остался всего один месяц вольной жизни. Всего один месяц.

Так что сегодня вечером я буду пить. Напьюсь до самозабвения.

Беда была только в том, что пить мне предстояло с Полом.

Я шел на встречу с человеком, который дважды изъявил желание мило со мной побеседовать. Пока только он один и отозвался на мое предложение. Я был не в лучшем настроении. И совершенно не в настроении встречаться с Полом (надеюсь, он простит мне это). Я предпочел бы пообщаться с тем, кто мог понять меня, а Пол разбирался только в бордер-терьерах.

Мы встретились в пабе «Йоркшир грей». Наша милая беседа не клеилась, но, Пол, по-моему, этого не замечал. Он был увлечен собственным монологом, а я просто сидел и хмурился.

— Что касается музыки, — вдруг заявил он ни с того, ни с сего, — в этой области у меня весьма разнообразные интересы. Но, пожалуй, больше всего я тяготею к Саре Брайтмен. Тебе нравится Сара Брайтмен109?

— Да, она очень талантливая певица, — отвечал я, подавленный и мрачный, хотя на самом деле мне хотелось сказать: «Сару Брайтмен я терпеть не могу». Но мы ведь вели милую беседу. Я не мог оскорбить его чувства.

— Кажется, в начале следующего года она отправляется в концертное турне, — сообщил Пол. — Если тебе это интересно, конечно.

Не-а. Ничуточки.

— Отличная новость, — сказал я.

— Я ее полюбил после «Призрака оперы». Тогда она впервые привлекла мое внимание. А потом друзья из Бразилии прислали мне ее альбом, называется «Сбежавшие песни», и я был так рад, что эти песни не сбежали, ведь я на них помешался!

Я рассмеялся из вежливости.

— Хочешь, дам послушать?

— Если не жалко.

— С тех пор я был на нескольких ее концертах. В де-вяносто седьмом в Эдинбурге. Сидел в седьмом ряду, справа от центра, и это была фантастика. Сара стояла слева от центра, но все равно было здорово.

— Охотно верю, — сказал я, будто бы представив в уме план рассадки. Свое пиво я выпил и теперь ждал, когда Пол допьет свое. Мне совершенно не хотелось угощать его в очередной раз, еще глубже увязая в долгах.

— А потом я увидел ее еще раз, в Норидже, в ходе того же турне. И тогда народу пришло еще больше...

Господи, умоляю, пусть он замолчит. Лучше уж пусть болтает о бордер-терьерах. О чем угодно, только не об этом.

— ...кстати, в конце выступления я первый начал аплодировать стоя, весь зал поднял на ноги. Так что, если увидишь ее на Би-би-си, скажи ей: «Я знаком с человеком, который первым начал аплодировать тебе стоя в Норидже в девяносто седьмом году», — и посмотри, как она отреагирует!

— Непременно, — пообещал я, вертя в руках свой бокал. Совершенно пустой.

— Скажи! Обязательно! Она будет в восторге. Да, как я уже говорил, в начале следующего года она отправляется на гастроли...

Я набрался терпения.

— Послушай, Дэнни, раз ты у нас работаешь на Би-би-си, ты же можешь взять у нее автограф для меня.

Я невыразительно посмотрел на него.

— Ведь можешь, да?

— Если случайно увижу ее, — сказал я.

— А ты ей факс пошли.

Интересно, какого содержания? «Дорогая Сара, Би-би-си желала бы получить ваш автограф» ?

— Ты сделаешь это ради меня?

Я вздохнул.

— Да.

Пол глянул на часы.

— Ой, мне пора... иду в кино.

— В кино? — живо переспросил я, радуясь, что Пол наконец-то заговорил о другом, и в то же время, несмотря на его занудство, стремясь продлить нашу встречу. Мне не хотелось прямо сейчас оставаться одному.

— Да, — подтвердил Пол. — Извини, не могу тебя пригласить, не я доставал билеты. Понимаешь, это нечто вроде свидания.

Я кивнул, мысленно вздохнув от облегчения: слава Богу, мне не придется быть третьим лишним на чужом свидании.

— Хорошая девушка?

— Надеюсь, — ответил Пол. — Знакомая моего друга.

Я уже собрался было рассказать ему про Кристен, но

осекся. Мне до сих пор не хотелось об этом вспоминать. Да и неуместно как-то. Ведь скоро придет Лиззи...

— Что ж, удачи, — сказал я.

— Рад был повидаться. Это мой приятель Саймон устроил мне свидание. Он знает, что я неравнодушен к рыженьким. Это моя слабость. А от друзей слабости не скроешь, верно?

Я был рад за Пола. И чувствовал себя немного виноватым. И что я с такой неохотой шел на встречу с ним? Полагаю, в глубине души я считал, что делаю ему одолжение. Мне казалось, что он одинок. Ан нет, посмотрите на него: он счастливчик, у него есть друзья, которые устраивают ему свидания; он не испытывает недостатка в общении. Бог с ним, что он помешан на Саре Брайтмен. Не беда. Пол — отличный парень. И в жизни устроен неплохо. Если уж на то пошло, он, вероятно, думает, что это он делает мне одолжение. Мне, человеку, которому даже не о чем поговорить. Который расклеивает по городу объявления с просьбой «Позвоните мне! Я — одинокий угрюмый оригинал, мечтающий о милой беседе с незнакомцами».

Пол надел куртку и, качая головой, сказал:

— Знаешь, хотел предложить... Завтра вечером я опять буду в Лондоне. Могу принести тебе тот компакт-диск. Мы могли бы быстренько выпить по бокальчику. Зато не будешь сидеть здесь один-одинешенек.

Чувствуя себя отвратительно, я ответил с искренней благодарностью в голосе:

— Это было бы здорово.

И на том, боюсь, закончился, мой вечер развлечений. Вот вам и результат моих нещадных стараний заглушить

свое горе. Нет, я обзвонил всех, кого можно. Звонил и Уэгу, и Натану, и Джоунси, и Бену, и Ричу. Даже Коббетту. Но у каждого из них нашелся предлог для отказа. Каждому нужно было куда-то бежать, что-то делать. Каждый мог с чистой совестью сказать «нет». Во мне вдруг проснулась зависть к этим свобододолюбивым ублюдкам.

Я поплелся к метро, еле передвигая ноги, спустился на станцию «Оксфорд-серкус». Через две остановки, в Холборне, пассажиров попросили покинуть вагоны. Какая-то авария на линии. Что-то с электричеством. Нам предложили добираться домой своим ходом или дожидаться, когда к станции метро подадут специальные автобусы.

В общем-то, довольно стандартная ситуация, но для меня она имела особый резонанс. Может быть, думал я, это признак надежды. В конце концов, ведь с подобного случая все и началось. Может, это знамение. Может, Майтрея подойдет ко мне. Может, я опять встречу в автобусе того человека. Может, это не просто так.

Вскоре стали подъезжать автобусы. Я огляделся, с надеждой в глазах всматриваясь в лица других таких же, как и я, страдающих угрюмых пассажиров, но его не заметил. Поднялся вверх. Результат тот же. Ни одного бородатого. Никого похожего на просветленное существо. Мужчин было много, но того, кто мне нужен, среди них я не нашел.

Автобус ехал долго, часто делал остановки. К тому времени, как мы свернули на улицу, идущую параллельно Роуман-роуд, от которой до моего дома добираться всего несколько минут, я остался в салоне один. Сидел

один-одинешенек на верхнем этаже автобуса, темной ночью, и смотрел в окно.

На перекрестке автобус затормозил. Я спустился вниз и прыгнул на дорогу. Решил остаток пути пройти пешком. Последние полчаса убедили меня во многом. Во-первых, я усвоил раз и навсегда, что я сам по себе. Что Майтреи не существует. Что тот мой попутчик в автобусе был самый обычный человек. Что все это я сделал сам. Нет никого великого промысла. Я сам отвечаю за свои поступки.

Я зашел в бар, где продавали спиртные напитки навынос, купил бутылку вина и пошел домой, с содроганием думая, что сегодня вечером мне еще все-таки придется выяснить, сколько стоит авиабилет до Техаса.

Да, и не забыть отправить факс агенту Сары Брайт-мен.

В тот вечер я сделал себе ванну и долго, очень долго в ней лежал. Вылезать не хотелось. У меня было такое чув-ство, что, пока я в ванне, мне ничто не угрожает. В ванной нет ни телефона, ни Интернета. Никакие возможности, одолжения, просьбы не проникнут сквозь закрытую дверь. Я в теплом парном коконе. Увы, теперь я уже был не тот Согласный, что в свою лучшую пору... Тогда у меня было время только на то, чтобы принять душ. Я все время бежал из дому, стремился находиться по другую сторону двери, выискивая возможности ответить на что-то согласием и хватая их обеими руками.

В ванную с собой я взял свой дневник. Хотел еще раз вспомнить все, что произошло со мной за последние месяцы. Проанализировать свои поступки. Оценить их. Понять, стоят ли результаты моих усилий, ведь мне еще целый месяц давать. Способны ли они вдохновить меня на еще одну поездку на другой конец света. Я лениво листал дневник, страницу за страницей, перечитывая записи, сделанные в июле, в августе, в сентябре. Интересно, что скажет на это Иан в конце следующего месяца, в канун Нового года, когда мы будем сидеть с ним вдвоем, только он и я, в том же самом пабе, где я поведал ему про своего попутчика в автобусе. Что он подумает, когда я объясню ему, чем занимался в октябре... чему научился в ноябре...

Конечно, кое о чем он уже знал — про лотерею, про Амстердам, про мое незаслуженное повышение, про то, что я стал уважаемым священником и никудышным изобретателем. Но многое ему еще было неизвестно. Про мои новые впечатления — про людей, с которыми я познакомился, про места, которые я посетил. Про то, что я сделал. Про мои изменившиеся привычки. Про те мои поступки, которые при обычных обстоятельствах я не совершил бы ни за что. Иан знает меня хорошо, но и для него многое из этого станет сюрпризом. Как стало сюр-призом для меня самого. Я вдруг почувствовал гордость за Иана. Он всегда был мне поддержкой и опорой. Друг на все времена. Он столько знает обо мне хорошего и плохого, что давно мог бы проучить меня, но ведь не проучил. Он по достоинству оценил мою затею. В общем-то, Пол был прав, когда сказал, что люди, которые хорошо тебя знают, это те, кому известны твои слабости. Твои уязвимые места. Но ты веришь, что они не используют их в своих интересах, не обманут тебя. Они не злоупотребляют твоим доверием, потому что ты им не безразличен. Опасаться нужно чужих. Таких, как Джейсон, Людей, которые, обнаружив твои слабые места, начинают специально давить на них — Бог знает зачем, — стремясь тебя уничтожить. Чужим доверять нельзя, они коварны. Интересно, почему некоторые чужаки столь недоброжелательны?

Так, раздумывая, я продолжал листать дневник и кивал сам себе, дивясь собственной мудрости... пока не наткнулся на одну запись, повествующую о череде случаев, когда я ответил согласием. Об одной цепочке событий... И выраженная там мысль оформилась в некое смутное ощущение, от которого я никак не мог избавиться...

Люди, которые хорошо тебя знают, это те, кому известны твои слабости...

Но я не останавливался. Продолжал читать. Анализируя, размышляя. Вспоминая, с кем я встречался и когда, что происходило до и после... И вдруг мне стало как-то нехорошо, я занервничал — ничего не мог с собой поделать. Я и сам не понимал, что меня так взволновало... по-видимому, мысль, постепенно завладевавшая моим сознанием, медленно формировавшаяся где-то в глубине...

Это была очень тревожная мысль, от которой у меня закололо в затылке и участился пульс. Я пытался выбросить ее из головы, зная, что это просто невозможно, что так не бывает, что я просто выдумываю всякие глупости...

Но чем больше я читал свой дневник, тем больше начинал понимать...

Я вылез из ванны и принялся насвистывать, надеясь, что это как-то развеет мои тревоги. Не помогло.

И вдруг я понял, что мне необходимо кое-что проверить. Убедиться в том, что мое беспокойство просто вызвано длительным перелетом через несколько часовых поясов и безотчетной паранойей.

Я надел рубашку, шорты, пришел в гостиную и включил компьютер. Нужно было проверить одно сообщение, присланное мне по электронной почте. То, что я получил некоторое время назад, от Тома... В нем есть одно предложение, — по сути, приписка, сделанная мимоходом. Тогда я не обратил на это внимания, но теперь... только теперь до меня дошло, что оно очень странное...

Пока компьютер загружался, я откупорил бутылку вина... Нет, все это глупости. Что я делаю? И все же надо проверить...

Наконец компьютер загрузился. Я открыл ящик с почтой и... вот оно... то предложение...

Кстати, какой у тебя адрес?

У меня екнуло сердце. Черт. У Тома нет моего адреса. У него нет моего адреса. А если у Тома нет моего адреса... тогда как же его узнал Джейсон?

О Боже. Значит, это правда.

Не исключено, что Джейсон ко всему этому не имеет ни малейшего отношения. А это значит, что, возможно...

Я взял телефон, стал набирать номер... и положил трубку.

Нельзя же просто так позвонить человеку и обвинить его в лицемерии. В том, что он Провокатор.

Почему же?

Я налил себе вина и закружил по гостиной, рассуждая сам с собой... Нет, это глупо. Глупая идея. Не может быть.

Но чем упорнее я старался вытеснить эту мысль из головы, тем глубже она укоренялась в моем сознании.

Люди, которые хорошо тебя знают, это те, кому известны твои слабости...

Неужели я параноик? Или схожу с ума? Я ведь уже вычислил Провокатора, верно? Это Джейсон... человек, решительно не приемлющий путь согласия. Человек, который обругал меня и выставил в собственных глазах мальчишкой, увлекшегося дурацким хобби. Взрослый человек, зарабатывающий на жизнь тем, что постоянно говорит «нет».

Но... *а вдруг? Вдруг это не Джейсон? Что, если это не чужой мне человек? Что, если это... друг? Друг, которому известно про мою затею, известно про то, где я и как живу?*

Можно это как-то выяснить? Узнать хотя бы приблизительно... для успокоения души. Это, конечно большой риск — возможно, меня ждет разочарование, — но лучше уж рискнуть и разочароваться, чем мучиться неведением.

Я сел за компьютер, вошел в Интернет.

Не может быть, чтобы это был друг... кепка... книга... футболка... поездка... друзья на такое не способны...

Я открыл сайт бесплатной электронной почты.

Получится? Чем черт не шутит.

В окне регистрации я напечатал адрес электронной почты. Теперь уже хорошо знакомый мне адрес.

ktoprovokator@hotmail.com

Меня попросили ввести пароль.

Хм, какой же пароль? Какой у Провокатора может быть пароль?

Медленно, двумя пальцами я набрал одно — хорошо знакомое — восьмибуквенное слово и приковался к нему взглядом.

Если угадал... думал я.

Мой палец застыл над мышкой.

Я нажал на клавишу.

Экран побелел. Компьютер зажужжал. И вот, не успел я и глазом моргнуть, высветилось окно.

Почтовый ящик поступающих сообщений.

Я смотрел, смотрел, смотрел и не верил своим глазам. Пароль подошел.

В ящике было одно сообщение. Непрочитанное. От меня. Сердитое письмо, которое я послал буквально днем раньше, уведомляя Джейсона, что игра окончена, что я больше не пойду у него на поводу и он может убираться ко всем чертям. Но раз я сейчас видел это свое письмо, значит, до Джейсона оно пока не дошло.

Я был потрясен. Пароль я сумел угадать только потому, что хорошо его знал.

А это значит, что я прекрасно знал и Провокатора.

У меня голова пошла кругом. Я взял телефон и позвонил.

Восемнадцать часов спустя я остановил машину неподалеку от паба «Лошадь и конюх». Я попытался затормозить с визгом, но у «Ниссана Фигаро» бесшумные тормоза.

Я вылез из машины и с силой захлопнул дверцу.

— Я бы не стал здесь парковаться, приятель, — сказал дворник. — Тут повсюду дорожные патрули ездят. Тебя в пять минут оштрафуют.

Ага, щас, разбежались! Никому не позволю вставать у меня на пути. Не в том я сегодня настроении.

Я вновь открыл машину, залез в бардачок, достал оттуда небольшую ламинированную карточку и прикрепил ее на лобовое стекло.

СВЯЩЕННИК ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Пошли к черту.

Место встречи назначил я: хотел провести разоблачительную операцию на своей территории. Провокатор, конечно, пока не догадывался, что он уже раскрыт. Очевидно, предположил, что это будет обычная встреча двух друзей — в обычный день, в обычном месте. Мы встречались так тысячи раз. Внешне я был спокоен, но в крови у меня бурлил адреналин.

Мы сели, я заговорил первым.

— Что ж... рад снова видеть тебя. — Я помолчал для пушного эффекта и добавил: — Всегда рад видеть тебя... Провокатор.

Последовала пауза. Я молчал умышленно, — чтобы выдавить признание из того, у кого вид теперь был очень смущенный.

— Как ты узнал, что это я?

Как я узнал? Ха. Да очень просто. Так же, как Провокатор узнал, что я Согласный. Потому что тем, кто знает тебя очень хорошо, известны и твои слабости.

Я сделал глубокий вдох и произнес одно слово:

- Норвегия.
- Прости, не поняла.
- Н-О-Р-В-Е-Г-И-Я. Как страна.

До сознания Ханна что-то начало доходить.

— На свою бесплатную электронную почту ты поста-вила тот же пароль, который ставишь на все последние пять лет, — сказал я. — В том числе и на свой мобильный телефон.

Думаю, после прочтения этой книги Ханна будет реже использовать слово «Норвегия» в качестве пароля. Поделом.

Кстати, ее пин-код — 4626.

— Хм... да, — пробормотала Ханна. — Все верно. На-верное, мне следует извиниться.

— Еще как! Когда ты узнала про меня, Ханна?

Она стала барабанить пальцами по столу, думая, что бы ответить.

— Почти сразу. Во всяком случае, думаю, что почти сразу. Одному Богу известно, сколько ты уже давал к тому времени. Тогда в ресторане ты заказал рыбу, хотя раньше никогда не брал рыбные блюда. Вообще не ел рыбу. Говорил, что от рыбы тебя бросает в дрожь. Потому что рыба, даже если у нее нет головы, смотрит на тебя как-то странно. Но стоило официанту порекомендовать тебе рыбу, и ты, не колеблясь, сказал «да». Вот тогда я впервые и подумала: что-то тут не то.

А это уже урок для меня: не стоит недооценивать интуицию бывших возлюбленных.

— Да и вообще, странно было уже то, что ты согласился пойти с нами на ужин, — продолжала Ханна. — Меня это поразило, Дэнни. У тебя и прежде случались бзики, но это выходило за всякие рамки. Я кипела от злости. Несколько дней злилась. Я догадывалась, что ты вляпался в какую-то затею, и всякий раз, когда мы встречались с тобой или ты еще как-то давал о себе знать, я укреплялась в своих подозрениях. Да, ты против того, чтобы я завязала отношения с другим парнем. Да, ты намерен помочь сыну убитого султана. Я сохранила те твои электронные письма, Дэнни. А потом... ты от моего имени дал денег на воспитание африканского мальчика, Дэн... Думаешь, мне не попадались те листовки? А цветы? Поначалу я решила, что ты легко поддаешься на рекламу, но потом прикинула и пришла к выводу, что ты... идиот. Дакающий идиот.

— Но почему ты просто не сказала, что раскусила меня? К чему весь этот бред с Провокатором?

— Если б я призналась, что мне известно про твою за-тею, ты бы дакать все равно не перестал. А так... это было что-то вроде шутки.

— Шутки? Да ведь ты меня чуть в Техас не услала!

— В Техас? Ничего подобного!

— Ты написала: «Съезди в Стоунхендж-2»! А это в Техасе!

— Нет. Я хотела, чтобы ты поехал в Стоунхендж — во второй раз! Я хотела, чтобы ты побывал в Стоунхендже дважды! Когда я написала тебе, и оказалось, что ты в Сингапуре, я подумала: ладно, очевидно, ему нравится путешествовать. Так что я собиралась отправлять тебя в Стоунхендж до тех пор, пока тебе самому не надоест. Все бы происходило, как в «Дне сурка»! Через несколько недель ты бы получил «Съезди в Стоунхендж-3»!

— Но почему именно в Стоунхендж?

— Потому что ты терпеть не можешь тематические парки. Ты всегда их ненавидел.

Я опустил голову в ладони.

— Стоунхендж — это не тематический парк! Вот «Путешествие по полкам» — это тематический парк. А Стоунхендж — это... объект. Памятник. Достопримечательность. Но никак не тематический парк! Я бы еще мог понять, если б ты думала, что я ненавижу друидов. Или каменные глыбы! Но... — И вдруг меня осенило. — А ведь ты устроила мне свидание, Ханна!

— И опять я не ожидала, что ты согласишься! Свидание с незнакомой девушкой, Дэнни! Которое устроила твоя бывшая подружка! За кого ты меня принимаешь? Или ты думал, что я, по твоему примеру, явлюсь в качестве третьего лишнего на твое свидание? Тебе просто следовало сказать «нет»!

Я промолчал. Я до сих пор с трудом верил в свое сча-стливое избавление, аж голова шла кругом. Я даже думать не хотел о том, что едва не купил авиабилет до Техаса, едва не навесил на себя еще один крупный долг. А все потому, что заикнулся на этом злыдне Провокаторе. Сейчас этот злыдень Провокатор сидел передо мной и совсем не был похож на злыдня. Я сам придумал для него мотив. Преувеличил его значение... Но почему? Захотелось еще более острых ощущений? Я стал выдумщиком. Все это произошло с моей подачи.

— Я принимал тебя за одного парня по имени Джейсон, — признался я Ханне — уверяю вас, впервые за весь период нашего знакомства. — Думал, это он Провокатор.

— Я не хотела себя так называть, — сказала Ханна. — Это была не моя идея.

Так, стоп.

— А чья? Себа?

Ханна пошла на попятную.

— Нет, я хотела сказать...

И тут на меня снизошло озарение.

— У тебя был сообщник, да? Ты это делала не в одиночку, верно?

— Нет, нет, я...

— Значит, это не рыба навела тебя на мысль! Впервые подозрения возникли вовсе не из-за рыбы! Ты все это специально придумала!

— Я беспокоилась за тебя! Я думала, что помогаю тебе!

— А футболка... футболка с надписью «Просто скажи «нет»..», я получил ее как раз в тот момент, когда уже начал жалеть, что не могу говорить «нет»... Удобно, да?

— Мы пытались помочь. Мы оба пытались тебе помочь...

— «Оба»? От кого ты получала информацию?

Но Ханне не нужно было ничего объяснять. Ответ я уже знал.

— От... о Господи... от Иана, да?

Уткнувшись взглядом в стол, Ханна молча кивнула.

Предательство!

Иан меня предал!

— Он сказал, что хочет остановить тебя, — стала объяснять Ханна. — Мы считали, что это наша вина. Ты превращался в психа, Дэнни. Иан сказал, мы должны вынудить тебя отказаться от своей новой привычки. Он считал, что тебя нужно заставить сказать «нет», что это очень важно.

У меня глаза полезли из орбит.

— Он считал, что меня важно заставить сказать «нет»?! Еще бы! Ведь тогда он мог бы меня наказать! Он только этого и ждал!

— Наказать? Нет... он хотел помочь тебе.

У меня кружилась голова. И все это время я думал, что сражаюсь с неким злым, жестоким Провокатором, замыслившим погубить меня. Я возлагал вину на человека, которого едва знал, а на самом деле враг все время был рядом со мной. Два моих друга. Они сыграли со мной подлую шутку, считая, что помогают мне! Так, надо успокоиться. Может, Ханна и права. Может, я все это принимаю слишком близко к сердцу, придаю всему этому слишком большое значение. Может, я изначально вел себя неправильно. Может, все это была пустая трата времени во имя самопомощи...

— Прости, Дэнни... это ж была просто шутка...

— Но вы тем самым... обесценили все... Все мои усилия! — вскричал я.

— Я просто хотела немножко отомстить тебе за все твои глупые мальчишеские проекты, с которыми мне пришлось мириться, когда мы были вместе... И знаешь что? Я увлеклась... Для меня это стало своего рода глупым девчоночьим проектом. Укладываясь по ночам спать, я посмеивалась, представляя, как могу заставить тебя сделать все, что захочу! Прости, Дэн. Теперь я понимаю тебя. В твоих глупых мальчишеских проектах что-то есть.

Я посмотрел Ханне в глаза.

— С твоей стороны это сущее ребячество, — сказал я. — Слава Богу, я из этого вырос. Надеюсь, в один прекрасный день ты тоже повзрослеешь, как и я.

Я начал подниматься из-за стола.

— Куда ты? — спросила Ханна, глядя на меня.

— Не говори Иану про нашу встречу, — попросил я. — Я должен придумать для него подходящее наказание. Уверен, он нарушил правила, установленные «Манифестом Согласного»...

Неожиданно справа от меня кто-то громко кашлянул, специально привлекая к себе внимание, и я вспомнил то, что начисто позабыл.

— О Боже, прошу прощения. Ханна, это Пол. Мой новый друг. Я подвез его сюда. Мы с ним обычно мило беседуем.

Последние пятнадцать минут Пол сидел рядом и молчал, не зная, куда глаза девать от смущения. Поскольку я согласился выпить с ним, мне пришлось взять его с собой, но, сосредоточившись на разоблачении Ханны, я забыл его представить.

— Привет, Пол, — поздоровалась Ханна.

— Привет, Ханна, — ответил он.

Внезапно мне пришла в голову забавная мысль.

— Кстати... у Ханны есть собака, — сказал я. — Правда, Ханна?

— Э... да... — подтвердила она. — Пудель.

— Пудель? — Пол радостно хохотнул. — У меня есть что рассказать про пуделей...

И тут, к неописуемому ужасу Ханны, я оставил их наедине.

Я ехал по Лондону и смеялся. Казалось, у меня камень с души свалился. Больше меня никто не преследовал. Никто больше не мог мне помешать. Я разоблачил Провокатора. Согласный победил. Ханна наказана: я спустил на нее Пола. И Иан тоже поплатится за свое коварство — уж в этом вы не сомневайтесь. Правда, чуть позже. Когда я придумаю подходящее наказание. Такое, чтоб впредь ему неповадно было со мной шутки шутить и обманывать... Но не сегодня.

Сегодня мне нужно убрать квартиру к приезду Лиззи. Жить теперь будет гораздо проще.

Декабрь я переживу с легкостью.

ГЛАВА 24

В которой Дэниел доволен жизнью

Я был доволен.

Лиззи спала у меня дома.

Через несколько дней после того, как я одержал полную победу над Провокатором, я встретил ее, сонную и хрупкую, измученную 24-часовым перелетом, в аэропорту. Сейчас, заваривая чай на кухне, я услышал, как она проснулась. Я обернулся... и вот она стоит — всклокоченная сонная брюнетка.

— Привет, — сказала Лиззи.

С минуту мы просто улыбались друг другу.

— Чаю хочешь?

— Отказаться было бы невежливо, — ответила она. — В Англии от чая не отказываются.

Я вновь включил чайник, а Лиззи обвела взглядом комнату.

— Так здорово, что я снова здесь. А ты, вижу, прибрался к моему приезду.

— Нет. У меня всегда так. Всегда очень чисто.

— Мм-хмм, не сомневаюсь. И на столе всегда свежие цветы, да?

— Я проходил мимо цветочной палатки на Роуман-роуд, а цветочник кричал, что продает цветы по самым выгодным ценам, вот я и...

— Разумеется.

Улыбаясь, Лиззи медленно пошла по квартире, разглядывая мои полки с книгами. Пока она смотрела в окно на бегущие мимо поезда, я приготовил чай. Мне было радостно оттого, что она рядом.

— А это что? — спросила Лиззи, показывая на необычный пластиковый прибор в углу.

— Это, — с гордостью объяснил я, — пароочиститель новой марки. Убираться с его помощью восхитительно просто и просто восхитительно.

— Ты им пользовался?

— Дважды. Первый раз едва не обжегся. Второй раз, в общем-то, тоже.

Лиззи вскинула брови и продолжала делать обход. Взяла книгу, лежавшую на столе передней стороной обложки вниз, повертела ее в руках.

— Изучаешь фламандский язык?

— Да.

— Почему именно фламандский?

Я пожал плечами.

— Spreek du Engels! — весело сказал я.

На лице Лиззи отразилось восхищение.

— И что это означает?

— Это означает «Фламандский — сложный и загадочный язык».

— О!

На самом деле переводилась эта фраза как-то по-другому, но перевода я не знал.

Лиззи улыбнулась и спросила:

— Не возражаешь, если я приму душ?

— Сейчас дам полотенце.

Через двадцать минут, искупавшись, она вышла в гостиную, вытирая волосы. От нее пахло мятой. Выглядела она прелестно. И что-то несла в руке.

— А это что? — поинтересовалась она.

Это был помещенный в рамку диплом. Один из трех, что я повесил в ванной.

— Диплом медицинского работника со средним образованием, выданный мне Рочвильским университетом, — объяснил я.

— Рочвильский университет? А где находится Рочвиль?

Хороший вопрос. Понятия не имею.

— Неважно, — отвечал я с умным видом. А что мне оставалось, если я купил диплом через Интернет? —

Главное — теперь я квалифицированный медбрат с дипломом, который получил благодаря своему жизненному опыту и просмотру телепередач.

— Ты не перестаешь меня удивлять. А те другие на стене?

— Это мои грамоты. Одна — «За отличные успехи», вторая — «За выдающиеся достижения». Я хорошо учился. Наверное, был первым в классе.

— Почему ты не сказал мне, что у тебя есть диплом медицинского работника?

— Не люблю хвастать.

Лиззи пошла назад. Я подумал, что она хочет повесить диплом на место, но она остановилась и показала в конец коридора.

— Там есть что-то еще. В коридоре.

Я не знал, что она имеет в виду.

— Там висит твой портрет, на котором ты запечатлен с собакой.

— Ах, это.

— И?..

— Мм... ну, понимаешь...

Она смотрела на меня с недоумением.

Мне совершенно не хотелось рассказывать Лиззи про психотропную «бомбу для мозгов». У нее сложилось бы превратное впечатление обо мне. Но как еще объяснить?

Ура, придумал!

— Местная газета проводила конкурс под названием «Самое необычное животное», я в нем участвовал и в качестве приза получил свой портрет с моей собакой.

— Но у тебя нет собаки.

— Правильно. На самом деле я заявил Стюарта, своего кота, но художник перепутал.

— Но у тебя и кота нет.

— Нет, верно. Послушай... лучше давай не будем го-ворить про этот портрет.

Я видел, что мои слова приводят Лиззи в недоумение. Я шагнул к ней.

— И все же нам следует кое-что обсудить...

Вид у нее был озабоченный. У меня тоже.

— Похоже, ты настроен серьезно, — заметила она. — Если не хочешь, чтоб я здесь оставалась, ничего страшного, я могу...

— Нет! Нет, я не о том. О другом. Это имеет отношение непосредственно ко мне. И, думаю, лучше рассказать тебе сейчас, чем потом. Однажды я уже допустил подобную ошибку и не хочу ее повторять. Присядь, пожалуйста...

Пришло время все ей рассказать. Признаться во всем, сбросить камень с плеч. Открыть свою тайную сущность.

Лиззи села. И я стал объяснять. Поведал про все, что сделал. Рассказал все, с самого начала. Про моего попугайчика в автобусе, про «Манифест Согласного», про угрозы Иана наказать меня, про мою решимость преуспеть. Я рассказал ей про Джейсона и про Ханну с Себом, и про то, как ездил в Уэльс к псу-гипнотизеру в надежде, что тот избавит меня от тревог. Лиззи кивала, улыбалась, хмурилась, опять кивала и смотрела так, будто — несмотря ни на что — понимает меня. Поэтому я стал рассказывать дальше. Про то, как порой мне казалось, что я перегибаю палку, что все мои поступки бессмысленны, никчемны и глупы, и как в какой-то момент я поверил, будто меня направляет Майтрея, а потом понял, что я один несу ответственность за все случившееся, и что, когда я решил, что все, с меня хватит, произошло еще одно событие, побудившее меня не сходить с пути Согласного. А потом, на одном дыхании, я выложил ей все про Эдинбург — про то, как купил ей билет, чего никогда не решился бы сделать, если б не придерживался тактики согласия. И Лиззи опять молча кивнула, но на этот раз я не мог оценить ее реакцию, поэтому я продолжал гово-рить и поведал про то, как Иан с Ханной устроили заговор против меня и как я одержал над ними победу, и что теперь вот она, Лиззи, здесь, в Лондоне, передо мной, и что, возможно, если б я не согласился купить тот билет, а она не согласилась бы прилететь по нему, мы не были бы сейчас вместе... словом, я рассказал ей все. Или почти все. Утаил только про Кристен.

Лиззи молчала, переваривая услышанное.

Наконец она собралась с мыслями, протяжно выдохнула и произнесла:

— Слава Богу.

Честно сказать, я ждал несколько другой реакции.

— Ээ?..

— Надеюсь, «Чудесный увеличитель пениса», что я нашла у тебя в ванной, ты тоже приобрел из принципа согласия.

Я покраснел. Проклятье.

— Нет, — ответил я. — Это Иана.

Я был чертовски доволен, что рассказал Лиззи про свой эксперимент с «да».

Сейчас, во второй половине холодного зимнего дня, мы сидели в «Ройял-инн», и я продолжал открывать ей новые подробности последнего полугодия. Она полюбила Марка с моих слов и сказала, что тоже хочет, чтобы ее преследовали ящерицы на Пулау-Убине, и выразила удивление по поводу того, что я на корню зарубил свою кампанию «Гуси — за мир». Она, конечно, подшучивала надо мной — не без этого, — но в общем и целом моя идея ее заинтриговала. Идея с «да», разумеется, а не с гусями.

— Знаешь, хотела спросить... — произнесла она, пальцем прочертив на столе короткую линию. — То, что я приехала сюда, к тебе...

— Нет. Это с тактикой согласия никак не связано. На это я всегда сказал бы «да».

— Потому что, насколько я понимаю, билет в Эдинбург... правда, тогда было все по-другому, но теперь, если б я почувствовала, что ты...

— Нет, Лиззи. Честно.

— Вот и хорошо.

Но я не хотел, чтобы она думала, будто я предложил ей остановиться у меня только из вежливости.

— Seriously, — убеждал я. — Я никогда...

— Шш. Я верю тебе.

И по ее взгляду я понял, что она действительно мне верит.

Следующие несколько дней пролетели так же, как в Эдинбурге. Лиззи ходила на встречи, после я ее забирал, и мы гуляли по городу. В один из дней пообедали вместе с Ианом — он тогда впервые увидел таинственную Лиззи, — и она вела себя идеально: говорила то, что нужно, восклицала и смеялась, когда требовалось.

Иан раскололся и признал свою причастность к розыгрышу, едва я предъявил ему обвинение. Он попытался убедить меня, будто делал это для моей же пользы: якобы он боялся, что мне это надоест, что в любом случае было бы лучше, если б я изменил своему слову, и, вообще, поскольку пока я, фактически, не сказал «нет», значит, победа остается за мной. Я был строг с ним, но, если честно, в «Манифесте Согласного» ничего не говорилось про то, что он был не вправе подтверждать подозрения Ханны. Поэтому я сказал, что прощаю его. Но только — и вы уж меня не выдавайте — потому, что приготовил для него нечто особенное.

Как бы то ни было, после Лиззи угостила нас двоих мороженым и от души смеялась над шутками Иана. Думаю, она жалела его из-за всей этой истории с Чудесным увеличителем пениса.

— Потрясающая девушка, — сказал Иан, когда Лиззи отошла в уборную. Я кивнул соглашаясь с ним.

Все втроем мы сели в мой маленький автомобиль и поехали в кинотеатр возле Канэри-Уорф и, несмотря на протесты Иана, пошли посмотреть первый же фильм, который порекомендовал нам мужчина за кассовой стойкой. После мы сели в одном из пабов в Доклендсе, и Лиззи стала ругать Иана за то, что он радовался моим бедам и испытаниям, поощрял Ханну и держал в тайне свое наказание.

— Кстати, наказание остается в силе, — заявил Иан. — Пока ты выиграл только битву, а не войну. Ты еще можешь проиграть. И тогда я тебя накажу.

— Так в чем заключается твое наказание? — спросила Лиззи, наверное, уже в третий раз за вечер. — Прямо уж такой великий секрет! Ты должен ему сказать. Для него это будет хороший стимул.

— Никому я ничего не должен, — возразил Иан. — А наказание, уверяю, что надо.

— И что это за наказание? — не унималась Лиззи. — Не придумал ты никакого наказания. И даже мыслей никаких у тебя нет. Ты просто надеялся, что, помогая Провокатору, заставишь его оступиться!

— Ничего подобного. Наказание есть. Отменное. Но я ничего не скажу.

И тут у Лиззи возникла идея.

— Ты вправе наказать Дэнни только в том случае, если сам побываешь в шкуре Согласного... — сказала она. — Тогда ты будешь знать что почем и сумеешь придумать соответствующее наказание...

Я улыбнулся, догадавшись, к чему клонит Лиззи.

— Только тогда ты сумеешь придумать по-настоящему толковое наказание.

— Я же не дакаю на все подряд! — вскричал Иан. — Это он у нас Согласный! А я не трачу все свои деньги на покупку дипломов и снадобий через Интернет.

Мы с Лиззи заговорщицки переглянулись. Ибо мы точно знали, что он покупает через Интернет.

Но Лиззи продолжала очаровывать его, и в конце концов он согласился подкачать — до конца этого вечера. В итоге Иан угостил напитками трех парней за стойкой бара, послал SMS-сообщение весьма занудному коллеге, в котором написал, что согласен поужинать с ним завтра вечером, и мило побеседовал с блондинкой за соседним столиком. В какой-то момент нам пришлось спасать его от стоявшего в углу игрового автомата, ибо каждый раз,

как игра заканчивалась, на экране появлялась надпись: «Сыграешь еще раз?», причем мы заметили, что он в беде, только через сорок минут.

На следующее утро Лиззи поехала со мной в Бат, чтобы посмотреть город и познакомиться с моими родителями и котом Сэмми. А по возвращении в Лондон как-то в субботу после обеда — это был дождливый день — я повел ее есть куриный дансак в «Мадрасской долине», а потом несколько часов мы провели на Грей-Портленд-стрит, где она сидела и хохотала вместе со мной и несколькими сотнями моих очень близких друзей.

Мы... становились чем-то друг для друга. Я и она. Хотя нет, не так. Мы уже стали парой. И это было здорово. И грустно.

Как-то, ближе к вечеру, она вернулась домой с небольшим подарком.

— Я нашла это в метро. Подумала, что тебе, возможно, понравится.

Это был рекламный листок. Я прочел верхнюю строчку.

— «Тим Миллер приглашает в студию художественной самодеятельности для мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации».

— Для геев это шанс выразить себя посредством ак-терской игры и танца, — объяснила Лиззи. — Я знаю, что ты не гей, но ведь это приглашение, и потом, думаю, ты, наверное, любишь танцевать, да?

Я рассмеялся. Лиззи оценила мое увлечение. Она не считает, что я занимаюсь глупостями.

— Да и вообще, я решила, что мне тоже надо попробовать, — добавила она.

— Что попробовать? Выразить себя посредством ак-терской игры и танца?

— Нет. Говорить «да». Поэтому я пошла в турбюро и спросила, где, на их взгляд, можно неплохо провести вечер пятницы. Они порекомендовали Прагу. И я купила для нас два билета.

— Что?

— Купила нам два билета в Прагу. Что скажешь? Хочешь провести со мной в Праге вечер пятницы?

— Ты... ну и ну... — Впервые я получал столь удивительный подарок от девушки. Даже не думал, что они на такое способны. Я нашел родственную душу — девушку, которой нравится соглашаться! Я хотел сказать ей,

что она великолепна, что все это великолепно, что поездка в Прагу — это великолепно... но мне удалось выдать из себя только «...Да!»

Это было невероятное путешествие. Спонтанное, беззаботное, стремительное и веселое. Мы вылетели в Прагу после обеда, ближе к вечеру, и уже в девять часов гуляли по Староместской площади. Этот декабрьский вечер был очень студеным, но бодрящим и свежим, и мы купили горячий шоколад, чтобы согреть руки. Потом ходили смотреть собор Св. Николая и целовались на Карловом мосту. А едва пробило десять, мы оба непроизвольно задрали головы вверх, ибо в атмосфере — мы это почувствовали — что-то менялось. Поначалу я затруднялся определить, что нас побудило глянуть на небо, а потом увидели, что в воздухе медленно и плавно кружат снежинки. Мы рассмеялись, но в смехе Лиззи слышалось что-то особенное. И я вдруг понял, что она впервые видит снег. Здесь. Сейчас. Я был поражен. Она сказала «да», и «да» сделало ей подарок.

Вы уж простите мне мою восторженность, но это было чудо.

В день отъезда Лиззи ни мне, ни ей не хотелось говорить о будущем. И мы оба старательно избегали этой темы.

Мы изумительно провели вместе две недели. Одну — в Эдинбурге. Вторую — теперь, в Лондоне. На этом я и пытался сосредоточиться.

Я проснулся рано и смотрел, как она спит. Я был спокоен, и в то же время мной владела некая смутная тревога. Я понимал, что она уезжает. И также знал, что во мне самом что-то должно измениться.

Пока Лиззи заказывала такси в аэропорт, я приготовил завтрак. Закончив собирать вещи, она пришла в гостиную, где я тихо сидел с пакетом сока в руке.

— Я приготовила для тебя одно «да», — промолвила она.

— Как это?

— Хочу сделать тебе предложение, на которое ты должен согласиться.

— Что за предложение?

Лиззи улыбнулась.

— Как ты смотришь на то, чтобы поехать в Австралию на Рождество? Познакомишься там со всеми моими. Встретишь Новый год. Со мной.

Я не знал, что сказать. Идея была заманчивая. Но у меня вдруг стало тяжело на сердце. Конечно, формально сделать это было несложно. Я мог бы спокойно договориться с родителями и билет бы как-нибудь купил и провел бы Рождество в стране, в которой я прежде никогда не бывал. Но правильно ли это? Ведь это не просто «да». Это «Да» с большой буквы. Потому что в итоге оно наверняка причинит мне боль.

— Послушай... Допустим, я приеду. А что потом?

— Потом? Ну... поживем-увидим.

Да. Увидим. Но я и сейчас уже мог бы предсказать ход событий. Потом я вернусь домой, в Лондон. И буду здесь, один. Опять сам по себе. Окажусь в той же самой ситуации, что и год назад. Перечеркну все свои труды. Рискнув подойти к Лиззи еще ближе, я обреку себя на крупнейшее поражение в своей жизни. И меня это страшило.

— Ну, если не можешь поехать на Рождество, — настаивала она, — тогда прилетай в январе. Или в феврале.

— В январе я перехожу на новую работу, — ответил я сухо, хотя, разумеется, ни в коей мере не хотел бы оттолкнуть Лиззи. — И уже не смогу жить только в свое удовольствие. Мне придется отойти от всего этого. Стать более ответственным. Принимать разумные решения. И вообще, не думаю, что мне так скоро предоставят отпуск, дабы я смог прилететь к тебе в Австралию.

— А-а. Понятно. Значит... теперь или никогда, так?

Я пожал плечами и уткнулся взглядом в свои ноги. Чувствовал я себя ужасно.

Поймите: я хотел поехать. Очень хотел. Но... не мог.

Если я позволю себе надеяться, что мы с ней можем быть вместе, что у нас есть будущее, что расстояние не имеет значения... тогда я неминуемо загоню себя в ловушку, из которой нет выхода. Ведь мы не можем быть вместе, и, если не разрубить узел сейчас, я пропал. Лиззи была частью моей жизни. Согласно, а этот период моей жизни почти на исходе. Попытаться продолжать наши отношения на следующем этапе было бы несправедливо. Иногда приходится принимать решения, чтобы защитить себя. Иногда приходится жертвовать ступней, чтобы сохранить всю ногу.

— Не могу... — произнес я и вдруг понял, что мог бы привести в свое оправдание еще один предлог. Предлог, который сразу все расставит на свои места. — Дело в том... в общем, недавно я встретил девушку. И... не знаю, может, у нас ничего и не выйдет, но... по крайней мере, она в Англии, и...

Лиззи кивнула. Я понимал, что глубоко ранил ее, и ненавидел себя за это.

— Так что спасибо, Лиззи, — добавил я, избегая ее взгляда, — но принять твое предложение я не могу.

Она тронула меня за плечо и сказала, что все понимает.

— Жаль, что свое первое «нет» ты сказал мне. — Я грустно улыбнулся.

Через час я отнес ее багаж в такси, и она уехала.

ГЛАВА 25

**В которой Дэниел делает ужасное признание,
копается в своей душе и наконец-то соглашается
с тем, что потерпел поражение**

Через два дня, вечером, мы с Ианом сидели в пабе «Йоркшир грей». Он был расстроен отъездом Лиззи почти так же, как я. Во всяком случае, он расстроился куда меньше, когда я сообщил ему, что завершаю свой эксперимент с «да». Что я больше не даю. Что я сказал «нет».

— Даже не верится, — произнес он, качая головой. — Ну почему в жизни всегда так?

Я кивнул, хотя, говоря по чести, его сетования меня немного раздражали. Я хотел, чтобы Иан посочувствовал мне, а не сопереживал вместе со мной.

— Она вдохнула жизнь в твой дом, да? — не унимался он. — Удивительная девушка. И веселая. И простая. А акцент у нее какой — кайф!

От его нытья мне легче не становилось, но я опять кивнул.

— Ну... за Лиззи...

Он поднял свой бокал и глотнул пива. Несколько минут мы сидели в молчании.

— Я ведь поступил правильно, да? — спросил я.

— Абсолютно. Даже не сомневайся. Ты поступил очень правильно.

— Я говорю про Австралию. То, что я отказался ехать туда.

— Да. Правильно. Не сомневайся. Напомни-ка мне еще раз, почему ты отказался?

— Потому что рано или поздно нам все равно пришлось бы опять расстаться. Так лучше рано, чем поздно: все не так больно. Порой приходится жертвовать ступней, чтобы сохранить ногу. Тем более что она живет в Австралии. Ты только представь! В Австралии! Это в два раза дальше, чем Сингапур!

— А-а. Тогда конечно. Ты поступил очень правильно. Нельзя же каждые выходные летать в Австралию только потому, что там живет твоя возлюбленная.

Возлюбленная. Впервые кто-то назвал Лиззи моей возлюбленной.

— Хотя, знаешь... еще не поздно, — добавил Иан. — Формально ты все еще мог бы поехать. И тогда твое «нет» не в счет. Ты ни от чего не отказывался. А значит, ты по-прежнему в игре.

— Иан...

— Нет, ты прав. И впрямь лучше пожертвовать ступней, чем потерять всю ногу. Риск — это не самое страшное в жизни. Помнится, ты говорил, что «порой самое опасное — вообще не рисковать». А я тогда думал: «Нет уж, дудки. А что же гребля на байдарках?» Ты правильно делаешь, что не рискуешь. Лучше не рисковать и жить спокойно, чем потом сожалеть о содеянном.

— Да. Ибо я не просто бы согласился поехать в Австралию, верно? Возможно, я тем самым обрек бы себя на мучительные страдания. Это уже, наверное, был бы Уровень 7. Что для меня абсолютно неприемлемо.

— Да. Абсолютно неприемлемо. Но, знаешь... пока еще возможно. То есть я хочу сказать, твое «нет» не в счет, пока ты поступком не подтвердил свой отказ. А ты пока еще не поехал в Австралию. Твой отказ Лиззи пока еще на стадии «может быть». Это твое «нет» еще может превратиться в «да» — в зависимости от того, как будут развиваться события. Ведь пока на все остальное ты отвечал согласием...

И тут, словно по сигналу, к нашему столику неожиданно подошла официантка.

— Привет, мальчики, — сказала она, забирая пустые бокалы. — Еще по пинте?

Иан улыбнулся, но потом увидел выражение моего лица и вытаращил глаза.

Я смотрел на него. Он знал, что должно произойти. Я открыл рот, собираясь заговорить. Он вскинул руку, пытаясь остановить меня... пытаясь помешать мне сказать:

— Нет, спасибо.

Официантка удалилась, а Иан в гневе набросился на меня:

— Идиот, придурок! Ты все испортил! Махом перечеркнул все свои труды! Ты мог бы победить! Еще мог бы отправиться в Австралию! Ан нет, Дэни у нас больше не хочет пить пиво, а то, что Дэни не хочет, Дэни не берет. Столько усилий, Дэн! И все впустую!

— Неправда, — возразил я. — Ты не прав. Не спорю, я проиграл. Но ты только посмотри, сколько всего со мной произошло. Я стал другим человеком. Энергичным, полным сил. Я опять живу на полную катушку.

— На полную катушку? Ты вернулся к тому, с чего на-чал. Сидишь в пабе, со мной. Лиззи у тебя больше нет, ты по уши в долгах и готов приступить к работе, которая, как мне кажется, тебе совсем не по душе.

— Мне нравится эта работа. «Да» благоволит ко мне. Я делаю успехи, расту.

— А Кристен? Какое место в своей жизни ты отводишь Кристен? Ты ведь не можешь заставить себя чувствовать к ней то же, что и к Лиззи. Ведь она просто случайная знакомая, с которой тебе довелось переспать...

Я посмотрел Иану в глаза.

И до него постепенно начало доходить.

— О Боже... так, значит, ты с ней не спал, да?

Я не выдержал и отвел взгляд.

— Не спал, да? Ты отказался! Ты уже один раз сказал «нет»! Да это же издевательство! Обман! Сначала ты отказал девушке, теперь отказался от пива! Ты не просто нарушил правила «Манифеста Согласного»! Ты

нарушил закон!

Иан всплеснул руками и резко откинулся на стуле. Минут десять-пятнадцать он вообще ничего не говорил. Пошел и купил себе пива — впервые за все годы нашей дружбы только себе (в конце концов, я ведь отказался). Может, это и есть его наказание.

Увы, моя радость была преждевременна.

— Приходи сюда в четверг вечером, — сказал он. — Для... наказания.

Иан осушил свой бокал и ушел.

Знаю. Извините. Мне следовало вам сказать. Но я бо-ялся, что вы начнете меня презирать. Сочтете меня неудачником. В отношении Кристен я не сделал ничего такого, чего не должен был делать. И именно потому я не хотел говорить об этом. Конечно, прими я ее предложение, я был бы сдержан, избавил бы вас от красочных подробностей, — но, по крайней мере, для меня это было бы еще одно фантастическое событие в весьма необычный период моей жизни.

Но я не смог согласиться. И ничего не произошло. Для меня это было табу.

Мне казалось, если я не стану вспоминать тот случай, он забудется сам собой. Как будто ничего и не было. И мне никогда не придется напоминать себе, что я потерпел неудачу. Поэтому я хранил молчание: ничего не писал в дневнике, ничего никому не говорил — даже себе. Ответ я согласиел Кристен, это было бы уже слишком. На такое я не мог пойти. Не мог, и все. Это отразилось бы не только на мне. Это отразилось бы и на самой Кристен, а также, возможно, и на Лизи, — если б мне вдруг представился шанс еще раз увидеть ее.

Но, как это ни смешно, мой отказ лишь подхлестнул меня: я стал еще чаще говорить «да». Лишь тогда я по-настоящему окунулся в борьбу, вознамерившись во что бы то ни стало реабилитировать себя в собственных глазах.

Поэтому я и рванул в Барселону, а потом, когда опять начал вспоминать, нашел способ заставить себя пойти дальше — и полетел в Сингапур. Я не мог просто так, случайно, натолкнуться на ту рекламу... очевидно, подсознательно я искал нечто подобное...

В общем, вот такие дела. Иан был прав. Я отказал девушке и отказался от пинты пива. Если б в подростковом возрасте я знал, что когда-нибудь мне придется сделать и то, и другое, меня это привело бы в ужас.

Я сошел с пути согласия. Я проиграл, и Иану о том известно. Я даже представить не мог, что это произойдет таким вот образом. Неудачу я вообще не рассматривал как вариант. В конце концов, разве так уж трудно говорить «да»? Я рассчитывал, что благополучно продакаю до Нового года, а потом, стоя вместе с друзьями под небом, в котором сверкают фейерверки, провозглашу свое право вновь говорить «нет».

Но сегодня небо было темным и унылым. В нем ничто не сверкало. Только луна проглядывала сквозь облака, да иногда мелькал пассажирский самолет, летящий Бог весть куда.

Конечно, Иан был прав. Порой приходится отвечать отказом. Теперь я и сам это знал, причем лучше, чем кто-либо другой. Слово «нет» — неотъемлемая часть нашего повседневного существования, зря я отказывал себе в этом удовольствии. С другой стороны, дакать было забавно, и на пути согласия я узнал много нового. Да к тому же наверняка я не один такой чудик, верно? Разумеется. По всему миру, прямо сейчас, в эту минуту, люди принимают решения. Миллионы говорят «да» своим друзьям, новым впечатлениям. Говорят «да» самим себе. А другие миллионы говорят «нет». Отказываются от возможностей, обедняют свою жизнь.

Может, и мне стоит последовать их примеру. Некоторое время пожить, как они. Вновь начать говорить «нет». Посидеть дома. Отдохнуть. Может, мне это пойдет на пользу. Я истощен — физически и душевно.

Я вернулся домой, в свою квартиру, и нашел свой дневник. Я не делал в нем новых записей с тех пор, как уехала Лиззи. Пожалуй, пришло время заполнить пробелы. Вести дневник интересно. Мы уверены, что описываем собственные впечатления. Что мы уникальны, что наш опыт тоже уникален. Но каждая наша мысль, каждая произнесенная фраза, каждая новая идея или новое впечатление, вызывающие у нас удивление и восторг, каждое событие, что мы запомнили, каждая история, которую мы услышали или сами рассказали или в которой участвовали... все это уже было раньше. Где-то, как-то, когда-то кто-то уже имел опыт, подобный нашему, а мы о том даже не догадываемся.

Возможно, есть и другие дневники, подобные моему. Возможно, есть люди, пережившие то же, что и я.

Я вошел в Интернет, но не стал проверять свою электронную почту и читать новости, а напрямик вывел на экран поисковую программу Google и, сам не понимая, зачем это делаю, напечатал в строке запроса фразу «Жаль, что я не сказал "нет"», а потом щелкнул по окошку «Найти».

Я ожидал, что на мой запрос программа выдаст миллион результатов поиска. Не тутто было. Несколько корпоративных сайтов и страничек делового содержания — это все, что я получил. Видимо, сожаления — не ходкий товар. Зато мне пришло много ссылок, которые в Интернете можно найти, только если искать специально. Интернет мне открылся своей интимной стороной. Человеческой. Это было как раз то, что я искал.

Я нашел блоги, дневники, записи из книг для посе-тителей и интервью со знаменитостями. Особенно меня заинтересовали блоги. Там содержались сокровенные мысли. Записи, сделанные в Талсе, Пекеме или Москве, людьми, которые стремились поделиться чем-то личным, сокровенным с незримым миром. Записи, предназначенные для людей, которых они никогда не знали. Своеобразный способ проявить храбрость и рассказать миру обо всех аспектах своего повседневного существования — о скучном, бессмысленном и значительном.

В тот вечер я прочитал десятки страниц, пытаюсь найти в них Бог знает что. Совет? Рекомендации? А нашел то, что и следовало ожидать. Сетования людей, сожалеющих о том, что они сказали «да» вместо «нет».

Некая девушка из Оклахомы сожалела о том, что она согласилась пойти на вечеринку с неким Райаном, потому что тот в итоге отправился туда с некоей Стейси.

Парень из Франции сожалел, что согласился поиграть в баскетбол в тот вечер, ибо он в результате повредил запястье и теперь не мог нормально печатать.

Некий Кен сожалел, что он согласился летом взять с собой на соколиную охоту неопытных сокольников, поскольку ему «пришлось за них краснеть».

И записей подобного содержания было очень, очень много...

«Сегодня, в субботу, я у своей тети. Жаль, что согласился прийти к ней, потому что она намерена всю ночь играть в рамми110, а я хочу смотреть шоу "Поп-идол"111».

«В эти выходные согласился присмотреть за псом Джона и Кэрл. Жаль, что не отказался. От него несет д****м».

«Жалею, что не сказала "нет". Он явился в стеганом чехле для чайника, который взял у своей тети. Сказал, что в нем он похож на адмирала».

Как ни странно я не сочувствовал этим бедолагам: они ныли по пустякам. Жалости заслуживали наркоманы, автомобилисты, севшие за руль в нетрезвом состоянии, и люди, допустившие серьезные ошибки или поступившие однозначно плохо, то есть совершившие поступки, которые они изначально даже не должны были рассматривать как возможный вариант. А потом я нашел нечто другое. И сделал, на мой взгляд, нечто очень важное. В поисковой строке я напечатал: «Жаль, что я не сказал "да"».

На мой запрос программа выдала 85 ссылок.

Я стал их читать.

И поначалу все эти жалобы, на мой взгляд, тоже не заслуживали внимания.

«Жаль, что я не сказал "да", когда он предложил мне разделить расходы пополам. Пришлось заплатить сорок фунтов, а ужин-то был хреновый».

«Жаль, что я не сказал "да", потому что тогда, по крайней мере, мне не пришлось бы почти всю дорогу идти пешком под дождем».

Но потом все чаще и чаще мне стали встречаться более серьезные случаи. Конечно, были люди, которые жалели, что не согласились на что-то, но это вызвало у них лишь мимолетную досаду. Были люди, которые раз или два рвали на себе волосы или, возможно, раздраженно качали головами, когда какое-то неприятное воспоминание нарушало покой их безмятежного существования. Люди, которые провели несколько бессонных часов из-за того, что по беспечности сказали «нет»...

Но были и такие, кто... страдал.

Они страдали из-за того, что потеряли что-то... из-за того, что не ведали, что могло бы произойти... из-за того, что поняли: порой возможность стучит в твои двери только раз... из-за того, что теперь знали, к чему привело их «нет», и слишком поздно сообразили, к чему могло бы привести «да».

Они страдали не обязательно из-за того, что сказали «нет»... а из-за того, что не сказали «да».

«Сегодня мы отдали «Плеймобил»112. Если б я откладывал по пенсу каждый раз, когда Гарри просил меня поиграть с ним, скопил бы целое состояние. Жаль, что я не соглашался. Теперь он стал старше и больше не просит папу поиграть с ним. Мне этого так не хватает».

«Казалось бы, так легко ответить "Да! Да!". И почему я не сказал этих слов? Не знаю, даже сегодня. Жаль, что я не согласился».

«Никогда не смогу объяснить, как я жалею о том, что не сказал "да", ибо тогда, по крайней мере, мы имели бы то, что имели, и могли бы держать его в своих объятиях до тех пор, пока он не ушел. Жаль, что я не сказал "да"».

«Я скучаю по ней, очень скучаю. Жаль, что я не ответил ей согласием, ибо теперь мне так ее не хватает».

«Жаль, что я отвечала отказом каждый раз, когда он хотел, чтобы его обняли. Но я всегда была занята, а теперь я просто не могу...»

Я не был знаком с этими людьми. Не знал, как они живут, что у них произошло, почему они столь горько сожалеют о том, что не ответили на что-то согласием. Для меня это были просто голоса в темноте. Но я слышал

в них грусть.

Возможно, я неверно истолковывал смысл того, что читал, но мне вдруг стало ясно, что порой не ответить согласием на что-то, что может обернуться огромным благом, во стократ хуже, чем согласиться на что-то, что могло бы привести к дурным последствиям.

Конечно, нужно учитывать обстоятельства, но внезапно я также понял, что в обоих случаях один результат неизбежен, и этот результат — сожаление. Хотя, наверное, сожаление по поводу того, что ты сделал что-то, и сожаление по поводу того, что ты чего-то не сделал, — это два разных вида сожаления. И различие между ними — ...печаль.

Допустим, вы сделали что-то ужасно глупое, глупее не придумаешь... но, по крайней мере, вы это уже сделали. Совершили. Назад хода нет. Мы учимся на своих ошибках, потом успокаиваемся и продолжаем жить дальше. Но гораздо труднее извлечь урок из того, что не произошло. Гораздо труднее оправиться от того, что не известно и не поддается определению, от того, что могло бы стать лучшим событием в твоей жизни, — если б только ты не поддавался страху и, затаив дыхание, рискнул. Если б только ты сказал «да».

Если б только...

Если б я поехал к Лиззи, но у нас с ней ничего бы не вышло, сожалел бы я об этом своем поступке так же горько, как и в том случае, если б вообще к ней не поехал? Что лучше: знать или не знать?

И вдруг я решил: все, с меня хватит. И выключил компьютер. Глупец, думал я. Я поступил правильно. Это было единственно приемлемое решение. Это не кино. Это — моя жизнь. В душе я — как, быть может, и вы — надеялся, что в процессе чтения этих беспорядочных записей, сделанных незнакомыми людьми, которые делятся своими переживаниями, своим горем, во мне что-то переломится... ия пойму, что не хочу уподобляться им, не хочу сожалеть, как они, что еще не поздно, еще не все потеряно...

Но во мне ничего не щелкнуло.

Я просто думал, что на свете есть люди, которые спо-собны меня понять, которые точно знают, что я чувствую. И в настоящий момент большего мне и не надо.

Утром следующего дня я уничтожу свои кредитные карты, схожу к парикмахеру, который избавит меня от «рыбки» и вернет мне мой прежний облик. Я постараюсь как можно выгоднее продать свой автомобиль. Я вновь стану таким, каким был, дабы стать таким, каким хотел бы быть.

Скоро пятница. У меня еще в запасе два дня, чтобы настроиться на встречу с Ианом. И какое бы наказание он мне ни уготовил, я выполню его пожелания с улыбкой на лице. Хочешь, чтоб я бегал по пабу в синих трусах? Ладно. Хочешь, чтоб я нарядился пиратом и три недели называл себя мистером Гавнюковичем? Идет. Я сделаю все, что он потребует. Еще раз, всего на один только вечер, я стану парнем, который просто не может сказать «нет».

Итак, я вернулся на накатанную колею. Сходил в супермаркет. Взял на прокат несколько DVD-дисков, начал думать о том, чем я буду заниматься на Би-би-си в январе. Играл в компьютерные игры, заменил батарейки во всех пультах, починил сломанную ручку. Сидел дома и смотрел телевизор. Лиззи оставила сообщение, сказав, что она долетела нормально и желает мне счастливого Рождества. Я ей не перезвонил.

И вот, когда я уже решил, что надеяться не на что, что моя жизнь более или менее налажена, я получил открытку.

И та открытка, друзья мои, изменила все.

ГЛАВА 26

В которой происходит нечто удивительное

Наступил четверг — час расплаты.

Я ехал по Лондону к пабу «Йоркшир грей» на Лэнгем-стрит, где меня уже ждал Иан.

Я припарковался у паба, прикрепил на ветровое стекло карточку «СВЯЩЕННИК ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ» и вошел в пивную. Иан сидел за небольшим столиком у камина. Увидев меня, он улыбнулся. Еще бы. Сволочь. Этой минуты он ждал с самого лета и теперь готовился излить на меня вдвое больше яда, ведь я солгал ему про свидание с Кристен.

Я держал в руке свой дневник — результат моего почти полугодового упорного даканья, свидетельство моей решимости свято следовать по пути Согласия. Но этот же самый документ подтверждал, что я, увы, не справился с поставленной задачей. Я сел за столик и увидел, что Иан тоже что-то принес. Длинный красный конверт, на котором было выведено «Наказание».

— Это и есть твое наказание? — спросил я, хотя уточнять, пожалуй, не было необходимости.

— Да. Причем отменное. Тебе понравится, Дэнни. Я всю голову сломал, пока его придумал. И так прикидывал, и эдак.

Иан улыбнулся.

— Ты продержался дольше, чем я ожидал, — продолжал он. — Хотя жаль, что не дотянул до конца. Но уговор есть уговор. И, как мы выяснили, ты трижды нарушил слово, в среднем примерно по одному разу каждые два месяца. Результат — не очень.

Правда, Иан почему-то не учел, что все три моих отказа пришли на последние полтора месяца. И также очень кстати позабыл про то, какую роль он сам сыграл в подлом заговоре против меня.

А я, к счастью, не забыл.

И я ему отомщу. Но не сегодня.

— Итак... учитываем те случаи, когда ты ответил отказом.

— Нет, постой. А что же те случаи, когда я ответил со-гласием? — напомнил я.

Иан поразмыслил над моим замечанием и театрально махнул рукой, требуя объяснений. Я почувствовал себя рабом, которого допустили пред очи могущественного повелителя.

— Ну... видишь ли... я очень старался на все отвечать согласием. Буквально на все. И вот что я понял: «Да» — могучее слово. Слово, позволяющее почувствовать себя свободной личностью, открыть свою душу и летать как ветер. Это слово...

— О Боже. Заткнись, приятель. Да. Это — слово. Но беда в том, что это слово ты отказался произнести три раза. Ты отказался от пива. Отказал девушке. Отказался лететь в Австралию. И теперь, властью данной мне «Манифестом Согласного», я...

— Ты еще не все знаешь.

Иан опустил голову в ладони.

— Если мне придется переписывать наказание... — произнес он. — В чем дело? Что еще ты мне не сказал?

— Ну, вообще-то ты не совсем прав. Не спорю, пару раз я не сдержал слово, и формально получается, что я проиграл, но...

— Ну-ну, пошло-поехало. — Иан всплеснул руками. — Пытаешься найти лазейку, да? Придумал отговорку в последний момент. Это нечестно. Ты сказал «нет». И точка. Ты проиграл.

— Не придирайся к словам, — урезонил я его. — Я проиграл. Я не на все ответил согласием. Но я ответил отказом только два раза. Не сдержал слово только дважды.

Иан подозрительно посмотрел на меня.

— Ты был у Кристен. То-то мне показалось, что вид у тебя уставший...

— Нет. Вид у меня уставший потому, что я полночи паковал чемодан.

— Паковал чемодан?

— Я улетаю в Австралию. К Лиззи. Посмотрю, как все сложится. Хочу рискнуть. Я сказал «да».

— Что-о?

— Вылетаю сегодня вечером. Буду там на Рождество. Боюсь, тебе с твоим изощренным наказанием придется подождать до моего возвращения.

— Но это блестящее наказание! — воскликнул Иан, протягивая мне свой красный конверт. В его глазах сквозило отчаяние. — Ты не вправе так со мной поступить! Я же столько сил на это потратил!

— Мне пора.

Я начал подниматься из-за стола. Иан с мольбой смотрел на меня.

— Но... почему ты передумал?

Я взял свой дневник, открыл разворот с последними записями.

Там лежала открытка — роскошная, великолепная открытка, — пришедшая по почте всего два дня назад, утром. Я положил ее на стол и пододвинул Иану.

— Прочти, — сказал я.

Пока Иан читал, я наблюдал за ним.

— Надо же... Ну и ну, — произнес он, возвращая мне открытку.

Я убрал ее в дневник, вышел из паба, сел в машину и поехал в аэропорт. Но напоследок мне нужно было сделать еще одно дело.

Я взял телефон и набрал номер Уэга.

— Уэг?

— Привет, Дэн.

— Ты где?

— В Италии.

— Прекрасно. Отлично. Слушай, тебе это, наверное, покажется странным... но я бы хотел попросить тебя об одной услуге.

Я сидел в самолете, на высоте многих тысяч футов над землей, и думал о том, что я сделал. Я решился на риск, но совершенно не жалел об этом. Лиззи обрадовалась, когда я позвонил. Я спросил, остается ли в силе ее предложение, и извинился за свое поведение в последний день ее пребывания в Лондоне. Как и Иан, она поинтересовалась, почему я передумал, какое событие заставило меня найти единственную кредитную карту, которую я не порезал — ту самую, что я приберег «на крайний случай» — и забронировать билет на ближайший рейс до Мельбурна.

Я открыл свой дневник и взял открытку — потрепанную, измятую, испачканную открытку, посланную мне аж из Таиланда.

Дэнни!

Как дела? Пишет тебе Джейсон. Мы с тобой встречались некоторое время назад на вечеринке Тома в Ливерпуле. Прости, что тогда вел себя, как идиот, — наверное, перебрал лишнего. Через несколько дней я понял, что и в самом деле хочу отправиться в путешествие вместе с братом. Работа совсем заела, аж выть

хотелось, — не знаю, понял ли ты это. В общем, сейчас мы здесь, в Таиланде, потом еще куда-нибудь двинем. Отдыхаем замечательно. Том дал мне твой адрес, сказал, что ты хотел бы со мной поболтать. Я буду дома через несколько месяцев. Может, давай тогда и встретимся? Как ты на это смотришь? Мой новый адрес электронной почты — *****@hotmail.com. Или позвони мне по телефону 07***** *** ***. Все мне пора, пляж зовет...

Джейс.

Я улыбнулся. Джейсон сказал «да».

Я понятия не имел, что его побудило бросить работу и заняться тем, что сделало его счастливым. Было ли это как-то связано со мной? По большому счету, маловероятно. И все же в глубине души я надеялся, что именно встреча со мной повлияла на его решение.

Поразительно, как несколько слов, произнесенных человеком, которого ты едва знаешь, могут изменить твою жизнь. Конечно, некоторые сочли бы, что это вме-шательство свыше. Что Майтрея, возможно, все-таки существует и что это его деяние. Но я знал наверняка, что незнакомый человек способен повлиять на твою судьбу тысячами разных способов — высказать новую идею, со-ображение... или предложение. На меня оказал влияние Попутчик в автобусе; на Джейсона, возможно, Незнамец на вечеринке. И не исключено, что в эту минуту где-то на тайландском пляже он рассказывает местной девушке (на которой, мне хочется верить, он однажды женится) о том вечере, когда он встретил этого своего

Незнакомца, произнесшего слова, которые побудили его отказаться от прежнего образа жизни.

Конечно, более вероятно, что сейчас он напивается где-нибудь на тайландском пляже, но мне все равно хочется думать о приятном.

Дело в том, что даканье — не бесцельное занятие. В нем заложен глубокий смысл. Следуя принципу согласия, люди меняют свою жизнь, становятся свободными личностями. Такие люди, как я или Джейсон. А может, даже вы. Принцип согласия пробуждает дух риска, авантюризма. И порой маленькие возможности, представляющиеся нам каждый день, оказывают на нас наибольшее воздействие.

И вот теперь, сонный и помятый, я летел над океаном в пассажирском авиалайнере, устремляясь навстречу новым возможностям.

Это и есть настоящая жизнь.

Я прислонился головой к окну и мгновенно уснул.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА СОГЛАСНОГО: 4

26 декабря

Я в Австралии уже целых три дня.

Все...

Великолепно.

Лиззи встретила меня в аэропорту, поприветствовала улыбкой и поцелуем.

Рождество с ее семьей мы отмечали на открытом воздухе: ели барбекю, пили пиво с ее многочисленными родными и двоюродными сестрами и братьями, жарились на тридцатиградусной жаре. Я уважаю международные культурные стереотипы, и посему барбекю я называю по-австралийски «барби» и жожу в шляпе с подвешенными к полям пробками, которую одолжил у кого-то. И что удивительно, хоть я и не могу похвастать загаром и раз-витой мускулатурой, я прекрасно вписался в местное общество. Австралия — страна «рыбок»! Наконец-то я оказался среди себе подобных — среди людей, близких мне по духу.

Лиззи только что приготовила мне чай. Она заботится обо мне. Я делаю вид, будто никак не могу прийти в себя после длительного перелета. Так мне перепадает гораздо больше чая.

28 декабря

Сегодня утром Лиззи разбудила меня и сказала, что мы едем на экскурсию в ее маленьком красном «ниссане». Мы двинулись в направлении местечка под названием Гленрован. Цель поездки Лиззи сообщить отказалась. Три часа мы добирались до места, а когда приехали, я увидел только грунтовую дорогу, несколько пыльных деревянных строений и бородатого старика в выцветшей голубой одежде из дешевого индийского хлопка. Бороду он отращивал, наверное, с 1800-х годов.

Лиззи вышла из машины и спросила у него:

— Где Нед?

— Здесь, за углом, — хрипло ответил старик непри-ветливым тоном, большим пальцем показав направо.

Я попытался выяснить у Лиззи, кто такой Нед, но она, приложив палец к губам, поманила меня за собой.

И вот взору моему открылось нечто невообразимое. Гигантский Нед Келли! С ружьем в руке и ведром на голо-ве, он высился до самого неба. Статуя-громадина! Первая Громадина в моей жизни! Высотой, должно быть, футов сто! Статуя подлинного австралийского героя, с любовью воссозданного из бетона и блеклого гипса. Что ж... да, это не Большая креветка... но зрелище все равно потрясающее.

Мы, наверное, целую вечность стояли, глядя на величие Неда. Даже воздух вокруг него наполнился благоговением. За это я еще больше полюбил Лиззи.

По возвращении домой я сел, взял карту Австралии и принялся ручкой чертить на ней самый

сногшибательный туристический маршрут, составляя план грандиозного путешествия по легендарным местам. Я планировал посмотреть Большую скалу, Большого омара, Большую корову и Большую устрицу. Вместе с Лиззи. Я решил, что мы поедem в ее крошечном красном автомобиле, и это путешествие займет у нас несколько месяцев.

29 декабря

Карта куда-то таинственным образом исчезла.

Очень странно. Лиззи, как мне показалось, была шокирована не меньше меня. Некоторые сочли бы, что в ее взгляде, обращенном ко мне, сквозит чувство вины, но я точно знаю, что это искреннее разочарование.

31 декабря

Канун Нового года.

Вот и пролетел еще один год.

В эту ночь я перестану быть Согласным. Предполагалось, что Новый год я буду встречать в пабе с Ианом, — либо торжествуя победу, либо покорно принимая наказание. А оказалось, что я здесь, на другом конце света — потому что неожиданно для себя самого решил сказать самое важное «да» в своей жизни. И я счастлив.

Счастлив оттого, что приехал сюда. Таким счастливым я еще никогда не был.

Мельбурн озаряли фейерверки. Мы стояли на площади Федерации, слушали, как играют оркестры, пили из бутылок воду и ждали наступления полуночи. Вокруг нас счастливые австралийцы обнимались, качали головами и хором ликующих возгласов встречали очередной грохот салюта, взвивавшегося у нас над головами.

Мы с Лиззи обнялись. В какой-то момент она посмотрела на меня и сказала что-то вроде «мы ведь можем сделать так, чтобы у нас все получилось, да?», а я глянул на часы, увидел, что уже четыре минуты первого, и осознал, что впервые за многие месяцы я могу ответить так, как мне заблагорассудится — без оглядки, без сожалений. Могу сказать все, что хочу.

Я повернулся к Лиззи.

И сказал:

-Да!

ЭПИЛОГ 1

В которой Иан получает по заслугам

>Кому: Дэнни

>От кого: Иан

>Тема: Помоги!

Дорогой Дэнни!

За последние сорок восемь часов мне на домашний телефон позвонили более ста человек. Все — чокнутые итальянцы, разыскивающие какого-то Чарли. Одна настырная девчонка, едва я снял трубку, с минуту просто кричала на меня.

Разумеется, я поступил так, как поступил бы всякий разумный человек: включил автоответчик. К сожалению, я забыл, что в тексте, который я наговорил на автоответчике, указан номер моего мобильного телефона, и, соответственно, проснувшись сегодня утром, обнаружил 32 сэмски и 40 речевых сообщений, в одном из которых содержались одни лишь вопли, длившиеся целых полторы минуты.

Насколько я понимаю, это не случайное совпадение.

Сволочь ты.

Твой бывший друг, теперь жалеющий, что мало помогал Провокатору.

Иан.

PS. Не скучай в Австралии.

ЭПИЛОГ 2

В которой наконец-то мы должны попрощаться

Вот и вся история.

Очень необычная история очень короткого слова.

Я в полной мере сознаю, что, по сути, как Согласный я не состоялся. И очень сожалею об этом. Надеюсь, вы не чувствуете себя обманутыми. Надеюсь также, вы согласитесь, что в итоге я вовсе не проиграл. И еще

надеюсь, что, возможно, сегодня, или завтра, или даже на следующей неделе вы решитесь ответить согласием на что-то, на что обычно сказали бы «нет».

И пусть это будет не психотропная бомба «для мозгов» или детина в пабе, которому показалось, что вы пялитесь на его девушку, или путешествие на маленькие острова в Юго-Восточной Азии. Пусть это будут пустяки. Например, не откажитесь выпить с кем-нибудь после работы. Скажите «да» другу. Скажите «да» незнакомому человеку. Скажите «да» самому себе. И вы приятно удивитесь, когда поймете, к чему это может привести.

Что касается других новостей, я охотно введу вас в курс дела, если у вас есть время.

Того своего попутчика в автобусе я так и не отыскал. И, на мой взгляд, это даже хорошо. А может, и впрямь Майтрея ходит по улицам, проявляя заботу о каждом из нас. Наверняка лучше не знать. Хотя, конечно, теперь, завидев незнакомое мужчине с бородой, я пристально вглядываюсь в его лицо, что, в принципе, в один прекрасный день может навлечь на меня неприятности.

Через несколько месяцев после того, как я улетел домой из Австралии, Джейсон вернулся из Таиланда, и мы встретились с ним в Ливерпуле, посидели, попили пива. Он выглядел гораздо более счастливым человеком, чем в нашу предыдущую встречу. Как выяснилось, он тоже был в Мельбурне на Новый год, хотя в то время ни я, ни он не знали, что находимся в одном и том же городе. Вы только представьте, если бы однажды вечером в лондонском метро не произошла авария, ни я, ни Джейсон, возможно, не оказались бы там, на площади Федерации, где гремели салюты в честь наступления Нового года. Странно, да? Монах Самтен, вероятно, решил бы, что это неизбежное стечение обстоятельств. Марк заметил бы, что случайных совпадений не бывает. Как знать, что сказал бы на это Гипнопес? Решайте сами.

Как оказалось, Иан проявил не ахти какую изобретательность, придумывая мне наказание. По возвращении он вручил мне свой хваленый красный конверт. Я вскрыл его и прочитал: «Отправляйся в Австралию». Судя по всему, он вознамерился во что бы то ни стало свести меня с Лиззи, даже вопреки моей собственной воле. Я решил, что с его стороны это был благородный жест, и сказал ему об этом. Он покраснел, обозвал меня придурком и буркнул, что он отправил меня в Австралию только потому, что «туда в прежние времена в наказание ссылали преступников». А потом позвонил его телефон, и он побежал отвечать на звонок.

Кстати, если вам любопытно, сообщаю, что мы с Лиззи по-прежнему вместе. Правда, на самом деле ее зовут не Лиззи. Когда я решил написать книгу о том, что со мной произошло, она сказала, что хочет фигурировать в ней под именем Лиззи, ибо ей всегда хотелось, чтобы ее так звали. Лиззи — ее второе имя, но этим именем ее никто никогда не называл, и раз уж ей суждено стать героиней моего романа, она предпочитает, чтобы в нем я называл ее Лиззи. Очень даже в духе Лиззи.

Как бы то ни было, через несколько месяцев после Нового года Лиззи нашла работу в Лондоне и вскоре переехала в Англию. Сейчас она стоит у меня за спиной и смотрит, как я печатаю. И передает вам привет.

По ее настоятельной просьбе сообщаю, что через несколько месяцев после того, как она перебралась в Лондон, я решил, что пора и мне сделать ей предложение. Важное предложение.

Она ответила согласием.

Дэнни выражает благодарность

Иану, Ханне, Уэгу и Лиззи, Джейку Лингвуду и всем сотрудникам издательства «ЕБегу», Саймону Треуину, Софи Лоримор, Яго Ирвину и всем сотрудникам литературного агентства «PFD», Райану Фишеру-Харбиджу и всем сотрудникам издательства «Simon & Schuster», Дэниелу Гринбергу, Саре Бенни, Стайну Смето, Ди Райли, Клэр Кингстон, Дону Бернетту и Ханне Телфер, Бобу Гланвиллу, доктору Франку Коттреллу Бойсу (жалеющему, что он не швейцарец), Майку Гейлу (за то, что он Майк Гейл), Хауи и Лиз из «UTA», Эндрю Коллинзу, Эспену Тарнесвику, До-минанту Джоли, Марку Герингу, звукооператору Рики и его коллеге Джеффу, Джонатану Дейвису, Карлу Пил-кингтону (не умирай), Полу Льюису (который, я обязан указать в силу причин юридического характера, не был за-мечен в хулиганстве с 1995 года), Завьеру Макмаону и его семье, наглецу Кирану Харту, Гарету Джонсу, Дэну Глу и всем сотрудникам телекомпании «Кактус» (спасибо, что дали мне шанс), Дейзи Гейтс, Лайзе Томас и всем сотрудникам агентства «Kagushi», Ли Филлипсу и компании «LeafStorm», Джеймсу из фирмы «Two Associates», Чарли, Мэтту и Джеймсу из музыкальной группы «Busted» (!), всем прекрасным людям, с которыми я чудесно проводил время по пятницам, преподобному Самтену Келсангу и всем монахам из замечательного центра имени Лозанга Драгпы, гипнотизеру Хью Леннону и псу-гипнотизеру Мерфи, Арлин (за вонтоны), солдатикку Дину, Иану Крит-чли, Мивануи Мур, Грэму Смиту, Джону Пиджену и всем сотрудникам Би-би-си (самой лучшей компании на свете).

Особую благодарность выражаю маме, папе и Грете Элизабет Макмаон. Все вместе они оказали мне неоценимую поддержку.

Примечания

1 «Ивнинг стандарт» (Evening standard) — ежедневная лондонская вечерняя газета консервативного направления; основана в 1827 г. — Здесь и далее прим. перев.

2. Центральная линия (лондонского метро) — соединяет Сити с северо-восточными пригородами.

3. «Жители Ист-Энда» («East Enders») — популярный многосерийный телевизионный фильм о жителях лондонского Ист-Энда; передается Би-би-си 1 с 1985 г.
4. Лайонел Ричи — американский поп-певец.
5. «Досонз-Крик» («Dawson's Creek») — американский сериал для подростков.
6. «Гардиан» (The Guardian) — ежедневная газета либерального направления; основана в 1821 г.; с 1961 г. выходит одновременно в Манчестере и Лондоне.
7. «Сан» (The Sun) — ежедневная газета бульварного толка; издается в Лондоне; выходит с 1964 г. вместо газеты «Дейли геральд».
8. «Миррор» (Daily Mirror) — ежедневная газета консервативного направления; основана в 1896 г.; с 1917 г. малоформатная газета.
9. Нед Келли — главарь шайки Келли, знаменитой в прошлом банды грабителей, уводившей скот и ограбившей в 1878—1879 гг. несколько банков. Члены ее погибли в июне 1880 г., а сам Нед Келли был арестован и повешен в Мельбурне 11 ноября 1880 г. Члены шайки и особенно ее главарь — герои многочисленных австралийских народных баллад и легенд.
10. «Игрок в кости» — роман Люка Райнхарта (автоним — Джордж Кокхрофт), герой которого принимает решения на основе того, как лягут кости. Опубликован в 1971 г.
11. «Бутс» — фармацевтическая компания; выпускает и продает через широкую сеть собственных аптек и магазинов аптекарские товары, предметы личной гигиены и косметики, а также некоторые предметы домашнего обихода. Основана в 1888 г.
12. Николас Парсонс (р. 1923) — популярный английский актер-комик, ведущий радио-и телепрограмм.
13. «Гуны» — группа актеров-комиков, выступавших на радио в 1960-е гг.; отличалась своеобразным юмором на грани абсурда (букв, дуралеи; название по персонажу популярного комикса).
14. Оксфорд-стрит — одна из главных торговых улиц в центральной части Лондона.
15. Пиккадили-серкус — площадь в центральной части Лондона со знаменитой статуей Эроса; одна из главных достопримечательностей столицы.
16. Лестер-сквер — площадь в Уэст-Энде; в центре площади разбит сквер; на площади и вблизи нее много кинотеатров, театров и ресторанов; в старину была излюбленным местом для дуэлей.
17. «Мессенджер» — компьютерная программа.
18. Майтрея — грядущий Будда.
19. Мистер Спок — персонаж научно-фантастического фильма «Звездный путь» (более правильный перевод «Star Trek» — «Космическое путешествие»).
20. Сью Поллард — английская комедийная актриса.
21. Блэкпул — один из наиболее популярных приморских курортов Великобритании, где часто проводятся конференции политических партий и профсоюзов.
22. «Твистер» — настольная игра; представляет собой игровое поле с разноцветными обручами и рулеткой. По указаниям рулетки игроки встают рукой или ногой на кружок определенного цвета. Поставленную на кружок руку или ногу нельзя сдвигать до следующего хода. Нарушивший это правило выбывает из игры.
23. Джонни, Вон — англ. актер, сценарист; род. в 1966 г.
24. Делия Смит — ведущая кулинарных шоу на англ. телевидении и автор книг о кулинарном искусстве.
25. Энт и Дек — ведущие программы «Я — знаменитость...» на англ. телевидении.
26. Дин, Джеймс (1931 — 1955) — американский актер, кумир молодежи 50-х годов.
27. «Сторожевой пес» (Watchdog) — телепрограмма Би-би-си.
28. Самоса — вид пирожка с начинкой (блюдо южноазиатской кухни).
29. Клэр Суини (род. в 1971 г.) — популярная английская актриса, певица, телеведущая.
30. Наан — вид лепешки, подается к блюдам карри.
31. «Шреддед Уит» (Shredded Wheat — «Пшеничные жгутики») — фирменное название батончиков из спрессованной тонкой крученой пшеничной соломки.
32. Форест-хилл — район в Лондоне.
33. Четвертый канал — вторая после Независимого телевидения коммерческая телевизионная компания; является подконтрольной компанией Комиссии по независимому телевидению; отводит много места в программе учебным и экспериментальным передачам. Создана в 1982 г.
34. Саймон и Гарфункель — популярный эстрадный дуэт конца 1950-х — начала 1970-х гг. Пол Саймон (род. 1942 г.) — англ. композитор, автор и исполнитель эстрадных песен. Арт Гарфункель (род. 1941 г.) — амер. эстрадный певец и киноактер.
35. «Реактивная публика» — узкий круг богатых путешественников (летающих на реактивных самолетах на феешенебельные курорты и т. п.), избранные, элита.
36. Ньиве керк — Новая церковь.
37. «Теско» (Tesco) — название фирменных продовольственных магазинов самообслуживания и универсамов одноименной компании.
38. «Хэппи Шоппер» (Happy Shopper) — фирменное название серии недорогих ценных продуктов и товаров производства одноименной компании.
39. «Вагамама» — ресторан японской кухни в Лондоне.
40. Гомофобия — страх перед проявлением гомосексуализма.

41. «Волшебная стена» — композиция британской рок-группы «Оазис».
42. Джонатан Дейвис — солист группы «Корн».
43. Марти Макфлай — герой фильма «Назад в будущее».
44. «Ист-Лондон эдвертайзер» («Рекламный вестник Восточного Лондона») — газета в Лондоне.
45. Джет Ли (род. 26.04.1963) — китайский киноактер, мастер ушу.
46. Сьюзан Джорджия Поллард (род. 7 ноября 1949 г.) — английская комедийная актриса.
47. «Холби Сити» — английский сериал про больницу.
48. Камбрия — графство на северо-западе Англии на границе с Шотландией; на территории графства находится Озерный край.
49. Трубридж — административный центр графства Уилтшир.
50. Майкл Найт — герой американского сериала «Рыцарь дорог», одинокий воин в мире беззакония и несправедливости. Его напарник — Китт, неуязвимый автомобиль, оснащенный по последнему слову техники.
51. Трамптон — город в одноименном мультипликационном телешоу для детей производства Би-би-си (1967).
52. Безумные гонки — телевизионный мультсериал студии «Ханна Барбера».
53. Кеннингтон — рабочий район Лондона на южном берегу Темзы.
54. Инопланетянин — персонаж одноименного фильма С. Спилберга (1982).
55. Чакра — в индуизме и теософии один из шести кругов или центров энергии в человеческом теле.
56. «Золотой мальчик» — персонаж американского фильма (1986) «Золотой ребенок» с участием Эдди Мерфи.
57. Имеется в виду популярная песня 90-х гг. в исполнении Джоан Осборн.
58. Ворзель Гаммидж — огородное пугало со сменными головами (для размышлений, для еды и т. д.), персонаж детской телепередачи, поставленной по мотивам книг английской писательницы Барбары Юфан Тодд (1890-1976).
59. Риджент-стрит — одна из главных торговых улиц в центральной части Лондона.
60. Эдинбургский фестиваль — ежегодный международный музыкальный и театральный фестиваль в г. Эдинбурге. Проводится в августе-сентябре с 1947 г.
61. Стоунхендж — один из самых больших и известных в мире кромлехов (доисторическое сооружение, предположительно относящееся к неолиту или бронзовому веку; состоит из каменных глыб в виде круглых или квадратных оград; служило для ритуальных церемоний и погребений); сооружен в 1900—1600 гг. до н.э.; расположен близ города Солсбери (графство Уилтшир).
62. Поппадом — одно из названий индийской лепешки, традиционного блюда южно-азиатской кухни.
63. Мастер — уст. титулование мальчика на письме, ставится перед именем.
64. «Скотсмен» — ежедневная газета консервативного направления; широко освещает вопросы, касающиеся Шотландии; издается в Эдинбурге. Основана в 1817 г.
65. Ройял-Майл (Королевская Миля) — название главной улицы г. Эдинбурга, ведет от Эдинбургского замка к королевской резиденции Холирудхаус; длина улицы приблизительно равна миле.
66. Ноубл, Росс — англ. комедийный актер.
67. Бхангра — традиционный народный танец в Индии и Пакистане.
68. «Оксфорд-ревью» — студенческая комедийная труппа.
69. Адам Хиллз (род. в 1970 г.) — австралийский комик.
70. Лекс Лютер — персонаж фильма «Супермен», антипод Супермена.
71. Принсез-стрит — одна из главных улиц Эдинбурга, на которой расположены фешенебельные магазины, рестораны и т. п.
72. Кэнонгейт-толбут — в прошлом тюрьма (Эдинбургская темница).
73. Фетгес-Колледж — привилегированная частная средняя школа совместного обучения в г. Эдинбурге.
74. Рамзи-гарденз — студенческий квартал.
75. Шагги и Скуби — персонажи американского мультсериала «Ску-би-Ду» о приключениях четырех подростков, расследующих преступления, и питомце Шагги — Скуби-Ду.
76. «Космическая Одиссея 2001 года» — культовый фильм режиссера Стэнли Кубрика.
77. Хаггис — бараний рубец, начиненный потрохами и специями (шотландское блюдо).
78. Ранкин, Иан — современный английский писатель, автор книги «Инспектор Ребус».
79. stushie (англ. сленг) — скандал, шум, буза; bampot (англ. сленг) — сумасшедший, псих; weeje (англ. сленг) — житель Глазго; youze (англ. сленг) — толпа, кагал.
80. baggack (австрал. сленг) — болеть за определенную спортивную команду; doodle (австрал. сленг) — кретин; пенис.
81. Трон Артура — один из холмов в Холируд-парке (высота — 251 м).
82. Файф — бывшее графство, расположенное на востоке центральной Шотландии, между заливами Ферт-оф-Форт и Ферт-оф-Тей.
83. «Блюстители веса» (WeightWatchers) — международная компания (созд. в 1963 г.), предлагающая различные товары и услуги, способствующие похудению. Имеет свои филиалы в 30 странах мира.
84. Дэмиен Райс (род. в 1973 г.) — ирландский музыкант (композитор, вокалист, гитарист).
85. Темная сторона Силы — одна из важнейших концепций сюжета киносаги «Звездные войны».

86. Дарт Вайдер — в амер. фантастических фильмах серии «Звездные войны» (с 1977) космический злодей, властелин Империи Зла и строитель Звезды Смерти. Вместо лица у него непроницаемая черная маска.
87. Грэм Нортон — популярный английский телеведущий.
88. Тони Хоке — современный англ. писатель, комедийный актер, музыкант и ведущий многих шоу на радио и телевидении в Великобритании.
89. Вонтоны — китайские жареные пельмени; употребляются отдельно или в составе супов.
90. Снукер — популярная в Великобритании разновидность бильярдной игры.
91. Дэвид Блейн — американский иллюзионист.
92. Джедай — во вселенной «Звездных войн» адепт ордена рыцарей-миротворцев, обладающих Силой. Их отличают определенный уклад жизни, воинские традиции и свой кодекс чести. Основной атрибут дже-дая — световой меч.
93. Штурмовики — солдаты Империи в первой трилогии «Звездных войн».
94. Ричард Клайдерман (род. 1953 г.) — французский пианист, создатель «нового романтического» стиля фортепианной игры; репертуар сочетает классику и поп-музыку.
95. Томми Купер (1921 —1984) — английский комик.
96. Карфилли — торговый город в графстве Мид-Гламорган на юге Уэльса, в 10 км к северо-западу от Кардиффа.
97. Дон Эстелла (1933 — 2003) — британский актер и певец.
98. «Райбина» — фирменное название витаминизированного напитка из черной смородины.
99. Территориальная армия — резерв первой очереди сухопутных войск, состоявший из укомплектованных частей. Был организован в 1920 г. В 1967 г. реорганизован в территориальный армейский добровольческий резерв.
100. Камден — часть Большого Лондона.
101. Лозанг Драгпа (1367 - 1419) — великий ученый, основатель традиции гелуг в тибетском буддизме.
102. Hola, hombre (исп.) — Привет, парень.
103. Слово изобретено автором, состоит из двух слов Whopper (фирменный бутерброд «Бергер Кинг») и паппадам (индийская лепешка).
104. Рафлс, Томас Стамфорд (1781 - 1826) — британский колониальный деятель, основатель Сингапура.
105. Мерлион — статуя с головой льва и туловищем рыбы на гребне волны, символ Сингапура.
106. Дэвид Айк — бывший спикер партии зеленых. В начале 1990-х гг. внезапно объявил, что миром правит «Вавилонское братство», состоящее из рептилий, и написал на эту тему свыше 20 книг.
107. Кларк Джозеф Джером Кент — вымышленный персонаж, созданный Джо Шустером и Джерри Сигелом; Супермен.
108. ПССО — письмо с обоснованием отказа.
109. Сара Брайтмен (род. в 1960 г. в Англии) — англ. певица (сопрано), исполнительница классической и популярной музыки, звезда Бродвея.
110. Рамми — карточная игра.
111. «Поп-идол» — англ. телешоу, аналог российской «Фабрики звезд».
112. «Плеймобил» — разные виды игровых наборов-конструкторов одноименной немецкой фирмы.